

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**№ 2
МАРТ–АПРЕЛЬ**

2022

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор В.С. Мирзеханов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**ОддАрне Вестад (США), А.Б. Давидсон (Россия), Штефан Карнер (Австрия),
Элен Каррер д'Анкосс (Франция), Николаус Катцер (Германия), Доминик Ливен
(Великобритания), Г.Ф. Матвеев (Россия), В.С. Мясников (Россия), В.В. Наумкин (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), А.О. Чубарьян (Россия)**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Йорг Баберовски (Германия), Л.С. Белоусов (Россия), Д.М. Бондаренко (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), Владислав Зубок (Великобритания), Суви Кансикас (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), М.А. Липкин (Россия), Леонид Люкс (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), Мари-Пьер Рей (Франция),
Дональд Рейли (США), Л.П. Репина (Россия), И.М. Савельева (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), В.В. Согрин (Россия), Грегори Фриз (США), Б.Л. Хавкин (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), Франтишек Штеллнер (Чехия)**

Ответственный секретарь И.А. Фадеев

---

*Адрес редакции: 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru*

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 2
MARCH–APRIL

2022

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY:
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL COUNCIL

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Hélène Carrère d'Encausse (France), **Nikolaus Katzer** (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A

Web-site: <http://nni.jes.su>

e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ**ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ**

- Фриз Г., Токарева Е.С., Жданова Е.С.** Ватикан во Второй мировой войне: динамика и новые направления в западной историографии 5
- Борисенок Е.Ю.** Укратиофильство П.Е. Шелеста в интерпретации современной украинской историографии 24

НОВОЕ ВРЕМЯ

- Стерхов Д.В.** Ганноверский вопрос во внешней политике Пруссии в начале XIX века (1801–1806 годы) 38
- Белоусов М.С.** Иностранцы наблюдатели российского политического кризиса: кейс междуцарствия 1825 года 48

XX век

- Дамье В.В.** Исабело де лос Рейес и начало рабочего движения на Филиппинах 69
- Оськин М.В.** Румынская миссия генерала Бертело (1916–1917 годы): сотрудничество и разногласия с русским командованием Румынского фронта 83
- Пылев А.И.** Туркестанская политическая эмиграция: ее влияние на внешнюю политику Турции и советско-турецкие отношения 20-х годов XX века 97
- Надточей Ю.И., Христенко Д.Н.** Воздействие войн в Корее и Вьетнаме на внешний и внутренний политический курс США 108

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Филиппов Д.А.** Истоки современной дипломатической стратегии Японии в Восточной Азии: 2001–2012 годы 119
- Сидоров А.С.** Франция в поисках точки опоры в Ливии после Каддафи 132

ПУБЛИКАЦИИ

- Петрова М.С.** Дмитрий Герасимов и его последователи о местоимении 145

СООБЩЕНИЯ

- Алентьева Т.В.** Мэри Тодд Линкольн в Белом доме: испытание властью 170
- Таньшина Н.П.** Мария Дмитриевна Нессельроде: жена канцлера Российской империи 180

РЕЦЕНЗИИ

- Аракчеев В.А.** Проблемы исследования фискально-милитаризованного государства в современной историографии (З.В. Дмитриева, С.А. Козлов. Налоги и войны в России XVI–XVIII вв. СПб., 2020) 200
- Еремин В.С.** От компромисса к непримиримости: Наполеон и Пий VII (А.А. Caiani. To Kidnap a Pope. Napoleon and Pius VII. New Haven; London, 2021) 205
- Мамонтова Е.А.** Советский Союз и Югославия в первые годы Второй мировой войны. Страхи, надежды и попытки сотрудничества (А. Животич. Югославско-советские отношения. 1939–1941 / пер. с сербского П.Е. Зеновской, М.М. Василькиной. М., 2019) 211
- Филатова И.И.** Прошлое – в нынешнем (А.Б. Давидсон. Наше неушедшее время. М., 2021) ... 213

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Бобкова М.С., Яковлев М.Е.** Международная научная конференция «Универсум Жана Бодена» 217
- Шэнь Чжихуа** (Китай). Внутренние причины разрушения китайско-советских отношений 220

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

- Freeze G., Tokareva E.S., Zhdanova E.S.** The Vatican in World War II: Dynamics and New Directions in Western Historiography..... 5
- Borisenok E.Yu.** The Ukrainophilism of P.E. Shelest in the Interpretation of Modern Ukrainian Historiography 24

MODERN HISTORY

- Sterkhov D.V.** The Hanoverian Question and Prussian Foreign Policy in the Early Nineteenth Century (1801–1806)..... 38
- Belousov M.S.** Foreign Observers of the Russian Political Crisis: The Case of the Interregnum of 1825 48

20th CENTURY

- Damier V.V.** Isabelo de los Reyes and the Beginning of the Labour Movement in the Philippines 69
- Oskin M.V.** The Romanian Mission of General Berthelot (1916–1917): Cooperation and Disagreements with the Russian Command of the Romanian Front 83
- Pylev A.I.** The Turkestan Political Émigré Community: Its Influence on the Foreign Policy of the Turkish Republic and the Soviet-Turkish Relations in the 1920s 97
- Nadtochey Y.I., Khristenko D.N.** The Impact of the Korean and Vietnam Wars on US Foreign and Domestic Polity 108

CONTEMPORARY HISTORY

- Filippov D.A.** The Origins of Japan’s Contemporary Diplomatic Strategy in East Asia: 2001–2012 119
- Sidorov A.S.** France in Search of a Foothold in Post-Gaddafi Libya 132

ANALYSING ORIGINAL DOCUMENTS

- Petrova M.S.** Dmitry Gerasimov and his Followers on the Pronoun 145

MESSAGES

- Alentieva T.V.** Mary Todd Lincoln in the White House: A Trial by Power 170
- Tanshina N.P.** Maria Dmitrievna Nesselrode: Wife of the Chancellor of the Russian Empire..... 180

REVIEWS

- Arakcheev V.A.** Problems of the Study of the Fiscal-Militarised State in Modern Historiography (Z.V. Dmitrieva, S.A. Kozlov. Taxes and Wars in Russia of the 16th–18th centuries. Saint-Petersburg, 2020)..... 200
- Eremin V.S.** From Compromise to Intransigence: Napoleon and Pius VII (A.A. Caiani. To Kidnap a Pope. Napoleon and Pius VII. New Haven; London, 2021)..... 205
- Mamontova E.A.** The Soviet Union and Yugoslavia in the Early Years of the Second World War: Fears, Hopes, and Attempts at Cooperation (A. Zhivotich. Yugoslav-Soviet Relations. 1939–1941 / translated from Serbian by P.E. Zenovskaya, M.M. Vasilkina. Moscow, 2019)..... 211
- Filatova I.I.** The Past in the Present (A.B. Davidson. Our Time that Never Passed. Moscow, 2021) 213

ACADEMIC LIFE

- Bobkova M.S., Yakovlev M.E.** International Conference “The Universum of Jean Baudin” 217
- Shen Zhihua (China).** The Internal Causes of the Collapse of Sino-Soviet Relations 220

DOI: 10.31857/S013038640018552-5

© 2022 г. Г. ФРИЗ, Е.С. ТОКАРЕВА, Е.С. ЖДАНОВА

ВАТИКАН ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ДИНАМИКА И НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Фриз Григори Ли — профессор российской истории Брандейского университета (Уалтам, Массачусетс, США).

E-mail: freeze@brandeis.edu

Scopus Author ID: 56167023000; ORCID: 0000-0003-2831-336X; Researcher ID: AAV-1601-2020

Токарева Евгения Сергеевна — доктор исторически наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории (Москва, Россия).

E-mail: estokareva@yandex.ru

Scopus Author ID: 57190089895; ORCID: 0000-0002-5652-2348; Researcher ID: AAQ-4754-2020

Жданова Екатерина Сергеевна — специалист по учебно-методической работе, лаборатория теоретико-методологических проблем исторического образования, исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: nacht1993@mail.ru

Scopus Author ID: 57291710300; ORCID: 0000-0001-5678-2927

Статья подготовлена в рамках проекта «Entangled Histories: Россия и Ватикан, 1917–1958 гг.», поддержанного Российским научным фондом (No. 19-18-00482).

Аннотация. Статья посвящена историографии понтификата папы Пия XII, особенно его деятельности в период Второй мировой войны. Обвинения в адрес папы в том, что он не предал публичному осуждению преступлений фашизма и нацизма, появились в советской историографии уже вскоре после окончания войны и были лишь в слабой степени подхвачены радикальной историографией в европейских странах. Одновременно в историографии возникает апологетическая тенденция. Ситуация резко изменилась после выхода в свет и постановки пьесы немецкого драматурга Р. Хоххута «Наместник», где папа был обвинен в молчании перед лицом преступлений нацистов. Это положило начало критическому направлению в историографии. Острые дискуссии представителей критического и апологетического направлений получили в историографии название «война Пия». Новый импульс критическому направлению придали различные политические события, такие как планы беатификации Пия XII, провозглашение Пия XII преподобным и т.д. Вместе с тем введение в научный оборот новых архивных документов (в частности, открытие в ватиканских архивах фондов Пия XI и Пия XII) привело к значительному расширению источниковой базы. Если раньше в центре внимания находилась фигура самого понтифика, теперь все больший интерес ученых стали вызывать другие лица в ватиканской

иерархии. Исследования также показали необходимость историзации, более активного изучения и включения политики Святого Престола в годы войны в исторический контекст. Все это служит более взвешенной и объективной оценке данной проблематики со стороны историков и политологов.

Ключевые слова: Пий XII, Ватикан, Святой Престол, Вторая мировая война, католическая церковь, холокост, современная историография.

G. Freeze, E.S. Tokareva, E.S. Zhdanova

The Vatican in World War II: Dynamics and New Directions in Western Historiography

Gregory Freeze, Brandeis University (Waltham, Massachusetts, USA).

E-mail: freeze@brandeis.edu

Scopus Author ID: 56167023000; ORCID: 0000-0003-2831-336X; Researcher ID: AAV-1601-2020

Eugenia Tokareva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: estokareva@yandex.ru

Scopus Author ID: 57190089895; ORCID: 0000-0002-5652-2348; Researcher ID: AAQ-4754-2020

Yekaterina Zdanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: nacht1993@mail.ru

Scopus Author ID: 57291710300; ORCID: 0000-0001-5678-2927

This article is part of a project supported by the Russian Science Foundation (No. 19-18-00482), “Entangled Histories: Russia and the Holy See, 1917–1958”.

Abstract. The article examines the historiography of the pontificate of Pope Pius XII, especially the phase that fell during the Second World War. Accusations that the Pope had not publicly condemned the crimes of Fascism and Nazism emerged in Soviet historiography shortly after the war and were faintly echoed by radical historiography in European countries. At the same time, an apologetic trend emerged in the historiography. The situation changed dramatically with the publication and production of the play *Der Stellvertreter. Ein christliches Trauerspiel* (*The Deputy, A Christian Tragedy* also published in English as *The Representative*) by the German playwright Rolf Hochhuth, in which the Pope is accused of remaining silent in the face of the Nazi crimes. It marked the beginning of a critical trend in the historiography, with a heated debate between the critical and apologetic ‘schools’ that has been termed the “Pius War”. The revival of the critical movement has usually been associated with various politicised events such as the beatification process of Pius XII at the turn of the twentieth and twenty-first centuries, and a new step in that direction in 2009, namely the declaration of Pius XII venerable by Pope Benedict XVI, etc. At the same time, the introduction of new archival documents into scholarly discourse (in particular, the opening for academic examination of the collections of Pius XI and Pius XII in the Vatican Archives) has led to an enormous expansion and diversification of the source base. Studies have also demonstrated the need for a more active exploration and contextualisation of the policies of the Holy See during the war years. All this contributes to a more balanced and objective appraisal of these matters on the part of historians and political scientists.

Keywords: Pius XII, Vatican, Holy See, World War II, Catholic Church, Holocaust, modern historiography.

The scholarship on the Vatican's role in World War II has been as contentious as it has been prolific. Partly because of its purported relationship to Nazi Germany, partly because of its response to the Holocaust and other atrocities, the Holy See – and especially Pope Pius XII – became a focal point of controversy immediately after his death in 1958. The initial debate generated two distinct parties and so much acrimony that this phase in the early 1960s has been aptly named the “Pius War”. The public debate dropped off in the 1970s–1990s, but resumed with a vengeance in the late 1990s, with a second “Pius War” in the early 2000s. In the aftermath the public debate between “pro” and “anti” Pius parties was still underway but has since given way to a “non-party” school seeking to explain rather than to indict or exculpate. The intellectual level of these debates has steadily risen, as researchers gained greater access to the “Secret Archive” of the Vatican for the papacy of Pius XI and expanded the use of church, state, and private holdings across the globe. To be sure, language barriers have prevented both the universal use of these sources and the dissemination of scholarly works¹. Nevertheless, the level of scholarly discourse has risen significantly. This paper will provide an overview of that debate, the argumentation and evidence that they advance, and the impact of the recent access to the archives from the papacy of Pius XII.

Pius War I

Prior to his death on 9 October 1958, Pius XII (Eugenio Pacelli) had enjoyed a highly favorable press in the post-war era. He elicited not only the veneration of believers for his spirituality, but also praise from prominent Jewish leaders for his reputed role during World War II. The first biographies, published even before his death, were hagiographic in tone, such as that by Alden Hatch and Seamus Walshe in 1957². The most striking exception came from the Soviet bloc, especially East Germany, most notably in M.M. Scheinmann's book, which claimed that Pacelli had allied with Nazi Germany to combat communism and ignored the murder of Jews to maintain that alliance³. Negative assessments also appeared in Italy. For example, Ernesto Buonaiuti's biography⁴ was critical of the activities aimed at preserving the traditions of the Catholic Church and at reviving the special role of the pontiff as a sovereign in the Catholic world.

That critique informed the infamous play by Rolf Hochhuth, *The Deputy*, written in 1959 and performed first on 20 February 1963⁵. Hochhuth claimed that a vigorous protest from the papacy could have significantly reduced the scale of the Holocaust. In Act 4, dramatically, a Jesuit comes to the Vatican to report the systematic annihilation of Jews but met with cold indifference on the part of Pius XII. The latter was just then receiving a large sum of money from industries that profited from slave labor and explained that the Nazis were the best defense against Bolshevism, the greatest threat of all. The published text was no ordinary play; if performed according to the published text it would run about seven to eight hours. But that invited a variety of cuts and adaptations as the play was performed throughout West Germany and elsewhere in the West. It had the dramatic effect of putting the “Pius XII question” on the public agenda. The play caused such a resonance that the German government was forced to publicly distance itself from it. The campaign culminated in Italy with the foreword to the Italian

¹ Neither Paul O'Shea's monograph nor the prize-winning volume by David Kertzer use the sources and secondary literature in German. See: *O'Shea P. A Cross Too Heavy: Pope Pius XII and the Jews of Europe*. New York, 2011; *Kertzer D. The Pope and Mussolini. The Secret History of Pius XI and the Rise of Fascism in Europe*. New York, 2014. Hubert Wolf makes a similar complaint about Italian scholarship; see *Wolf H. Papst Pius XII. und die Juden // Theologische Revue*. 2009. Bd. 105. № 4. S. 275. Anm. 1.

² *Hatch A., Walshe S. Crown of Glory: The Life of Pope Pius XII*. New York, 1957. Significantly, the authors claim to have had some assistance from the Vatican archives in preparing this biography.

³ *Scheinmann M.M. Das Vatikan im Zweiten Weltkrieg*. Berlin, 1954.

⁴ *Buonaiuti E. Pio XII*. Firenze, 1958.

⁵ *Hochhuth R. Der Stellvertreter: Schauspiel*. Reinbeck bei Hamburg, 1963.

translation of the play by the rector of the University of Urbino, Carlo Bo, who claimed that Hochhut's play is well documented⁶.

The public quickly divided into two polarized camps—those condemning and those defending the pope. The most vociferous attack on the Church came from Guenther Lewy, a German Jewish immigrant to the United States who earned a PhD at Columbia and made an academic career (University of Massachusetts at Amherst). Drawing upon non-Vatican sources (but some diocesan archives in Germany), Lewy produced a highly polemical attack on the Church in general and Pius XII in particular for failing to oppose the Holocaust⁷. The pope's defenders were no less vitriolic. Walter Adolph's *Verfälschte Geschichte* ("Falsified History", with the subtitle: "Response to Rolf Hochhuth, with documents and authentic reports"), exposed the factual errors and distortions in the Hochhuth play⁸. In June 1963 Giovanni Montini (who had worked closely with Pacelli throughout the 1930s and 1940s and who, that same month, was elected to the pontificate as Paul VI) published an article in *The Tablet* (a leading Catholic organ published in London) that vigorously defended Pius XII⁹. Historians, such as Pietro Pastorelli¹⁰ and Mario Toscano¹¹, quickly refuted Hochhut's accusations with a more accurate and reasonable reading of the facts and documents. Hochhut was also accused of being an agent of East Germany or the USSR and acting in their favor. The Catholic press called the play a monstrous provocation intended to satisfy the Marxists' hatred of the Papacy and characterized it as the greatest lie of the century¹². But many liberal historians (for example, Giovanni Spadolini), also characterized criticism of Pius XII as communist propaganda.

All this formed part of a fierce public debate, which is reflected in the compilation of essays published by Erich Bentley in 1964¹³. The decision in 1965 to initiate the canonization procedure for Pius XII only added fuel to the fire, as reflected the collection of documents by Saul Friedlander¹⁴. It should be noted that Friedlander himself was a pupil of a Catholic boarding school near the Swiss border during the war, but his parents, who were unable to leave France, died in the concentration camp at Auschwitz.

In response to the heated rhetoric and dearth of hard historical data, the Catholic Church undertook to expand the pool of available sources. To circumvent the seventy-five-year rule on archival access, Pope Paul VI appointed a team of four Jesuits to work through the Vatican archives on the war years and publish relevant documents. The result was multivolume series, *Acts et documents du Saint Siège relatifs à la seconde guerre mondiale* (hereafter ADSS), which appeared from 1965 to 1981, with the publication of 5,108 documents in the original language¹⁵. Despite complaints that the series omits crucial documents and, contrariwise, that many scholars

⁶ See: *Preziosi G.* Dossier Pio XII: Mezzo secolo di leggenda nera e di dibattito storiografico alla prova degli archivi // *Christianitas. Rivista di Storia Pensiero e Cultura del Cristianesimo*. 2013. № 1. P. 188.

⁷ *Lewy G.* The Catholic Church and Nazi Germany. New York, 1964.

⁸ *Adolph W.* *Verfälschte Geschichte; Antwort an Rolf Hochhuth, mit Dokumenten und authentischen Berichten*. Berlin, 1963.

⁹ See the discussion and quotations in: *Feldkamp M.* Papst XII. Ein Papst für Deutschland, Europa und die Welt. Aachen, 2018. S. 161.

¹⁰ *Pastorelli P.* Pio XII e la politica internazionale // Pio XII. A cura di A. Riccardi. Bari; Roma, 1984, P. 125–147.

¹¹ *Toscano M.* La Santa Sede e le vittime del nazismo // *L'Osservatore della Domenica*. 1964. Vol. 26. P. 65–67.

¹² См.: *Triulcio P.* La Storia come fine o come mezzo? Una riflessione sui presunti "silenzi" di Pio XII // *Vivarium*. 2019. Vol. 27. P. 131–134. For example, Preciozi cites the story that three agents of the KGB, under the guise of being priests, were sent to the Vatican with the task of copying the secret documents of Pius XII. However, they did not succeed in finding any compromising material, so some falsified and manipulated documents were created and these became the basis of Hochhut's play.

¹³ *Bentley E.* The Storm over the Deputy. Essays and Articles about Hochhuth's Explosive Drama. New York, 2004.

¹⁴ *Friedlander S.* Pius XII und das Dritte Reich: eine Dokumentation. Hamburg, 1965.

¹⁵ *Acts et documents du Saint Siège relatifs à la seconde guerre mondiale* (hereafter ADDS) / eds P. Blet, R. Graham, A. Martini, B. Schneider. Vol. 1–11. Vatican City, 1965–1980.

have made too little use of this vast corpus, for most serious scholars this is the foundation of substantial research, including the record of incoming warnings about the Nazi campaign to exterminate the Jewish and other groups¹⁶. No less significant was the initiative undertaken by the Catholic Academy in Munich, which established a “Commission for Contemporary History” in 1962 to compile and publish its own series of primary sources¹⁷. These included a three-volume collection of documents on Vatican–German relations¹⁸, a six-volume collection of documents from the German episcopate¹⁹, and an annotated German translation of Pacelli’s letters to German bishops during the war²⁰. Impressive too was the massive project to study the resistance and repression of Catholic clergy; from an initial edition in 1985 (which revealed approximately 4,000 priests subjected to repression), by the fourth edition in 1998 that number had grown to some 12,000²¹. Given the centrality of Germany and especially National Socialism in the “Pius Question”, all these constitute an invaluable complement to the Vatican collection, ADSS.

In the wake of the Pius War, the highly partisan scholarship did not disappear, as the pro- and anti-Pius parties continued to wage battle²². But the availability of new sources did lead to more measured, “non-party” research and writing. Two important exemplars are Owen Chadwick and Konrad Repgen. Chadwick (an Anglican priest and renowned professor of church history at Cambridge University) published a study on Vatican–British relations during the Second World War. Drawing upon ADSS but especially the diary of d’Arcy Osborne (British ambassador to the Vatican, 1935–1947), Chadwick defends Pius XII against the Hochhuth attack, while admitting the pope’s shortcomings (including a penchant for florid circumlocutions). But Chadwick defends the decision to maintain the Vatican’s neutrality and highlights the Vatican’s role in providing considerable assistance to the Jews. And Chadwick also questions the value of a provocative public declaration, asking “what could [the pope] effectively do”²³. Repgen, a conservative historian at Bonn University, published a volume devoted specifically to the Kristallnacht and the Catholic Church’s response²⁴. He also made a close analysis of the German episcopate during the war, showing their disunity (a third of whom firmly opposed a public condemnation of the Nazis) as the reason for their inability to adopt a common position or to trigger a more vigorous response from the papacy²⁵.

Despite the source publications and more temperate tone of these years, a new – and even more vitriolic – Pius War erupted again at the turn of the century. The trigger was John Cornwell’s *Hitler’s Pope*, a bestseller in 1999 that provided a blistering denunciation of Pius XII.

¹⁶ Scholars have repeatedly complained about the failure to mine this important source. That impelled one of the four compilers, Pierre Blet, to publish a one-volume summary in French, which then appeared in English and German as well. *Blet P. Pius XII and the Second World War*. According to the Archives of the Vatican. New York, 1997.

¹⁷ *Kösters Ch. Catholics in the Third Reich: An Introduction to the Scholarship and Research History // Catholics and the Third Reich*. Hummel / eds K.-J. Hummel, M. Kibener. Boston, 2018. P. 43.

¹⁸ *Der Notenwechsel zwischen dem Heiligen Stuhl und der Deutschen Regierung / hg. D. Albrecht, U. von Hehl*. Bd. 1–3. Mainz, 1965–1980.

¹⁹ *Akten deutscher Bischöfe über die Lage der Kirche 1933 bis 1945*. Bd. 1–6 / hg. B. Stasiewski, V. Ludwig. Mainz, 1968–1985.

²⁰ *Die Briefe Pius XII. an die deutschen Bischöfe 1939–1944 / hg. B. Schneider, P. Blet, A. Martini*. Mainz, 1966.

²¹ *Hehl U. von et al. Priester unter Hitlers Terror. Eine biographische und statistische Erhebung*. Bd. 1–2. Paderborn, 1998. Suffice it to say that the two volumes encompass 1,984 pages (with massive statistical tables and individual biographies for each of the priests subjected to a form of repression).

²² The most prominent of the pro-Pius advocates has been Pave the Way Foundation, founded by an American Jewish entrepreneur, Gary Wills. Its goal is to dismantle “obstacles” to inter-confessional reconciliation, and it has made the defense of Pius XII a key focus. It has collected materials in his defense and even succeeded in persuading the Israeli holocaust museum, Vad Yashem, to revise its original damning characterization of Pius XII. See: <https://www.ptwf.org/> (access date: 17.10.2020).

²³ *Chadwick O. Britain and the Vatican during the Second World War*. New York, 1986.

²⁴ *Repgen K. Judenpogrom, Rassenideologie und Katholische Kirche*. 1938. Köln, 1988.

²⁵ *Repgen K. Die deutschen Bischöfe und der Zweite Weltkrieg // Annuario de historia de la Iglesia*. 1995. Vol. 4. S. 97–146.

Cornwell (a non-academic administrator at Cambridge University) made his career as a journalist and provided a vivid, but unscholarly portrait that failed to use the key sources published in the previous decades. The argument was new, however: in contrast to earlier anti-Pius literature (attributing Pius XII's purported "silence" to antisemitism or anticommunist monomania), Cornwell portrayed the pope as an authoritarian obsessed with preserving papal primacy²⁶. In 2002 Daniel Goldhagen published a tract that explained Pius' behavior by antisemitism; despite his dubious reputation in scholarly circles²⁷, his attack on the Vatican appeared in a major commercial press and thereby enjoyed a wide distribution²⁸. The accusation of antisemitism, however, was quite characteristic of the negative assessments of Pius XII. This accusation, for example, also appeared in the work of the well-known Italian radical journalist, Ernesto Rossi²⁹, who claimed that antisemitism was originally inherent in the Catholic Church and provided one of the foundations of fascist racism. This claim was subsequently repeated by many Italian researchers.

David Kertzer (Brown University) published a more scholarly treatise that traced the history of antisemitism in the Catholic church and portrayed traditional religious "anti-Judaism" as a precursor and progenitor of the Nazi's racist antisemitism³⁰. Susan Zuccotti examined events in Rome in 1943, when the German occupation forces deported more than a thousand Jews and argued that the pope made no attempt to resist or protest. She concedes that many bishops and priests did intercede to help Jews but claims that they did so at their own initiative—not because of a directive from Pius XII³¹. However, the Italian researchers G. Sale and Alberto Bobbio³² claim that such an instruction was sent by the pope to various monasteries with the condition, however, that this letter be immediately burned.

One of the largest and most resonant works of this period is the book by Giovanni Miccoli "The Dilemmas and Silences of Pius XII"³³. The reviewer of the book, Daniele Santarelli Miccoli, considered the position of Pius XII (as well as the Catholic Church as a whole), his neutrality, and silence to be the result of a long ideological and diplomatic tradition that was simply incapable of coping with the fascist challenge and defending the victims of Nazism.

The pro-Pius party fought back. The works of David Dalin (a rabbi) and Ronald Rychlak (a lawyer) were typical. In dissecting the Cornwell volume, Dalin argued that Pacelli was a consistent foe of the Nazis, as evidence by the fact that the latter indeed castigated the pope as a "Jew-loving cardinal"³⁴. Rychlak refuted assertions about the pope's "silence," antisemitism,

²⁶ *Cornwell J.* Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII. New York, 1999. Cornwell subsequently claimed that he had been misunderstood and denied that he had "characterized Eugenio Pacelli as a Nazi sympathizer and a rabid anti-Semite... I believe now, as I did when this book was first published, that Eugenio Pacelli was Hitler's Pope not because he favored Hitler (which he did not) nor because he was anti-Semitic (which he was not, although he displayed an anti-Jewishness typical among Catholics of his times), but because he was an ideal church leader for Hitler's purposes". See the "Preface to the 2008 Edition" in *ibid.*, reprint (New York, 2008), p. XII.

²⁷ *Goldhagen D.* Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust (New York, 1996), was the target of almost universal vilification among scholars.

²⁸ *Goldhagen D.* A Moral Reckoning: The Role of the Catholic Church in the Holocaust and Its Unfulfilled Duty of Repair. New York, 2002.

²⁹ *Rossi E.* Il manganello e l'aspersorio. Rome, 1957.

³⁰ *Kertzer D.* The Popes against the Jews: The Vatican's Role in the Rise of Modern Anti-Semitism. New York, 2001. For a lacerating critique, see: *Lawler J.* Were the Popes against the Jews? Tracking the Myths, Confronting the Ideologues. Grand Rapids (MI), 2012.

³¹ *Zuccotti S.* Under His Very Window: The Vatican and the Holocaust in Italy. New Haven, 2000.

³² *Bobbio A.* Oltre la barriera del pericolo // *Jesus*. 2004. Vol. 2. P. 65; *Sale G., Bobbio A.* La Chiesa e la "Shoah". Resistenza in convent // *Jesus*. 2004. Vol. 2. P. 62–68.

³³ *Miccoli G.* I dilemmi e i silenzi di Pio XII. Vaticano, Seconda guerra mondiale e Shoah. Milano, 2000.

³⁴ *Dalin D.* The Myth of Hitler's Pope. Washington, 2005. See also the critique in: *Brechenmacher Th.* Pius XII. und kein Ende // *Das historisch-politische Buch*. 2000. Bd. 48. S. 95–103.

and fear for his own safety³⁵. The German academic Michael Feldkamp (Ph.D. from the University of Bonn, employee of the Bundestag) produced a systematic critique of Goldhagen itemizing the “falsifications” in his account³⁶. Essay collections and biographies also came to Pius’ defense³⁷. As the Pius party complained, however, Pius’s detractors had at their disposal the major commercial presses, whereas his supporters were relegated to tiny religious presses with little visibility and scanty distribution³⁸. The Israeli diplomat Pinches Lapide published a particularly strong defense of Pius and claimed that he had saved up to 850,000 Jewish lives³⁹.

If nothing else, the “second Pius War” impelled the Vatican to open more of its archival holdings: initially in 2003 and fully in 2006, all the files (some 100,000 archival units) became available for the papacy of Pius XI (1922–1939). This provided new insights into the workings of the papal administration, its response to critical questions like fascism, and the role and posture of Pacelli—first as papal nuncio in Germany (to 1929), then as state secretary in the 1930s. That broader access did *not* apply to the papacy of Pius XII (1939–1958) but encouraged researchers to historicize his papacy—to determine Pacelli’s attitudes toward such critical issues as fascism and his role in drafting critical encyclicals and pronouncements from Pius XI. For example, one of the most famous Italian researchers, Andrea Riccardi, in “The Longest winter. 1943–1944. Pius XII, Jews and Nazis in Rome”⁴⁰ placed the pontificate of Pius XII in a broader historical context—that is, he tried to consider it through the prism of a very complex reality of this time, both in international terms and in connection with the internal problems of the church. The same is true of the work of Philippe Chenaux, “Pius XII. The Diplomat and the Pastor”⁴¹, which likewise examines the pontificate of Pius XII through the prism of international events and the evolution of Pope Pacelli’s career within the Vatican hierarchy. Chenaux argued that during the years of Pacelli’s pontificate, the Church was faced with a double challenge—war and totalitarianism—and thus the question of the pope’s silence must be considered within this larger context.

Parallel to that, German scholars systematically began putting documentation online—Pacelli’s reports as nuncio⁴², a scholarly edition of Pacelli’s report on the German church in 1929 (at the conclusion of his service as nuncio in Berlin)⁴³, and the diary of the prominent prelate in Munich, Cardinal Michael von Faulhaber⁴⁴.

This surge of new archival access had a major impact on the scholarship: professional historians now brought new information and new insights to bear on the much-debated questions about the Vatican—and Pacelli—during the 1920s and 1930s. In the face of new archival finds, Cornwell softened his conclusion slightly. In an interview with the *Economist* (11 December

³⁵ *Rychlak R.* Hitler, the War, and the Pope. Huntington (IN), 2000. Later Rychlak explicitly made the case for Pius’s canonization: *Righteous Gentiles: How Pius XII and the Catholic Church Saved Half a Million Jews from the Nazis*. Dallas, 2005. See also *McInerney R.* The Defamation of Pius XII. South Bend (IN), 2001.

³⁶ *Feldkamp M.* Goldhagens unwillige Kirche. Alte und neue Fälschungen über Kirche und Papst während der NS-Herrschaft. München, 2004.

³⁷ Pius XII, the Holocaust and the Revisionists / ed. P. Gallo. Jefferson (NC), 2006. For a collection of trenchant critiques of the anti-Pius party, see: *The Pius War: Responses to the Critics of Pius XII* / eds J. Bottum, D. Dalin. Lanham, 2004. For an admiring biography, see: *Marchione M.* Pope Pius XII: Architect for Peace. Makwah (NJ), 2000.

³⁸ *Bottum J.* The End of the Pius Wars // *First Things*. 2004. Vol. 142. P. 18–24.

³⁹ *Lapide P.* Three Popes and the Jews. New York, 1967.

⁴⁰ *Riccardi A.* L’inverno piu lungo. 1943–44: Pio XII, gli ebrei e i nazisti a Roma. Roma, 2008.

⁴¹ *Chenaux P.* Pio XII. Diplomatico e pastore. Cinisello Balsamo, 2004; *Idem.* L’eredità del magistero di Pio XII. Roma, 2010.

⁴² Kritische Online-Edition der Nuntiaturreporte Eugenio Pacellis (1917–1929) // URL: <http://www.pacelli-edition.de/index.html> (access date: 22.12.2021).

⁴³ Eugenio Pacelli. Die Lage der Kirche in Deutschland 1929 / hg. H. Wolf, K. Unterburger. Paderborn, 2006.

⁴⁴ Kritische Online-Edition der Tagebücher Michael Kardinal von Faulhabers (1911–1952) // URL: <https://www.faulhaber-edition.de/index.html> (access date: 12.11.2021).

2004), he admitted that the pope had a limited possibility of action, given that he was subject first to the rule of the Mussolini regime and then the Nazi occupation. The conference held by the Argentine Institute of Culture and the Center for Italian-German Studies, and the subsequent publication of its materials showed that scholars have been seeking to be less biased and more attentive to the documentary base⁴⁵. The proceedings of a conference in 2012 showed that the two parties (critics and supporters) were still active, but the tenor and scholarly level was significantly higher than in past years⁴⁶.

Some scholarship, however, has remained highly critical of Pius XII. Michael Phayer (Marquette University) argues that the pope's decision-making was driven by a strong anticommunism, which was reinforced by a determination to protect the institutional interests of the Church and by a traditional religious ("supersessionist") antisemitism. Phayer does, however, break with some tenets of the anti-Pius camp: he rejects the "silence" accusation and concedes that Pius did play an active role in helping Jews. Nonetheless, Phayer argues that Pius could and should have done more to oppose the Nazi genocide. Although Phayer did use some previously untapped materials from the U.S. National Archives, he failed to draw upon the newly opened Vatican archives on the 1930s⁴⁷. Harsh critics include Marcus Aurelius Rivelli, who not only renewed, but also strengthened the accusations against Pacelli, which is evident from the very title of the book⁴⁸. A new wave of acrimonious controversy ensued when the Church took the next step in the process of beatification of Pius XII: the decree of Benedict XVI (19 December 2009) pronounced Pius XII to be "venerable".

The Australian historian, Paul O'Shea, rejects the hardline anti-Pius school (such as Cornwall's *Hitler's Pope*) and confirms that the pope opposed the Nazis and sought to help the Jews. O'Shea also emphasizes Pacelli's conservative antimodernist views and hostility to the modern, liberal nation-state. Above all, the pope did only what was consistent with the Church's political interests and its capacity to serve the needs and ensure the salvation of its flock⁴⁹. Klaus Kühlwein (a lay administrator in the diocese of Freiburg im Breisgau) remains far more critical of Pius XII. In an early self-published book, he castigates the pope for his response to the Rome deportations (which he characterizes as the pope's "greatest mistake"), and his 2018 monograph draws upon the array of new Vatican sources to buttress that negative view⁵⁰.

Most of the scholarship, however, is broadly favorable toward Pacelli, even if couched with some reservations. Thomas Brechenmacher (University of Potsdam) is perhaps the strongest defender of the pope. Apart from rebutting the myth of Pacelli's "silence", and an alleged affinity of the Vatican for fascist regimes, Brechenmacher argues that the pope managed to maintain neutrality, but actively worked to ameliorate the Jews' plight. The case involving the bishop of Utrecht in July 1942 heightened the fear of making things worse: in response to the bishop's protest against the deportation of Jews, the Nazis *increased* the number of victims by adding Jewish converts, including Edith Stein⁵¹. Hence Pius refrained from a public denunciation only to avoid

⁴⁵ Pio XII. Il dibattito storiografico: punti di arrivo e problemi aperti. Atti del convegno. Trento, 2005.

⁴⁶ Pius XII and the Holocaust. Current State of Research / eds D. Bankier, D. Michman, I. Nidam-Orievto. Jerusalem, 2012. For a historiographic overview see: *Johnson W.* Blood Libel and the Pius War: A Bibliographic Review of the Roman Catholic Church and the Holocaust // *Journal of Religious & Theological Information*. 2020. Vol. 19. P. 57–69.

⁴⁷ *Phayer M.* Pius XII, the Holocaust and the Cold War. Bloomington, 2008. In an earlier study Phayer was distinctly more negative, arguing that even if Pius could not have halted the Holocaust, he could have mobilized religious leaders around the world and significantly reduced its magnitude. *Phayer M.* The Catholic Church and the Holocaust, 1930–1945. Bloomington, 2000.

⁴⁸ *Rivelli M.* Dio e con noi: la Chiesa di Pio XII complice del nazifascismo. Milano, 2002.

⁴⁹ *O'Shea P.* Op. cit.

⁵⁰ *Kühlwein K.* Pius XII. und die Deportation der Juden Roms. Berlin, 2019. His earlier (self-published) volume bore the unambiguous title: *Idem.* Papst Pius XII. — sein schwerster Fehler: die Deportation der römischen Juden nach Auschwitz. Freiburg im Breisgau, 2011.

⁵¹ *Reppen K.* Die deutschen Bischöfe... S. 132.

making matters worse⁵². Hence his favorite phrase to characterize his approach: *ad maiora mala vitenda*⁵³.

Giovanni Maria Vian published a collection of articles under the characteristic title “In defense of Pius XII”⁵⁴. The book also contains new arguments that the critical attitude towards the pontificate of Pacelli is primarily due to its comparison with the subsequent pontificate of Pope John XXIII. According to Vian, the change in the image of Pius XII in the historiography of the mid–1960s was due to his anti-communism and the contrast to Pope John XXIII, who remained in history as a “good pope” (*il papa buono*). Vian also connects this opposition with the divergence of the points of view of “progressives” and “conservatives”, which was manifested during the preparation and during the Second Vatican Council itself.

Along with the key questions of the attitude of Pius XII and the Catholic Church to fascism, Nazism and the Holocaust, some researchers have also focused on local problems, notably in the Balkans. At issue is the pope's silence regarding the genocide of the Serbs after the Ustashe government came to power in the Independent State of Croatia. This topic was first raised in the early 1950s after the trial of Cardinal Aloisio Stepinac, Archbishop of Zagreb in 1937–1960. It also reappeared with new intensity after the beatification of Stepinac in 1998 (for example, in the book by Carlo Falconi⁵⁵). The fate of the Serbs under the Ustashe rule was also the subject of Edmond Paris's study, “Genocide in Allied Croatia, 1941–1945”⁵⁶. In contrast to earlier works, Paris gave attention to wartime newspapers and magazines (Catholic and secular), which made it possible to view the problem more broadly and to consider the entire war period. In 1981 Lazo Kostic⁵⁷ again raised the issue of Catholic participation in the mass conversion of Orthodox Serbs to Catholicism in the Balkans. Considering the interaction of the Curia with the Episcopate of Croatia, Kostic argues that the pope did everything possible to “ignore the terrible murders and violence perpetrated by Catholic statesmen, national leaders, dictators, and generals (from the Pavelic-Tiso-Mussolini-Franco-Salazar series and Adolf Hitler himself)”⁵⁸. This idea was further developed in Marc Aurelio Riveli's work, “The Archbishop of Genocide. Monsignor Stepinac, the Vatican and the Ustashe dictatorship in Croatia 1941–1945”⁵⁹. The Vatican, according to Riveli, was impressed by the creation of a Catholic state that could serve as a protective block against godless communism coming from the east. Riveli shows that Pius XII was aware of the Balkan problem and by his silence became a kind of accomplice to the events. Prof. Srbojub Zivanovic (Oxford University) made a report on the relations between the Catholic Church and the Serbs in Croatia at the conference dedicated to the Orthodox-Catholic dialogue and the role of Catholic priests, sisters, Kryzhars and Catholics in general in the genocide against Serbs, Jews and Gypsies⁶⁰. The main conclusion of research on the Jasenovac concentration camp and the actions of the Catholic clergy was that clergy were personally involved in the mass murders (according to this study, 1171 Catholic priests participated in the mistreatment and

⁵² Brechenmacher Th. The Church and the Jews // Catholics and the Third Reich / eds K.-J. Hummel, M. Kießner. Boston, 2018. P. 127–145; *Idem*. The Papacy and the Second World War // *Ibid*. P. 181–197.

⁵³ Wolf H. Papst Pius XII. und die Juden. S. 274.

⁵⁴ In difesa di Pio XII. Le ragioni della storia / a cura di G.M. Vian. Venezia, 2009.

⁵⁵ Falconi C. Il silenzio di Pio XII. Milano, 1965.

⁵⁶ Paris E. Genocide in Satellite Croatia, 1941–1945. Chicago, 1962.

⁵⁷ Kostich L. M. The Holocaust in the “Independent state of Croatia”. Chicago, 1981.

⁵⁸ *Ibid*. P. 77.

⁵⁹ Ривели М. Архиепископ геноцида: Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945 гг. М., 2011.

⁶⁰ Живанович С. Православно-католический диалог и роль католических священников, честных сестер, крыжаров и католиков вообще в геноциде над сербами, евреями и цыганами // Доклад на международной историко-богословской конференции «Православно-католический диалог после Ясеноваца» 28.10.2010. URL: http://ruskline.ru/analitika/2010/11/03/pravoslavnokatolicheskij_dialog_i_rol_katolicheskikh_svyawennikov_chestnyh_sestyor_kryzharov_i_katolikov_voobwe_v_genocide_nad_se/ (access date: 14. 05. 2017).

murder of Orthodox Serbs) and that the Vatican itself was involved (notably, in the audience given to Pavelic by the pontiff in May 1941 as recognition of the Independent State of Croatia). The idea of the Vatican's culpability also appears in 2013 in Dinko Davidov's book⁶¹, which is accompanied by an extensive illustrative material depicting mass killings and destruction on the territory of Yugoslavia. This research also drew on the diary of Aloysius Stepinac as well as local newspapers; like his predecessors, the author sees a close connection between the Catholic Croatian clergy and Ante Pavelic, the head of Croatia.

Another less global issue is the question of the Vatican's participation in the organization of escape routes from Europe – the so-called “rat trails”, along which the Jews had moved and were then followed by Nazis. In fact, the work of M. Aarons and J.R. Tolkien was specifically devoted to the rat trails⁶². By this time, enough material had already accumulated in the form of memoirs and interviews that seemed to demonstrate the Vatican's involvement in the escape of Nazi criminals (for example, S. Gitta's interview of Nazi survivors). When asked what was the benefit for the Holy See from such a policy, the authors argue that the main goal of the Vatican was to preserve the freedom of those people who willingly propagandized anticommunist ideas (whether they be a Nazi nor not). The opening of the archive of the Ministry of Foreign Affairs of Argentina made it possible to study rat trails from a new perspective. The work of Uka Gonya⁶³, an Argentine researcher, is devoted to the activities of the Catholic clergy in Argentina to organize escape routes for former fascists. Gonyi claims that the Vatican put pressure on Latin American countries to open their borders to fugitive war criminals or those who were anticommunists. The pro-fascist government of Peron helped to realize this plan. Gonyi also made a detailed study of the trail leading from Spain to Latin America. The Vatican's opposition to communism and its participation in organizing the rat trails is also the subject of research by P.P. Krasnov⁶⁴ on Vatican-Argentine relations. P.P. Krasnov further argues that the main organizer was the United States, which sought to benefit from the flight of scientists and military strategists. The chief goal of the Holy See was to save the Catholic population from Nazification, Bolshevization, and also to enable Catholics to find refuge outside Europe. According to this view, the Vatican did not prioritize Nazism and communism, but considered both a threat to the Catholic Church.

A leading historian in contemporary scholarship is Hubert Wolf – a professor of church history at Münster and ordained priest, with very liberal views (including the need to modify the celibacy mandate)⁶⁵. Wolf has worked intensively in the newly accessible Vatican archives and, indeed, his research team had a privileged position when the section on Pius XII was briefly opened in March 2020. His first major monograph, drawing heavily on the Pius XI archive, emphasized the need for objectivity and balanced analysis. It demonstrated that Pacelli was adamantly critical of the Nazis (from their very appearance in the 1920s) – contrary to claims that Pacelli's anticommunist impelled him to seek an accommodation with the Nazis. Wolf also refutes earlier assertions that, to win Nazi agreement to the Concordat, Pacelli arranged the dissolution of the Center Party and thereby facilitated establishment of a single-party dictatorship. On the contrary, Pacelli had opposed that step, since it took away a significant part of his negotiating leverage. Wolf also rejects the blanket accusations of antisemitism and, while conceding that Pacelli was not free of antisemitic sentiments, emphasizes that these were marginal and irrelevant to his decision-making. Wolf draws upon ADDS to demonstrate that the Vatican had

⁶¹ Davidov D. Independent State of Croatia: Total genocide. 1941–1945. Belgrade, 2013.

⁶² Aarons M., Lofus J. Unholy Trinity: The Vatican, the Nazis, and the Swiss Banks. New York, 1998.

⁶³ Gonyi U. The Real Odessa. New York, 2002.

⁶⁴ Краснов П.П. Трансатлантическая дипломатия папы Пия XII и Ф. Рузвельта в период Второй мировой войны // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 5. С. 4–11; *Его же*. Деятельность Ватикана в Нюрнбергском процессе: к постановке вопроса // Грамота. 2011. № 2. С. 94–96; *Его же*. Окно в Америку: дипломатия кардинала Пачелли // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2011. № 1. С. 160–163; *Его же*. Папа римский Пий XII в советской и российской историографии // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 4 (12). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17765248> (дата обращения: 17.10.2020).

⁶⁵ Hubert Wolf sieht, Systemkrisis der Männerkirche // Kirche+Leben. 16.X.2019.

indeed received multiple reports in 1942 about the Nazi extermination camps. Apart from suspicions about the reliability of such reports, in Wolf's view the key factor was Pius's determination to remain impartial, meaning that he could denounce war crimes but that he must not name names. That impartiality served to preserve a potential role as a mediator of peace. Like others who have drawn on the Pius XI archival materials, Wolf emphasizes the experience and views that Pacelli had developed before his election to the papacy at age 62. Critical here was the memory of the Bismarckian Kulturkampf (which deprived believers of churches and therefore the sacraments essential for salvation), the experience of a failed peace mission in World War I, and the mentorship of his predecessor Pietro Gasparri⁶⁶.

The recent scholarship includes two full-length biographies, both favorably disposed, if with some reservations. Robert Ventresca (Western University, Canada) has published a biography that has been widely accepted for its scholarly merits. Ventresca acquits the pope of most charges, but admits that he failed to recognize "how unprecedented the situation" was in Nazi Germany⁶⁷. Like most others, the Ventresca biography emphasizes the formative experiences of Pacelli's early service in shaping his view of Vatican strategy. But that strategy still allowed for local initiative, with discretion left to diocesan authorities to decide what level of opposition to the Nazis would be effective. As Ventresca points out, that approach—however rational—came at the cost of Vatican respectability: "His insistence on maintaining the public face of impartiality undermined the political credibility of the papacy, and worse yet, left the institution vulnerable to the charge that he had failed the test of moral leadership at one of humanity's darkest hours"⁶⁸. The second biography, by Frank Coppa (St. John's University, New York), likewise emphasizes the pre-papal experience as formative in shaping Pacelli's commitment to impartiality. While that obligation did not preclude making moral judgments, impartiality meant that the pope, as the father of all, must remain neutral and not name specific offenders. However, this still left room for indirect messaging—through pronouncements by Vatican Radio and through local initiative by diocesan authorities. As Pius repeatedly argued, he was intent on avoiding actions that would make things worse (by provoking Nazi retaliation). As he wrote in response to one report, urging a public defense of the Jews, "a protest from me would not only not help anyone, but would arouse the most ferocious anger against the Jews and multiply acts of cruelty because they are undefended". Moreover, the experience of filing protests after the Concordat had taught prelates that such written complaints were to no effect whatsoever⁶⁹. A breach of neutrality, moreover, would obviate any chance of mediating the conflict and eliminate any chance for the Vatican to serve as an impartial mediator to end the conflict. A further restraint was the fact that Catholics indeed were fighting on both sides of the conflict, and implicitly the pope feared that his public statement might alienate believers (who already had to choose between faith and patriotism)⁷⁰.

Research on German Catholics during the war show that Pius had good reason to fear alienating believers. In a study of Rheinland-Westphalia Thomas Brodie (University of Birmingham) found that the laity embraced both a Catholic and German identity, accepted the war as defensive and therefore just, and therefore affirmed their patriotic duty to serve. Precisely that fusion of faith and patriotism impelled most German prelates, who personally were unenthusiastic

⁶⁶ Wolf H. *Papst & Teufel: Die Archive des Vatikan und das Dritte Reich*. München, 2008; *Idem*. *Papst Pius XII. und die Juden // Theologische Revue*. 2009. Bd. 105. № 4. S. 265–280.

⁶⁷ Matthias Sickler likewise chastised the Vatican for failing to realize that the Third Reich was not a normal state like that under the old regime. See: *Sickler M. Collaboration or Ideological Distance? Catholic Church and Nazi State // Catholics and the Third Reich / eds K.-J. Hummel, M. Kißener*. Boston, 2018. P. 85–101. See also *Besier G., Piombo F. Der Heilige Stuhl und Hitler*. München, 2004.

⁶⁸ *Ventresca R. The Life of Pope Pius XII*. Cambridge, 2013.

⁶⁹ See: *Reppen K. Die deutschen Bischöfe...* S. 112–115.

⁷⁰ *Coppa F.J. Pope Pius XII: From the Diplomacy of Impartiality to the Silence of the Holocaust // Journal of Church and State*. 2011. Vol. 55. P. 286–306; *Idem. The Life & Pontificate of Pope Pius XII. Between History and Controversy*. Washington, 2013.

about the war (which they regarded as divine punishment), to avoid protests against Nazi atrocities, even if perpetrated against co-religionists in Poland, not to mention Jews at home and abroad. Significantly, Bishop Clemens August von Galen, celebrated as the “lion of Münster for his public denunciation of Nazi euthanasia, derived his popularity mainly from patriotic sermons in support of the war”⁷¹. Jacques Kornberg (professor of Jewish history at the University of Toronto) has explicitly argued that the Vatican refrained from publicly denouncing Nazi war crimes specifically for fear of offending patriotic Catholics devoted to the cause of Germany if not National Socialism. In *The Pope’s Dilemma*, Kornberg argues that Pius had to choose between his ecclesiastical responsibility (to protect and preserve the Church) and his moral responsibility (to speak out)—and Pius XII chose the former⁷².

Emphasis on the prewar experience has generated closer attention to the institutions and politics of decision-making in the Vatican. John Pollard (Cambridge University) argues that the years 1914–1958 constitute a single period and that the contrast between Pius XI and Pius XII is overdrawn. He also discerns a remarkable continuity in personnel, emphasizing the transformative role of Pietro Gasparri (secretary of state, 1914–1930), Bernadino Nogara (lay financial adviser, 1929–1954), Włodimir Ledóchowski (superior general of the Society of Jesus, 1915–1942), and of course Eugenio Pacelli (papal nuncio to Germany, 1917–1929; secretary of state, 1930–1939), among others. While not uncritical of Pacelli (portrayed as too much diplomat, too little moral leader during the Holocaust), Pollard offers a favorable assessment of his role during the 1930s and the war. He categorically rejects the “legend” that Pacelli was soft on Nazi Germany (because of a presumed obsession with communism) and attributes his public reticence both to his hope to serve as a neutral peacemaker and his reluctance to force German Catholics to choose between their faith and their country. Pollard also shares the view that the pope played a major role in helping Jews and in fact saved hundreds of thousands of lives⁷³.

Recent scholarship has also emphasized the Church’s and clergy’s resistance to fascism. The most sensational is a comprehensive study of the pope’s support for German opposition to Hitler, beginning with the first attempt by military leaders to depose him in 1939–1940 in hopes of reaching a separate, favorable peace with the Allies. Reports about the Vatican’s clandestine role here had circulated earlier, and Mark Riebling’s *Church of Spies* provides the fullest account, his findings admittedly tentative (pending full access to the Pius XII archive)⁷⁴. The Vatican, at great risk, served as an intermediary between the two sides, and although the conspiracy did not pan out, it demonstrated Pacelli’s animus toward the Nazis—precisely the opposite of the picture given in Cornwell’s *Hitler’s Pope*. Other research has focused on Catholic clergy in Germany⁷⁵. Redefining “resistance” to include not just open political opposition but multifarious forms of passive resistance (for example, refusing to display the swastika and focusing sermons on traditional Catholic teachings)⁷⁶, the research shows that a significant proportion (nearly half of the 27,000 priests) were subjected to various forms of intimidation and repression (from warnings and interrogations to deportation and

---

⁷¹ The dissertation was published as: *Brodie T. German Catholicism at War, 1939–1945*. Oxford, 2018. Indeed, according to police reports, Galen’s sermons even elicited jeering among the faithful. *Reppen K. Die deutschen Bischöfe...* S. 122.

⁷² *Kornberg J. The Pope’s Dilemma: Pius XII Faces Atrocities and Genocide in the Second World War*. Buffalo (NY), 2015.

⁷³ *Pollard J. The Papacy in the Age of Totalitarianism, 1914–1958*. Oxford, 2014.

⁷⁴ *Riebling M. Church of Spies: The Pope’s Secret War against Hitler*. New York, 2015. For earlier accounts, see: *Ludlow P. Papst Pius XII, die Britische Regierung und die deutsche Opposition im Winter 1939/40 // Vierteljahrsheft für Zeitgeschichte*. 1974. Vol. 22. S. 299–341.

⁷⁵ For example, *Kißener M. Catholics in the Third Reich: A Historical Introduction // Catholics and the Third Reich / eds K.-J. Hummel, M. Kißener*. Boston, 2018. P. 13–36.

⁷⁶ *Becker W. Christen und der Widerstand. Forschungsstand und Forschungsperspektiven // Kirchen im Krieg. Europa 1939–1945 / hg. K.-J. Hummel, Ch. Kösters*. Paderborn, 2010. P. 473–485.

execution)⁷⁷. Typical was a report from the Sicherheitsdienst (Security Service) on 20 October 1939: “Time and again, it is stressed that the current war is a punishment from God for the godlessness and immorality of the National Socialist leadership”⁷⁸.

Some of the most interesting scholarship has focused on the Curia, not the pope, thereby serving to depersonalize papal governance and to recognize the critical role of others. Going beyond the endless debates about the pope’s response to the Jewish deportations from Rome, Stefan Samerski’s *Pancratius Pfeiffer* explores hitherto unused archives of the Salvatorian order to show the critical role on a papal intermediary in interaction with the occupying German authorities. Samerski shows how Pius acted informally to shield, appeal, and provision Jews (and others) from the occupying forces⁷⁹. Matthias Daufratshofer (University of Münster) published his doctoral dissertation on the role of Franz Hürth as a “holy ghostwriter” for three major papal encyclicals. Contrary to the traditional assumption that the pope himself composed these documents, Daufratshofer shows how the theological staff in the Vatican played a critical role in drafting and compiling these documents⁸⁰. Other scholars have given much attention to the “missing encyclical,” which Pius XI commissioned in the year before his death but died before promulgating it. Pius XII, evidently fearful of provoking German wrath or because he was dissatisfied with the incomplete state of the text, destroyed that text shortly after his predecessor’s death. But scholars have found French, English, and German drafts of that encyclical in the personal archives of the outsiders whom Pius XI invited to compile the text⁸¹.

Other scholars have published critical assessments of sources, especially diplomatical ones, that loomed large in the earlier historiography. One excellent example is the close analysis of diplomatic reports stemming from Ernst von Weizsäcker. After serving at the foreign ministry in Berlin, in 1943–1945 Weizsäcker was the German ambassador to the Vatican and filed reports to Berlin that figured prominently in earlier scholarship. As Jobst Knigge (journalist, Hamburg) has demonstrated, Weizsäcker was unsympathetic to the Nazis and looked to the Vatican as a possible mediator with the Allies (to avoid a repetition of the Versailles Treaty). To gain Berlin’s ear, he portrayed the pope as blindly anticommunist – an assessment directly at odds with his own diary. That finding undermines the argument of previous anti-Pius historians that the papacy was soft on fascism precisely because of a monomaniacal anticommunism⁸².

The exploration of new, non-Vatican sources has also helped to provide a more complex picture of the Holy See. A recent doctoral dissertation by Sister Martina Cucchiara examines in detail how her order, the Poor School Sisters of Notre Dame, fared during Nazi rule. One

⁷⁷ *Reppen K.* Die deutschen Bischöfe... S. 142. In a case study of Berlin diocese, Kevin Spicer found that 30.3% of the priests were subjected to some form of repression – from warnings to arrest and extra-judicial punishment. *Spicer K.* Resisting the Third Reich: The Catholic Clergy in Hitler’s Berlin. DeKalb, 2004. P. 73. In a later study Spicer focused on “brown [pro-Nazi] priests,” with an analysis of 138 clergymen who openly supported the Nazis (about half of whom joined the party). It bears noting that these constituted a tiny fraction of the clergy (0.5%).

⁷⁸ *Berichte des SD und der Gestapo über Kirchen und Kirchenvolk in Deutschland 1934–1944* / hg. H. Boberach. Mainz, 1971. S. 356.

⁷⁹ *Samerski S.* Pancratius Pfeiffer der verlängerte Arm von Pius XII. Der Salvatorianogeneral und die deutsche Besetzung Roms 1943/1944. Paderborn, 2013.

⁸⁰ *Daufratshofer M.* Das päpstliche Lehramt auf dem Prüfstand der Geschichte. Franz Hürth SJ als “Holy Ghostwriter” von Pius XI und Pius XII. Freiburg, 2021.

⁸¹ Much energy has been expended on reconstructing this text from the personal archives of those who had been commissioned to draft it. For the history of the text and copies of the different drafts, see: *Passelecq G., Suchesky B.* The Hidden Encyclical of Pius XI. New York, 1997; *Wider den Rassismus. Entwurf einer nicht erschienenen Enzyklika* (1938). Texte aus dem Nachlaß von Gustav Gundlach SJ / hg. A. Rauscher. Paderborn, 2001; *Brechenmacher Th.* Die “interschlagene enzyklika” societatis unio und Pius XII // *Römische Quartalschrift für Christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte*. 2014. Bd. 109. S. 119–133.

⁸² *Knigge J.* Der Botschafter und der Papst: Weizsäcker und Pius XII. Die deutsche Vatikanbotschaft 1943–1945. Hamburg, 2008. For an early critique of the Weizsäcker diplomatic reports, see: *Chadwick O.* Weizsäcker, the Vatican, and the Jews of Rome // *Journal of Ecclesiastical History*. 1977. Vol. 28. P. 179–199.

striking discovery is that the Nazi appeal also extended to young women: the number of new novices dropped significantly (by 46% in 1937), and after 1936 some 60% of the nuns left the religious order. At the same time, the dissertation also shows that the women assumed new roles—and influence—while serving in state schools and social work⁸³.

Recent research has done much to deconstruct mythologies about the Vatican as a highly centralized, omnipotent administrative center⁸⁴. The Vatican staff was, first of all, relatively small; its offices were severely understaffed, underfunded and hardly in a position to control a global empire of bishops and believers. Nor was its communications system as perfect as some imagined: the papacy relied mainly on the fascist Italian newspaper, irregularly and belatedly received newspapers from the outside, forcing the pope himself to rely mainly on the 11.30 pm broadcasts of the BBC for news⁸⁵. The image that the pope had a global empire of bishops and priests reporting directly to the Vatican could hardly be more remote from reality⁸⁶. Nor were the communications secure. The Vatican did develop its own codes, but these were primitive and easily broken by both sides. Then, too, the experience of World War I—when both sides used propaganda of alleged war crimes—was fresh in Pacelli's memory. Nor did the propaganda war end in World War II; the British, for example, actively engaged in "black propaganda" through its Political Warfare Executive to flood international news with false and misleading stories⁸⁷. The Vatican itself was infiltrated by a substantial corps of informers working for the Axis powers⁸⁸. As a result, Pius had to be careful to protect key secrets and therefore committed little to paper⁸⁹. There are also reports that, fearful of compromising documents falling into German hands, Pius burned documents⁹⁰.

During the 2010s, several substantial historiographical works analyzing the stages in the evolution of the historiography were also published. Among them is an article by Giovanni Preziosi, "The Pius XII Dossier: Half a Century of Black Legend and Historiographical Discussions when tested by archives"⁹¹. Preziosi, who belongs to the pro-Pius school, argues that it was during World War II that the Catholic Church put the dignity of the human beings as the basis of its activities, and thereby began to show its solidarity with the victims of Nazism and fascism. Preziosi claims that the Vatican and religious orders were the only ones who stood up for the Jews, although the anti-fascists were no less aware of the crimes committed.

Another solid historiographical overview is the article by R. Regoli, "The Pontificate of Pius XII: myths, apologies and counter-versions"⁹². Regoli, like many others, notes that the year 1963 was a turning point in public opinion and in the historical memory of this pontificate. However, Regoli advances a new explanation: the shift, he argues, was influenced by the Israeli abduction and the subsequent trial and execution of Adolf Eichmann in 1962 as a war criminal. To explain

---

⁸³ *Cucchiara M.* "Bitter Tears": The Poor School Sisters of Notre Dame in Hitler's Germany, 1933 to 1945: PhD diss. University of Notre Dame, 2011.

⁸⁴ *Godman P.* Hitler and the Vatican. Inside the Secret Archives that Reveal the New Story of the Nazis and the Church. New York, 2004. P. XIV.

⁸⁵ *Alvarez D.* Spies in the Vatican. Espionage & Intrigue from Napoleon to Holocaust. Lawrence, 2002. P. 274.

⁸⁶ *Chadwick O.* The Pope and the Jews in 1942 // *Church History*. 1984. Vol. 21. P. 435–472. The Vatican was hardly enamored by the nuncio reports that it did receive. Domenico Tardini, a close aide to Pacelli, decorated nuncio reports with such blunt accolades as "Imbecile." *Alvarez D.* Op. cit. P. 270.

⁸⁷ *Alvarez D., Graham R.* Nothing Sacred: Nazi Espionage against the Vatican, 1939–1945. London, 1997. P. 14. See also: *Alvarez D.* Op. cit. Significantly, this volume drew upon the personal papers of Robert Graham (one of the four Jesuits who compiled ADSS), but these are no longer publicly accessible.

⁸⁸ *Chadwick O.* Britain and the Vatican... P. 435–472.

⁸⁹ *Alvarez D., Graham R.* Op. cit. P. 27.

⁹⁰ *Ibid.* P. 35. For a concrete instance see the memoir of the nun who managed the papal household for decades: *Lehnert P.* His Humble Servant. Sister M. Pascalina Lehnert's Memoirs of Her Years of Service to Eugenio Pacelli, Pope Pius XII. South Bend (IN), 2014. P. 116.

⁹¹ *Preziosi G.* Op. cit. P. 185–276.

⁹² *Regoli R.* Il pontificato di Pio XII. Mito, apologia e controversie // *Vivarium*. 2019. Vol. 27. P. 15–24.

why criticism of Pope Pius XII was renewed in the following years, Regoli argues that since the 1970s the memory of the Holocaust has become one of the ways to strengthen Jewish identity. Noting the second wave of criticism that came at the turn of the 1990s–2000s, Regoli cites the actions of the Israeli Ambassador to the Vatican, Aaron Lopez, who demanded a moratorium on the beatification of Pius XII. Reminding readers that in 2002 the film “Amen” by Konstantin Costa-Gavras (based on the plot of Hochhut’s play) was released, Regoli notes that since the beginning of the 2000s, the demarcation line has been drawn not between religious, but between political groups: on the one hand, Catholic liberals and progressives (in a number of areas), on the other, Catholic conservatives, Protestants, and Jews. Regoli also notes that despite the repeated demands to open archives, many works continue to be journalistic in nature, regardless of the archival collections already available, and this suggests that the opening of the Pius XII archives will change little.

In March 2020, for one week (before the coronavirus pandemic closed the reading room), thirty historians had an opportunity to make a preliminary exploration of the new materials—a mountain of documents amounting to some 200,000 archival units (twice that of archive of the Pius XI papacy)⁹³. Shortly after this brief foray into the newly opened archive, the German weekly *Die Zeit* published several articles about the experience of the seven-member Münster team led by Hubert Wolf. Even in that brief time the team was able to establish that Pius XII had indeed seen the 27 September 1942 report from the Geneva Office of the Jewish Agency for Palestine (with gruesome details about the Nazi campaign to exterminate Jews). The existence of this report was already well known, but not that it had come to pope’s attention. The Münster team in fact found evidence that he had indeed read the report⁹⁴. However, as Wolf notes, even if Pius knew of the atrocities, “the question is: did he believe it?”⁹⁵. In June 2020 the Vatican archives, including the Apostolic Archive (formerly the Secret Archive) reopened, with limits on the number of readers and the number of files available each day (five). On 5 May 2021 Fordham University hosted a seminar featuring scholars who had conducted research since the reopening and who could give an interim report on their findings⁹⁶. None of Wolf’s team made any earth-shaking discoveries, but the general consensus was that: (1) the new access will add nuances to the existing information about the war years (given the availability of ADSS and other sources); and (2) new materials on the postwar years will be far more significant (since so little had been previously available)⁹⁷.

In conclusion, the historiography on the Vatican in World War II suggests several lines of development. First, the research shows an extraordinary *empiricization*: an enormous expansion and diversification in the source base. If in the 1960s historians had to rely mainly on the

⁹³ The estimates come from the leading German expert on the “secret Vatican archive”: *Wolf H.* Papst Pius XII. P. 280; *Idem.* Papst & Teufel. S. 17.

⁹⁴ *Wolf H. et al.* Der Papst, der wusste und schwieg // *Die Zeit*. 23.IV.2020.

⁹⁵ *Wolf H.* Plötzlich wurde der Papst zum Sündenbock // *Die Zeit*. 23.IV.2020.

⁹⁶ David Kertzer claims to have found serious evidence of the Vatican’s refusal to intervene on behalf of the Jews and produces two documents to support that claim. In fact, these are two documents by subordinates, one of whom supports a public pronouncement, and Kertzer offers no evidence that this ever came before Pius XII. It is hardly breaking news that the conservative factions of the Curia were least inclined to compromise the Vatican’s neutral status. For Kertzer’s article (chiefly about the postwar case of two converted orphans, but with the two documents from 1943), see the original article in *The Atlantic* (August 2020): *Kertzer D.* The Popes, the Jews, and the Secrets in the Archives // URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/08/the-popes-jews/615736/> (access date: 15.10.2021). Despite its insignificance and Kertzer’s mischaracterization, the article elicited prominent attention in the press: *Unsealed Archives Give New Clues to Pope Pius XII’s Response to the Holocaust* // *New York Times*. 28.VIII.2020. In any case, as the recent study by Johan Ickx abundantly demonstrates (based on ten years’ research in the archives, not five days), the Vatican’s role in World War II is far more complex than the half-baked first impressions might suggest. See his superb new book: *Ickx J.* Le Bureau: les Juifs de Pie XII. Paris, 2020.

⁹⁷ The Pius XII Archives and the Jews: First Notes and Research Hypotheses // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=146Ut-NKhtg> (access date: 15.10.2021).

diplomatic reports of various states, they now have at their disposal the entire archives from the papacy of Pius XI and Pius XII, as well as a huge complex of official Catholic archives abroad (notably, in Germany) as well as sundry personal archival collections. Second, scholarship had undergone a *depersonalization*, moving beyond a narrow focus on Pius XII to other officials in the Curia, and indeed some outsiders mobilized to advise on specific tasks (for example, the “missing” encyclicals). Textological research has shown how major (not just marginal) documents were compiled, and reflected a spectrum of views and interests within the Curia. Pius XII was a workaholic, but a sickly one, and in any case it is an illusion to imagine that he was able to micromanage so complex and diversified an institution. Third, the new scholarship draws attention to the dynamics and limits of *institutionalization*: this pygmy-state of 44 hectares, being slowly rebuilt after 1870, had limited resources (human and material), and on any database of “state capacity” must rank near the bottom⁹⁸. Stereotypes about a super-efficient and powerful organization bear no relationship to reality. Fourth, the interaction of the Vatican and Catholic churches abroad demonstrate not a globalization of papal power, but an irresistible process of *glocalization*. For all the rhetoric about ultramontanism and papal power, in fact Catholicism had become and remained highly local—each country, indeed each diocese, showed a kaleidoscopic variety in response to the war and its challenges. In urging diocesan authorities to act at their own discretion, Pius XII was not inventing a strategy but recognizing a reality. Fifth, the new research has demonstrated the need for *historicization*. As multiple researchers have emphasized, Pius—and other key actors—were profoundly affected by the pre-war experiences. Moreover, it is important to incorporate that historical context. While globalization has made much ado about the “communications revolution” from the mid-nineteenth century, the cheerful globalist perspective must be adjusted for the negative side: the instantaneous dissemination not only of information, but also disinformation. The pejorative “fake news” arose already in the late nineteenth century and gained momentum from the “black propaganda” of world wars I and II. If Vatican officials were distrustful of reports, that was entirely consistent with a general skepticism toward news media and other reports. Neither the Vatican nor even well-developed states had the capacity to verify that information, and neither were eager to accept it at face value.

Библиография / References

Краснов П.П. Деятельность Ватикана в Нюрнбергском процессе: к постановке вопроса // Грамота. 2011. № 2. С. 94–96.

Краснов П.П. Окно в Америку: дипломатия кардинала Пачелли // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2011. № 1. С. 160–163.

Краснов П.П. Папа римский Пий XII в советской и российской историографии // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 4 (12). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17765248> (дата обращения: 17.10.2020).

Краснов П.П. Трансатлантическая дипломатия папы Пия XII и Ф. Рузвельта в период Второй мировой войны // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 5. С. 4–11.

Ривели М.А. Архиепископ геноцида: Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945 гг. М., 2011.

Krasnov P.P. Deiatel'nost' Vatikana v Niurnbergskom protsesse: k postanovke voprosa [Vatican Activity in Nuremberg Process: Problem Statement] // Gramota [Charter]. 2011. № 2. S. 94–96. (In Russ.)

Krasnov P.P. Okno v Evropu: diplomatiia kardinala Pacelli [Window to Europe: the Diplomacy of Cardinal Pacelli] // Intellect. Innovatsii. Investitsii [Intellect. Innovations. Investments]. 2011. № 1. S. 160–163. (In Russ.)

Krasnov P.P. Papa rimskii Pii XII v sovetskoi i rossiskoi istoriografii [Pope Pius XII in Soviet and Russian Historiography] // Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem [Modern Studies of Social Issues]. 2012. № 4 (12). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17765248> (access date: 17.10.2020).

---

⁹⁸ For the World Bank's dataset and conceptualization of “state capacity”, see: URL: <https://datatopics.worldbank.org/statisticalcapacity/> (access date: 13.08.2020). Revealingly, the Vatican state does not even appear in the World Bank global database on state capacity: URL: <https://datatopics.worldbank.org/statisticalcapacity/SCIdashboard.aspx> (access date: 13.08.2020).

- Krasnov P.P.* Transatlanticheskaja diplomatiia papy Pii XII i F. Roosevelt v period Vtoroi mirovoi voiny [Transatlantic Diplomacy of Pope Pius XII and F. Roosevelt during the Second World War] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Orenburg State University]. 2010. № 5. S. 4–11. (In Russ.)
- Rivelli M.A.* Arkhiepiskop genotsida: Monsenior Stepinats, Vatikan i ustashskaja diktatura v Khorvatii, 1941–1945 [Archbishop of Genocide: Monsignor Stepinac, Vatican and Ustashian Dictatorship in Croatia, 1941–1945]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Acts et documents du Saint Siège relatifs à la seconde guerre mondiale. Vol. 11 / eds P. Blet, R. Graham, A. Martini, B. Schneider. Vatican City, 1965–1981.
- Adolph W.* Verfälschte Geschichte; Antwort an Rolf Hochhuth, mit Dokumenten und authentischen Berichten. Berlin, 1963.
- Akten deutscher Bischöfe über die Lage der Kirche 1933 bis 1945. Bd. 1–6 / hg. B. Stasiewski, V. Ludwig. Mainz, 1968–1985.
- Alvarez D.* Spies in the Vatican. Espionage & Intrigue from Napoleon to Holocaust. Lawrence, 2002.
- Alvarez D., Graham R.* Nothing Sacred: Nazi Espionage against the Vatican, 1939–1945. London, 1997.
- Becker W.* Christen und der Widerstand. Forschungsstand und Forschungsperspektiven // Kirchen im Krieg. Europa 1939–1945 / hg. K.-J. Hummel, Ch. Kösters. Paderborn, 2010. S. 473–485.
- Bentley E.* The Storm over the Deputy. Essays and Articles about Hochhuth's Explosive Drama. New York, 2004.
- Berichte des SD und der Gestapo über Kirchen und Kirchenvolk in Deutschland 1934–1944 / hg. H. Boberach. Mainz, 1971.
- Besier G., Piombo F.* Der Heilige Stuhl und Hitler-Deutschland. Die Faszination des Totalitären. München, 2004.
- Blet P.* Pius XII and the Second World War. According to the Archives of the Vatican. New York, 1997.
- Bobbio A.* Oltre la barriera del pericolo // Jesus. 2004. Vol. 2. P. 65.
- Bottum J.* The End of the Pius Wars // First Things. 2000. Vol. 142. P. 18–24.
- Brechenmacher Th.* Die “interschlagene enzyklika” societatis unio und Pius XII // Römische Quartalsschrift für Christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. 2014. Bd. 109. S. 119–133.
- Brechenmacher Th.* Pius XII. und kein Ende. Neues – Gelungenes, Fragwürdiges und Verfehltes – über den Papst, den Weltkrieg und die Juden // Das historisch-politische Buch. 2000. Bd. 48. S. 95–103.
- Brechenmacher Th.* The Church and the Jews // Catholics and the Third Reich / eds K.-J. Hummel, M. Kißener. Boston, 2018. P. 127–145.
- Brechenmacher Th.* The Papacy and the Second World War // Catholics and the Third Reich / eds K.-J. Hummel, M. Kißener. Boston, 2018. P. 181–197.
- Brodie T.* German Catholicism at War, 1939–1945. Oxford, 2018.
- Buonaiuti E.* Pio XII. Firenze, 1958.
- Burg J.G.* Sündenböcke. Grossangriffe des Zionismus auf Papst Pius XII. und auf die deutschen Regierungen. München, 1967.
- Butz A.R.* Robert Graham and Revisionism // Journal of Historical Review. 1998. Vol. 17. P. 24–25.
- Chadwick O.* Britain and the Vatican during the Second World War. New York, 1986.
- Chadwick O.* The Pope and the Jews in 1942 // Church History. 1984. Vol. 21. P. 435–472.
- Chadwick O.* Weizsäcker, the Vatican, and the Jews of Rome // Journal of Ecclesiastical History. 1977. Vol. 28. P. 179–199.
- Chandler A.* Catholicism and Protestantism in the Second World War in Europe // World Christianities c. 1914–c. 2000 / ed. H. McLeod. Cambridge, 2006. P. 262–284.
- Chappel J.* Catholic Modern: The Challenges of Totalitarianism and the Remaking of the Church. Cambridge (MA), 2018.
- Chenau P.* L'eredità del magistero di Pio XII. Rome, 2010.
- Chenau P.* Pio XII. Diplomatico e pastore. Cinisello Balsamo, 2004.
- Connally J.* Katholische Kirche und Rassenfrage in der Zwischenkriegszeit // Römische Quartalsschrift für Christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. 2014. Vol. 109. P. 7–23.
- Conway J.* The Vatican, Great Britain, and Relations with Germany, 1938–40 // Historical Journal. 1973. Vol. 16. P. 147–167.
- Coppa F.J.* Pope Pius XII: From the Diplomacy of Impartiality to the Silence of the Holocaust // Journal of Church and State. 2011. Vol. 55. P. 286–306.
- Coppa F.J.* The Life & Pontificate of Pope Pius XII. Between History and Controversy. Washington, 2013.
- Cornwell J.* Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII. New York, 1999.
- Cucchiara M.* “Bitter Tears”: The Poor School Sisters of Notre Dame in Hitler's Germany, 1933 to 1945: PhD diss. University of Notre Dame, 2011.

- Dalin D.* The Myth of Hitler's Pope. Washington, 2005.
- Daufratshofer M.* Das päpstliche Lehramt auf dem Prüfstand der Geschichte. Franz Hürth SJ als "Holy Ghostwriter" von Pius XI und Pius XII. Freiburg, 2021.
- Davidov D.* Independent state of Croatia: Total genocide. 1941–1945. Belgrade, 2013.
- Der Notenwechsel zwischen dem Heiligen Stuhl und der Deutschen Regierung / hg. D. Albrecht, U. von Hehl. Bd. 3. Mainz, 1965–1980.
- Die Briefe Piur' XII. an die deutschen Bischöfe 1939–1944 / hg. B. Schneider, P. Blet, A. Martini. Mainz, 1966.
- Doyno W.Jr.* An Annotated Bibliography of Works on Pius XII, the Second World War and the Holocaust // The Pius War: Responses to the Critics of Pius XII / eds J. Bottum, D. Dalin. Lanham, 2004. P. 97–280.
- Eugenio Pacelli als Nuntius in Deutschland: Forschungsperspektiven und Ansätze zu einem internationalen Vergleich / hg. H. Wolf. Paderborn, 2012.
- Eugenio Pacelli. Die Lage der Kirche in Deutschland 1929 / hg. H. Wolf, K. Unterburger. Paderborn, 2006.
- Falconi C.* Il silenzio di Pio XII. Milano, 1965.
- Fattorini E.* Hitler, Mussolini, and the Vatican: Pope Pius XI and the Speech That Was Never Made. Cambridge, 2011.
- Feldkamp M.* Goldhagens unwillige Kirche. Alte und neue Fälschungen über Kirche und Papst während der NS–Herrschaft. München, 2003.
- Feldkamp M.* Pius XII. Ein Papst für Geuschland, Europa und die Welt. Aachen, 2018.
- Friedlander S.* Pius XII und das Dritte Reich: eine Dokumentation. Hamburg, 1965.
- Gallagher Ch.* Vatican Secret Diplomacy: Joseph P. Hurlez and Pope Pius XII. New Haven, 2008.
- Godman P.* Hitler and the Vatican. Inside the Secret Archives that Reveal the New Story of the Nazis and the Church. New York, 2004.
- Goldhagen D.* Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. New York, 1996.
- Goldhagen D.J.* A Moral Reckoning: The Role of the Catholic Church in the Holocaust and Its Unfulfilled Duty of Repair. New York, 2002.
- Goñi U.* The Real Odessa. New York, 2002.
- Griech-Poelle, Beth A.* Bishop von Galen: German Catholicism and National Socialism. New Haven, 2002.
- Hastings D.* Catholicism and the Roots of Nazism: Religious Identity and National Socialism. New York, 2010.
- Hatch A., Walshe S.* Crown of Glory: The Life of Pope Pius XII. New York, 1957.
- Hehl U. von et al.* Priester unter Hitlers Terror. Eine biographische und statistische Erhebung. Bd. 1–2. Paderborn, 1998.
- Hlond A.* The Persecution of the Catholic Church in German–Occupied Poland. Reports Presented by H.E. Cardinal Hlond, Primate of Poland, to Pope Pius XII, Vatican Broadcasts and Other Reliable Evidence. New York, 1941.
- Hummel K.-J.* The German Bishops: Pastoral Care and Politics // Catholics and the Third Reich / eds K.-J. Hummel, M. Kißener. Boston, 2018. P. 103–126.
- Hürten H.* Katholische Kirche und nationalsozialistischer Krieg // Die deutschen Eliten und der Weg in den Zweiten Weltkrieg. München, 1989. S. 135–179.
- Ickx J.* Le Bureau: les Juifs de Pie XII. Paris, 2020.
- In difesa di Pio XII. Le ragioni della storia / a cura di G.M. Vian. Venezia, 2009.
- Johnson W.* Blood Libel and the Pius War: A Bibliographic Review of the Roman Catholic Church and the Holocaust // Journal of Religious & Theological Information. 2020. Vol. 19. P. 57–69.
- Katholische Kirche und Nationalsozialismus, 1930–1945: Ein Bericht in Quellen / hg. H. Gruber. Paderborn, 2006.
- Kertzer D.* The Pope and Mussolini. The Secret History of Pius XI and the Rise of Fascism in Europe. New York, 2014.
- Kertzer D.* The Popes Against the Jews: The Vatican's Role in the Rise of Modern Anti-Semitism. New York, 2001.
- Kißener M.* Catholics in the Third Reich: A Historical Introduction // Catholics and the Third Reich / eds K.-J. Hummel, M. Kißener. Boston, 2018. P. 13–36.
- Knigge J.* Der Botschafter und der Papst: Weizsäcker und Pius XII. Die deutsche Vatikanbotschaft 1943–1945. Hamburg, 2008.
- Kornberg J.* The Pope's Dilemma: Pius XII Faces Atrocities and Genocide in the Second World War. Buffalo (NY), 2015.
- Kösters Ch.* Catholics in the Third Reich: An Introduction to the Scholarship and Research History // Catholics and the Third Reich / eds K.-J. Hummel, M. Kißener. Boston, 2018. P. 37–60.
- Kühlwein K.* Papst Pius XII. – sein schwerster Fehler Die Deportation der römischen Juden nach Auschwitz. Freiburg im Breisgau, 2011.

- Kühlwein K.* Pius XII. und die Deportation der Juden Roms. Berlin, 2019.
- Lapide P.* Three Popes and the Jews. New York, 1967.
- Lawler J.G.* Were the Popes against the Jews? Tracking the Myths, Confronting the Ideologues. Grand Rapids, 2012.
- Lehnert P.* His Humble Servant. Sister M. Pascalina Lehnert's Memoirs of Her Years of Service to Eugenio Pacelli, Pope Pius XII. South Bend (IN), 2014.
- Lewy G.* The Catholic Church and Nazi Germany. New York, 1964.
- Ludlow P.* Papst Pius XII, die Britische Regierung und die deutsche Opposition im Winter 1939/40 // Vierteljahrsheft für Zeitgeschichte. 1974. Bd. 22. S. 299–341.
- Marchione M.* Pope Pius XII: Architect for Peace. Mahwah (NJ), 2000.
- McInerney R.* The Defamation of Pius XII. South Bend (IN), 2001.
- Miccoli G.* I dilemmi e i silenzi di Pio XII. Vaticano, Seconda guerra mondiale e Shoah. Milano, 2000.
- Neuhäusler J.* Kreuz und Hakenkreuz. Der Kampf des Nationalsozialismus gegen die katholische Kirche unter kirchliche Widerstand. Bd. 1–2. München, 1946.
- O'Shea P.* A Cross Too Heavy: Pope Pius XII and the Jews of Europe. New York, 2011.
- Passelecg G., Suchesky B.* The Hidden Encyclical of Pius XI. New York, 1997.
- Phayer M.* Pius XII, the Holocaust, and the Cold War. Bloomington, 2008.
- Phayer M.* The Catholic Church and the Holocaust, 1930–1965. Bloomington, 2000.
- Pio XII. Il dibattito storiografico: punti di arrivo e problemi aperti.* Atti del convegno. Trento, 2005.
- Pius XII and the Holocaust. Current State of Research / eds D. Bankier, D. Michman, I. Nidam-Orvieto.* Jerusalem, 2012.
- Pius XII, the Holocaust and the Revisionists / ed. P. Gallo.* Jefferson (NC), 2006.
- Pollard J.* The Papacy in the Age of Totalitarianism, 1914–1958. Oxford, 2014.
- Pollard J.* The Papacy in Two World Wars: Benedict XV and Pius XII Compared // Totalitarian Movements and Political Religions. 2001. Vol. 2. P. 83–96.
- Preziosi G.* Dossier Pio XII: Mezzo secolo di leggenda nera e di dibattito storiografico alla prova degli archivi // Christianitas. Rivista di Storia Pensiero e Cultura del Cristianesimo. 2013. Vol. 1. P. 185–276.
- Regoli R.* Il pontificato di Pio XII. Mito, apologia e controversie // Vivarium. 2019. Vol. 27. P. 25–48.
- Reppen K.* Die deutschen Bischöfe und der zweite Weltkrieg // Annuario de historia de la Iglesia. 1995. Vol. 4. S. 97–146.
- Reppen K.* Judenpogrom, Rassenideologie und katholische Kirche 1938. Köln, 1988.
- Reppen K.* P. Robert Leiber SJ, der Kronzeuge für die Vatikanische Politik beim Reichskonkordat 1933 // Das Reichskonkordat 1933 / hg. Th. Brechenmacher. Paderborn, 2007. S. 25–36.
- Riccardi A.* Der längste Winter. Die vergessene Geschichte der Juden im besetzten Rom 1943/44. Darmstadt, 2018.
- Riebling M.* Church of Spies: The Pope's Secret War against Hitler. New York, 2015.
- Rossi E.* Il manganello e l'aspersorio. Roma, 1957.
- Rychlak R.* Hitler, the War and the Pope. Huntington (IN), 2000.
- Rychlak R.* Righteous Gentiles: How Pius XII and the Catholic Church Saved Half a Million Jews from the Nazis. Dallas, 2005.
- Sale G., Bobbio A.* La Chiesa e la "Shoah". Resistenza in convent // Jesus. 2004. Vol. 2. P. 62–68.
- Samerski S.* Deutschland und der Heilige Stuhl. Diplomatische Beziehungen 1920–1945. Münster, 2019.
- Samerski S.* Pancratius Pfeiffer der verlängerte Arm von Pius XII. Der Salvatorianogeneral und die deutsche Besetzung Roms 1943/1944. Paderborn, 2013.
- Scheinmann M.M.* Der Vatikan in Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1954.
- Schmitt M.* Das "Schweigen" Pius' XII, zur Judenverfolgung im Spiegel von Selbstzeugnissen und Äußerungen seiner Mitarbeiter und Vertrauten. Aadorf, 2008.
- Spicer K.* Resisting the Third Reich: The Catholic Clergy in Hitler's Berlin. DeKalb, 2004.
- The Pius War: Responses to the Critics of Pius XII / eds J. Bottum, D. Dalin.* Lanham, 2004.
- Toscano M.* La Santa Sede e le vittime del nazismo // L'Osservatore della Domenica. 1964. Vol. 26. P. 65–67.
- Triulcio P.* La Storia come fine o come mezzo? Una riflessione sui presunti "silenzi" di Pio XII // Vivarium. 2019. Vol. 27. P. 131–134.
- Ventresca R.* The Life of Pope Pius XII. Cambridge, 2013.
- Wider den Rassismus. Entwurf einer nicht erschienenen Enzyklika (1938).* Texte aus dem Nachlaß von Gustav Gundlach SJ / hg. A. Rauscher. Paderborn, 2001.
- Wolf H.* Papst Pius XII. und die Juden // Theologische Revue. 2009. Bd. 105. S. 265–280.
- Wolf H.* Papst und Teufel: Die Archive des Vatikan und das Dritte Reich. München, 2008.
- Zuccotti S.* Under His Very Window: The Vatican and the Holocaust in Italy. New Haven, 2000.

DOI: 10.31857/S013038640018553-6

© 2022 г. **Е.Ю. БОРИСЕНОК**

УКРАИНОФИЛЬСТВО П.Е. ШЕЛЕСТА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Борисенок Елена Юрьевна – доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН (Москва, Россия).

E-mail: vostslav@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8642-0185

Аннотация. Статья посвящена обсуждению в современной украинской историографии «украинофильства» первого секретаря ЦК КПУ Петра Ефимовича Шелеста (1963–1972 гг.). Украинские историки пытаются определить, в чем советский лидер проявлял себя как последовательный проводник политической линии союзного центра, а в чем отстаивал интересы республики, следует ли считать этого политика представителем национал-коммунизма. Цель статьи – проанализировать основные положения и доказательную базу концепции украинских ученых об «украинофильстве» и «местничестве» Шелеста. Особое внимание уделяется выводам историка Ю.И. Шаповала о противоречивости фигуры Шелеста, о его своеобразной двойной лояльности (общесоюзной и республиканской), о постоянном маневрировании между двумя политическими дискурсами (централизаторским и антицентрализаторским). По мнению ученого, его герой как политик, «конечно, вышел из “сталинской шинели”». Эта точка зрения получила широкое распространение в современной украинской литературе, а наработки специалиста-шелестоведа воспроизводятся во многих трудах. В статье уточняется, что Шелест был не просто продуктом сталинской политики, но порождением вполне определенной эпохи – советской украинизации 1920-х годов. Именно в это время были заложены основы той парадоксальности, о которой пишут современные украинские ученые.

Ключевые слова: историография, П.Е. Шелест, Советская Украина, Ю.И. Шаповал.

E.Yu. Borisenok

The Ukrainophilia of P.E. Shelest in the Interpretation of Modern Ukrainian Historiography

Elena Borisenok, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vostslav@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8642-0185

Abstract. The author of this article explores the discussion in contemporary Ukrainian historiography of the “Ukrainophilia” of the First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Ukraine, Pyotr Efimovich Shelest (1963–1972). Ukrainian historians are trying to determine the extent to which the Soviet leader proved to be a consistent follower of the political line of the Union centre, the areas in which he defended the interests of the republic, and whether he should be considered a representative of National Communism. The purpose of the article is to analyse the key provisions of and evidence for the conception of Shelest’s “Ukrainophilia” and “localism” developed by Ukrainian scholars. Particular attention is given to the conclusions of Yuri Shapoval on the inconsistencies in Shelest and his actions, his peculiar dual loyalty (all-union and republican), and his constant manoeuvring between two political discourses (centralist and anti-centralist). According to the Shapoval, Shelest’s views were formed during the Stalinist era. This point of view has been widely accepted in

contemporary Ukrainian literature. The article specifies that Shelest as a politician was a product of Soviet Ukrainianisation of the 1920s. It was at this time that the seeds of the paradox that contemporary Ukrainian scholars have been writing about were sown.

Keywords: historiography, Pyotr Shelest, Soviet Ukraine, Yuri Shapoval.

Петр Ефимович Шелест относится к советским лидерам, личность которых вызывает интерес в независимой Украине. Его деятельность на посту первого секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Украины (ЦК КПУ) вызывает немало споров: современные украинские историки активно обсуждают вопрос, можно ли назвать этого политического деятеля украинофилом, националистом или автономистом?

Попытки дать оценку Шелесту предпринимались на Украине с рубежа 1980–1990-х годов, однако дискуссия не утихает до сих пор. В немалой степени это обусловлено принятым на Украине курсом на декоммунизацию и законом 2015 г., определяющим, кого считать борцом за независимость в XX в. Украинский институт национальной памяти включил Шелеста в список лиц, деятельность которых подпадает под действие закона. В то же время, как справедливо заметил украинский специалист Ю.И. Шаповал, среди историков, политологов и публицистов утвердилось мнение, что Шелест боролся за большие права Украины и требовал большего уважения к республике¹.

Работы Ю.И. Шаповала сыграли заметную роль в популяризации фигуры опального политика. Историк принимал участие в подготовке украинских изданий его дневников и стал автором вводной статьи²; его перу принадлежит и биография Шелеста. Первый ее вариант — научно-популярный — вышел в 2013 г. в серии «Знаменитые украинцы», а в 2020 г. биография была издана с необходимым научно-справочным аппаратом под названием «Партийный “националист”. Парадоксы Петра Шелеста»³. В вышедшей в июле 2021 г. рецензии на эту книгу Ю.В. Латыш подчеркивает, что Ю.И. Шаповал «едва ли не больше всех сделал для “реабилитации” фигуры Петра Шелеста», хотя ученого «очень трудно заподозрить в нелояльности к политике декоммунизации». Исследованию фигуры Петра Шелеста Ю.И. Шаповал посвятил не одно десятилетие. «Прежде чем взяться за написание книги, историк опубликовал дневники и воспоминания своего героя, которые выдержали два издания, ряд статей, взял десятки интервью у родственников, коллег и сотрудников первого секретаря ЦК КПУ, даже у егерей, которые организовывали охоту. Все это помогло создать целостный портрет не только государственного деятеля, но и человека, детально раскрыть черты характера»⁴. Впрочем, рецензент признает, что «кое-где складывается впечатление, что Юрий Шаповал подпадает под влияние своего героя и приводит нам шелестовский взгляд на события»⁵. Тем не менее Ю.И. Шаповал является одним из самых известных и часто цитируемых специалистов; его выводы и интерпретации воспроизводятся как в научной, так и популярной литературе. Поэтому, анализируя взгляды современных историков на украинофильство Шелеста, особое внимание следует уделить точке зрения Ю.И. Шаповала, ее сопоставлению с рассуждениями других ученых.

¹ Шаповал Ю.И. Партийний «націоналіст». Парадокси Петра Шелеста. Львів; Київ, 2020. С. 9.

² Петро Шелест: «Справжній суд історії ще попереду». Спогади, щоденники, документи, матеріали / упоряд.: В. Баран, О. Мандебура, Ю. Шаповал, Г. Юдинкова; за ред. Ю. Шаповала. Київ, 2004; Шелест П. «Справжній суд історії ще попереду» / загальна редакція та вступ Ю. Шаповала; упорядн.: Ю. Шаповал (голова), В. Баран, Г. Юдинкова, О. Мандебура. Київ, 2011.

³ Шаповал Ю.И. Петро Шелест. Харків, 2013; *Его же*. Партийний «націоналіст». Парадокси Петра Шелеста. Львів; Київ, 2020.

⁴ Латыш Ю.В. Портрет комуніста у вишиванці: рецензія на біографію Петра Шелеста // Спільне: Журнал соціальної критики. 22.07.2021. URL: <https://commons.com.ua/ru/portret-komunista-u-vishivanci-recenziya-na-biografiyu-petra-shelesta/> (дата обращения: 24.09.2021).

⁵ Там же.

По признанию Ю.И. Шаповала, в современной историографии образ первого секретаря ЦК КПУ достаточно парадоксален. Одни делают акцент на проведенных арестах украинских диссидентов и «лоббировании» ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г., другие настаивают, что именно Шелест спас известных украинских деятелей от репрессий, занимался развитием украинской культуры⁶. Последнее обстоятельство позволяет современным украинским историкам рассуждать об «украинофильстве» республиканского лидера. Например, Р.Я. Пыриг указывает, что Шелест был выслан из республики и подвергнут политическому ostracismu «за свою проукраинскую деятельность»⁷.

С точки зрения Ю.И. Шаповала, Шелест явно не вписывается в рамки однолинейно воспринятой декommунизации: «В силу тех или иных обстоятельств люди могли находиться в рядах Коммунистической партии, но от этого они не были меньшими патриотами Украины»⁸. Пытаясь определить, «что делать с Петром Ефимовичем»⁹, историк подробно описывает молодость своего героя, однако не упоминает, что это была эпоха советской украинизации, в особенностях которой и следует искать корни «украинофильства» будущего главы КПУ. Украинизация являлась региональным вариантом коренизации, о необходимости которой было объявлено в 1923 г. на XII съезде РКП(б). Стремясь укоренить свои позиции в советских республиках, большевистское руководство предприняло ряд протекционистских мер в культурной и кадровой сферах. В УССР открывались учебные заведения с украинским языком преподавания, на украинском языке издавались книги, журналы и газеты, развивались украинская литература и искусство, на украинский язык переводилось делопроизводство, наконец, украинцы быстро продвигались по советской и партийной линиям. Принадлежность к украинской нации стала одним из необходимых условий успешной карьеры, наряду с социальным происхождением и членством в партии большевиков. Впрочем, признавая национальное разнообразие Страны Советов, большевистское руководство всячески старалось подчеркивать общесоветский, социалистический характер культур национальных республик¹⁰. Именно в годы украинизации шло формирование убеждений Шелеста: он вступил в комсомол в 1923 г., в 1925 г. стал секретарем комсомольской ячейки в селе Петровском, а в 1928 г. — членом ВКП(б)¹¹. Неудивительно, что Шелест, по словам Ю.И. Шаповала, был «из когорты тех, кто тоже любил Украину»¹². Для Петра Ефимовича, как и для нарождающейся в годы украинизации украинской советской элиты, не существовало противоречий между «украинскостью» и «советскостью».

Ю.И. Шаповал считает Шелеста представителем местной элиты, «которая настаивала на советском украинском, а не на общесоветском суверенитете», одним из тех деятелей, «которые были убеждены, что коммунистические цели можно постичь лишь в национальном контексте и что коммунистическая идеология может влиять на местное население, лишь обращаясь к нему на его собственном языке»¹³. Историк признает, что Шелест — «в стратегическом плане» — не выступал против «инициатив» Л.И. Брежнева, к которым относит и введение войск в Чехословакию в 1968 г.¹⁴ «Пражская весна» сошла в небытие. И во всем этом был вклад и Петра Шелеста». Ю.И. Шаповал заканчивает

⁶ Шаповал Ю.И. Партийний «націоналіст». С. 10.

⁷ Пыриг Р.Я. Рец. на кн.: О. Бажан. Петро Шелест: «Вірю в розквіт моєї рідної України...». Київ, 2021. 352 с. // Український історичний журнал. 2021. № 2. С. 199.

⁸ Шаповал Ю.И. Партийний «націоналіст». С. 6.

⁹ Там же.

¹⁰ См. подробнее: Борисенко Е.Ю. «А что мы знаем о лице Украины?»: Украинизация как модель государственной политики в 1918–1941 гг. М., 2017. *Ее же*. Сталинский проконсул Лазарь Каганович на Украине: апогей советской украинизации (1925–1928). М., 2021.

¹¹ Шаповал Ю.И. Партийний «націоналіст». С. 18, 22.

¹² Там же. С. 6.

¹³ Там же. С. 191–192.

¹⁴ Там же. С. 98.

сюжет о чехословацких событиях 1968 г. упоминанием Сталина: «Поспособствовал он (Шелест. — Е.Б.) и тому, что на могиле Иосифа Сталина у Кремлевской стены появился бюст, а к 90-летию “красного императора” в газете “Правда” была опубликована юбилейная статья, которая очевидно сигнализировала о начале ресталинизации в Советском Союзе»¹⁵.

В целом Ю.И. Шаповал вполне благожелательно настроен по отношению к своему герою. Немало внимания он отводит личным качествам республиканского лидера. Биограф подчеркивает, что «в семейном смысле Петр Шелест вполне мог считать себя счастливым человеком, а семья для него значила много. Значительно больше, чем любая должность»¹⁶. Первая жена Шелеста, Любовь Павловна Банная, умерла в 1942 г.; со второй женой, Ираидой Петровной (в девичестве Мозговой), Петр Ефимович прожил долгую жизнь. От первой жены у Шелеста было двое сыновей. Старший, Борис Петрович, учился сначала в Ленинградском, а затем в Одесском мореходных училищах, служил на флоте, потом был слушателем Киевского высшего инженерно-авиационного училища. С 1962 г. он работал военпредом на Киевском авиационном заводе, в 1965 г. перешел на работу в Киевский институт инженеров гражданской авиации, где преподавал на военной кафедре, а затем стал ее заведующим. Младший сын Шелеста, Виталий Петрович, после окончания в 1962 г. Киевского университета стал физиком, с 1966 г. работал в Институте теоретической физики АН УССР. Как подчеркивает Шаповал, кандидатскую и докторскую диссертации тот защитил не в Киеве, а в Дубне, а в 1969 г. его избрали членом-корреспондентом Академии наук УССР¹⁷.

С точки зрения украинского историка, Шелест был «достаточно открытым, временами импульсивным человеком и руководителем, не боялся решительно отстаивать свою точку зрения, понимал семейные ценности и дорожил ими»¹⁸. Ссылаясь на мнение бывших егерей из Яготина, Александра Меткалика и Ивана Галушко, обеспечивавших охоту партийных лидеров, Шаповал подчеркивает, что «в отличие от некоторых других партийных и государственных вождей, иногда позволявших себе хамство в отношении егерей и тогдашней obsługi, Петр Шелест всегда вел себя корректно. Крепких напитков не употреблял. Выпить мог, но лишь красное вино, “недипломатические изречения” у него отсутствовали. В любом случае бывшие егеря утверждали, что ничего грубого от Шелеста не слышали, а вот с другими гостями случалось по-другому». Штрихом к портрету Шелеста является его любовь к украинским песням (он пел их вместе с И. Галушко), его азартность во время охоты: Петр Ефимович «очень бурно, искренне, эмоционально реагировал на собственные промахи, неудачные выстрелы»¹⁹.

Ю.И. Шаповал немало внимания уделяет сравнению Шелеста с другими советскими политиками. Анализируя отношения республиканского лидера и первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета министров СССР Н.С. Хрущева, украинский историк подчеркивает, что эти отношения «не были однолинейно-мажорными, хоть и сегодня кое-кто склонен думать именно так. Шелест был многим недоволен в бурной и временами непредсказуемой хрущевской деятельности, в частности, тем, что слово расходилось с делом. Он также не принял разделение партийных организаций на сельские и промышленные»²⁰. Одновременно украинский специалист настаивает, что московский и киевский руководители «были в хороших отношениях», а «воспоминания Шелеста свидетельствуют о его искреннем уважительном отношении к Хрущеву». Однако, когда речь зашла об отстранении Хрущева от власти, Шелесту «пришлось сделать выбор»²¹.

¹⁵ Там же. С. 103.

¹⁶ Там же. С. 56.

¹⁷ Там же. С. 54–56.

¹⁸ Там же. С. 63.

¹⁹ Там же. С. 62–63.

²⁰ Там же. С. 69.

²¹ Там же. С. 71.

Окончательное решение «идти против Хрущева» Петр Ефимович принял после разговора с Н.В. Подгорным в июле 1964 г. в Крыму. Как пишет Ю.И. Шаповал, позднее Шелест «неоднократно выражал сожаление по поводу этого своего поступка, который можно отнести к одному из шелестовских парадоксов»²².

Антиподами Шелеста у Ю.И. Шаповала предстают Л.И. Брежнев и В.В. Щербицкий. Историк дает Брежневу особенно резкую оценку: «Брежнев менялся параллельно с возвышением по партийной лестнице и, в конце концов, стал квалифицированным интриганом (здесь у исследователей его деятельности и жизни общее мнение). Вместе с тем он был трусом, человеком, который в ответственных ситуациях терял душевное спокойствие (а это, как известно из политической истории разных стран, иногда способствует карьере)»²³. В отличие от Брежнева и Щербицкого, Шелест в описании Ю.И. Шаповала предстает решительным, требовательным, даже порой жестким, но терявшимся «перед проявлением политического интриганства, перед стеной неприятия, что постепенно нарастала перед ним со стороны ближайшего окружения, перед закулисными политическими комбинациями (в первую очередь со стороны Владимира Щербицкого и его клеветов)»²⁴. Противопоставляя Шелеста Щербицкому, историк подчеркивает, что последний «всегда избегал употреблять выражение “украинский народ”, используя формулу “народ Украины”», а украинский язык «подчеркнуто игнорировал»²⁵.

В современной украинской историографии «украинофильство» Шелеста принимается с известными оговорками. Так, например, историк В.В. Иваненко признает, что первый секретарь ЦК КПУ «пытался как мог противодействовать диктату Кремля в отдельных сегментах гуманитарной и экономической политики, что несколько сдерживало русификаторские процессы в Украине, превращение ее самобытного национального ландшафта и колорита в некую унифицированную пространственно-духовную субстанцию, полностью интегрированную в плоскость политико-идеологической конструкции московского центра»²⁶.

Историк считает, что большое воздействие на становление образа Шелеста-политика в современной литературе оказали интервью Петра Ефимовича конца 1980-х – начала 1990-х годов, его выступления на вечерах воспоминаний в Киеве, во время которых тот «с позиции “незаслуженно обиженного” властью нередко резко критиковал своих коллег из ближайшего окружения (в частности, Л. Брежнева, Н. Суслова, В. Щербицкого, А. Ватченко и др.), пытался пересмотреть некоторые свои предыдущие взгляды и оценки общественно-политических явлений и событий, преувеличивая сплошь и рядом собственную роль в них»²⁷.

Характеризуя Шелеста, историки склонны подчеркивать его знание украинского языка. «Сам Петр Ефимович, как подтверждают документальные источники, его современники и коллеги по работе, был одним из немногих лидеров советской Украины, кто в совершенстве владел украинским языком и пользовался им в постоянном режиме, всячески стимулируя к этому и других партчиновников разных рангов»,²⁸ – заявляет В.В. Иваненко. Об этом же пишет и С. Екельчик: «Родным языком Шелеста был украинский, и, выступая внутри республики, он всегда говорил по-украински»²⁹. Это утверждение стало традицией в литературе.

Однако Я. Грицак счел нужным отметить, что украинский язык у Шелеста «за долгие годы партийной карьеры “выветрился”, и, став первым секретарем ЦК КПУ, он вынужден был его “изучать”»³⁰. Ю.И. Шаповал уточняет, что «с украинскостью Шелеста

²² Там же. С. 76.

²³ Там же. С. 90.

²⁴ Там же. С. 141–142.

²⁵ Там же. С. 178.

²⁶ *Иваненко В.В.* «Мала відлига» П.Ю. Шелеста: міф чи реальність? // *Грані*. 2016. № 8. С. 181.

²⁷ Там же. С. 182.

²⁸ Там же. С. 185.

²⁹ *Екельчик С.* История Украины. Становление современной нации. Киев, 2007. С. 237.

³⁰ *Грицак Я.И.* Нариси з історії України: формування української модерної нації. Київ, 1996. С. 284.

история сложнее и не всегда до конца понятна». Как вспоминал Шелест, рос он среди украинского языка (отец говорил преимущественно по-русски, хотя «был чистокровным украинцем», а мама была украиноязычной), а в армии и во время обучения говорил по-русски. По словам сына Шелеста, Виталия Петровича, в семье основным языком был русский. «И это понятно, ведь с 1941 по 1950 г. семья жила в России», – отмечает Ю.И. Шаповал. После переезда в Киев появились украиноязычные друзья, языковая среда начала меняться, хотя в семье по-прежнему общались на русском. «Выступая на разного рода партийных форумах, Шелест далеко не всегда говорил по-украински. Все зависело от ситуации. Разумеется, на встречах с писателями или на писательских съездах он говорил по-украински»³¹, – подчеркивает Ю.И. Шаповал.

Говоря о любви Шелеста к украинскому языку, историки часто упоминают о попытке укрепить положение украинского языка в вузах Украины в середине 1960-х годов. Канадский ученый украинского происхождения Б. Кравченко подчеркивает, что партийное руководство во главе с Шелестом «приняло далеко идущие директивы по развитию высшего образования в республике». Суть этих директив, как пишет специалист, была неизвестна на Западе «до их публикации в украинском самиздатовском журнале»³². Впервые директивы были сформулированы в выступлении министра высшего и среднего специального образования республики Ю.Н. Даденкова на совещании ректоров вузов в августе 1965 г.; позднее была подготовлена соответствующая инструкция. Кравченко перечисляет ее пункты: преимущество при поступлении тех, кто или владеет украинским языком, или изучает его, или готов изучать; постепенный перевод всего учебного процесса на украинский язык; издание учебников и учебных материалов на украинском языке; просьба к преподавателям вести лекции на украинском языке. По мнению Кравченко, реформы были аннулированы Москвой³³. В современной литературе часто цитируются воспоминания В.К. Врублевского, который упоминает о совещании ректоров и секретарей партийных организаций вузов в июле 1965 г., на котором секретарь ЦК КПУ по идеологии А.Д. Скаба «дал указание о переходе преподавания в вузах республики на украинский язык в трехмесячный срок»³⁴.

В том или ином варианте подобное утверждение стало распространяться и в современной украинской литературе. Об указании А.Д. Скабы упоминает О.Г. Бажан (правда, без ссылки на источник), когда пишет о «смелых попытках украинского руководства хотя бы частично противостоять процессу русификации в республике»³⁵. С.В. Кульчицкий, также без указания на источник, отмечает, что Даденков в 1965 г. предложил «во время зачисления в высшие учебные заведения отдавать предпочтение тем абитуриентам, которые хорошо владеют украинским языком»³⁶. Ссылаясь на работу Кульчицкого и воспоминания В.К. Врублевского о расширении сферы употребления украинского языка, особенно в вузах, пишет В.В. Иваненко. При этом он уточняет, что распоряжение «вызвало большое сопротивление самих преподавателей»³⁷. В.А. Чёрный также упоминает о реформах Даденкова и Скабы, «которые не могли не быть иницированными “сверху”», опираясь на воспоминания В.К. Врублевского и мнение Я. Грицака. Грицак

³¹ Шаповал Ю.І. Партийний «націоналіст». С. 68.

³² Б. Кравченко ссылается на работу: *Chornovil V. What Bohdan Stenchuk Defends and How He Does It: Sixty-Six Questions and Comments to an “Internationalist”* // The Ukrainian Herald. Iss. 6. Baltimore, 1977. P. 24.

³³ Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. Київ, 1997. С. 291.

³⁴ Врублевский В.К. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. Записки помощника: воспоминания, документы, слухи, легенды, факты. Киев, 1993. С. 25.

³⁵ Бажан О.Г. Петро Шелест: вигнання з політичного Олімпу // Історія України: Маловідомі імена, події, факти. 2010. Вип. 36. С. 329–330.

³⁶ Кульчицкий С.В. Червоний виклик. Історія комунізму в Україні від його народження до загибелі: у 3 кн. Кн. 3. Київ, 2013. С. 239.

³⁷ Иваненко В.В. Указ. соч. С. 185.

в свою очередь ссылается на «самиздатовскую» литературу, в которой подчеркивалось, что именно Шелест был инициатором реформы и подал идею Даденкову о предпочтении набирать в вузы студентов, знающих украинский язык, об изучении общественных наук на украинском языке, о делопроизводстве и издании научных журналов, учебников и пособий на украинском. Однако реформа была остановлена «директивой из Москвы»³⁸.

Ю.И. Шаповал, ссылаясь на воспоминания Шелеста, считает, что на самом деле с распоряжением Даденкова об украинизации высшего образования в 1965 г. все было не так просто. Бывший первый секретарь ЦК КПУ пояснял, что на самом деле преподавателей не обязывали говорить только на украинском языке, «рекомендация была такая только тем преподавателям, которые знают украинский язык, и в аудитории, которая понимает украинский язык»³⁹.

Ю.И. Шаповал много внимания уделяет отношениям республиканского лидера с украинской интеллигенцией. Упоминая о теплоходной прогулке по Днепру 31 мая 1968 г., историк описывает ее как «неслыханную попытку найти неформальный контакт с украинскими писателями», о состоявшемся разговоре, растопившем лед «во многих аспектах взаимоотношений»⁴⁰. Однако, описывая это же событие, О.Г. Бажан обращает внимание, что теплоходная прогулка состоялась в период разрешения «чехословацкого вопроса» и выполняла больше функцию идеологической обработки, чем доверительного разговора о политической ситуации в соседней стране⁴¹.

Ю.И. Шаповал подчеркивает, что «Шелесту удавалось как-то балансировать» в сфере искусства⁴². В 1964 г. Шелест пригласил в ЦК КПУ писателя-фронтовика Виктора Некрасова, причем «партийный руководитель фактически извинялся за те несправедливые оценки, которые давали публикациям Некрасова в хрущевскую эпоху»⁴³. В том же году, когда решался вопрос с выпуском фильма Владимира Денисенко «Сон», Шелест не поддержал тех, кто пытался обвинить режиссера в «кинонационализме»: «Петр Шелест достаточно эмоционально и однозначно положительно воспринял фильм, который приняли к показу»⁴⁴. Шелест не дал арестовать кинорежиссера Сергея Параджанова⁴⁵, «буквально спас» фильм режиссера Юрия Ильенко «Белая птица с черной отметиной»⁴⁶.

К числу заслуг Шелеста Ю.И. Шаповал относит его серьезное внимание к охране памятников: Шелест санкционировал в 1966 г. создание Украинского общества охраны памятников истории и культуры⁴⁷. Правда, историк не упоминает, что такие же общества были созданы и в других республиках, причем раньше всего в Грузии — в 1959 г. В украинской литературе подчеркивается, что под личным контролем Шелеста создавался музей народной архитектуры и быта в Переяславе-Хмельницком, что Шелест поддержал обращение Союза писателей УССР по созданию в Киеве государственного архива-музея украинской литературы и искусства, наконец, при нем был создан тематический садово-декоративный парк «История запорожского казачества» на острове Большая Хортица. Впрочем, не меньше внимания Шелест уделял увековечению памяти советских воинов времен Второй мировой войны⁴⁸.

³⁸ Чорний В.О. Позиція секретаря ЦК КПУ П.Ю. Шелеста щодо діяльності дисидентів в 1960-х — на початку 1970-х років // Гілея. 2012. Вип. 66. С. 199–200; Грицак Я.Й. Указ. соч. С. 284.

³⁹ Шаповал Ю. Партийний «націоналіст». С. 68–69.

⁴⁰ Там же. С. 135–136.

⁴¹ Бажан О.Г. Петро Шелест і чехословацька криза 1968 року // Україна ХХ століття: культура, ідеологія, політика. 2020. Вип. 25. С. 99.

⁴² Шаповал Ю.І. Партийний «націоналіст». С. 122.

⁴³ Там же. С. 123.

⁴⁴ Там же. С. 124.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 125.

⁴⁷ Там же. С. 129.

⁴⁸ Там же. С. 130.

Вслед за В.П. Яремчуком украинские исследователи отмечают, что при Шелесте велись украиноведческие исторические исследования: вышли монографии Е. Апанович «Вооруженные силы Украины первой половины XVIII века», Р. Ивановой (Раиса Иванченко) «Михаил Драгоманов в общественно-политическом движении России и Украины (вторая половина XIX века)», была проведена основная работа по написанию 26-томной «Истории городов и сел Украинской ССР». Шелест занял «проукраинскую позицию» в дискуссии по вопросам истории Компартии Украины, особенностью которой была толерантность к украинскому национал-коммунизму. В двухтомном издании «История Украинской ССР» 1967 г. содержался «постулат о реакционных мотивах царского “освобождения” украинских земель от “иностранных поработителей” в результате “воссоединения” 1654 г. и в конце XVIII века». Одновременно «идея одностороннего культурного влияния России на Украину после переславского договора была заменена другой: “воссоединение обеспечило благотворное взаимовлияние русской и украинской культур”»⁴⁹.

При Шелесте вышли две статьи, посвященные историку и лидеру Центральной рады М.С. Грушевскому. Но если Ю.И. Шаповал подчеркивает, что первый секретарь не возражал «и против переиздания отдельных трудов» Грушевского, а вышедшие в «Литературной Украине» и «Украинском историческом журнале» статьи, «при всей идеологической ангажированности (а как тогда могло быть иначе?) и недосказанности» свидетельствовали «о некотором изменении» официального отношения к Грушевскому⁵⁰, то другие историки расставляют акценты по-иному. О.Г. Бажан считает, что Шелест относился к фигуре М.С. Грушевского «сквозь призму политической целесообразности»: «лишь желанием легитимизировать Грушевского как “выдающегося украинского буржуазного историка”, который понял “преимущества советского строя”. Накануне 100-летнего юбилея руководителя Украинской центральной рады, который громко отмечался украинской общественностью на Западе, последовало распоряжение Шелеста опубликовать две специальные идеологически выдержанные статьи в еженедельнике “Литературная Украина” и “Украинском историческом журнале”»⁵¹.

Подчеркивая амбивалентность своего героя, Ю.И. Шаповал пишет, что при Шелесте «прокатились две крупные репрессивные волны» против диссидентов в 1965 г. и в 1972 г. В августе–сентябре 1965 г. арестовали 24 человека, в январе–апреле 1972 г. — 73. За решеткой, в частности, оказались Иван Светличный, Вячеслав Черновол, Михаил и Богдан Горыни, Василий Стус⁵². Ю.И. Шаповал отмечает, что в 1971 г. был сначала вынесен выговор, а затем исключен из Союза композиторов Леопольд Ященко; руководимый им этнографический хор «Гомін» был ликвидирован⁵³. Историк обращает внимание читателей, что Шелест в своих записках «ни одним словом не вспоминает о трагической гибели художницы Аллы Горской, одной из самых заметных фигур в украинском диссидентском движении»⁵⁴.

Следует признать, что в современной украинской литературе вообще принято подчеркивать противоречивость фигуры первого секретаря ЦК КПУ. Например, О.Г. Бажан признает, что Шелест «содействовал усилиям научной общественности и творческой интеллигенции по политической реабилитации репрессированных или незаслуженно забытых литераторов, художников, ученых, общественных деятелей»⁵⁵. В то же время

⁴⁹ Яремчук В.П. Минуле України в історичній науці УРСР післясталінської доби. Острог, 2009. С. 86–105; Шаповал Ю.І. Партійний «націоналіст». С. 132–140.

⁵⁰ Шаповал Ю.І. Партійний «націоналіст». С. 134–135.

⁵¹ Бажан О.Г. До питання про «українофільство» першого секретаря ЦК КПУ Петра Шелеста // Історія України. Маловідомі імена, події, факти. 2011. Вип. 37. С. 219.

⁵² Шаповал Ю.І. Партійний «націоналіст». С. 146.

⁵³ Там же. С. 147.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Бажан О.Г. До питання про «українофільство» першого секретаря ЦК КПУ Петра Шелеста. С. 217.

О.Г. Бажан упоминает о письме Шелеста 1960 г., в котором глава киевского обкома, вполне в духе времени, предлагал тогдашнему первому секретарю ЦК КПУ Н.В. Подгорному санкционировать ограничение сферы деятельности киевских монастырей, в том числе закрыть ближние пещеры Киево-Печерской лавры, ограничить деятельность Флоровского женского монастыря, а монахинь в возрасте до 35 лет «привлечь к общественно-полезному труду»⁵⁶. Весной 1962 г. на основании списка, подготовленного Комитетом госбезопасности Украины, «Петр Шелест и руководители партийных ячеек на местах развернули “профилактическую работу” с коммунистами, которые не скрывали собственного возмущения уменьшением и ухудшением продовольственного снабжения, дефицитом потребительских товаров, ростом цен»⁵⁷.

Внимания заслуживает позиция Шелеста в отношении Олесь Гончара и его романа «Собор». Украинские специалисты не пришли к единой оценке роли первого секретаря в развернувшейся «антисоборной» кампании. С точки зрения В.Е. Панченко, «позиция П. Шелеста в истории с “Собором” выглядит двойственно». Были и «дипломатические жесты перед автором романа», но в то же время «партийный мундир обязывал Петра Ефимовича держаться линии, не “подставяться”». «Срабатывали “рефлексы”, азарт солдата партии, привыкшего ломать идеологически подозрительных (есть такая запись в “Дневнике” (Олесь Гончар. — Е.Б.) — П. Шелест якобы сказал кому-то о Гончаре: “Сломаем!”)»⁵⁸. Н.И. Степаненко, разбираясь в сложных отношениях между Олесем Гончаром, Ивановой Дзюбой и Петром Шелестом, считает одной из заслуг Гончара его отказ участвовать в «комиссии по Дзюбе» и указывает: «Известно, что “цековская” комиссия создана по постановлению Политбюро под руководством Петра Шелеста»⁵⁹. Гончар изложил Шелесту свою позицию в письме, которое, как подчеркивал писатель, вызвало недовольство главы республиканской парторганизации⁶⁰. В.А. Пащенко был склонен считать, что критика «Собора» исходила непосредственно от Шелеста, а роман, появившийся в 1968 г., «усилиями некоторых членов политбюро ЦК Компартии Украины, в том числе и первого секретаря П. Шелеста, был фактически запрещен почти на двадцать лет»⁶¹.

О.Г. Бажан не согласен с мнением Пащенко: «На самом деле “антисоборная кампания” по убеждению подавляющего большинства исследователей была инициирована из Кремля». Признавая, что Шелест «более склонялся к “разъяснительной работе” с мятежным художником», историк подчеркивает: «Более того, в многочисленных интервью и напечатанной в 1990-х годах книге воспоминаний Петр Шелест стремится убедить читателя в том, что он поддерживал Олесь Гончара во времена идеологического похода против его сочинения “Собор”»⁶². О.Г. Бажан обращает внимание на пометки Шелеста, сделанные им на полях служебной записки отдела пропаганды и агитации и отдела культуры ЦК КПУ. Шелест указывал на необходимость говорить «принципиально и критично», «об идейных извращениях и националистических тенденциях». Замечания Шелеста были учтены при подготовке газетной статьи⁶³. Когда в июне 1968 г. в «Известиях» появилась разгромная статья на роман «Собор», Олесю Гончару стало известно, что

⁵⁶ Бажан О.Г. Петро Шелест: початок політичної кар’єри // Чорноморський літопис. 2010. Вип. 1. С. 15.

⁵⁷ Там же. С. 15–16.

⁵⁸ Панченко В.Є. Після «Собору» // Панченко В.Є. Неубієнна література: Дослідницькі етюди. Київ, 2007. С. 363–364.

⁵⁹ Степаненко М.І. Олесь Гончар — Іван Дзюба — Петро Шелест: щоденникова взаєморецепція // Історична пам’ять. 2010. Вип. 1. С. 10.

⁶⁰ Там же. С. 11.

⁶¹ Пащенко В.О. Питання релігії та церкви в творчій спадщині Олесь Гончара // Історична пам’ять. 2009. № 2. С. 30.

⁶² Бажан О.Г. До питання про «українофільство» першого секретаря ЦК КПУ Петра Шелеста. С. 231.

⁶³ Там же. С. 233.

«некоторые правки к ней сделал П. Шелест, хотя партийный функционер в своих мемуарах подобный факт отрицал»⁶⁴. С точки зрения О.Г. Бажана, «украинофильство Петра Шелеста имело особый советский характер»: он не видел будущего Украины вне Советского Союза и, несмотря на свои автономистские амбиции, был напуган оживлением украинского национального движения⁶⁵.

Ю.И. Шаповал, описывая историю взаимоотношений Шелеста и Гончара, отмечал, что, по воспоминаниям бывшего первого секретаря, он не желал «потерять талантливого писателя и влиятельного человека среди творческой интеллигенции»⁶⁶. Историк осторожен в выводах: «Так, Шелест давал санкцию на критику Олеса Гончара, которая часто переходила на уровень политической травли. Однако он не отдал писателя на расправу. Примерно так же тогда, в середине 1960-х годов, сделал он и с Иваном Дзюбой: официально извергались тонны словесной грязи, но Дзюбу не трогали, не посадили»⁶⁷.

В связи с «украинофильством» Шелеста в литературе обсуждается и вопрос о том, занимался ли первый секретарь «местничеством», т.е., как разъясняет Ю.И. Шаповал, «способствовал некоторым хозяйственным реформам с целью большей автономизации Украины». Историк полагает, что «шелестовская политическая линия базировалась на своеобразной двойной лояльности — общесоюзной и республиканской, постоянном маневрировании между двумя политическими дискурсами: централизаторским и антицентрализаторским»⁶⁸. По утверждению Шаповала, «Петр Шелест упрямо присылал в центральные московские инстанции письма, в которых требовал простых вещей: поддержки конституционных прав Украины как суверенной республики в рамках СССР»⁶⁹.

Такая оценка была с благосклонностью воспринята другими украинскими историками и широко цитируется в современной литературе. Наиболее часто упоминается записка Шелеста 1965 г., в которой тот предлагал обратить внимание на организацию прямых внешнеэкономических связей Украины с зарубежными странами. Как подчеркивает Ю.И. Шаповал, на Шелеста обрушились А.Н. Шелепин, М.А. Суслов, П.Н. Демичев, А.Н. Косыгин, обвинив в незрелости, неосмотрительности и даже неблагополучии всей ситуации в УССР⁷⁰.

Перечисляя заслуги Шелеста, Ю.И. Шаповал упоминает и его инициативу по строительству современного села, которое стало бы «своего рода матрицей для застройки других сел области». Идея у Шелеста возникла в период его работы в Киевском обкоме в 1957 г. В качестве образца было выбрано село Ксаверовка на трассе Киев–Одесса. «В 1958 г. строительство началось. Часть денег дали колхозы и колхозники, а часть взяли в банке в кредит. Едва все заработало, Шелест почувствовал прохладное отношение к себе. В ЦК Компартии Украины и в Совете Министров УССР помощи никакой не оказывали. И вот однажды на партийном совещании Шелеста начали обвинять в том, что он выделяет для строительства современного колхозного села государственные ресурсы, металл, трубы, кирпич, железобетон, асфальт, электропровода и тому подобное». Историк трактует события с точки зрения Шелеста и цитирует слова последнего о том, что наибольшее упорство проявил В.В. Щербицкий: «Разговор принял крутой характер. Я тогда сказал президиуму, что селу надо помогать делом, а не словами, резко оборвал активность Щербицкого... Тон сбавили, тут же сказали, что строить, мол, нужно, однако следует быть осторожным с расходом материалов... Вот и выходит, что, если не возьмешь на себя ответственность, ничего крупного, даже мелкого не сделаешь»⁷¹.

⁶⁴ Там же. С. 234.

⁶⁵ Там же. С. 235.

⁶⁶ *Шаповал Ю.И.* Партийний «націоналіст». С. 117–118.

⁶⁷ Там же. С. 118.

⁶⁸ Там же. С. 106–107.

⁶⁹ Там же. С. 107.

⁷⁰ Там же. С. 110.

⁷¹ Там же. С. 50.

О.Г. Бажан, описывая шелестовский «сельский эксперимент», акцентирует внимание не на стычке Шелеста с Щербицким, а на реакции Москвы: «В один из приездов в Киев Ксаверовку посетил Никита Хрущев, после чего первый секретарь ЦК КПСС, выступая на совещаниях партактива, призвал ответственных работников заниматься перестройкой сел вроде Ксаверовки. Одобрительный отзыв руководителя советского государства о кооперативном строительстве на селе побудил Петра Шелеста продолжать действовать в данном направлении. Опыт застройки Ксаверовки был использован для закладки нового села Кодаки Васильковского района, которое за короткое время стало современным поселком городского типа»⁷².

Подобные нюансы имеют немалое значение для интерпретации облика Шелеста-политика. Ю.И. Шаповал приводит «почти детективную историю» со строительством дворца «Украина» в Киеве: «Тогда Москва не позволяла республикам строительство театров, дворцов культуры, клубов, спортивных сооружений, что мотивировалось нехваткой средств». Поскольку Шелесту напомнили, что в Киеве уже есть Октябрьский дворец, тот проинформировал центральные органы, что строят якобы современный киноконцертный зал, на что и получил согласие. Когда выяснилась правда, разгорелся скандал: «московские руководители начали “воспитывать”, в Киев – “разбираться” – приехала комиссия во главе с Николаем Подгорным». Поскольку деньги были уже потрачены, дворец построили»⁷³.

Несколько иначе выглядит ситуация в разъяснении О.Г. Бажана: «Главная сложность при строительстве дворца-красавца заключалась в том, что стоимость работ оценивалась в 20 млн советских рублей. Самостоятельно руководство республики могло принимать решения по строительству объектов, стоимость которых не превышала 4,5 млн рублей»⁷⁴.

Причины снятия Шелеста с поста главы КПУ современные украинские эксперты связывают с его взаимоотношениями с союзным руководством в целом и Л.И. Брежневым в частности, подчеркивая, как, например, О.Г. Бажан, симпатии Брежнева к представителю так называемого «днепропетровского клана» В.В. Щербицкому⁷⁵.

Об этой же симпатии упоминает и Ю.И. Шаповал, цитируя слова Шелеста о планах Брежнева заменить его на Щербицкого и «операции подсыживания»⁷⁶. Сочувствие историка целиком на стороне главы украинских коммунистов: «Начав работать под руководством Леонида Брежнева, Шелест достаточно быстро стал прозревать и понимать, кого он вместе с другими антихрущевскими заговорщиками привел к власти. Интриги, демагогия, мстительность, актерство, любовь к славе и наградам и одновременно робость – все эти и другие негативные брежневские черты стали вызывать у Шелеста тревогу»⁷⁷. Ю.И. Шаповал склонен подчеркивать борьбу украинского лидера за интересы республики, которую, на фоне постепенно нараставшего «брежневского централизма», «довольно легко можно было признать “опасной”». Следует признать, что, по мнению историка, Шелест отстаивал «не “национализм”, а права Украины»⁷⁸.

Таким образом, украинские историки считают П.Е. Шелеста фигурой неоднозначной: они отмечают как его приверженность социалистическому выбору, так и – в той или иной степени – «украинофильство». Специалисты пытаются оценить деятельность первого секретаря ЦК КПУ с учетом особенностей функционирования советской номенклатуры и сложных перипетий взаимоотношений республики и центра, реалий

⁷² Бажан О.Г. Петро Шелест: початок політичної кар'єри. С. 13.

⁷³ Шаповал Ю.І. Партійний «націоналіст». С. 126–127.

⁷⁴ Бажан О.Г. Про «економічне місництво» у політичній діяльності Петра Шелеста // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. 2012. Вип. 17. С. 187–188.

⁷⁵ Бажан О.Г. Петро Шелест: вигнання з політичного Олімпу. С. 331.

⁷⁶ Шаповал Ю.І. Партійний «націоналіст». С. 145.

⁷⁷ Там же. С. 108.

⁷⁸ Там же. С. 111.

Украинской ССР того времени, не забывая упомянуть, что мировоззрение этого деятеля формировалось в сталинский период. Анализируя различные стороны деятельности своего героя, Ю.И. Шаповал признает, что Шелест как политик, «конечно, вышел из “сталинской шинели”»⁷⁹. Однако в этой связи хотелось бы уточнить, что Шелест был не просто продуктом сталинской политики, но и порождением определенной эпохи – советской украинизации 1920-х годов, во время которой шло формирование советской украинской элиты, а молодое поколение должно было усвоить тезис о национальной форме социалистического содержания. Неудивительно, что Шелест, молодость которого прошла в этот период, был как искренним сторонником советской системы, так и «украинофилом», не видевшим будущего Украины вне братской семьи национальных республик. Именно тогда были заложены основы парадоксальности этого деятеля, о которой пишет Ю.И. Шаповал⁸⁰.

Бібліографія

- Бажан О.Г.* До питання про «українофільство» першого секретаря ЦК КПУ Петра Шелеста // Історія України. Маловідомі імена, події, факти. 2011. Вип. 37. С. 215–246.
- Бажан О.Г.* Петро Шелест і чехословацька криза 1968 року // Україна ХХ століття: культура, ідеологія, політика. 2020. Вип. 25. С. 98–118.
- Бажан О.Г.* Петро Шелест: вигнання з політичного Олімпу // Історія України: Маловідомі імена, події, факти. 2010. Вип. 36. С. 327–340.
- Бажан О.Г.* Петро Шелест: початок політичної кар'єри // Чорноморський літопис. 2010. Вип. 1. С. 11–16.
- Бажан О.Г.* Про «економічне місництво» у політичній діяльності Петра Шелеста // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. 2012. Вип. 17. С. 186–192.
- Борисенко Е.Ю.* «А что мы знаем о лице Украины?»: Украинизация как модель государственной политики в 1918–1941 гг. М., 2017.
- Борисенко Е.Ю.* Сталинский проконсул Лазарь Каганович на Украине: апогей советской украинизации (1925–1928). М., 2021.
- Врублевский В.К.* Владимир Шербицкий: правда и вымыслы. Записки помощника: воспоминания, документы, слухи, легенды, факты. Київ, 1993.
- Грицак Я.Й.* Нариси з історії України: формування української модерної нації. Київ, 1996.
- Екельчик С.* История Украины. Становление современной нации / авториз. пер. с англ. Н. Климчука. Киев, 2010.
- Іваненко В.В.* «Мала відлига» П.Ю. Шелеста: міф чи реальність? // Грані. 2016. № 8. С. 180–189.
- Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. / пер. з англ. В. Івашка, В. Корнієнка. Київ, 1997.
- Кульчицький С.В.* Червоний виклик. Історія комунізму в Україні від його народження до загибелі: у 3 кн. Кн. 3. Київ, 2013.
- Латиш Ю.В.* Портрет комуніста у вишиванці: рецензія на біографію Петра Шелеста // Спільне: Журнал соціальної критики. 22.07.2021. URL: <https://commons.com.ua/ru/portret-komunista-uvishivanci-recenziya-na-biografiyu-petra-shelesta/> (дата обращения: 24.09.2021).
- Панченко В.Є.* Після «Собору» // Панченко В.Є. Неубієнна література: Дослідницькі етюди. Київ, 2007. С. 360–373.
- Пащенко В.О.* Питання релігії та церкви в творчій спадщині Олесь Гончара // Історична пам'ять. 2009. № 2. С. 29–39.
- Петро Шелест: «Справжній суд історії ще попереду». Спогади, щоденники, документи, матеріали / упоряд. В. Баран, О. Мандебура, Ю. Шаповал, Г. Юдинова; за ред. Ю. Шаповала. Київ, 2004.
- Пиріг Р.Я.* Рец. на кн.: О. Бажан. Петро Шелест: «Вірю в розквіт моєї рідної України...». Київ: Парламентське видавництво, 2021 // Український історичний журнал. 2021. № 2. С. 199–206.
- Степаненко М.І.* Олесь Гончар – Іван Дзюба – Петро Шелест: щоденникова взаєморецепція // Історична пам'ять. 2010. Вип. 1. С. 5–23.

⁷⁹ Там же. С. 63.

⁸⁰ Там же. С. 10.

Чорний В.О. Позиція секретаря ЦК КПУ П.Ю. Шелеста щодо діяльності дисидентів в 1960-х – на початку 1970-х років // Гілея. 2012. Вип. 66. С. 199–203.

Шаповал Ю.І. Парти́йний «націоналіст». Парадокси Петра Шелеста. Львів; Київ, 2020.

Шаповал Ю.І. Петро Шелест. Харків, 2013.

Шелест П. «Справжній суд історії ще попереду» / загальна редакція та вступ Ю. Шаповала; упорядн. Ю. Шаповал (голова), В. Баран, Г. Юдинкова, О. Мандебура. Київ, 2011.

Яремчук В.П. Минуле України в історичній науці УРСР післясталінської доби. Острог, 2009.

Krawchenko V. Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. London, 1985.

Yekelchuk S. Ukraine: Birth of a Modern Nation. New York, 2007.

References

Bazhan O.H. Do pytannia pro “ukraïnofil’stvo” pershoho sekretaria TsK KPU Petra Shelesta [On the question of “Ukrainophilism” of the first secretary of the Central Committee of the Communist Party Petro Shelest] // Istoriiia Ukraïny. Malovidomi imena, podiï, fakty [History of Ukraine. Little-known names, events, facts]. 2011. Vol. 37. S. 215–246. (In Ukrainian)

Bazhan O.H. Petro Shelest i chekhoslovats’ka kryza 1968 roku [Petro Shelest and the Czechoslovak crisis of 1968] // Ukraïna XX stolittia: kul’tura, ideolohiia, polityka [Ukraine of the 20th century: culture, ideology, politics]. 2020. Vol. 25. S. 98–118. (In Ukrainian)

Bazhan O.H. Petro Shelest: pochatok politychnoi kar’iery [Petro Shelest: the beginning of his political career] // Chornomors’kyi litopys [Black Sea Chronicle]. 2010. Vol. 1. S. 11–16. (In Ukrainian)

Bazhan O.H. Petro Shelest: vyhnannia z politychnoho Olimpu [Petro Shelest: expulsion from the political Olympus] // Istoriiia Ukraïny: Malovidomi imena, podiï, fakty [History of Ukraine: Little-known names, events, facts]. 2010. Vol. 36. S. 327–340. (In Ukrainian)

Bazhan O.H. Pro “ekonomichne misnystvo” u politychnii diïal’nosti Petra Shelesta [On “economic localism” in the political activity of Peter Shelest] // Ukraïna XX st.: kul’tura, ideolohiia, polityka [Ukraine of the 20th century: culture, ideology, politics]. 2012. Vol. 17. S. 186–192. (In Ukrainian)

Borisenok E.Yu. “A chto my znajem o litse Ukraïny?”: Ukrainizatsiia kak model’ gosudarstvennoi politiki v 1918–1941 gg. [“What do we know about the face of Ukraine?”: Ukrainization as a model of state policy in 1918–1941]. Moscow, 2017. (In Russ.)

Borisenok E.Yu. Stalinskii prokonsul Lazar’ Kaganovich na Ukraïne: apogeï sovetskoï ukrainizatsii (1925–1928) [Stalin’s proconsul Lazar’ Kaganovich in Ukraine: the apogee of Soviet Ukrainization (1925–1928)]. Moscow, 2021. (In Russ.)

Chornyi V.O. Pozyttsiia sekretaria TsK KPU P.Iu. Shelesta shchodo diïal’nosti dysydyntiv v 1960-kh – na pochatku 1970-kh rokiv [The position of the secretary of the Central Committee of the Communist Party P.Yu. Shelest on the activities of dissidents in the 1960s – early 1970s] // Hileia [Gileya]. 2012. Vol. 66. S. 199–203. (In Ukrainian)

Ekelchuk S. Ystoryia Ukraïny. Stanovlenye sovremennoi natsyy / translated by N. Klymchuk. Kiev, 2010. (In Ukrainian)

Hrytsak Ia.Î. Narys z istoriï Ukraïny: formuvannia ukraïns’koï modernoi natsii [Essays on the history of Ukraine: the formation of the Ukrainian modern nation]. Kiev, 1996. (In Ukrainian)

Iaremchuk V.P. Mynule Ukraïny v istorychnii nauksï URSS pisliastalins’koï doby [Ukraine’s past in the historical science of the USSR of the post-Stalin era]. Ostroh, 2009. (In Ukrainian)

Ivanenko V.V. “Mala vidlyha” P.Iu. Shelesta: mif chy real’nist’? [“Small thaw” P.Yu. Shelesta: myth or reality?] // Hrani [Faces]. 2016. № 8. S. 180–189. (In Ukrainian)

Kravchenko B. Sotsial’ni zminy i natsional’na svidomist’ v Ukraïni XX st. / Translated by V. Ivashko, V. Kornienko [Social changes and national consciousness in Ukraine of the 20th century / from english V. Ivashka, V. Kornienko]. Kiev, 1997. (In Ukrainian)

Kul’chys’kyi S.V. Chervonyi vyklyk. Istoriiia komunizmu v Ukraïni vid ioho narodzhennia do zahybely [Red call. History of communism in Ukraine from its birth to its death]: vols. 1–3. Vol. 3. Kiev, 2013. (In Ukrainian)

Latysh Iu.V. Portret komunista u vyshyvantsi: retsenziia na biografiu Petra Shelesta [Portrait of a communist in an embroidered shirt: a review of the biography of Peter Shelest] // Spil’ne: Zhurnal sotsial’noi krytyky [Joint: Journal of Social Criticism]. 22.07.2021. URL: <https://commons.com.ua/ru/portret-komunista-u-vishyvanci-recenziya-na-biografiyu-petra-shelesta/> (access date: 24.09.2021). (In Ukrainian)

Panchenko V.Ie. Pislia “Soboru” [After the “Cathedral”] // Panchenko V.Ie. Neubienna literatura: Doslidnyts’ki etudy [Unkilled Literature: Research Etudes]. Kiev, 200. S. 360–373. (In Ukrainian)

Pashchenko V.O. Pytannia religii ta tserkvy v tvorchiï spadshchyni Olesia Honchara [Issues of religion and church in the creative heritage of Oles Honchar] // *Istorychna pam'iat'* [Historical memory]. 2009. Vol. 2. S. 29–39. (In Ukrainian)

Petro Shelest: “Spravzhniiï sud istoriiï shche poperedu”. Spohady, shchodennyky, dokumenty, materialy [“The true court of history is still ahead”. Memories, diaries, documents, materials] / eds V. Baran, O. Mandebura, Iu. Shapoval, H. Iudynkova. Kiev, 2004. (In Ukrainian)

Pyrih R.Ia. Review: O. Bazhan. Petro Shelest: “Viriu v rozkvit moieï ridnoï Ukraïny...” [Review of the book: O. Bazhan. Petro Shelest: “I believe in the prosperity of my native Ukraine...”]. Kiev: Parlaments'ke vydavnytstvo, 2021 // *Ukraïns'kyï istorychnyiï zhurnal* [Ukrainian Historical Journal]. 2021. Vol. 2. S. 199–206. (In Ukrainian)

Shapoval Iu.I. Partiïnyiï “natsionalist”. Paradoksy Petra Shelesta [Party “nationalist”. The paradoxes of Peter Shelest]. Lviv; Kiev, 2020. (In Ukrainian)

Shapoval Iu.I. Petro Shelest [Petro Shelest]. Kharkov, 2013. (In Ukrainian)

Shelest P. “Spravzhniiï sud istoriiï shche poperedu” [“The true court of history is still ahead”] / eds Iu. Shapoval, V. Baran, H. Iudynkova, O. Mandebura. Kiev, 2011. (In Ukrainian)

Stepanenko M.I. Oles' Honchar – Ivan Dziuba – Petro Shelest: shchodennykova vzaïmoretseptsiia [Oles Honchar – Ivan Dziuba – Petro Shelest: diary mutual reception] // *Istorychna pam'iat'* [Historical memory]. 2010. Vol. 1. S. 5–23. (In Ukrainian)

Vrublevskii V.K. Vladimir Shcherbitskii: pravda i vymysly. Zapiski pomoshchnika: vospominania, dokumenty, slukhi, legendy, fakty [Vladimir Shcherbitsky: truth and fiction. Assistant Notes: Memories, Documents, Rumors, Legends, Facts]. Kiev, 1993. (In Russ.)

Krawchenko B. Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. London, 1985.

Yekelchuk S. Ukraine: Birth of a Modern Nation. New York, 2007.

DOI: 10.31857/S013038640018318-7

© 2022 г. Д.В. СТЕРХОВ

ГАННОВЕРСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПРУССИИ В НАЧАЛЕ XIX века (1801–1806 годы)

Стерхов Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com

Scopus Author ID: 57202980490; ORCID: 0000-0003-3173-793X

Аннотация. Цель исследования – оценить роль и значение ганноверского вопроса как самостоятельного направления внешней политики Пруссии в начале XIX в. В вводной части статьи рассматриваются истоки ганноверского вопроса как международной проблемы, а также анализируются мотивы, побудившие прусского короля Фридриха Вильгельма III к аннексии Ганновера. Особое внимание уделяется влиянию внешней политики на внутреннюю стабильность прусского государства, территория которого была не единой, а население – разнородным. Для восстановления внутреннего равновесия, нарушенного завоеванием на востоке польских земель с католическим населением, как нельзя лучше подходило присоединение населенного немцами-протестантами курфюршества Ганновер на западе. Также проводится прямая взаимосвязь между ганноверским вопросом и политикой нейтралитета, которую проводила Пруссия в 1795–1806 гг. После неудачной оккупации Ганновера в 1801 г. Фридрих Вильгельм III стремился присоединить курфюршество исключительно мирным путем и добиться признания этой аннексии со стороны Франции, Англии и России, в связи с чем был вынужден постоянно лавировать между Наполеоном и антифранцузской коалицией. Такая политика оказалась несостоятельной и привела Пруссию к войне с Англией и невыгодному союзу с Францией. Ганноверский вопрос сыграл решающую роль в присоединении Пруссии к Четвертой коалиции и франко-прусской войне 1806–1807 гг., в которой Пруссия потерпела сокрушительное поражение. В то же время неудача в ганноверском вопросе побудила Пруссию перейти от политики нейтралитета и лавирования к силовому решению внешнеполитических задач.

Ключевые слова: Пруссия, Ганновер, внешняя политика, Наполеоновские войны, Фридрих Вильгельм III, нейтралитет.

D.V. Sterkhov

The Hanoverian Question and Prussian Foreign Policy in the Early Nineteenth Century (1801–1806)

Dmitrii Sterkhov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com

Scopus Author ID: 57202980490; ORCID: 0000-0003-3173-793X

Abstract. This study explores the significance of the Hanoverian Question for Prussian foreign policy in the early nineteenth century. The author looks at the origins of the Hanoverian Question and analyses

Prussian motives for annexing Hanover in the first part of the article. Special attention is paid to the relationship between Prussian foreign policy and Prussian domestic stability. The political system in Prussia was severely unbalanced by the capture of vast swathes of Polish territory to the east, populated mostly by Catholics. To restore the balance, the Prussian state badly needed a German-speaking and Evangelical province to the west, and only the Electorate of Hanover met these requirements. The Hanoverian Question went hand in hand with the neutrality policy pursued by Prussia between 1795 and 1806. After the unsuccessful occupation of Hanover in 1801, Prussian King Friedrich Wilhelm III committed himself solely to the peaceful annexation of the Electorate, which had to be recognised internationally, above all by France, Great Britain, and Russia. Forced to manoeuvre between Napoleon and the Anti-French Coalition, Prussia eventually gained possession of Hanover, but found itself at war with both Great Britain and France. Thus, the delicate Hanoverian Question paved the way for the War of the Fourth Coalition of 1806–1807, which ended in Prussia's worst defeat. One can conclude that Prussia failed to resolve the Hanoverian Question satisfactorily, yet this diplomatic setback was instrumental in changing Prussian foreign policy. After 1806 Prussia finally abandoned its policy of neutrality and manoeuvring appeared more willing to use force to achieve its goals.

Keywords: Prussia, Hanover, foreign policy, Napoleonic Wars, Friedrich Wilhelm III, neutrality.

В начале XIX в. основным направлением внешней политики королевства Пруссия являлась борьба за гегемонию в северной Германии. В рамках этого направления прусская политическая элита пыталась решить так называемый ганноверский вопрос — сложную международную проблему, связанную с претензиями сразу трех великих держав, а именно Великобритании, Франции и Пруссии, на курфюршество Ганновер. В научной литературе ганноверский вопрос, как правило, рассматривается в контексте международных отношений начала XIX в. Это касается, к примеру, работ Пола Шрёдера¹ и Амира Бернштайна². Большое внимание в историографии уделяется англо-ганноверской унии и ганноверской проблеме как части британской внешней политики³. Применительно к Пруссии ганноверский вопрос анализируется в рамках прусской политики нейтралитета, именно в таком ключе затрагивает эту тему австралийский историк Филипп Дуайер⁴. Прусские попытки решить ганноверский вопрос в свою пользу бегло упоминаются в общих работах, посвященных истории Пруссии конца XVIII — начала XIX в.⁵ Комплексную оценку роли и значения ганноверского вопроса для внешней и внутренней политики Пруссии, однако, эти работы не дают. Крупных исследований по данному вопросу в отечественной историографии не проводилось.

История ганноверского вопроса восходит к XVII в. В 1609–1614 гг. курфюрст Бранденбурга Иоганн III Сигизмунд Гогенцоллерн принял участие в войне за Клевское наследство, получив по ее итогам небольшие территории на Рейне — герцогство Клеве, графства Марк и Равенсберг. Северо-западная часть Священной Римской империи

¹ *Schroeder P.W.* The Transformation of European politics. 1763–1848. Oxford, 1994. P. 220–222, 253–255.

² *Bernstein A.D.* Von der Balance of Power zur Hegemonie. Ein Beitrag zur europäischen Diplomatiegeschichte zwischen Austerlitz und Jena/Auerstedt 1805–1806. Berlin, 2006.

³ *Riotte T.* Hannover in der britischen Politik (1792–1815). Dynastische Verbindung als Element außenpolitischer Entscheidungsprozesse. Münster, 2005; *Harding N.* Hanover and the British Empire 1700–1837. Woodbridge, 2007; The Hanoverian Dimension in British History, 1714–1837 / eds B. Simms, T. Riotte. Cambridge, 2007.

⁴ *Dwyer Ph.G.* Prussia and the Armed Neutrality: The Invasion of Hanover of 1801 // The International History Review. 1993. Vol. 15. № 4. P. 661–687; *Edem.* Two Definitions of Neutrality: Prussia, the European State-System, and the French Invasion of Hanover in 1803 // The International History Review. 1997. Vol. 19. № 3. P. 522–540.

⁵ *Simms B.* The Impact of Napoleon. Prussian High Politics, Foreign Policy and the Crisis of the Executive, 1797–1806. Cambridge, 1997; *Kittstein L.* Politik im Zeitalter der Revolution. Untersuchungen zur preußischen Staatlichkeit 1792–1807. Stuttgart, 2003.

состояла на тот момент из огромного количества светских и духовных феодальных княжеств, на фоне которых особенно выделялось герцогство Брауншвейг-Люнебург-Каленберг. Его правитель, герцог Эрнст Август, с начала 1680-х годов планомерно добивался своего принятия в коллегия курфюрстов. Несмотря на все трудности, в 1692 г. Эрнст Август получил от императора Леопольда I желанный титул. Значительную дипломатическую поддержку Эрнсту Августу оказал его зять, муж его дочери Софии Шарлотты – курфюрст Бранденбурга Фридрих III⁶. Сам Фридрих также стремился повысить свой статус и стать королем Пруссии, что ему удалось сделать в 1701 г.

Несмотря на династические связи и общие политические интересы, отношения между Бранденбургом-Пруссией и Ганновером не всегда складывались благоприятно. Рейнские владения Пруссии были отрезаны от основной части королевства сильным курфюршеством, которое к тому же само предъявляло претензии на роль гегемона в северной Германии. Невероятным успехом для ганноверских курфюрстов стало их восшествие на английский престол в 1714 г. С этого момента Ганновер находился в личной унии с Великобританией, являясь главным владением британских королей на континенте. Прусских правителей не устраивало такое возвышение соперников. Дважды, в 1729 и 1733 гг., Пруссия и Ганновер оказывались на грани войны⁷. Ситуация изменилась лишь в годы Семилетней войны 1756–1763 гг., когда Великобритания и Ганновер стали главными союзниками прусского короля Фридриха II Великого. Англо-ганноверские войска под командованием герцога Карла Вильгельма Фердинанда Брауншвейгского успешно отбивали все атаки французов, прикрывая тылы Фридриха на западном фронте. Ганновер также являлся основным партнером Пруссии по Союзу князей, созданному Фридрихом II в 1785 г. против Австрии. Вместе с Пруссией Ганновер также участвовал в военных действиях против революционной Франции в 1792–1794 гг. Ганноверская армия, в ней тогда служил будущий военный реформатор Герхард фон Шарнхорст, была задействована преимущественно в Австрийских Нидерландах⁸. Вслед за Пруссией в 1795 г. Ганновер заключил в Базеле сепаратный мир с Францией, который предусматривал создание на севере Германии нейтральной зоны, находящейся под протекторатом прусского короля. В связи с вхождением в нее Ганновера английские войска были вынуждены покинуть территорию курфюршества, а английский монарх Георг III оказался в парадоксальной ситуации: как ганноверский курфюрст он заключал мир с Францией, но как король Великобритании он продолжал с ней войну. Это было первое противоречие в личной унии Ганновера и Великобритании.

Базельский мир 1795 г. стал переломным моментом во взаимоотношениях между Пруссией и Ганновером. Последний фактически лишился покровительства и защиты британского короля и вошел в сферу прусского влияния в северной Германии. В это время внутри политической элиты прусского королевства обсуждались два возможных направления дальнейшей территориальной экспансии. Карл Август фон Гарденберг, бывший в 1790-е годы министром во франконских княжествах Ансбах и Байройт, выступал за продвижение Пруссии в южную Германию. Он полагал, что Австрия слишком занята войной с Францией, а Бавария, Баден, Вюртемберг и другие южногерманские княжества настолько слабы, что не смогут оказать Пруссии должного сопротивления. В планы Гарденберга входила аннексия всего Верхнего Пфальца, епископств Айхштетт и Бамберг, а также Швайнфурта, Ротенбурга, Нюрнберга и других имперских городов⁹. Противоположной точки зрения придерживался министр иностранных дел Пруссии Кристиан фон Хаугвиц, который настаивал на экспансии Пруссии в северную и северо-

⁶ Göse F. Friedrich I. Ein König in Preußen. Regensburg, 2012. S. 193.

⁷ Kathe H. Der Soldatenkönig: Friedrich Wilhelm I., 1688–1740, König in Preussen: eine Biographie. Köln, 1981. S. 125.

⁸ Hornung K. Scharnhorst. Soldat – Reformier – Staatsmann. Ein Lebens- und Zeitbild. Gilching, 2013. S. 40–43.

⁹ Gall L. Hardenberg. Reformier und Staatsmann. München, 2016. S. 91.

западную части Священной Римской империи, населенной преимущественно протестантским населением. В 1796 г. Хаугвиц впервые заговорил о необходимости аннексии Ганновера до того, как это сделают французы. Точку в спорах между сторонниками северного и южного направлений поставил прусский король Фридрих Вильгельм III, взошедший на престол в 1797 г. Он полностью поддержал Хаугвица и окончательно отказался от любых проектов по экспансии Пруссии в южную Германию.

Почему Фридрих Вильгельм III остановился на северном направлении? Этот выбор можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, католические южнемецкие земли никогда не входили в сферу интересов протестантской Пруссии. Во-вторых, прусская экспансия на юг Германии могла натолкнуться на ожесточенное сопротивление Австрии, вражды с которой Фридрих Вильгельм III стремился избежать. В-третьих, главным инструментом внешней политики Фридрих Вильгельм III избрал нейтралитет, т.е. неучастие Пруссии в вооруженных конфликтах, в том числе в коалициях против Франции. Сохранение нейтралитета объяснялось не только миролюбивым характером молодого короля, испытывавшего отвращение к ужасам войны, но в первую очередь плачевным состоянием прусских финансов, не позволявших вести ширококомасштабные военные кампании. Отец Фридриха Вильгельма III, Фридрих Вильгельм II, потратил огромные средства на войны как с революционной Францией на западе, так и с польскими повстанцами на востоке, оставив сыну огромный долг в 55 млн талеров¹⁰. Кроме того, немалых средств требовала интеграция в состав прусского государства новых провинций на востоке, приобретенных в ходе второго и третьего разделов Речи Посполитой в 1793 и 1795 гг. В этих условиях Фридрих Вильгельм III старался избегать внешнеполитических авантюр и строго придерживался курса на нейтралитет. С точки зрения внутренней интеграции северное направление внешней политики представлялось более выгодным, чем южное, так как давало возможность Пруссии укрепиться в регионе, расположенном максимально близко к ее центральным провинциям.

В северной части Германии имелась на тот момент лишь одна территория, которую можно было присоединить к Пруссии без особых, как считалось, усилий, – Ганновер. Курфюршество действительно казалось легкой добычей, так как его никто не защищал, британские войска были эвакуированы с его территории, а сама ганноверская армия была настолько слабой, что не смогла бы оказать никакого сопротивления внешней агрессии. Немаловажным для Фридриха Вильгельма III было и то, что Ганновер можно было аннексировать мирным путем без вступления в войну и коалиции, т.е. без нарушения столь важного для короля принципа нейтралитета. Кроме того, Ганновер было очень легко интегрировать в состав прусского королевства, так как в курфюршестве проживали только немцы, к тому же протестанты. Аннексия Ганновера позволила бы решить и другую давнюю проблему: объединить разбросанные по Рейну разрозненные территории в единую централизованную провинцию, что, безусловно, способствовало бы внутренней консолидации прусского государства. Территориальный разрыв между центральными и рейнскими провинциями был бы преодолен, а Пруссия получила бы хорошо защищенную западную границу. Наконец, бескровная аннексия Ганновера могла значительно поднять престиж и авторитет Пруссии на международной арене, а также укрепить ее гегемонию в северной Германии. Брошенный на произвол судьбы англичанами Ганновер казался созревшим яблоком, которое рано или поздно должно было само упасть в руки Фридриха Вильгельма III.

С другой стороны, оккупация Ганновера неизбежно привела бы к конфликту с Великобританией, а король Георг III не собирался отказываться от своих прав на курфюршество. В этой связи Пруссии требовалась дипломатическая поддержка со стороны других

---

¹⁰ *Lange S. Preußens asymmetrische Herausforderung – preußische Politik und Armee am Vorabend der Schlacht bei Jena und Auerstedt // Jena 1806: Vorgeschichte und Rezeption / hrsg. von K.-H. Lutz, M. von Salisch. Potsdam, 2009. S. 18.*

европейских стран. Фридрих Вильгельм III решил действовать через Россию, тем более что император Павел I сначала был союзником Великобритании, а потом стал ее противником. В декабре 1800 г. Россия, Дания, Швеция и Пруссия заключили конвенцию против Великобритании, известную как «второй вооруженный нейтралитет». Фридрих Вильгельм III не рассматривал эту конвенцию как коалицию, направленную против Британии, формально Пруссия оставалась нейтральной. В феврале 1801 г., Россия и Франция дали Пруссии свое согласие на оккупацию Ганновера, и уже 1 апреля 1801 г. прусская армия вступила на территорию курфюршества. Вместе с курфюршеством в руках пруссаков оказались устья рек Эльба и Везер, ограничение передвижения по ним могло нанести колоссальный ущерб английской торговле на континенте¹¹. Однако прусское правительство не учло, что, получив Ганновер не путем захвата, а с одобрения Франции и России, Пруссия в любой момент могла лишиться его, если бы международная обстановка внезапно изменилась. Это в конечном счете и произошло: император Александр I, взошедший на российский престол в 1801 г. взял курс на сближение с Англией, также наметилось временное умиротворение англо-французского конфликта. В этих условиях Пруссия более не имела оснований удерживать Ганновер, мотивируя свое присутствие здесь русской или французской угрозой. Дальнейшая оккупация курфюршества могла привести к войне один на один с Великобританией, чего Фридрих Вильгельм III желал избежать во что бы то ни стало. В ноябре 1801 г. прусский король принял нелегкое решение о выводе своих войск из Ганновера, провинция вновь вернулась под власть английского короля Георга III¹².

Кратковременная оккупация Ганновера в 1801 г. вылилась в настоящую дипломатическую катастрофу для Пруссии. Впервые с 1795 г. политика нейтралитета дала сбой, стало очевидным, что она неспособна принести королевству новые территориальные приобретения, но отказываться от нее Фридрих Вильгельм III все равно не собирался. Прусское правительство вновь вернулось к ганноверскому вопросу весной 1803 г., когда Англия и Франция в очередной раз стояли на пороге войны. На этот раз французская угроза была вполне реальной, так как Наполеон совершенно не скрывал, что планирует отобрать Ганновер у англичан, дабы нанести им существенный урон на континенте. В мае 1803 г. Фридрих Вильгельм III провел совещание со своими приближенными по поводу ганноверского вопроса. Мнения в окружении монарха разделились: часть министров во главе с графом Хаугвицем настаивала на немедленной оккупации Ганновера даже при угрозе войны одновременно и с Англией, и с Францией. Другая часть, во главе с герцогом Карлом Брауншвейгским, настаивала на сохранении нейтралитета и отказе от Ганновера. Помня о провале 1801 г., Фридрих Вильгельм III поддержал сторонников нейтралитета. Следствием этого решения стало вторжение французских войск в Ганновер во главе с генералом Эдуардом Мортье в начале июня 1803 г. Великобритания вновь не оказала помощи ганноверской армии, которая без сопротивления капитулировала у местечка Зулинген 3 июня 1803 г. К середине месяца вся территория курфюршества, включая устья рек Эльба и Везер, была в руках французов¹³.

Очередная неудача Пруссии в ганноверском вопросе имела для нее серьезные дипломатические последствия. Во-первых, ни о какой северогерманской нейтральной зоне отныне не могло быть и речи, Наполеон грубо нарушил демаркационную линию, и прусский король ничего не предпринял, чтобы его остановить. Во-вторых, в мае 1803 г. прусское правительство фактически пересмотрело саму концепцию нейтралитета, ограничив его исключительно границами своего государства. Это означало, что Пруссия отказывалась от роли защитника всей северной Германии, уступив свои

¹¹ Dwyer Ph. G. Prussia and the Armed Neutrality... P. 667.

¹² Riotte T. Op. cit. S. 113.

¹³ Stubbe da Luz H. "Franzosenzeit" in Norddeutschland (1803–1814). Napoleons Hanseatische Departements. Bremen, 2003. S. 60.

позиции Франции. В-третьих, пострадала и безопасность Пруссии: опасный противник находился непосредственно у ее границ. Наконец, серьезный урон был вновь нанесен международному престижу и авторитету Пруссии, которая оказалась неспособной защитить собственную сферу влияния. Действия Фридриха Вильгельма III могут показаться странными, однако определенная логика в них была. Король и его окружение рассчитывали, что французская оккупация Ганновера будет временной, рано или поздно Наполеону придется либо вернуть его Англии, либо передать Пруссии, тогда курфюршество можно будет аннексировать мирным путем. Владение Ганновером в результате силового захвата, без одобрения ведущих европейских держав, в первую очередь Франции, России и Великобритании, казалось Фридриху Вильгельму III неприемлемым. Курфюршество должно было достаться Пруссии только мирным путем и только в результате дипломатических переговоров. Как казалось прусскому правительству, лишь в таком случае никто не сможет оспорить право Пруссии владеть Ганновером. В декабре 1803 г. Наполеон даже пообещал прусскому королю, что не будет решать судьбу занятого им курфюршества без предварительных совещаний с прусским правительством¹⁴. Таким образом, в 1803 г. Пруссия не отказалась от своего участия в ганноверском вопросе, а лишь заняла выжидательную позицию.

Удобный момент появился осенью 1805 г., когда Европе грозила очередная война между Наполеоном и его противниками. Россия, Англия, Австрия и Швеция сформировали Третью коалицию, к которой также было предложено присоединиться и Пруссии, однако Фридрих Вильгельм III продолжал настаивать на сохранении нейтралитета. Параллельно прусское правительство вело переговоры с Наполеоном, пытаясь получить от него Ганновер, но безуспешно. Фридрих Вильгельм III оказался в сложной ситуации: члены Третьей коалиции, куда входила и Англия, не могли гарантировать ему овладение Ганновером, Наполеон же требовал за курфюршество непомерно высокую цену — полноценный альянс с Францией, окончание нейтралитета и войну с половиной Европы. Вес 1805 г. прусский король и его новый министр иностранных дел Карл Август фон Гарденберг, сумевший временно оттеснить графа Хаугвица на задний план, лавировали между коалицией и Наполеоном, испытывая колоссальное дипломатическое давление с обеих сторон. Ситуация кардинально изменилась в начале октября 1805 г., когда франко-баварские войска под командованием маршала Бернадота грубо нарушили прусский нейтралитет и без разрешения прошли по территории княжества Ансбах. Очередной афронт со стороны Наполеона глубоко возмутил прусского короля и заставил его принять сторону Третьей коалиции. По настоянию Гарденберга 25 октября 1805 г. герцог Брауншвейгский ввел прусские войска в оставленный Наполеоном Ганновер, при этом никаких санкций по отношению к Пруссии ни со стороны Наполеона, ни со стороны Великобритании не последовало. Гарденберг, выступавший за окончательный отказ от нейтралитета и полноценное присоединение к Третьей коалиции, организовал личную встречу Александра I и Фридриха Вильгельма III, она состоялась в тот же день в Берлине. 3 ноября была подписана Потсдамская конвенция, которая предусматривала вооруженное посредничество Пруссии между Наполеоном и Третьей коалицией. В случае отказа Наполеона принять требования коалиции Пруссия обязывалась в течение четырех недель объявить ему войну¹⁵. В ставку Наполеона был отправлен возвращенный из отставки граф Хаугвиц. Он должен был предъявить французскому императору основные требования Третьей коалиции: отказ от итальянской короны и вывод войск из Германии, Неаполя, Нидерландов и Швейцарии¹⁶.

¹⁴ *Bailleu P.* Preußen und Frankreich von 1795 bis 1807. Diplomatische Correspondenzen. Zweiter Teil (1800–1807). Leipzig, 1887. S. 316–317.

¹⁵ *Receuil des Traité et Conventions conclus par la Russie avec les puissances étrangères, publié d'ordre du Ministère des Affaires Etrangères par F. Martens.* T. II. Traité avec l'Autriche. 1772–1808. St. Pétersbourg, 1875. P. 486.

¹⁶ *Dwyer Ph.G.* The Rise of Prussia: 1700–1830. New York, 2013. P. 249.

Потсдамская конвенция носила половинчатый характер, так как она не предусматривала немедленного вступления Пруссии в войну против Наполеона, равно как и не гарантировала ей владение Ганновером. Россия и Австрия всего лишь обещали повлиять на Георга III и убедить его добровольно отказаться от курфюршества взамен на прусскую военную помощь. К тому же конвенция была заключена в то время, когда Третья коалиция терпела одни поражения. Наполеон уже успел разгромить Австрию и захватить Вену, а 2 декабря 1805 г. он наголову разбил своих врагов в сражении при Аустерлице. Когда граф Хаугвиц прибыл в Вену, Третья коалиция фактически распалась, посредничества Пруссии более не требовалось. 15 декабря 1805 г. Г.Х.А. Хаугвиц и французский министр иностранных дел Ш.М. Талейран подписали Шёнбруннский договор, который стал новым поворотным моментом во внешней политике Пруссии. Из участника Третьей коалиции она внезапно превратилась в союзницу Франции¹⁷. Пруссия, наконец, получила вождельный Ганновер, однако взамен должна была понести некоторые территориальные потери, а именно: уступить Ансбах Баварии, княжество Невшатель Франции, правобережную часть герцогства Клеве созданному Наполеоном Великому герцогству Берг¹⁸. Хаугвиц заключал Шёнбруннский договор без всякого согласования с Фридрихом Вильгельмом III, его условия стали полной неожиданностью для прусского короля. Более того, полным ходом шла военная мобилизация, прусское общество готовилось к войне с Францией, поэтому новость о заключенном альянсе в Берлине произвела эффект разорвавшейся бомбы. Окружение Фридриха Вильгельма III вновь раскололось: одни требовали немедленной ратификации Шёнбрунского договора, другие, в том числе Гарденберг, настаивали на его модификации¹⁹. Сомнения Фридриха Вильгельма III и его министров были вполне понятны: ратификация Шёнбрунского договора означала получение Ганновера из рук Наполеона и превращение Пруссии в его союзницу, т.е. отказ от политики нейтралитета и войну с Англией, Австрией и Россией. В середине января 1806 г. Хаугвиц вновь был отправлен в Париж к Наполеону с требованием трансформировать военный союз в оборонительный, а окончательное решение ганноверского вопроса временно отложить до заключения общеевропейского мира. Полагая, что Наполеон примет прусские предложения, Фридрих Вильгельм III отдал приказ о прекращении военной мобилизации, которая обошлась прусской казне в 5 млн талеров²⁰.

Однако Пруссию ожидало очередное дипломатическое поражение. 15 февраля 1806 г. Хаугвиц вынужден был заключить Парижский договор с Наполеоном, который содержал более жесткие условия. Теперь Пруссия не просто должна была оккупировать Ганновер, отдав взамен провинции Клеве, Ансбах и Нёвшатель, а обязана заблокировать устья Эльбы и Везера для английского судоходства и торговли²¹. Фридрих Вильгельм III допустил непростительную ошибку, отдав приказ о демобилизации армии, так как теперь он ничего не мог противопоставить Наполеону. 26 февраля 1806 г. король вынужден был ратифицировать Парижский договор. Прусские войска вновь оккупировали Ганновер, губернатором провинции был назначен граф Фридрих Вильгельм Шуленбург-Кенерт. Ответ британского правительства не заставил себя долго ждать: 6 апреля Великобритания наложила эмбарго на прусские товары, 20 апреля английский посол в Пруссии покинул Берлин, в мае английский флот начал масштабные атаки прусских торговых кораблей, а 11 июня последовало официальное объявление войны²².

¹⁷ Bernstein A.D. Op. cit. S. 71.

¹⁸ Receuil des traité de la France. Т. II. 1803–1815. Paris, 1880. P. 144.

¹⁹ Hermann I. Hardenberg. Der Reformkanzler. Berlin, 2003. S. 201–202.

²⁰ Stamm-Kuhlmann Th. König in Preußens großer Zeit. Friedrich Wilhelm III., der Melancholiker auf dem Thron. Berlin, 1992. S. 204.

²¹ Receuil des traité de la France. P. 155.

²² The Hanoverian Dimension in British History. P. 80.

Возникает закономерный вопрос: почему ни первая прусская оккупация Ганновера в 1801 г., ни вторая осенью 1805 г. не вызвали такой бурной реакции со стороны англичан, как это произошло в апреле – июне 1806 г.? Очевидно, все дело было в условиях Парижского трактата. Во-первых, получая Ганновер из рук Наполеона, Пруссия фактически становилась его союзницей и признавала гегемонию Франции в Европе. Во-вторых, оккупация 1806 г. носила черты неправомерного акта агрессии, шедшего вразрез со всеми нормами международного права. Прикрыться мнимой французской угрозой и преподнести себя как защитника британских интересов на континенте Фридрих Вильгельм III уже не мог. В-третьих, блокирование рек Эльбы и Везера по требованию Наполеона наносило мощный удар по британской торговле в Европе. Закономерным итогом Парижского трактата стали война с Англией и резкое ухудшение отношений с Россией, Австрией и Швецией.

Несмотря на то, что третья по счету оккупация Ганновера пошла по самому невыгодному для Пруссии сценарию, она сильно повлияла на внешнеполитический курс королевства. Лишь весной 1806 г. Фридриху Вильгельму стало понятно, что с помощью политики нейтралитета, которую его государство проводило вот уже 11 лет, добиться поставленных внешнеполитических целей невозможно. Ради новых территориальных приобретений Пруссия должна была сделать выбор либо в пользу Наполеона, либо в пользу антифранцузской коалиции. Выбор Франции в качестве союзника не был окончательным, так как никаких гарантий относительно Ганновера Наполеон Пруссии не давал. Парижский трактат был крайне невыгодной сделкой: Пруссия уступала Клеве, Ансбах и другие княжества, которые никто у нее не оспаривал, взамен же получала спорную территорию, никем и ничем не гарантированную. Из всех прусских провинций Ганновер был самой уязвимой и незащищенной: либо его могли захватить англичане и их союзники, либо его мог потребовать назад сам Наполеон, ибо Пруссия владела курфюршеством только лишь с согласия французского императора. Фридрих Вильгельм III прекрасно понимал всю сложность ситуации, поэтому не делал ставку на одну лишь Францию, а вел с апреля 1806 г. секретные переговоры с Россией, преимущественно через отправленного в мнимую отставку Гарденберга²³. Неожиданные проблемы возникли и с интеграцией курфюршества в состав королевства: пруссаков в Ганновере не любили. При англичанах ганноверцы вели размеренную, спокойную и сытую жизнь, кичась своей связью с самой крупной колониальной империей в мире. Спокойно была встречена и французская оккупация, так как все понимали, что она временная и курфюршество рано или поздно вернется под власть Георга III. А вот прусская оккупация была принята в Ганновере в штыки, так как жителям провинции было понятно, что пруссаки пришли навсегда. Милитаризованная абсолютистская Пруссия, конечно же, пользовалась дурной репутацией у ганноверцев в отличие от либеральной Великобритании²⁴. Прусскому правительству так и не удалось склонить общественное мнение в Ганновере в свою пользу.

Ганноверский вопрос вновь обострился поздним летом 1806 г. В начале августа до Берлина стали доходить слухи о намерении Наполеона заключить мир с Россией и Великобританией за счет Пруссии. В ночь с 5 на 6 августа 1806 г. Фридрих Вильгельм III получил сообщение от прусского посла в Париже маркиза Луккезини, что Бонапарт якобы намеревается отобрать Ганновер у Пруссии и вернуть его Великобритании взамен на заключение с ней мирного договора²⁵. Лишь теперь король осознал, насколько ненадежна его власть в столь вожделенной провинции. Реакция со стороны прусского правительства последовала незамедлительно: 9 августа 1806 г. Фридрих Вильгельм III отдал приказ об очередной мобилизации для противостояния Франции²⁶. Так был сделан первый шаг к катастрофическому поражению под Йеной и Ауэрштедтом два месяца спустя,

²³ *Simms B.* Op. cit. P. 256.

²⁴ *Tschirch O.* Geschichte der öffentlichen Meinung in Preußen im Friedensjahrzehnt vom Baseler Frieden bis zum Zusammenbruch des Staates. Bd. II. Weimar, 1933. S. 258.

²⁵ *Frehland-Wildeboer K.* Treue Freunde? Das Bündnis in Europa 1714–1914. München, 2010. S. 184.

²⁶ *Bringmann W.* Preußen im Jahr 1806. Jena und Auerstedt. Stuttgart, 2019. S. 148.

которое поставило прусское государство на грань уничтожения. Может показаться странным, почему прусский король решил окончательно порвать с Наполеоном и перейти на сторону антифранцузской коалиции, основываясь лишь на слухах о возможной потере Ганновера. Однако скоропалительное решение Фридриха Вильгельма III о военной мобилизации имело под собой определенные основания. Ради приобретения Ганновера Пруссия пошла на большие жертвы: отказалась от сферы влияния в северной Германии, гарантированной ей Базельским миром 1795 г., допустила концентрацию французских вооруженных сил на своей западной границе, уступила ряд территорий, ввязалась в невыгодную войну с Великобританией, понесла репутационные потери и в конечном счете оказалась в дипломатической изоляции. Любые намеки на то, что Наполеон может вернуть Ганновер британцам, означали, что все эти жертвы были принесены напрасно. Только в начале августа 1806 г. Фридрих Вильгельм III окончательно осознал, что не сможет решить ганноверский вопрос дипломатическим путем и политической нейтралитета, поэтому им был сделан выбор в пользу войны. Однако отстоять курфюршество военным путем пруссакам также не удалось: в ноябре 1806 г. Ганновер в очередной раз был оккупирован французскими войсками. К этому моменту основные прусские силы уже были разбиты под Йеной и Ауэрштедтом, Берлин оказался в руках Наполеона, а прусское правительство бежало в Восточную Пруссию.

Ганноверский вопрос сыграл важную роль в судьбе прусского государства. В начале XIX в. правительство Пруссии так и не смогло решить эту проблему, в первую очередь потому, что оно делало ставку исключительно на дипломатию и политику лавирования между Францией, Великобританией и Россией. Попытки получить гарантии относительно Ганновера как от Наполеона, так и от антифранцузской коалиции привели в конечном счете к вооруженному конфликту с Великобританией и Францией. После военной катастрофы под Йеной и Ауэрштедтом в октябре 1806 г. прусское правительство более не будет предъявлять свои претензии на Ганновер. К примеру, Калишский русско-пруссский союзный договор от 28 февраля 1813 г., оформивший Шестую коалицию против Франции, предусматривал восстановление Пруссии в границах октября 1806 г., но строго без Ганновера, который предполагалось вернуть Великобритании²⁷. На Венском конгрессе 1814–1815 гг. прусское правительство также не станет требовать аннексии Ганновера, объектом притязаний станет оккупированная прусскими войсками Саксония. Сам же Ганновер будет восстановлен союзниками в 1814 г. в качестве королевства, при этом в 1837 г. с восшествием на английский престол королевы Виктории унии с Великобританией будет разорвана²⁸. Международная гарантия ганноверского суверенитета, разрыв личной унии с британскими монархами, а также прекращение англо-французского конфликта в Европе положат конец ганноверскому вопросу как международной проблеме. Пруссии все же удастся аннексировать Ганновер в 1866 г. в результате войны с Австрией и ее союзниками²⁹, однако произойдет это в совершенно иных, гораздо более выгодных для нее условиях.

Несмотря на то, что ганноверский вопрос потерял свою актуальность после поражения Пруссии в войне с Францией в 1806 г., он все же имел далеко идущие последствия для прусского внешнеполитического курса. Свою полную несостоятельность доказала политика нейтралитета, которая так и не спасла Пруссию от участия в европейских войнах. Фридрих Вильгельм III также отказался от политики лавирования между Наполеоном и его противниками: в 1812 г. Пруссия вынужденно станет союзницей Франции, но при первой же удобной возможности в феврале — марте 1813 г. перейдет на сторону

²⁷ Corpus Juris Confoederationis Germanicae oder Staatsacten für Geschichte und öffentliches Recht des Deutschen Bundes. Erster Theil. Staatsverträge / hg. von Ph.A.G. von Meyer. Frankfurt am Main, 1858. S. 137.

²⁸ *Harding N.* Op. cit. P. 278.

²⁹ *Shubert E.* 1866 und die Folgen: Die Schlacht von Langensalza und der Untergang des Königreichs Hannover // Der lange Abschied: das Ende des Königreichs Hannover 1866 und die Folgen / hg. von A. Drews, R. Egge. Göttingen, 2009. S. 10–32.

коалиции. Прусское правительство также откажется от исключительно дипломатических методов достижения внешнеполитических целей, так уже во время заседания Венского конгресса Пруссия будет готова применить силу, чтобы аннексировать Саксонию или хотя бы ее часть³⁰. Ни к ганноверскому вопросу, ни к политике нейтралитета после 1806 г. Пруссия больше не вернется.

Библиография / References

- Bailleu P.* Preußen und Frankreich von 1795 bis 1807. Diplomatische Correspondenzen. Zweiter Teil (1800–1807). Leipzig, 1887.
- Bernstein A.D.* Von der Balance of Power zur Hegemonie. Ein Beitrag zur europäischen Diplomatiegeschichte zwischen Austerlitz und Jena/Auerstedt 1805–1806. Berlin, 2006.
- Bringmann W.* Preußen im Jahr 1806. Jena und Auerstedt. Stuttgart, 2019.
- Corpus Juris Confoederationis Germanicae oder Staatsacten für Geschichte und öffentliches Recht des Deutschen Bundes. Erster Theil. Staatsverträge / hg. von Ph.A.G. von Meyer. Frankfurt am Main, 1858.
- Dwyer Ph.G.* Prussia and the Armed Neutrality: The Invasion of Hanover of 1801 // *The International History Review*. 1993. Vol. 15. № 4. P. 661–687.
- Dwyer Ph.G.* The Rise of Prussia: 1700–1830. New York, 2013.
- Dwyer Ph.G.* Two Definitions of Neutrality: Prussia, the European State-System, and the French Invasion of Hanover in 1803 // *The International History Review*. 1997. Vol. 19. № 3. P. 522–540.
- Frehland-Wildeboer K.* Treue Freunde? Das Bündnis in Europa 1714–1914. München, 2010.
- Gall L.* Hardenberg. Reformier und Staatsmann. München, 2016.
- Göse F.* Friedrich I. Ein König in Preußen. Regensburg, 2012.
- Harding N.* Hanover and the British Empire 1700–1837. Woodbridge, 2007.
- Hermann I.* Hardenberg. Der Reformkanzler. Berlin, 2003.
- Hornung K.* Scharnhorst. Soldat – Reformier – Staatsmann. Ein Lebens- und Zeitbild. Gilching, 2013.
- Kathe H.* Der Soldatenkönig: Friedrich Wilhelm I., 1688–1740, König in Preussen: eine Biographie. Köln, 1981.
- Kitstein L.* Politik im Zeitalter der Revolution. Untersuchungen zur preußischen Staatlichkeit 1792–1807. Stuttgart, 2003.
- Lange S.* Preußens asymmetrische Herausforderung – preußische Politik und Armee am Vorabend der Schlacht bei Jena und Auerstedt // Jena 1806: Vorgeschichte und Rezeption / hrsg. von K.-H. Lutz, M. von Salisch. Potsdam, 2009. S. 15 – 31.
- Lentz Th.* 1815. Der Wiener Kongress und die Neugründung Europas. München, 2014.
- Receuil des traité de la France. T. II. 1803–1815. Paris, 1880.
- Receuil des Traités et Conventions conclus par la Russie avec les puissances étrangères, publié d'ordre du Ministère des Affaires Etrangères par F. Martens. T. II. Traité avec l'Autriche. 1772–1808. St. Pétersbourg, 1875.
- Riotte T.* Hannover in der britischen Politik (1792–1815). Dynastische Verbindung als Element außenpolitischer Entscheidungsprozesse. Münster, 2005.
- Schroeder P.W.* The Transformation of European politics. 1763–1848. Oxford, 1994.
- Schubert E.* 1866 und die Folgen: Die Schlacht von Langensalza und der Untergang des Königreichs Hannover // Der lange Abschied: das Ende des Königreichs Hannover 1866 und die Folgen / hg. von A. Drews, R. Egge. Göttingen, 2009. S. 10–32.
- Simms B.* The Impact of Napoleon. Prussian High Politics, Foreign Policy and the Crisis of the Executive, 1797–1806. Cambridge, 1997.
- Stamm-Kuhlmann Th.* König in Preußens großer Zeit. Friedrich Wilhelm III., der Melancholiker auf dem Thron. Berlin, 1992.
- Stubbe da Luz H.* “Franzosenzeit” in Norddeutschland (1803–1814). Napoleons Hanseatische Departements. Bremen, 2003.
- The Hanoverian Dimension in British History, 1714–1837 / eds B. Simms, T. Riotte. Cambridge, 2007.
- Tschirch O.* Geschichte der öffentlichen Meinung in Preußen im Friedensjahrzehnt vom Baseler Frieden bis zum Zusammenbruch des Staates. Bd. II. Weimar, 1933.

³⁰ *Lentz Th.* 1815. Der Wiener Kongress und die Neugründung Europas. München, 2014. S. 153–154.

DOI: 10.31857/S013038640018555-8

© 2022 г. М.С. БЕЛОУСОВ

ИНОСТРАННЫЕ НАБЛЮДАТЕЛИ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА: КЕЙС МЕЖДУЦАРСТВИЯ 1825 года

Белouсов Михаил Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: m.belousov@spbu.ru

Scopus Author ID: 57196033720; Researcher ID: A-9587-2015; ORCID: 0000-0002-6646-3927

Исследование выполнено в рамках гранта № 21-78-10052 «От Кадисской конституции к Петербургскому восстанию: трансфер дискурсов, идей, эмоций в эпоху бидермайера» Российского научного фонда.

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются события российского междуцарствия, предшествовавшего восстанию декабристов, как явления европейской политики, так как основное внимание сосредоточено на анализе донесений и рассуждений иностранных дипломатов из частной переписки и мемуаров о развитии династического кризиса и борьбе между великими князьями Николаем и Константином Павловичами. Сообщения дипломатов нередко становились известны не только политикам, но и журналистам. Опираясь на полученные факты, публицисты предлагали собственную достаточно часто более смелую интерпретацию причин и логики развития российского политического кризиса. Кроме того, исследование этого сегмента информационного поля дает возможность достаточно четко выстроить, какую мотивировку европейское общественное мнение приписывало поступкам Константина Павловича и его «странному» поведению в ноябре—декабре 1825 г. Реализация обозначенных векторов дает возможность иначе интерпретировать логику события, потрясшего весь Европейский континент, чем это было сделано в предшествующей историографии. Опираясь на широкий круг архивных и опубликованных источников, а также материалов французской прессы, определявшей в данную эпоху европейский политический дискурс, в статье показано, что ключевой проблемой, стоявшей перед Россией и Европой, в рассматриваемом кризисе был вопрос о возможном возникновении независимого польского государства под скипетром одного из Романовых.

Ключевые слова: Россия, европейские страны, Николай I, великий князь Константин, престолонаследие, декабристы, междуцарствие, дипломаты, пресса, общественное мнение, польский вопрос.

M.S. Belousov

Foreign Observers of the Russian Political Crisis: The Case of the Interregnum of 1825

Mikhail Belousov, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: m.belousov@spbu.ru

Scopus Author ID: 57196033720; Researcher ID: A-9587-2015; ORCID: 0000-0002-6646-3927

This research was supported by the grant № 21-78-10052 “From the Cadiz Constitution to the Petersburg Uprising: Transfer of Discourses, Ideas, Emotions in the Biedermeier Era” of the Russian Science Foundation.

Abstract. The article examines the events during the Russian interregnum that preceded the Decembrist uprising as a phenomenon of European politics, focusing on analysing the reports and reasoning of foreign diplomats on the development of the dynastic crisis and the struggle between the Grand Dukes Nicholas and Constantine. These communications, on the one hand, determined the discussion of the Russian crisis in the press and could be used to interpret it. On the other hand, the study of this segment of the information field makes it possible to determine fairly accurately the motivation that European public opinion attributed to Constantine's actions and his bizarre behaviour in November–December 1825. This study takes a different approach to interpreting the logic of an event that shook the European continent than previous historiographical works have done. Drawing on a wide range of archival and published sources, as well as the French press which dominated European political discourse at the time, the author demonstrates that the key issue before Russia and Europe in the crisis in question was the possible emergence of an independent Polish state under the sceptre of one of the Romanovs.

Keywords: Russia, Europe, Nicholas I, Grand Duke Konstantin Pavlovich, interregnum, political crisis of 1825, European diplomats, European press.

19 ноября 1825 г. в небольшом городке на юге России умирает бездетный император Александр I. Линию наследников престола составляли его младшие братья – Константин, Николай и Михаил. Первый из них в момент постигшего империю несчастья находился в Варшаве *de jure* в качестве главнокомандующего польской армией, но *de facto* являясь наместником и верховным управителем Царства Польского. Около 7 часов вечера 25 ноября он получил известие о смерти императора и сразу же отказался от престола, запретил издавать манифест о восшествии и именовать себя «Ваше величество». Санкт-Петербурга горестное известие достигло около полудня 27 ноября. Великий князь Николай Павлович, едва выслушав курьера, ринулся в дворцовую церковь и присягнул старшему брату Константину. В течение последующих нескольких часов к присяге были приведены гвардейские полки и все высшие государственные органы.

Сложилась парадоксальная ситуация. Константин не хочет занимать трон, а вся империя уже принесла ему клятву верности. Николай просит старшего брата приехать в столицу или прислать официальное отречение. Константин отказывается сделать как первое, так и второе. В конечном счете, не получив никаких документов, Николай 13 декабря собирает Государственный совет и заявляет о собственном восшествии на престол. На 14 декабря назначается присяга новому императору. События именно этого дня придали семейной драме масштаб общеевропейского потрясения – в столице произошло восстание гвардейских полков под лозунгом «Да здравствует император Константин! И его жена Конституция!». Само по себе последовательное перечисление всех этих фактов создает впечатление чрезвычайно запутанной истории. Поэтому неудивительно, что в передовице французской газеты «Конститусьонель» мы находим емкую характеристику всего произошедшего: «Это одно из тех событий, истинные мотивы которого если и станут когда-либо известны, то скорее для будущих историков, чем для современных дипломатов»¹.

Политическая неопределенность междуцарствия – так уже современники окрестили период между присягой Константину (27 ноября) и восстанием в Петербурге (14 декабря) – порождала целую бурю предположений, слухов, толков. Активно обсуждались сложившиеся обстоятельства, различные мнения и точки зрения, люди пытались каким-то образом спрогнозировать будущее. Поэтому, обращаясь к историческим источникам, мы стремимся их использовать не для реконструкции конкретного факта (это уже сделано), а фокусируем внимание на особенности восприятия, интерпретации описываемых событий и иногда неосознанных ремарках и оговорках. Обращение к изучению неформальных коммуникативных единиц дает возможность выявить сюжеты, которые находились в фокусе внимания населения и составляли актуальную повестку.

¹ Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 15.I.1826.

Следует отметить значительную информационную и дискурсивную разобщенность российского общества в указанный период, а следовательно, и необходимость рассматривать отражение событий междуцарствия дифференциально. В настоящей статье предлагается сфокусировать внимание на зарубежных дипломатах, находившихся в ноябре–декабре 1825 г. в российской столице. Эти люди хоть и представляли разные страны, но были схожи по социальному статусу, кругу общения, интересам и особенностям восприятия политического кризиса в иностранном государстве. К материалам их сообщений в качестве интерпретационного фона органично примыкают источники, связанные с российскими дипломатами, а также сообщения европейской прессы.

Обратим внимание, что рассматриваемый сюжет ранее изучался, но совсем не через призму истории идей и мировоззрений. Основной акцент был сделан на позитивистском источниковедческом анализе. И здесь ключевую роль сыграл внук Николая I великий князь Николай Михайлович. Он опубликовал донесения австрийского посланника Л. Лебцельтерна, содержащие подробное изложение событий ноября–декабря 1825 г.² Правда, некоторые письма оказались либо недоступны, либо сознательно пропущены, поэтому наиболее полным изданием является публикация в журнале «Ле Монд слав»³. Представляя депеши Лебцельтерна, Николай Михайлович подчеркивал, что он к началу междуцарствия провел долгое время в России в качестве посланника и, в том числе благодаря женитьбе на Зинаиде Лаваль, имел обширные связи при российском дворе, а значит был в курсе всего происходящего там⁴. К. Грюнвальд, рассматривая данную перспективу, в первую очередь фокусировался на письмах австрийского канцлера посланнику, находя в такой их риторике новый виток развития мифологемы о всеевропейском заговоре⁵.

Сообщения французских послов и посланников, и в частности донесения графа Ла Ферроне, второй половины царствования Александра I были также опубликованы великим князем Николаем Михайловичем⁶. С депешами, относящимися к междуцарствию, можно либо познакомиться непосредственно в Архиве министерства иностранных дел Франции, либо в переводе и пересказе С.С. Татищева⁷. Сообщения Ла Ферроне о восстании и последующих встречах с новым императором были также опубликованы

² Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816–1826 годы. СПб., 1913.

³ Les rapports de l'ambassade d'Autriche à Saint-Pétersbourg sur la conjuration des Décabristes // Le Monde slave. 1926. Janvier-avril. P. 89–124, 293–315, 448–470. Русский перевод: Дипломатическое досье Л. Лебцельтерна // *Невелев Г.* Декабристский контекст: документы и описания. М., 2012. С. 109–228.

⁴ *Николай Михайлович, вел. кн.* Предисловие // Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна. С. XIII–XIV.

Людвиг Лебцельтерн и Сергей Петрович Трубецкой были женаты на дочерях Жана (Ивана Степановича) Лавалья – французского эмигранта, бежавшего в Россию из-за Французской революции и сделавшего блестящую придворную и дипломатическую карьеру. Состояние, статус и положение тестя открывали как перед австрийским дипломатом, так и перед лидером декабристов множество закрытых дверей.

⁵ *Grünwald C. de.* L'Austrische et le décabrisme // Le Monde slave. 1938. Т. 1. № 2. P. 236–250.

⁶ *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: опыт исторического исследования: в 2 т. Т. 2. СПб., 1912. С. 428–538.

⁷ Archives du ministère des Affaires étrangères de la France. Ambassade de France en Russie. Comte de La Ferronnays, ambassadeur. Correspondance politique. Russie en 1825. Vol. 169. Далее в тексте используется перевод С.С. Татищева: *Татищев С.С.* Воцарение императора Николая I. По неизданным источникам Парижского архива министерства иностранных дел // Русский вестник. 1893. Т. 225. Март. С. 136–167; Апрель. С. 3–30; Май. С. 89–113. См. также: *Борщак И.К.* Восстание декабристов в освещении французского дипломата (по неизданным материалам) // Парижский вестник. 1925. № 69.

в «Ле Монд слав»⁸. Институциональному аспекту функционирования французской дипломатической миссии посвящено немало работ⁹. Но при этом говорить о содержательном анализе историками сообщений, касающихся событий периода междоусобицы, а не момента восстания, не приходится: наблюдения С.С. Татищева во многом продиктованы его консервативным мировоззрением, сочетающимся с симпатией к Франции¹⁰, а внимание П.П. Черкасова в основном сосредоточено на встречах между Николаем и французским посланником после восстания¹¹. При этом интересна попытка французского историка П. Ангрена связать интерпретации петербургских событий, предлагаемые Ла Ферроне, и их восприятие во французской прессе и в среде правительственного истеблишмента¹².

Послания английского дипломата П. Стрэнгфорда, официально занимавшего должность в ноябре 1825 – июне 1826 г., впервые были опубликованы и прокомментированы М. Лэнг Дэвидом¹³. Стоит также обратить внимание на замечания дореволюционного историка А. Александренко, работавшего с этими материалами¹⁴. В целом названные авторы фокусировали внимание на оценках событий 14 декабря, явно упуская из виду все им предшествовавшие. Перу супруги сотрудника британской миссии А. Дисброу принадлежит целый перечень писем и записок о событиях 1825 г.¹⁵ Э. Кросс указывал на авторские особенности изложения, а именно на внимание к деталям и чрезвычайную эмоциональность¹⁶. Отметим, что, несмотря на отсутствие официального статуса, Анна Дисброу была в курсе событий дипломатического корпуса: она рассказывает о балах французского посла Ла Ферроне, своих симпатиях к дочери русского посланника в Пруссии Д.М. Алопеуса, нежелании знакомиться с женой посла в Вене Д.П. Татищева¹⁷. С сообщениями еще одного английского дипломата, лорда А. Лофтуса, работал, собирая различные слухи о смерти Александра I, Н.К. Шильдер¹⁸, но этот материал им так и не был введен в научный оборот.

Донесения американского представителя были в сокращенном виде опубликованы М. Раевым¹⁹, а позже в расширенном виде П. Бушковичем²⁰. А.С. Панов предпринял

---

⁸ Les rapports de l'ambassade de France à Saint-Petersbourg sur la conjuration des Décabristes // *Le Monde slave*. 1925. Décembre. P. 447–472. Русский перевод: Петербургские депеши П. Лаферронэ // *Невелев Г.* Указ. соч. С. 65–108.

⁹ См., например: *Мильчина В.А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2006; *Гончарова Т.Н.* Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). СПб., 2017.

¹⁰ *Котов А.Э.* Русские самодержцы на страницах трудов С.С. Татищева // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 1 (4). С. 142–154.

¹¹ *Черкасов П.* Восстание декабристов глазами французского посла // *Родина*. 2005. № 12. С. 78–82.

¹² *Ангрэн П.* Отголоски восстания декабристов во Франции // *Вопросы истории*. 1952. № 12. С. 98–116.

¹³ *Lang D.M.* The Decembrist Conspiracy Through British Eyes // *The American Slavic and East European Review*. 1949. Vol. 8. № 4. P. 262–274. Русский перевод: Донесения П. Стрэнгфорда // *Невелев Г.* Указ. соч. С. 229–233.

¹⁴ *Александренко В.* Россия и Англия в начале царствования Николая // *Русская старина*. 1907. Сентябрь. С. 529–536. См. также: Strangford to Canning. № 8. January 5/17, 1826 // *Lives of the Lords Strangford* / ed. E.B. de Fonblanque. London, 1877. P. 155.

¹⁵ *Disbrowe C.A.A.* Old Days in Diplomacy: Recollections of a Closed Century / with a Preface by M. Montegomery-Campbell. London, 1903; Подлинные письма из России, 1825–1828. СПб., 2011; Бумаги А. и Э. Дисброу // *Невелев Г.* Указ. соч. С. 234–254.

¹⁶ *Кросс Э.* «Подлинные письма из России» в литературно-историческом контексте // *Подлинные письма из России, 1825–1828*. С. 18.

¹⁷ Подлинные письма из России, 1825–1828. С. 59–61.

¹⁸ Дипломатические донесения лорда А. Лофтуса. Отрывок № 1 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 859. К. 18. № 18. Л. 52 об.

¹⁹ *Raëff M.* An American View of the Decembrist Revolt // *The Journal of Modern History*. 1953. Vol. 25. № 3. P. 286–293.

попытку проанализировать этот источник в контексте материалов американской прессы²¹. С одной стороны, указанные работы американских исследователей и историков-американистов расширяют источниковую базу изучения междоусарствия, а с другой — их аналитической части явно не достаёт вывода о крайне низком уровне осведомленности американского общества о событиях в России.

К анализу материалов испанского посланника Хуана Мигеля Паеса де ла Кадена обратились сразу же несколько исследователей²². События периода междоусарствия и восстания декабристов представлены в депешах № 134–171, которые не опубликованы и хранятся в Национальном историческом архиве Мадрида²³. Ценность этих материалов сложно преувеличить. Конечно же, Паес де ла Кадена в отличие от Лебцельтерна и Ла Ферроне не имел обширных связей и не пользовался существенным влиянием при дворе. В рассматриваемых письмах он систематически делает явные ошибки в написании фамилий, улиц, а также очевидно путается в титулах, званиях и наименованиях полков, поэтому периодически дублирует их названия на французском. Но при этом в донесениях он достаточно подробно и скрупулезно описывал все увиденное, стараясь максимально точно передать происходящее. Именно этот статус стороннего наблюдателя позволяет нам, сопоставляя его данные с материалами дипломатов великих держав, верифицировать соответствие сообщений последних петербургским событиям.

Подводя итог настоящему обзору, отметим, что судьба сыграла злую шутку с этой группой источников о событиях декабря 1825 г. В силу особенностей хранения данные материалы были введены в научный оборот сравнительно поздно — к тому моменту, когда основные фактологические линии в историографии уже сформировались. Исследователи, работавшие с ними, были вынуждены заявить, что событийную историю они вряд ли могут дополнить. Отсюда представляется разумным сфокусироваться именно на языке, предположениях и предчувствиях, высказанных в депешах, т.е. не на том, о чем повествует исторический персонаж, а на том, из-за чего и как он переживает, когда рассказывает.

Итак, около полудня 27 ноября в Петербург пришла новость о смерти российского императора Александра I, давшая сигнал к началу династического кризиса. Н.Д. Потапова отмечала, что «публикации того времени свидетельствуют, что смерть Александра породила ожидания о возможных режимах власти, особенностях российской системы, о рабстве, абсолютном и относительном, рабстве крестьян и рабстве дворян»²⁴ и т.д. С этим тезисом достаточно сложно согласиться. Известие о смерти Александра I

---

²⁰ *Bushkovitch P.* Henry Middleton and the Decembrist Revolt // Transactions of the Association of Russian-American scholars in USA. Vol. XXXVIII. New York, 2013. P. 131–156. Русский перевод: *Бушкович П.* Генри Миддлтон и восстание декабристов // Родина. 2015. № 4. С. 98–104; № 6. С. 98–103.

²¹ *Панов А.С.* Восстание декабристов и перспективы модернизации России в восприятии американцев // Россия и современный мир. 2018. № 1 (98). С. 39–46; *Его же.* Восстание декабристов в репрезентациях американских современников // Революции и революционный дискурс в США. Ч. 2. Имагология революции и дискурс идентичности. М., 2019. С. 124–135.

²² *Юрчик Е.Э.* Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паес де ла Кадена // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений — España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / отв. ред. О.В. Волосюк. М., 2018. С. 169–174; *Белоусов М.С.* Депеша испанского посла как источник по истории политической культуры междоусарствия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 357–374; *Райнхардт Р.О.* Начало дипломатической миссии посла Испании Х.М. Паэса де ла Кадена в Российской империи (1824–1825) // Научный диалог. 2020. № 11. С. 466–476; *Его же.* Contacts of the Diplomatic Corps in Saint Petersburg with Alexander Pushkin in late 1829 — early 1830: Protocol and Communication Aspects // Былые годы. 2021. № 16 (2). С. 641–651.

²³ Archivo Histórico Nacional (далее — АНН). Estado. Leg. 5919. Despacho № 134–171 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.09–1826.01.22).

²⁴ *Потапова Н.Д.* Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017. С. 125.

достигло Парижа в середине декабря: первые публикации – это, как правило, небольшие (в два–три предложения) сообщения о произошедшем. Первый же крупный аналитический материал появился в «Журналь де Деба» только 19 декабря²⁵, и там читателю предлагались размышления о роли Александра I в создании Венской системы. Риторика газетных публицистов была близка тому, что можно обнаружить в сообщениях дипломатов: основной фокус был наведен на влияние российских событий на международные отношения в Европе. Внутренние вопросы (крепостное право, военные поселения, гипотетическая конституция) являлись для зарубежных наблюдателей периферийными и второстепенными.

27 ноября петербургскому обществу был предложен достаточно странный спектакль. Члены высших государственных учреждений собрались в Александро-Невской лавре для участия в молебне во здравие Александра I. Аналогичная служба шла в церкви Зимнего дворца, но была прервана появлением курьера, который известил о кончине императора. Узнав об этом, Николай, в нарушение всех правил и традиций, немедленно присягнул Константину и принудил к этому высшие государственные органы. Интерпретации событий этого дня мы находим в сообщениях иностранных дипломатов. В частности, Лебцельтерн сообщил, что еще за два дня до печальных известий «великий князь Николай открыто заявил о своих намерениях генералам Милорадовичу, Воинову и Потапову 25 ноября / 7 декабря, когда впервые тревожные новости стали поступать из Таганрога... И тогда великий князь Николай ответил им, что следует полагаться на Божественное милосердие и выздоровление императора, однако, если Небо рассудит иначе, прежде всего нужно будет признать его старшего брата Константина законным наследником и принести ему клятву верности»²⁶. Еще раз следует подчеркнуть, что Лебцельтерн был близок с С.П. Трубецким, который о ходе всех этих совещаний узнал от Ф.П. Опочина. Таким образом, уже в самый начальный период междоусобицы иностранный дипломат зафиксировал, что в столице сложилась «партия» во главе с Николаем, крайне заинтересованная в присяге (пусть и в нарушение всех ритуалов) в пользу Константина.

Ла Ферроне предложил достаточно интересную интерпретацию причин возникновения династического кризиса: порядок престолонаследия определялся соответствующим указом Петра I, но Павел отказался от права назначать себе наследника документом, «имеющим вид прагматической санкции»²⁷. В этой ситуации «император Александр не воспользовался важным преимуществом, предоставленным ему законом Петра Великого, ибо назначение его второго брата, великого князя Николая, и передача ему прав на наследование престола основаны лишь на нарочитом и добровольном отречении великого князя Константина»²⁸, и в этой неопределенной ситуации судьба короны оказалась, согласно французскому дипломату, в руках высших органов, которым Николай приказал присягать в пользу своего старшего брата. Отметим, что представитель еще одной великой державы, великолепно осведомленный обо всех нюансах происходящего, подчеркивает определяющую роль Николая в присяге Константину.

От Лебцельтерна не ускользнул важный юридический нюанс, на который длительное время не обращали внимания историки: «после смерти Павла I, вне сомнения вследствие беспорядка первых минут, Александр, объявленный императором, принес ту же присягу, что приносили все его предшественники, и вся империя признала его право назначить наследника»²⁹. Действительно, клятвенное обещание, прилагаемое к манифесту о восшествии на престол Александра I, содержит фразу: «его императорского величества

²⁵ Journal des débats politiques et littéraires. 19.XII.1825.

²⁶ Дипломатическое досье Л. Лебцельтерна. С. 126.

²⁷ Татищев С.С. Указ. соч. С. 141.

²⁸ Там же. С. 142.

²⁹ Дипломатическое досье Л. Лебцельтерна. С. 133.

всероссийского престола наследнику, который назначен будет»³⁰. Суммируя эти мнения, получаем интересный вывод в интерпретации дипломатов: 1) павловский указ о престолонаследии являлся аналогом прагматической санкции, т.е. документом, не имевшим универсального характера; 2) манифест о восшествии Александра I однозначно позволял ему следовать указу Петра I — своим решением назначить наследника; 3) несмотря на все эти обстоятельства, Николай как законно назначенный наследник вопреки всякой логике присягает Константину.

Испанскому дипломату не было известно об этих нюансах. Он просто передал картину, увиденную им: «После того, как в Государственном совете был вскрыт запечатанный пакет, состоялось короткое обсуждение, и в результате была направлена депутация к великому князю Николаю, чтобы сообщить ему содержание и пригласить обсудить распоряжения, касающиеся его выполнения. Великий князь их принял и послал генерала Милорадовича остановить Совет и заявить от его [Николая] имени, что он чрезвычайно далек от того, чтобы принять их предложение; что считает себя несоответствующим тому, что требуется для такой могущественной империи; и что он только что принес необходимую присягу своему старшему брату Константину как императору и просит сделать их то же самое и уже отдал распоряжения об этом полкам, находящимся под его командованием»³¹. В этом сообщении Паес де ла Кадена в точности передает: Государственный совет сообщил Николаю, что он является законным наследником, а тот в ответ потребовал присягать Константину.

Сообщение испанского посланника подтверждает Анна Дисброу, лично не присутствовавшая во дворце, но находившаяся в дружеских контактах с многими видными вельможами: «служба только началась, как пришло роковое известие. Великий князь отправился в часовню, остановил службу... Великий князь был первым, кто присягнул императору Константину, хотя... (мне лучше не следует затрагивать политику)»³². Последняя ремарка особенно замечательна, так как указывает, что даже у совсем не разбиравшейся в политике эмоциональной женщины возникли сомнения в происходящем. Это и заставило ее остановить изложение, ведь данное сообщение являлось частной перепиской и не шифровалось.

Стоит также обратить внимание на мнение известного русского дипломата и банкира А.И. Рибоьера. В мемуарах он сообщает: сразу же после первой присяги (27 ноября) его дети заболели скарлатиной, что заставило его уйти в вынужденную самоизоляцию. Единственными конфиденциантами Рибоьера стали граф Ла Ферроне и генерал И.В. Васильчиков. Глазами первого он наблюдал за всем происходящим, зафиксировав наблюдение «за борьбой между братьями, борьбой великодушной, но пагубной»³³. Можно предположить, что Рибоьер не считал, что, присягнув Константину, Николай хотел именно старшего брата видеть российским императором. Приведенные свидетельства заставляют нас сфокусировать пристальное внимание на событиях 27 ноября.

М. Кучерская отмечала, что Николай «не желал прослыть захватчиком престола, вместе с тем он и не смог бы его захватить — Милорадович, а значит и вся военная власть Петербурга, был не на его стороне»³⁴. Мы видим в этой интерпретации следы концепции Я. Гордина о принуждении генерал-губернатором Милорадовичем великого князя Николая к присяге, но исследователи уже обратили внимание на ряд моментов, которые указывают на ошибочность подобного прочтения. Трудно не согласиться с мнением Т.В. Андреевой, которая писала о существовании у Николая определенного плана

³⁰ Манифест от 12 марта 1801 г. «О кончине императора Павла I и вступлении на престол императора Александра I» // Полное собрание законов Российской империи. Т. 26. СПб., 1830. С. 583.

³¹ AN. Estado. Leg. 5919. Despacho № 138 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14). Fol. 22.

³² Подлинные письма из России, 1825–1828. С. 63.

³³ Записки графа Александра Ивановича Рибоьера // Русский архив. 1877. Кн. 2. С. 14.

³⁴ Кучерская М. Константин Павлович. М., 2013. С. 186.

поведения в династическом кризисе и о том, что «присяга цесаревичу рассматривалась как составная часть плана»³⁵. Мы уже подчеркивали: Николай четко осознавал, что его путь к легитимному правлению лежит через восшествие на престол Константина и его же немедленное отречение³⁶. 27 ноября Николай, принудив всю высшую бюрократию и гвардию к незаконной (согласно сложившейся традиции) присяге, продемонстрировал старшему брату, что он полностью контролирует как имперскую государственную машину, так и ситуацию в столице.

Подобное положение Константин не мог не воспринимать как угрозу для собственной жизни в случае его появления в столице: 24 года назад братьям Зубовым и Санкт-Петербургскому генерал-губернатору П.А. Палену ничто не помешало расправиться с его отцом – Павлом I. По крайней мере французские газеты озвучивали саму возможность появления подобных опасений, ведь Константин «не забыл о несчастье своего августейшего отца, о его трагическом конце, и поэтому он подчинится»³⁷ Николаю. Тем более все эти обстоятельства максимально четко соотносились со страхами Константина. Основной источник угрозы по отношению и к существующему порядку, и к себе конкретно он видел в имперской гвардии. Как вспоминал принц Евгений Вюртембергский, посетивший Константина незадолго до наступления междуцарствия: «В Варшаве великий князь Константин Павлович, по обычаю своему, воевал с призраками. Он насказал мне кучу ужасов о мятежном настроении русских войск, и в особенности гвардии»³⁸.

Обратим внимание, что современники, в частности английский дипломат, приписывали похожий образ мысли покойному императору Александру: «По-видимому, императору Александру тайно сообщили, что против него составлен заговор и что решено схватить его на возвратной дороге из Москвы в Петербург, вообще весь заговор в том же роде, как тот, посредством которого умертвили императора Павла... Однако была ли эта опасность действительная или только воображаемая. Но государь действовал»³⁹. Тем временем европейские дипломаты подчеркивали спокойствие, царившее в Петербурге. Но, несмотря ни на что, аллюзии на саму возможность реализации какого-либо насильственного сценария появлялись. Паес де ла Кадена писал: «Нет ни одной внешней причины для беспокойства», так как любой инцидент (наподобие того, что было в Испании, Италии и Португалии) «не смог бы пошатнуть колоссальную власть и силу этой империи»⁴⁰.

Возвращаясь к Евгению Вюртембергскому, подчеркнем: ему особенно запали в душу слова, что стоит только «кинуть брандер» в Преображенский полк, как все воспламенится. И этой тревожной ситуации в имперской столице Константин противопоставлял спокойствие в Варшаве: «своих я держу крепко»⁴¹. Стоит отметить, что сразу же после этого Вюртембергский отправился в Петербург и не мог не привезти с собой это ощущение неизбежности позиций Константина в Варшаве. Риторика племянника императрицы удивительно совпадала с мнением всесильного австрийского канцлера князя К. Меттерниха, писавшего Лебцельтерну: «Вы, таким образом, должно быть, знаете, что движение поляков в пользу их отделения от России было сильным. Но присутствие

³⁵ Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой четверти XIX века. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 567.

³⁶ Белоусов М.С. Незамеченный дворцовый переворот // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 79–97.

³⁷ Journal des débats politiques et littéraires. 14.I.1826.

³⁸ Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского (моя поездка в Россию в 1825 г. и петербургский заговор) // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 105.

³⁹ Дипломатические донесения лорда А. Лофтуса // ОР РНБ. Ф. 859. К. 18. № 18. Л. 53.

⁴⁰ ANN. Estado. Leg. 5919. Despacho № 138 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14). Fol. 29–30.

⁴¹ Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского... С. 105.

великого князя в Варшаве сохранило внешнее спокойствие, но призывы в пользу отделения звучали настолько, что они могли быть услышаны»⁴².

Итак, для всех заинтересованных сторон Польша представлялась очагом возникновения возможной смуты. Здесь следует вспомнить и о доносах на многочисленные польские патриотические общества⁴³. Польшу как источник потенциального взрыва воспринимали и Меттерних, и Константин, и наверняка Николай. Но Россию и Европу от нового мятежа защищал великий князь Константин, «державший крепко» поляков. В этих обстоятельствах последний мог, как минимум, рассчитывать на сохранение status quo: Николай наследует корону, Константин сохраняет свое положение в Польше. При этом М.А. Кучерская утверждала обратное, подчеркивая, что Константин стал тяготиться со временем статусом цесаревича: «Теперь, при Николае, говорил Константин, он готов остаться служить в той же должности, если же императору это будет неудобно, он удалится от дел и заживет частным человеком»⁴⁴.

Но в письме Ф.К. Нессельроде, адъютанта Константина, мы читаем прямо противоположное: великий князь, «демонстрируя свою преданность», просит «с учетом его 30-летней службы оставить ему титул цесаревича, которым он дорожит как предметом, полученным от отца, и сохранить за ним командование, которое он исполнял ради удовлетворения усопшего в течение 10 лет»⁴⁵. Следует отметить: сохранить «все как есть» это лишь программа минимум. В этом контексте интересен эпизод, приводимый многими исследователями. Речь идет о попытке принести присягу Константину как императору в Варшаве без его ведома⁴⁶. М.А. Кучерская в этом сюжете отмечает явно польский акцент: «Цесаревича вопреки его воле хотели возвести на престол приближенные, надеявшиеся на его милостивое по отношению к Польше и к ним самим правление»⁴⁷.

Одним словом, ни Константин, ни его окружение не были готовы отказаться как минимум от сохранения status quo. В этом контексте присяга, принесенная Николаем без манифеста Константина, являлась явно недружественным актом, актом борьбы за престол. Константин в своем стремлении сохранить Польшу готов был пойти на не менее недружественный шаг: «Он отдал секретный приказ держать наготове его экипаж и 10 000 императоров наличными — и не для того, чтобы поехать в Петербург, а отправиться за границу — представьте себе, какие последствия это могло бы иметь»⁴⁸. В случае реализации данного замысла фактически повторился бы случай царевича Алексея, а значит, и следующие за ним страхи: пока в России правит самозванец, законный монарх находится в Европе, но может опереться на любую из держав для защиты своих прав.

Но события так и не заставили Константина реализовать такой план. Он избрал не менее болезненный для Николая сценарий: отказывался как приехать в Петербург, так и прислать письменное отречение в соответствующей форме. Чем, безусловно, поставил Николая в двусмысленное положение и дестабилизировал ситуацию в столице. Николай, прекрасно осознавая это, писал: «Как выйти из затруднения, опаснейшего в своих

---

⁴² Lettres de Metternich à Lebzeltern (Vienne, ce 10 janvier 1826) // Донесения австрийского посланника при русском дворе Леббельтерна. С. 317.

⁴³ Рапорт сенатора Новосильцова // К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819–1823 гг. Варшава, 1898. С. 3–80. См. также: *Любезников О.А.* Николай Николаевич Новосильцов — государственный деятель императорской России первой трети XIX века: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. С. 117–142.

⁴⁴ *Кучерская М.* Указ. соч. С. 200, 202.

⁴⁵ La comte Frederic de Nesselrode a sa cousine la Comtesse Charles de Nesselrode (Varsovie, 12 decembre (vieux style), 1825) // Lettres and papiers du chancelier Comte de Nesselrode. T. VI. 1819–1827. Paris, 1908. P. 230.

⁴⁶ *Любезников О.* Во главе «константиновской партии»: Николай Новосильцов во время междоусобицы // Родина. 2013. № 5. С. 82–83.

⁴⁷ *Кучерская М.* Указ. соч. С. 191.

⁴⁸ La comte Frederic de Nesselrode a sa cousine la Comtesse Charles de Nesselrode... P. 231.

последствиях, и которым, как мы видим, заговорщики весьма хитро воспользовались»⁴⁹. В приведенной фразе четко обозначается взаимосвязь в мировосприятии Николая между отсутствием отречения Константина, нерешенности вопроса о престоле и гипотетическом выступлении тайного общества, страх перед которым был неотъемлемой составляющей доминировавших в правительственной среде конспирологических нарративов.

Эту «троцкистскую» линию поведения Константина Т.В. Андреева интерпретировала не каким-либо расчетом, а эмоциональной реакцией: «Оскорбленный “самодержавным” поведением Николая и потому не желавший никак ему помочь, Константин намеренно сидел в Варшаве, позволяя событиям развиваться по непредсказуемому сценарию»⁵⁰. М.А. Кучерская назвала весь перечень традиционных отговорок Константина, но также не объяснила однозначно, почему Константин не желал дать отречение⁵¹. Вновь обратим внимание на письмо Ф.К. Нессельроде: «Возможно, это заставит его сделать отречение по форме... Вот чего он боялся больше всего, и почему? По соображениям, что он как экс-император не сможет больше командовать Литовским корпусом и оставаться на том месте, которое занимал»⁵². В контексте этой реплики становится совершенно понятной линия Константина: если он признает петербургскую присягу 27 ноября и даст отречение по форме, то из великого князя и цесаревича он перейдет в категорию экс-императора. В России был только один пример императора, отказавшегося от короны, — дед Константина Петр II. Европейские публицисты находили иную визуализацию подобного развития событий: самыми упоминаемыми примерами можно считать Диоклетиана и Карла V. Одним словом, какими бы паттернами не мыслил Константин, выбор ему оставался незавидный: либо почетное изгнание, либо смерть. Но сохранение власти над Польшей добровольное формальное отречение никак не подразумевало.

Однако эти возможные сценарии развития событий для широкой публики возникнут чуть позже. Первой реакцией была попытка угадать, кто же из братьев займет престол: предполагали, как изменится двор, политика, рассуждали о преимуществах и недостатках характеров каждого из претендентов⁵³. Обратим внимание, что дипломатические круги рассматривали эту проблематику исключительно через призму изменения внешнеполитического курса. Американский посланник Генри Миддлтон писал: «Нет сомнений в преобладающей популярности Константина, особенно среди армии и общества. Некоторые придворные и представители знати уверенно склоняются в сторону Николая, главы иностранных миссий имеют те же предпочтения. Они уверены, что нынешний политический курс будет им продолжен, в то время как таланта и эксцентричности Константина они боятся. Его имя ассоциируется у них со столицей Турции, а всем известная любовь Константина к языку и обычаям греков не предвещает для них ничего хорошего»⁵⁴. В этой реплике мы видим, что даже крайне далекий от восточного вопроса представитель США ассоциирует гипотетическое правление Константина с более агрессивной внешней политикой в отношении Турции. Наверное, это один из редких примеров, где как раз четко сработало воспоминание о греческом проекте Екатерины II.

Прямо противоположной была позиция более компетентного политика и дипломата (наверное, самого компетентного) — канцлера Меттерниха. В изложении Д.П. Татищева, симпатии венского двора и конкретно всесильного князя были на стороне Константина. Он был убежден, что взгляды цесаревича не позволят ему начать войну с Грецией

---

⁴⁹ Записки Николая I о вступлении его на престол // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов... С. 18.

⁵⁰ Андреева Т.В. Указ. соч. С. 575.

⁵¹ Кучерская М. Указ. соч. С. 193.

⁵² La comte Frederic de Nesselrode a sa cousine la Comtesse Charles de Nesselrode... P. 232.

⁵³ Потанова Н. Д. Указ. соч. С. 131–138.

⁵⁴ Bushkovitch P. Op. cit. P. 137.

в случае восшествия на трон⁵⁵. Причем эти симпатии не ограничивались исключительно плоскостью внешнеполитических вопросов: Константин ассоциировался с сохранением консервативного курса, а Николай, как это ни парадоксально, был заподозрен в симпатии к либеральным политикам, ведь «полученные некогда сведения о том, какой прием император, будучи в ту пору великим князем, оказал в Берлине генералу Гнейзену и другим лицам, являвшимся приверженцами тех же принципов, внушили канцлеру совершенно необоснованное беспокойство»⁵⁶. Стоит коротко отметить, что общественное мнение ассоциировало Гнейзену с деятельностью прусского патриотического общества Тугенбунд⁵⁷.

Сходной с австрийским канцлером позиции придерживалась острая на язык супруга канцлера российского М.Д. Нессельроде. Она, говоря про Николая, утверждала, что «в его царствование дышалось бы легче... и каждый имел бы больше личной свободы, чем это было бы под властью того князя, восшествие которого ожидается в ближайшие дни и которое можно было бы сравнить с деспотическим ураганом»⁵⁸. Возможно, подобная позиция была связана со страхом увольнения с должностей всех ключевых деятелей александровской администрации. Лебцельтерн сообщал Меттерниху: «Как и российская аристократия, ход административных процессов и дел в этой империи подверглись бы большим усовершенствованиям, однако страдали бы личности, и министры — конечно же, были бы смещены, хотя и не сразу; без сомнения, вскоре был бы призван, чтобы играть большую роль, барон Моренгейм»⁵⁹. Здесь снова необходимо отметить, что австрийский дипломат перемены на троне рассматривает в контексте внешнеполитического курса, называя будущим *de facto* премьером П.О. Моренгейма, бывшего поверенного в делах при правительстве Жозефа, посла в Константинополе, руководителя специальной миссии в Берлине.

К середине первой декады декабря напряжение стало нарастать: все чаще стал звучать вопрос о причинах отсутствия только что провозглашенного императора в столице. Город стал наполняться толками. Отметим, что в разных слоях населения эта интерпретация оказалась различной. В крестьянской и солдатской среде стала формироваться легенда о «добром царе» Константине и злых узурпаторах⁶⁰, но в дипломатическом обществе указанный сюжет приобрел совершенно другое звучание.

Существующую невысказанную напряженность очень точно передает Анна Дисброу: «Новый император пока еще не прибыл. Ходит великое множество разнородных слухов, но мне эту тему лучше не затрагивать, потому что хотелось бы отправить это письмо с первой почтой»⁶¹. То, что не могла написать жена служащего английской миссии в частном письме, в зашифрованной депеше объявил испанский посланник Паес де ла Кадена: «Если он [Константин] будет настаивать на отказе [от престола], мне не кажется, что он сможет прекратить удерживать как минимум царство Польское, которым уже столько лет счастливо правит; и, как только он столь великодушно уступит свою империю, неотвратимым последствием этого может стать независимость этого царства, руководить которым он бы продолжил, будучи естественным образом с ним связан,

⁵⁵ Д.П. Татищев управляющему министерством иностранных дел К.В. Нессельроде // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. 2. Т. 6 (14). М., 1985. С. 330.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Дело князя С.П. Трубецкого // Восстание декабристов: материалы по истории восстания декабристов. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 25. См. также: *Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871. С. 370.

⁵⁸ 14 декабря 1825 г. в письмах графини М.Д. Нессельроде // Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 267.

⁵⁹ Дипломатическое досье Л. Лебцельтерна. С. 148.

⁶⁰ *Рахматуллин М.А.* Легенда о Константине в народных толках и слухах 1825–1828 гг. // Феодализм в России. Сборник статей, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 298–308.

⁶¹ Подлинные письма из России, 1825–1828. С. 64.

и которое ему столь дорого; со времен раздела этого царства прошло еще не так много времени, патриотизм и независимый дух его жителей издревле известен и за короткое время мог бы воодушевить те провинции и земли, которые входили в него до его расчленения и которые желают снова объединиться под властью того же самого правителя»⁶².

Приведенная фраза материализует страхи имперского истеблишмента: у поляков продолжает сохраняться сильнейшее устремление к созданию собственного самостоятельного государства. Но при этом Паес де ла Кадена дословно повторяет риторику Константина: он счастливо управляет поляками, он единственный, кто может обеспечить существование пророссийской Польши. И, конечно же, испанский дипломат говорит о сделке между братьями: Константин уступает империю, но получает в качестве компенсации желанную корону новой Речи Посполитой. Естественно, было бы абсурдным предполагать, что испанский посол мог быть знаком, по крайней мере в этот момент, с частной перепиской Константина или его адъютантов. Скорее можно утверждать, что Паес де ла Кадена озвучивает то, что было у всех на устах. Он предлагает самую очевидную для мировосприятия людей его круга интерпретацию развития кризиса.

Симптоматично, что и австрийский посланник Лебцельтерн пишет о том же: «Поползли гнусные слухи о том, что император Константин захвачен поляками, что великий князь Константин отказался от императорской короны, однако что он просит польского трона, присоединения к Польше Литвы, Валахии и Подолии, что он высказывает все свое пренебрежение к русским, не принимая их воли и не приезжая в Санкт-Петербург, компрометируя Сенат и Государственный совет и не отвечая никому; с другой стороны, распространился слух, что виной все откладываемого приезда императора Константина — сплетенный во дворце заговор, что его поставили в такие обстоятельства, что он вынужден настаивать на своем отречении, что Аракчеев вошел в милость у великого князя Николая и так далее»⁶³. Данное сообщение содержательно близко реплике Паеса де ла Кадены, но здесь сконцентрирован целый набор популярных для того периода предчувствий. «Константин схвачен поляками» — тезис, характерный для солдатской среды: здесь очевидно постулируется концепт о «добром царе» и украденном у него царстве.

Дальше Лебцельтерн начинает противоречить сам себе: Константин хоть и схвачен поляками, но просит польского трона. Сложно выдвигать подобные претензии, являясь пленником. Это еще раз подтверждает тезис, что он передает конгломерат мнений. И так, второй слух: Константин получит корону расширенной в границах Польши. Здесь прочитывается концепт возможной сделки между братьями. Но Лебцельтерн говорит не просто о независимой Польше для Константина, он добавляет к этому присоединение к ней новых территорий. Что является отсылкой к прежнему плану Александра еще 1817 г. — включить в состав Польши западные губернии, — к плану, против которого активно протестовали декабристы⁶⁴ и Карамзин⁶⁵; к плану, к которому, как показал Н.К. Шильдер, Александр вернулся в мае 1825 г. Он, посетив Польшу, «под влиянием вынесенных благоприятных впечатлений возобновил прежние обещания относительно своего неизменного намерения присоединить к Польше западные губернии»⁶⁶. Это достаточно быстро стало достоянием европейской прессы, в частности газеты «Журналь де Деба»: «В Варшаве ходят слухи, которые, однако, мало заслуживают доверия, что

⁶² АНН. Estado. Leg. 5919. Despacho № 138 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.14). Fol. 27.

⁶³ Дипломатическое досье Л. Лебцельтерна. С. 144.

⁶⁴ Сафонов М.М. Декабризм и Речь Посполитая // Декабристы: актуальные направления исследования. СПб., 2014. С. 84–98; Blackwell W.L. Russian Decembrist Views of Poland // The Polish Review. 1958. Vol. 3. № 4. P. 30–54.

⁶⁵ Black J. Nicholas Karamzin's "Opinion" on Poland: 1819 // The International History Review. 1981. Vol. 3. № 1. P. 1–19.

⁶⁶ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. IV. СПб., 1898. С. 334.

провинции Литвы будут возвращены Польше и что это королевство впоследствии перейдет в наследство великому князю Константину»⁶⁷.

Третий пласт, на который стоит обратить внимание, — игнорирование высших государственных органов. Дело в том, что после осуществления присяги министр юстиции генерал-прокурор Д.И. Лобанов-Ростовский направил великому князю Константину постановление Сената о проведении присяги ему как императору. Константин заявил в ответ «о неприятии Его Высочеством отправленного им министром юстиции минувшего ноября 27го дня рапорта»⁶⁸. Все пакеты, адресованные «Его Императорскому Высочеству», он демонстративно возвращал невскрытыми. Таким образом, Константин проигнорировал решение Государственного совета, Сената и Синода о возведении его на престол. Но сделал это из-за того, что в придворной среде возник заговор (здесь можно вернуться к прежним репликам Лебцельтерна), который заставил Константина отказаться от трона.

Канцлер Меттерних по данному поводу прозорливо заметил: «Как только нежелание этого князя, спустившегося с имперского трона, получило огласку, возможность, что он захочет взять на себя исключительно польскую корону, объединила все устремления общества. Я Вам предоставляю в секретном письме, прикрепленном к этому, доказательства, что слух разнесся далеко, и я не сомневаюсь, что мы увидим, как он отзовется во французских и английских газетах»⁶⁹. Иными словами, Меттерних однозначно отмечает, что центральный нерв событий междуцарствия связан напрямую с разрешением польского вопроса и обсуждение этого сюжета займет все передовицы европейской прессы.

В рассматриваемую эпоху Петербург и Париж разделяли не только часовые пояса, но также 12 дней между юлианским и григорианским календарями, а кроме того, примерно две недели пути по сухопутному маршруту. Например, новости о восстании 14 декабря в Париже появились 10 января⁷⁰. Поэтому, соотнося то или иное событие в России и дату публикации о нем во французской газете, стоит вычитать примерно 26–28 дней. Отсюда несложно оценить, что сообщение от 19 декабря касательно ухода из жизни российского императора, случившегося 19 ноября, можно считать практически мгновенной реакцией. И первые ожидания, первые впечатления, первые предчувствия оказались направлены прежде всего на международные дела: «Его смерть может стать источником величайших событий в Польше, в Греции, во всей Европе. Знаем ли мы, урегулировано ли и обеспечено ли престолонаследие? Смогут ли поляки получить отдельного короля?»⁷¹. Обратим внимание, что 19 декабря в Париже еще не знали о нарушении Николаем порядка и самовольном принесении присяги старшему брату. Серьезная игра между братьями еще не началась, а пресса уже заговорила о самостоятельном польском государстве.

А события 27 ноября породили еще большую неопределенность. Французские публицисты стали озвучивать самые неожиданные сценарии развития династического кризиса. Первый из возможных — вооруженное противостояние между братьями, об этом 24 декабря писали в «Журналь де Деба» со ссылкой на английскую газету «Таймс»: «Константин пойдет во главе российской армии против Николая, у которого, по его словам, 60 000 гвардейцев и дворянство»⁷². Причем в этом же номере сообщается о прибытии двух экстраординарных курьеров, одного к министру иностранных дел, другого к российскому послу, и дается достаточно нейтральный рассказ о всеобщем трауре в связи со смертью императора.

⁶⁷ Journal des débats politiques et littéraires. 30.VII.1825.

⁶⁸ Протоколы Синода 1721–1917 гг.: 18 декабря 1825 г. // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Канцелярия Святейшего синода. Оп. 209. Д. 521. № 104. Л. 395–395 об.

⁶⁹ Lettres de Metternich à Lebzeltern (Vienne, ce 10 janvier 1826). С. 317.

⁷⁰ Ангран П. Указ. соч. С. 99.

⁷¹ Journal des débats politiques et littéraires. 19.XII.1825.

⁷² Journal des débats politiques et littéraires. 24.XII.1825.

Весьма быстро доминирующее положение в риторике занял сценарий возможной сделки. 30 декабря издание «Конститусьонель» сообщило: «Константин, вкладывающий все свои амбиции, чтобы возвысить трон Польши, отправляется в Петербург только для того, чтобы договориться о восстановлении этого королевства и отречься от империи»⁷³. В последние дни 1825 г. и в первые дни 1826 г. об этом говорили всё увереннее и увереннее. 3 января в том же «Конститусьонель»: «Если верить в то, что говорят в салонах Санкт-Петербурга, отречение императора Константина в пользу его брата, великого князя Николая, было лишь условленной позицией, как это анонсировали некоторые газеты. Как же поверить в то, что князья согласятся сами на разделение империи? Что же случится, если эти слухи и все эти рассуждения газетных дипломатов по поводу восстановления Царства Польского окажутся обоснованы, и каковы будут последствия этого события для Европы?»⁷⁴. 5 января в более осторожной газете «Котидьен» читаем: «По поводу престолонаследия ходит много слухов; некоторые предприниматели, получившие особые письма из Варшавы, утверждают, что российская Польша сформирует независимое и отдельное королевство; говорят, что Константин будет управлять этим новым государством»⁷⁵.

Сопоставляя даты сообщений в газетах, следует указать, что их спровоцировали те же слухи, что и содержание депеш испанского и австрийского посланников. Однако здесь следует сделать оговорку о пределах и границах допустимого. Если представители российского высшего света могли обсуждать данный сюжет лишь шепотом, а дипломаты сообщать о нем только в зашифрованных сообщениях (о чем свидетельствуют вышеприведенные фразы Анны Дисброу), то европейские журналисты могли писать открыто, что было им даже на руку: открытость обеспечивала коммерческий успех издания за счет публикации самого жареного слуха.

Таким образом, можно утверждать, что присяга 27 ноября всеми очевидцами была достаточно быстро интерпретирована как первый шаг в борьбе за престол, в этом же ключе рассматривалось и молчание Константина.

В первой декаде декабря в российской столице, пусть это и мало отразилось в российских источниках, в воздухе носилась идея о сделке между братьями, результатом которой может быть независимая Польша под скипетром Константина. Причем аргументы в пользу независимой от России Польши, находящейся под властью одного из Романовых, были существенны. Подобный поворот, как об этом писали в «Журналь де Деба», мог бы быть выгоден прежде всего России: 1) «русско-польские провинции имеют русско-литовское население, сильно отличающееся от поляков»; 2) «масса народу в этих провинциях исповедует православие»; 3) и поэтому «Россия, по всей видимости, рискует малым, возвращая Польше существование полностью независимое»; 4) «и лишь малое число польских провинций сохранили воспоминания о дворянской республике»⁷⁶. Следуя за автором данной заметки, можно утверждать, что, с одной стороны, гипотетическая Польша будет и этнически, и религиозно, и династически близка России, а с другой — она приобретет политическую стабильность, так как ядро, ориентированное на парламентский строй, окажется в меньшинстве. С точки зрения международной политики несомненным преимуществом станет появление буферного государства между великими державами.

Тем временем 10 января Парижа достигли известия о восшествии на престол Николая I и восстании гвардии. Эти последние дни накануне 14 декабря были переполнены тревогой для Николая⁷⁷. 12 декабря он получает послание Константина, в котором

⁷³ Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 30.XII.1825.

⁷⁴ Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 3.I.1826.

⁷⁵ La Quotidienne. 5.I.1826.

⁷⁶ Journal des débats politiques et littéraires. 4.I.1826.

⁷⁷ *Высочков Л.В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2013. С. 134–146.

отсутствует долгожданный манифест об отречении. 13 декабря он созывает Государственный совет: заседание назначает на 8 часов воскресного вечера, но вынужден прождать несколько часов прибытия великого князя Михаила из Варшавы⁷⁸. И манифестом объявляет о собственном восшествии на престол. К манифесту вместо отречения прилагалось письмо Константина. Юридически повторялась ситуация 1762 г., когда при жизни законного, пусть и некоронованного, монарха кто-то другой издает манифест о восшествии на трон⁷⁹. Николай старательно пытался всех убедить, что Константин был императором и отказался от трона. Именно так эту коллизию восприняла эмоциональная Анна Дисбру: «Константин может говорить все что угодно, но он, безусловно, побывал императором»⁸⁰.

Но прозорливый князь Меттерних сразу же обратил внимание на шаткий статус нового российского монарха: «Манифест императора Николая — хорош, насколько это возможно; я использую эту фразу, так как в приложениях не хватает главного, а именно — акта отречения Константина, провозглашенного императором во всех частях Российской территории. Я понимаю, что Константин никогда не захочет угодить подписанием подобного акта, который отяготил бы его нежелательным титулом (отрекшегося императора. — *М.Б.*); это не сможет воспрепятствовать тому, что в случае пришествия второго брата останется лазейка»⁸¹. В этом сообщении искушенного европейского политика обозначены все нюансы очередного витка династического кризиса: Константин не хочет давать официального отречения, чтобы не утратить своего статуса в Польше, из-за чего законность восшествия Николая вызывает много вопросов. Но здесь Меттерних гиперболизирует происходящее, обращаясь к гипотетической ситуации, — возможной смерти Николая и его сына. Согласно австрийскому канцлеру (как, впрочем, и российским законом): если Константин не отрекался, он остается в очереди наследования. Что бы не предпринял новый император, рядом всегда будет тень еще живого старшего брата.

Для проникательных наблюдателей с восшествием Николая на престол политический кризис не закончился, а вопрос о Польше не был закрыт. Публикации французских газет за 11–14 января были посвящены восстанию. Но уже 15 января в «Коститюсьонель» читаем: «Но каким должно быть окончательное положение Константина? Отрекся ли он от престола безоговорочно или сохранил за собой право считать его претендентом? Должен ли он оставаться наместником Польши или Польша будет преобразована в независимое королевство?.. Мы, конечно, не знаем, должно ли отречение Константина привести к расчленению империи и созданию Польши как независимого королевства»⁸². И здесь в очередной раз используется «*démembrement*» — понятие, провоцирующее в контексте мировой политики явно отрицательные коннотации, но в обиходной речи используемое обычно в значение «раздела наследства» или «раздела имущества».

Публицисты настойчиво продолжали воображать будущую Польшу: «В этом королевстве любой представитель знати мог повязать себя королевской лентой. Великая узурпация, знаменитое разделение Польши... после всего этого жена Константина могла бы стать женой нового Яна Собеского. Благородный человек, который женился на ней, мог бы сесть и разместить ее на троне Ягеллонов. И ее чрево могло бы вскормить нового Пяста»⁸³. Это фраза отсылает нас к династическому статусу супруги Константина: если бы он стал российским императором, то ни княгиня Лович не могла бы стать императрицей, ни их

⁷⁸ Дело о прибытии в чрезвычайное и тайное собрание Государственного совета государя великого князя Николая Павловича и о прочтении, по занятии места председателя, Высочайшего манифеста о принятии его // РГИА. Ф. 1148. Оп. 1. 1825 г.: ЧОС. Д. 2. Л. 2.

⁷⁹ *Потапова Н.Д.* Указ. соч. С. 159.

⁸⁰ Подлинные письма из России, 1825–1828. С. 72.

⁸¹ *Lettres de Metternich à Lebzeltern* (Vienne, ce 10 janvier 1826). С. 318.

⁸² *Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire*. 15.1.1826.

⁸³ *Journal des débats politiques et littéraires*. 13.1.1826. P. 2.

возможные дети — наследовать российскую корону. Политическая традиция в Польше другая: королями становились многие видные аристократы, а польские короли женились на представительницах шляхты без какого-либо попрапия в правах. И эта риторика приобретает визуализацию посредством образа всеильной Марысеньки, предопределившей успешное правление одного из самых значимых польских монархов. А гипотетический сын артикулируется именем легендарного прародителя династии, правившей в течение почти шести столетий. Таковы были политические антиципации французских публицистов, только что узнавших о восшествии на престол Николая.

Константин вполне мог рассчитывать стать королем независимой Польши, учитывая свое положение и статус в Царстве Польском, брак с княжной Лович и династическую историю. Имя Константина часто ассоциируется в российской историографии с греческим проектом Екатерины II, но еще при жизни его могущественной бабки он изредка репрезентовался как будущий польский король⁸⁴. Поэтому все эти соображения не стоит приписывать исключительно французским журналистам. Обращение к их публикациям заставляет нас еще раз коснуться центрального тезиса монографии Н.Д. Потаповой, утверждавшей, что периодика создавала политический дискурс, который, проникая в Российскую империю, предопределял политический процесс⁸⁵. Рассматриваемые публикации показывают нам сложный диффузионный процесс: первопричиной подобных статей, безусловно, стали петербургские слухи в связи с династическим кризисом. Иностранная пресса в данном контексте представляет собой уникальный источник, зафиксировавший то, что носилось в воздухе, и то, что протагонисты этих событий могли только озвучить, но не написать.

Возвращаясь к письму Меттерниха и его мыслям о судьбе младшего из великих князей — Михаила, мы можем обнаружить несколько сценариев развития династического кризиса, связанных с его именем. Паес де ла Кадена сообщал, что, если «снова Константин будет настаивать на отказе [от престола], в таком случае будет необходим соответствующий манифест; или он, принимая во внимание сложившуюся ситуацию, согласится [принять престол] и тогда подтвердит своей приезд, в таком случае будет очень вероятно, что его любимый брат великий князь Михаил наследует его полномочия в Царстве Польском»⁸⁶. Испанский посол предполагал, что Николай потерпит полный крах в борьбе за престол. И тогда империю унаследует (вопреки своему желанию) Константин, но даже тогда Польша окажется независимой — ее получит младший брат Михаил. В скобках отметим, что в литературе часто встречаются утверждения о дружбе и привязанности между Николаем и Михаилом⁸⁷, но М.Д. Нессельроде утверждала прямо противоположное. Она так сообщает о реакции Михаила на присягу Константину: «Его радость видеть провозглашенным своего любимца была столь велика»⁸⁸. Данный сюжет подхватили как английские газеты⁸⁹, так и французские. Иногда в контексте вознаграждения для Михаила назывался независимый Крым⁹⁰.

Все это однозначно указывает, что за весь период своего нахождения в составе Российской империи Польша ближе всего к приобретению независимости была именно в дни междуцарствия. Тезис верифицируется начальными шагами Николая. Уже 15 декабря К.В. Нессельроде требовал от российского посланника в Пруссии Алопеуса: «особенно твердо следовать такой линии поведения е. в-во намерен в делах Царства Польского... Постарайтесь же с самого начала рассеять иллюзии, которые могут строить

⁸⁴ Карнович Е.П. Цесаревич Константин Павлович: биографический очерк. СПб., 1899. С. 165.

⁸⁵ Потапова Н. Д. Указ. соч.

⁸⁶ ANN. Estado. Leg. 5919. Despacho № 144 de Juan Miguel Páez de la Cadena (1825.12.24). Fol. 4–5.

⁸⁷ Вискочков Л.В. Указ. соч. С. 105–109.

⁸⁸ 14 декабря 1825 г. в письмах графини М.Д. Нессельроде. С. 266.

⁸⁹ Потапова Н.Д. Указ. соч. С. 142.

⁹⁰ См., например: Journal des débats politiques et littéraires. 4.I.1826.

на сей счет в Берлине»⁹¹. 16 декабря Стрэнгфорд в специальной депеше, перечисляя всех арестованных, подчеркивал, что «прошлой ночью в тюрьме совершил самоубийство польский офицер»⁹². Мы видим, что польский мотив вызывал настолько сильную тревогу, что инстинктивной реакцией власти было атрибутировать восстание 14 декабря как заговор наподобие европейских, но совершенный польскими офицерами⁹³. Как верно отмечала Н.П. Таньшина, для окружения Николая важным было сместить акцент в презентации петербургских событий: произошедшее «лишь звено цепи восстаний, никак не связанное с вопросом престолонаследия»⁹⁴. Подобный концепт в первые дни и часы разделяли и присутствовавшие в Петербурге иностранные дипломаты.

Подтверждает это и вся последующая польская политика самодержавия. В данном вопросе в историографии присутствует удивительный консенсус. Н.М. Филатова писала о свертывании всех либеральных начинаний, «которые позволяли надеяться на присоединение к Королевству Польскому западных губерний России»⁹⁵, объясняя данный момент в целом консервативным вектором николаевской политики. Вполне оправданно больший акцент на событиях декабря 1825 г. делал Р. Мальте, указывая, что «царь уже в своем манифесте при восшествии на престол дал понять, что западные губернии должны рассматриваться как неотъемлемая часть империи»⁹⁶. Нам представляется, что этот момент следует обозначить еще четче: польскую политику Николая не мог не предопределить страх времен междуцарствия, страх потерпеть поражение, страх получить независимую Польшу под скипетром своего старшего брата, так и не исключенного из очереди престолонаследия.

Подведем итоги. В статье рассматривается вопрос о восприятии политического кризиса междуцарствия 1825 г. (от получения известия о смерти Александра I до издания манифеста Николая I) европейскими дипломатами. Ценность донесений французского посла, австрийского, английского, испанского и американского посланников сложно переоценить. Сама логика дипломатической службы требовала от них не столько реализовать церемониальный функционал, сколько собирать актуальную информацию, прогнозировать логику развития наблюдаемого. Такие обстоятельства сделали некоторых из них наиболее прозорливыми наблюдателями российских событий. Практически сразу для всего представленного в Петербурге иностранного дипломатического корпуса стало понятно, что за присягой Николая не сто́ит усматривать исключительно акт рыцарства и благородства. Было достаточно очевидно, что между братьями развернулась ожесточенная борьба: с одной стороны, за престол Российской империи, с другой — за политическое будущее польского государства. Складывая в единую мозаику сообщения, можно утверждать, что Константин в контексте происходящих событий, как минимум, стремился сохранить *status quo*. Причем общественное мнение полагало, что главной целью была независимая Польша под его скипетром. Подобный сценарий (отделение от России западной окраины) европейские дипломаты стали воспринимать как вполне вероятный уже в первые дни междуцарствия, вскоре их наблюдения стали известны в европейских столицах, и эту риторику подхватили публицисты. Историческое будущее Польши заняло центральное место в европейской новостной повестке, а в России вылилось в оформление концепции о польском мятеже в имперской столице и определило дальнейшую политику самодержавия в данном регионе.

⁹¹ Личное письмо управляющего министерством иностранных дел К.В. Нессельроде посланнику в Берлине Д.М. Алопеусу // Внешняя политика России XIX и начала XX века. С. 313.

⁹² Донесения П. Стрэнгфорда. С. 231.

⁹³ Белоусов М.С. Депеши испанского посла...С. 369.

⁹⁴ Таньшина Н.П. К.В. Нессельроде: искусство быть дипломатом. СПб., 2021. С. 191.

⁹⁵ Филатова Н.М. Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 492.

⁹⁶ Мальте Р. Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой войны. М., 2020. С. 71.

Библиография

- Александренко В.* Россия и Англия в начале царствования Николая // Русская старина. 1907. Сентябрь. С. 529–536.
- Ангран П.* Отголоски восстания декабристов во Франции // Вопросы истории. 1952. № 12. С. 98–116.
- Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой четверти XIX века. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.
- Белоусов М.С.* Дешпи испанского посла как источник по истории политической культуры междуцарствия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 357–374.
- Белоусов М.С.* Незамеченный дворцовый переворот // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 79–97.
- Борщак И.К.* Восстание декабристов в освещении французского дипломата (по неизданным материалам) // Парижский вестник. 1925. № 69.
- Бушкович П.* Генри Миддлтон и восстание декабристов // Родина. 2015. № 4. С. 98–104; № 6. С. 98–103.
- Высочков Л.В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2013.
- Гончарова Т.Н.* Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). СПб., 2017.
- Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816–1826 годы.* СПб., 1913.
- Записки графа Александра Ивановича Рибоьера* // Русский архив. 1877. Кн. 2. С. 5–36.
- Записки Николая I о вступлении его на престол* // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 9–35.
- Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского (моя поездка в Россию в 1825 г. и петербургский заговор)* // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 104–124.
- К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819–1823 гг. Варшава, 1898.*
- Карнович Е.П.* Цесаревич Константин Павлович: биографический очерк. СПб., 1899.
- Котов А.Э.* Русские самодержцы на страницах трудов С.С. Татищева // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 142–154.
- Кросс Э.* «Подлинные письма из России» в литературно-историческом контексте // Подлинные письма из России, 1825–1828. СПб., 2011. С. 9–20.
- Кучерская М.* Константин Павлович. М., 2013.
- Любезников О.* Во главе «константиновской партии»: Николай Новосильцов во время междуцарствия // Родина. 2013. № 5. С. 82–83.
- Любезников О.А.* Николай Николаевич Новосильцов – государственный деятель императорской России первой трети XIX века: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2013.
- Мальте Р.* Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой войны. М., 2020.
- Мильчина В.А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2006.
- Невелев Г.* Декабристский контекст: документы и описания. М., 2012.
- Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: опыт исторического исследования: в 2 т. Т. 2. СПб., 1912.
- Панов А.С.* Восстание декабристов в репрезентациях американских современников // Революции и революционный дискурс в США. Ч. 2: Имагология революции и дискурс идентичности. М., 2019. С. 124–135.
- Панов А.С.* Восстание декабристов и перспективы модернизации России в восприятии американцев // Россия и современный мир. 2018. № 1 (98). С. 39–46.
- Подлинные письма из России, 1825–1828.* СПб., 2011.
- Потапова Н. Д.* Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017.
- Пыпин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871.
- Райнхардт Р.О.* Contacts of the Diplomatic Corps in Saint Petersburg with Alexander Pushkin in late 1829 – early 1830: Protocol and Communication Aspects // Былые годы. 2021. № 16 (2). С. 641–651.
- Райнхардт Р.О.* Начало дипломатической миссии посла Испании Х.М. Паэса де ла Кадена в Российской Империи (1824–1825) // Научный диалог. 2020. № 11. С. 466–476.

Рахматуллин М.А. Легенда о Константине в народных толках и слухах 1825–1828 гг. // Феодализм в России. Сборник статей, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 298–308.

Сафонов М.М. Декабризм и Речь Посполитая // Декабристы: актуальные направления исследования. СПб., 2014. С. 84–98.

Таньшина Н.П. К.В. Нессельроде: искусство быть дипломатом. СПб., 2021.

Татищев С.С. Воцарение императора Николая I. По неизданным источникам Парижского архива министерства иностранных дел // Русский Вестник. 1893. Т. 225. Март. С. 136–167; Апрель. С. 3–30; Май. С. 89–113.

Филатова Н.М. Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 469–518.

Черкасов П. Восстание декабристов глазами французского посла // Родина. 2005. № 12. С. 78–82.

Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. IV. СПб., 1898.

Юрчик Е.Э. Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паэс де ла Кадена // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений – Еспаña у Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / отв. ред. О.В. Волосюк. М., 2018. С. 169–174.

Black J. Nicholas Karamzin's "Opinion" on Poland: 1819 // The International History Review. 1981. Vol. 3. № 1. P. 1–19.

Blackwell W.L. Russian Decembrist Views of Poland // The Polish Review. 1958. Vol. 3. № 4. P. 30–54.

Bushkovitch P. Henry Middleton and the Decembrist Revolt // Transactions of the Association of Russian-American scholars in USA. Vol. XXXVIII. New York, 2013. P. 131–156.

Disbrowe C.A.A. Old Days in Diplomacy: Recollections of a Closed Century / with a Preface by M. Montgomery-Campbell. London, 1903.

Grünwald C. de. L'Austrische et le décabrisme // Le Monde slave. 1938. Т. 1. № 2. P. 236–250.

Lang D. M. The Decembrist Conspiracy Through British Eyes // The American Slavic and East European Review. 1949. Vol. 8. № 4. P. 262–274.

Lettres and papiers du chancelier Comte de Nesselrode. Т. VI. 1819–1827. Paris, 1908. P. 229–234.

Lives of the Lords Strangford / eds E.B. de Fonblanque. London, 1877. P. 155.

Raeff M. An American View of the Decembrist Revolt // The Journal of Modern History. 1953. Vol. 25. № 3. P. 286–293.

References

Aleksandrenko V. Rossiia i Angliia v nachale tsarstvovaniia Nikolaiia [Russia and England at the Beginning of the Reign of Nicholas] // Russkaia starina [Russian antiquity]. 1907. Sentiabr'. S. 529–536. (In Russ.)

Andreeva T.V. Tainye obshchestva v Rossii v pervoi chetverti XIX veka. Pravitel'stvennaia politika i obshchestvennoe mnenie [Secret Societies in Russia in the First Quarter of the 19th Century. Government Policy and Public Opinion]. Sankt-Peterburg, 2009. (In Russ.)

Angran P. Otoloski vosstaniia dekabristov vo Frantsii [Echoes of the Decembrist Revolt in France] // Voprosy istorii [Questions of history]. 1952. № 12. S. 98–116. (In Russ.)

Belousov M.S. Depeshi ispanskogo posla kak istochnik po istorii politicheskoi kul'tury mezhdutsarstviia [The Dispatches of Spanish Ambassador as a Source of Interregnum's Political Culture] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. 2020. Т. 65. Vyp. 2. S. 357–374. (In Russ.)

Belousov M.S. Nezamechennyi dvortsovyi perevorot [Unnoticed Coup D'état] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. 2021. Т. 66. Vyp. 1. S. 79–97. (In Russ.)

Borshchak I.K. Vosstanie dekabristov v osveshchenii frantsuzskogo diplomata (po neizdannym materialam) [The Revolt of the Decembrists in the Coverage of the French Diplomat (According to Unpublished Materials)] // Parizhskii vestnik [Paris Bulletin]. 1925. № 69. (In Russ.)

Bushkovich P. Genri Middlton i vosstanie dekabristov [Henry Middleton and the Decembrist Revolt] // Rodina [Homeland]. 2015. № 4. S. 98–104; № 6. S. 98–103. (In Russ.)

Cherkasov P. Vosstanie dekabristov glazami frantsuzskogo posla [The Revolt of the Decembrists Through the Eyes of the French Ambassador] // Rodina [Homeland]. 2005. № 12. S. 78–82. (In Russ.)

Cross E. "Podlinnye pis'ma iz Rossii" v literaturno-istoricheskom kontekste ["Genuine letters from Russia" in a literary and historical context] // Podlinnye pis'ma iz Rossii, 1825–1828 [Genuine Letters from Russia, 1825–1828]. Sankt-Peterburg, 2011. S. 9–20. (In Russ.)

Doneseniia avstriiskogo poslannika pri russkom dvore Lebtel'terna za 1816–1826 gody [Reports of the Austrian envoy to the Russian court of Lebtel'tern for 1816–1826]. Sankt-Peterburg, 1913. (In Russ.)

Filatova N.M. Russkoe obshchestvo i Korolevstvo Pol'skoe v 1815–1830 gg. [Russian Society and the Kingdom of Poland in 1815–1830] // Pol'sha i Rossiia v pervoi treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830 [Poland and Russia in the First Third of the 19th Century. From the History of the Autonomous Kingdom of Poland. 1815–1830]. Moskva, 2010. S. 469–518. (In Russ.)

Goncharova T.N. Mezhdru Parizhem i Sankt-Peterburgom. Posol'stvo Frantsii v Rossii (1814–1848) [Between Paris and St. Petersburg. Embassy of France in Russia (1814–1848)]. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)

Iurchik E.E. Svidetel' vosstaniia dekabristov: ispanskii poslannik Juan Miguel Paez de la Cadena [Witness of the Decembrist Revolt: Spanish envoy Juan Miguel Paez de la Cadena] // Ispaniia i Rossiia: diplomatiia i dialog kul'tur. Tri stoletiiia otnoshenii [Spain and Russia: Diplomacy and Dialogue of Cultures. Three Centuries of Relations] – Espanya y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / otv. red. O.V. Volosiuk. Moskva, 2018. S. 169–174. (In Russ.)

Iz vospominanii printsa Evgeniia Viurtembergskogo (Moia poezdka v Rossiiu v 1825 g. i peterburgskii zagovor) [From the Memoirs of Prince Eugene of Württemberg (My Trip to Russia in 1825 and the St. Petersburg Conspiracy)] // Mezhdutsarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarakh chlenov tsarskoi sem'i [The Interregnum of 1825 and the Revolt of the Decembrists in Correspondence and Memoirs of Members of the Royal Family]. Moskva; Leningrad, 1926. S. 104–124. (In Russ.)

K istorii tainykh obshchestv i kruzhkov sredi litovsko-pol'skoi molodezhi v 1819–1823 gg. [To the History of Secret Societies and Circles Among Lithuanian-Polish Youth in 1819–1823]. Varshava, 1898. (In Russ.)

Karnovich E.P. Tsesarevich Konstantin Pavlovich: biograficheskii ocherk [Tsesarevich Konstantin Pavlovich: Biographical Essay]. Sankt-Peterburg, 1899. (In Russ.)

Kotov A.E. Russkie samoderzhtsy na stranitsakh trudov S.S. Tatishcheva [Russian Autocrats on the Pages of the Works of S.S. Tatishchev] // Russko-Vizantiiskii vestnik [Russian-Byzantine Bulletin]. 2021. № 1 (4). S. 142–154. (In Russ.)

Kucherskaia M. Konstantin Pavlovich [Konstantin Pavlovich]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Liubeznikov O. A. Nikolai Nikolaevich Novosil'tsov – gosudarstvennyi deiatel' imperatorskoi Rossii pervoi treti XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk [Nikolai Nikolaevich Novosiltsov – Statesman of Imperial Russia in the First Third of the 19th Century: PhD dissertation]. Sankt-Peterburg, 2013. (In Russ.)

Liubeznikov O. Vo glave “konstantinovskoi partii”: Nikolai Novosil'tsov vo vremia mezhdutsarstviia [At the Head of the “Constantinople party”: Nikolai Novosiltsov during the Interregnum] // Rodina [Homeland]. 2013. № 5. S. 82–83. (In Russ.)

Mal'te R. Pol'skie zemli pod vlast'iu Peterburga: ot Venskogo kongressa do Pervoi mirovoi voiny [Polish Lands under the Rule of St. Petersburg: from the Vienna Congress to the First World War]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Mil'china V.A. Rossiia i Frantsiia. Diplomaty. Literaturny. Shpiony [Russia and France. Diplomats. Writers. Spies]. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)

Nevelev G. Dekabristskii kontekst: dokumenty i opisaniia [Decembrist context: documents and descriptions]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Nikolai Mikhailovich, vel. kn. Imperator Aleksandr I: opyt istoricheskogo issledovaniia [Emperor Alexander I: Experience of Historical Research]: v 2 t. T. 2. Sankt-Peterburg, 1912. (In Russ.)

Panov A.S. Vosstanie dekabristov i perspektivy modernizatsii Rossii v vospriiatii amerikantsev [The Decembrist Revolt and the Prospects of Modernization of Russia in the Perception of Americans] // Rossiia i sovremennii mir [Russia and the Modern World]. 2018. № 1 (98). S. 39–46. (In Russ.)

Panov A.S. Vosstanie dekabristov v reprezentatsiakh amerikanskikh sovremennikov [Revolt of the Decembrists in the Representations of American Contemporaries] // Revoliutsii i revoliutsionnyi diskurs v SShA. Ch. 2. Imagologiya Revoliutsii i diskurs identichnosti [Revolutions and Revolutionary Discourse in the USA. Part 2. Imagology of Revolution and Discourse of Identity]. Moskva, 2019. S. 124–135. (In Russ.)

Podlinnye pis'ma iz Rossii, 1825–1828 [Original Letters from Russia, 1825–1828]. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russ.)

Potapova N.D. Tribuny syrykh kazematov. Politika i diskursivnye strategii v dele dekabristov [Speaking from their Cells. Discourse and Political Strategies of the Decembrists]. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)

Pypin A.N. Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I [The Public Movement in Russia under Alexander I]. Sankt-Peterburg, 1871. (In Russ.)

Rainkhardt R.O. Contacts of the Diplomatic Corps in Saint Petersburg with Alexander Pushkin in late 1829 – early 1830: Protocol and Communication Aspects // Bylye gody [Past years]. 2021. № 16 (2). S. 641–651.

Rainkhardt R.O. Nachalo diplomaticheskoi missii posla Ispanii Kh. M. Paesa de la Kadena v Rossiiskoi Imperii (1824–1825) [The Beginning of the Diplomatic Mission of the Ambassador of Spain, H.M. Paez de la Caden, to the Russian Empire (1824–1825)] // Nauchnyi dialog [Scientific dialogue]. 2020. № 11. S. 466–476. (In Russ.)

Rakhmatullin M.A. Legenda o Konstantine v narodnykh tolkakh i slukhakh 1825–1828 gg. [The legend of Konstantin in popular terms and rumors of 1825–1828] // Feodalizm v Rossii. Sbornik statei, posviashchennii pamiati akademika L.V. Cherepnina [Feudalism in Russia. A Collection of Articles Dedicated to the Memory of Academician L.V. Cherepnin]. Moskva, 1987. S. 298–308. (In Russ.)

Safonov M.M. Dekabrizm i Rech' Pospolitaia [Decembrism and the Polish–Lithuanian Commonwealth] // Dekabristy: aktual'nye napravleniia issledovaniia [Decembrists: Current Areas of Research]. Sankt-Peterburg, 2014. S. 84–98. (In Russ.)

Shil'der N.K. Imperator Aleksandr I. Ego zhizn' i tsarstvovanie [Emperor Alexander I. His Life and Reign]. T. IV. Sankt-Peterburg, 1898. (In Russ.)

Tan'shina N.P. K.V. Nessel'rode: Iskusstvo byt' diplomatom [K.V. Nesselrode: The art of Being a Diplomat]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)

Tatishchev S.S. Votsarenie imperatora Nikolaia I. Po neizdannym istochnikam Parizhskogo arkhiva ministerstva inostrannykh del [Accession of Emperor Nicholas I. According to Unreleased Sources of the Paris Archive of the Ministry of Foreign Affairs] // Russkii Vestnik [Russian Bulletin]. 1893. T. 225. Mart. S. 136–167; April'. S. 3–30; Mai. S. 89–113. (In Russ.)

Vyskochkov L.V. Nikolai I i ego epokha. Ocherki istorii Rossii vtoroi chetverti XIX veka [Nicholas I and his era. Essays on the History of Russia in the Second Quarter of the 19th Century]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Zapiski grafa Aleksandra Ivanovicha Ribop'era [Notes by Count Alexander Ivanovich Ribeaupierre] // Russkii arkhiv [Russian Archive]. 1877. Kn. 2. S. 5–36. (In Russ.)

Zapiski Nikolaia I o vstuplenii ego na prestol [Notes of Nicholas I on his accession to the throne] // Mezhdutsarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarakh chlenov tsarskoi sem'i [The Interregnum of 1825 and the Revolt of the Decembrists in Correspondence and Memoirs of Members of the Royal Family]. Moskva; Leningrad, 1926. S. 9–35. (In Russ.)

Black J. Nicholas Karamzin's "Opinion" on Poland: 1819 // The International History Review. 1981. Vol. 3. № 1. P. 1–19.

Blackwell W.L. Russian Decembrist Views of Poland // The Polish Review. 1958. Vol. 3. № 4. P. 30–54.

Bushkovitch P. Henry Middleton and the Decembrist Revolt // Transactions of the Association of Russian-American scholars in USA. Vol. XXXVIII. New York, 2013. P. 131–156.

Disbrowe C.A.A. Old Days in Diplomacy: Recollections of a Closed Century / with a Preface by M. Montgomery-Campbell. London, 1903.

Grünwald C. de. L'Austriche et le décabrisme // Le Monde slave. 1938. T. 1. № 2. P. 236–250.

Lang D.M. The Decembrist Conspiracy Through British Eyes // The American Slavic and East European Review. 1949. Vol. 8. № 4. P. 262–274.

Lettres and papiers du chancelier Comte de Nesselrode. T. VI. 1819–1827. Paris, 1908.

Lives of the Lords Strangford / eds E.B. de Fonblanque. London, 1877.

Raeff M. An American View of the Decembrist Revolt // The Journal of Modern History. 1953. Vol. 25. № 3. P. 286–293.

DOI: 10.31857/S013038640018556-9

© 2022 г. **В.В. ДАМЬЕ**

ИСАБЕЛО ДЕ ЛОС РЕЙЕС И НАЧАЛО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ НА ФИЛИППИНАХ

Дамье Вадим Валерьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: vaddam@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2073-2850

Аннотация. Статья посвящена деятельности филиппинского публициста, этнографа, общественного, религиозного и политического деятеля Исабело де лос Рейеса (1864–1938). В ней впервые в российской историографии с опорой на его собственные произведения показана роль де лос Рейеса в движении за независимость Филиппин, в становлении рабочего движения и начале распространения социалистических идей на архипелаге. Талантливый и плодовитый журналист, он уже в молодости выдвинулся в первые ряды прогрессивных представителей «илустратос» — образованного класса испанской колонии Филиппины. Арестованный колониальными властями после начала антиколониального восстания в 1896 г. де лос Рейес был выслан в Испанию. Находясь в тюрьме в Барселоне, он испытал влияние со стороны политических заключенных с левыми взглядами — анархистов, синдикалистов и социалистов. Большое впечатление произвело на него знакомство с социалистической литературой. После освобождения из тюрьмы в 1898 г. де лос Рейес принимал участие в деятельности филиппинской эмиграции и кампании против захвата Филиппинских островов США. В 1901 г. он возвратился на родину, ставшую колонией США, и привез с собой произведения анархистских и социалистических теоретиков и пропагандистов, с которыми познакомил ведущих рабочих активистов страны. По их просьбе он помог в организации в 1902 г. «Демократического рабочего союза» (УОД), который стал первым объединением профсоюзов не только на Филиппинах, но и во всей Юго-Восточной Азии. Де лос Рейес придерживался в этот период социалистических взглядов, в которых смешивались элементы христианского социализма, анархизма и реформистского синдикализма. Он выступил также инициатором создания Филиппинской независимой церкви. После волны забастовок в 1902 г. де лос Рейес был арестован американскими властями Филиппин и подал в отставку с поста руководителя УОД. После освобождения из заключения в 1903 г. он издавал печатный орган рабочего движения — газету «La Redención del obrero». В последующие годы де лос Рейес отошел от профсоюзного движения, сосредоточился на темах, связанных с Филиппинской независимой церковью, а затем занялся парламентарно-политической деятельностью, был избран муниципальным советником и сенатором.

Ключевые слова: анархизм, Исабело де лос Рейес, профсоюзное движение, синдикализм, социализм, Филиппины.

V.V. Damier

Isabelo de los Reyes and the Beginning of the Labour Movement in the Philippines

Vadim Damier, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vaddam@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2073-2850

Abstract. The article focuses on the activities of the Filipino publicist, ethnographer, public, religious and political figure Isabelo de los Reyes (1864–1938). For the first time in Russian historiography, drawing upon de los Reyes' own works, it highlights his role in the movement for Philippine independence from Spain, in the formation of the labour movement, and in the initial dissemination of socialist ideas in the archipelago. A talented and prolific journalist, he rose to prominence among the progressive “*ilustrados*” – the educated class in the Spanish colony of the Philippines – at a very young age. Arrested by the colonial authorities after the outbreak of the 1896 anti-colonial rebellion, de los Reyes was exiled to Spain. While in prison in Barcelona, he was influenced by left-leaning fellow prisoners – anarchists, syndicalists, and socialists. He was greatly impressed by his acquaintance with socialist literature. After his release from prison in 1898, de los Reyes took part in the activities of the Philippine emigration and the campaign against the capture of the Philippine Islands by the United States. In 1901 he returned to his homeland, bringing with him the works of anarchist and socialist theorists and propagandists, to which he introduced the country's leading labour activists. In 1902, at their request, he helped organise the *Unión Obrera Democrática* (UOD), which emerged as the first trade union association not only in the Philippines but also in the whole of Southeast Asia. At that time De los Reyes held socialist views, incorporating elements of Christian socialism, anarchism, and reformist syndicalism. He also initiated the creation of the Philippine Independent Church. After a major wave of strikes in 1902, de los Reyes was arrested by the US authorities in the Philippines and resigned as head of the UOD. After his release from prison, he published the organ of the labour movement, the newspaper “*La Redención del obrero*”. In the following years, de los Reyes withdrew from the trade union movement, focused on topics related to the Philippine Independent Church, and then became actively involved in political activities, being elected municipal councilor and senator.

Keywords: Anarchism, Isabelo de los Reyes, Socialism, Syndicalism, trade union movement, Philippines.

15 октября 1901 г. с прибывшего в Манилу из Испании парохода «Монтевидео» сошел пассажир¹. Его плотная, коренастая фигура и филиппинские черты лица делали бы его незаметным в толпе, если бы он не обращал на себя внимание аристократической походкой и манерами². Зато багаж его был крайне необычным: впервые на Филиппинский архипелаг были привезены произведения таких мыслителей, как Пьер-Жозеф Прудон, Михаил Бакунин, Петр Кропоткин, Эррико Малатеста, Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Тема возвращения на родину из заморских стран популярна в филиппинской литературе. Вокруг нее вращается сюжет обоих романов самого выдающегося писателя архипелага Хосе Рисаля, называемого на Филиппинах «отцом независимости». В первом из них юноша приезжает домой из Испании, чтобы послужить делу просвещения и прогресса своей страны, во втором – герой появляется под чужим именем и готовит восстание против колониальных властей, уже не веря в возможность реформировать систему управления Испанской короны, владевшей и управлявшей его страной с XVI в. Но на сей раз речь шла не о литературном персонаже, да и Филиппины уже находились под

¹ *Mojares R.* Brains of the Nation: Pedro Paterno, T.H. Pardo de Tavera, Isabelo de los Reyes, and the Production of Modern Knowledge. Quezon City, 2006. P. 274.

² *Richardson J.A.* The Genesis of the Philippine Communist Party: thesis submitted for the degree of Ph.D. in the School of Oriental and African Studies, University of London. London, 1984. P. 21–22.

контролем другой державы – США. Спустившийся с корабля человек был журналистом Исабело де лос Рейес-и-Флорентино, известным филиппинцам как «Дон Белонг» (от имени «Исабело»).

Де лос Рейес – весьма почитаемая фигура в современной Филиппинской Республике. К сожалению, историки, писавшие на русском языке, лишь вскользь упоминали эту колоритную историческую личность³. Зато в собственной стране его помнят как видного литератора, просветителя и фольклориста, религиозного реформатора, «отца» рабочего движения и социализма на Филиппинах, борца за независимость, наконец, как активного государственного деятеля⁴. Роль, сыгранная им в истории страны, несомненно, заслуживает внимания русскоязычных читателей, интересующихся как регионом Юго-Восточной Азии, так и проблемами становления антиколониальных и освободительных движений и идеологий в современном мире.

Биография де лос Рейеса в общих чертах изучена филиппинскими исследователями. Но для лучшего понимания его взглядов и деятельности в период войны за независимость Филиппин и возникновения организованного рабочего движения на архипелаге необходимо обратиться к его статьям и другим публицистическим работам – как опубликованным отдельно или в сборниках, так и в манильской газете «La Redención del obrego». Это издание было основано де лос Рейесом и выходило на испанском языке в октябре 1903 г. – феврале 1904 г. Газета заявила о себе как о «защитнике трудящихся Филиппин» и являлась, по существу, неофициальным органом рабочего движения страны. Помимо редакционных и авторских статей самого издателя, на страницах газеты публиковались также материалы ведущих профсоюзных активистов, документы рабочих организаций и т.д.

К моменту возвращения в Манилу в 1901 г. де лос Рейесу было уже 37 лет. Он родился 7 июля 1864 г. в Вигане, административном центре провинции Южный Илокос, расположенной на северо-западе острова Лусон, примерно в 400 км от филиппинской столицы. Исабело был первенцем из пяти детей, родившихся в браке алькальда (мэра) Элиаса де лос Рейеса и поэтессы Леоны Флорентины, которую называют «матерью женской литературы» на Филиппинах. Наполовину испанка – наполовину филиппинка Леона писала на испанском и на местном илоканском языках. Родители ладили плохо и в 1870 г. расстались⁵. Исабело отправили к мужу сестры матери – Марселино Крисолого – и ему пришлось обучаться в августинианской семинарии в Вигане. Царившие в заведении деспотические нравы и злоупотребления начальников-монахов вызывали протест у подростка: однажды он даже возглавил стачку среди соучеников. В 16-летнем возрасте, не спросив согласия у донна Марселино, юный бунтарь отправился в Манилу и поступил в доминиканский колледж Сан-Хуан-де-Летран, где впоследствии получил степень бакалавра искусств. Затем Исабело изучал юриспруденцию, палеографию, историю и антропологию в университете Санто-Томас.

³ См.: Губер А.А. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., 1948. С. 106, 411–413; Левинсон Г.И. Филиппины на пути к независимости (1901–1946). М., 1972. С. 64; Левитанова Ю.О. История Филиппин. Краткий очерк. М., 1979. С. 178–179; и др.

⁴ Биография И. де лос Рейеса была издана его сыном Хосе, см.: *De los Reyes J. Biografía del senador Isabelo de los Reyes y Florentino: padre de los obreros y proclamador de la Iglesia Filipina Independiente*. Manila, 1947. Идейной, научной, журналистской, публицистической, социальной, политической и религиозной деятельности Дона Белонга посвящены работы филиппинских историков Р. Мохареса, Э. Брагадо, У.Г. Скотта, американского историка М. Томас, британского политолога Б. Андерсона, немецкого религиоведа А. Херманна и др. Без его упоминания не обходятся и общие исследования по истории Филиппин XIX–XX вв. См., например: *Constantino L.R. A History of the Philippines*. New York, 1975. P. 159, 245–248.

⁵ *Zaide G.F. Great Filipinos in History: An Epic of Filipino Greatness in War and Peace*. Manila, 1970. P. 185, 457.

В 1884 г. де лос Рейес женился на Хосефе Исон Севилье. Он пытался зарабатывать на жизнь, занимаясь бизнесом, но его коммерческие начинания — ломбард, затем книжная лавка — не были успешны. Деятельность в качестве торгового агента позволила сколотить скромное состояние⁶. В 1887 г. Исабело стал нотариусом, но уже с 1881—1882 гг. основным его занятием становится журналистика. Статьи де лос Рейеса появлялись в таких престижных манильских изданиях, как «*El Diario de Manila*», «*La Oceania Español*», «*El Comercio*», «*La Revista Popular*» и «*La Opinion*». Его стремление мыслить независимо было не всем по нраву, но он пользовался авторитетом в кругах «просвещенного класса» — «илустратос».

Наибольшую известность получили работы молодого де лос Рейеса в области изучения фольклора и истории. Его статьи по фольклористике были удостоены серебряной медали на Филиппинской выставке в Мадриде в 1887 г., а вышедшие в 1887—1890 гг. книги «Илоканцы», «Филиппинский фольклор», «Висайские острова в эпоху конквисты», «История Филиппин» и «История Илокоса» получили признание в научных кругах. В своих трудах Исабело критиковал злоупотребления колониальной администрации и засилье церковных орденов.

С 1888—1889 гг. де лос Рейес сам возглавил печатные издания — сперва «*La Revista Católica de Filipinas*», «*Diario de Manila*» и «*La España Oriental*», а затем «*La Lectura Popular*», «*El Pocosano*» и «*El Municipio Filipino*». Его статьи публиковались также в европейской прессе, в частности, в барселонской и мадридской газете «*La Solidaridad*» — печатном органе филиппинских сторонников реформ. Он выступал за предоставление Филиппинам представительства в испанских кортесах, распространение на колонию законов метрополии, отмену привилегий духовенства на архипелаге, аграрную реформу и развитие народного образования⁷.

Начало антиколониальной революции в августе 1896 г. и ответные жестокие репрессии испанских властей привели к крутым переменам в жизни журналиста-«илустратос». Хотя де лос Рейес отказался присоединиться как к политической организации реформистов — Филиппинской лиге, так и к революционному движению Катипунан, он предоставил бунтарям денежную помощь в 1000 песо на закупку револьверов и продал им типографское оборудование. 12 января 1897 г. он был арестован и препровожден в тюрьму Билибид, где познакомился с товарищами по заключению — активистами Катипунана (катипунерос) и многое узнал о целях и стремлениях революционеров. В попытке убедить колониальные власти пойти на уступки, он написал в тюрьме «Меморандум о жалобах филиппинцев» и отправил его испанскому генерал-губернатору. Позднее этот текст послужил основой для книги «Сенсационные воспоминания о Филиппинской революции»⁸. Во время заключения Исабело умерла его жена. Не исключено, что и самого де лос Рейеса ждал расстрел.

Как и многих других заключенных, его спасла амнистия для тех, кто «принимает каким бы то ни было образом участие в современных инцидентах», объявленная 17 мая по случаю дня рождения короля Испании новым генерал-губернатором Фернандо Примо де Ривера, стремившимся к политике «примирения»⁹. Де лос Рейес был освобожден, но вскоре снова задержан. На сей раз колониальные власти решили отправить его отбывать заключение в метрополии. В июне 1897 г. он был доставлен на корабле «Аликанте» в Испанию и помещен в знаменитую барселонскую тюрьму Монжуик. Арестант вышел на волю в начале января 1898 г. после подписания правительством повстанцев во главе

⁶ *Mojares R. Brains of the Nation...* P. 258.

⁷ *Thomas M.C. Isabelo de los Reyes and the Philippine Contemporaries of La Solidaridad // Philippine Studies.* 2006. Vol. 54. № 3. P. 387—395.

⁸ *Mojares R. Brains of the Nation...* P. 264—265.

⁹ См.: Губер А.А. Указ. соч. С. 121.

с Эмилио Агинальдо и Примо де Риверой Биакнабатского соглашения о прекращении вооруженной борьбы в обмен на обещание провести реформы на Филиппинах.

В период своей недолгой свободы де лос Рейес контактировал с испанскими анархистами и ночевал в одном из анархистских клубов Барселоны. В том же 1898 г. власти вновь арестовали его, и ему опять пришлось провести несколько месяцев в Монжуике. Он делил камеру с испанскими анархистами, которые рассказывали ему о классовой борьбе, анархизме и социализме. В заключении Исабело начал также переводить Библию на илоканский язык, размышляя о возможности реформировать церковь, и написал работу «Религия Катипунана», в которой отстаивал принципы этого филиппинского движения за независимость¹⁰ и доказывал, что целью катипунерос было создание «коммунистической республики»¹¹.

Арестованному удавалось получать через охранника анархистские и социалистические книги и журналы, которые, как он позднее признавал, «открыли ему глаза»: он понял, что анархизм — это философия, выступающая за «ликвидацию границ, то есть любовь без границ, будь они основаны на географии или классовых различиях», и за всеобщую ассоциацию «без необходимости лживых налогов или законов, которые расставляют ловушки несчастным, но оставляют нетронутыми настоящих преступников»¹².

После освобождения из заключения де лос Рейес сохранил связи с левыми кругами и продолжал читать анархистскую и социалистическую литературу. Он опубликовал биографию Рисаля в испанском анархистском журнале «La Revista blanca» 1 апреля 1899 г.¹³

«Поскольку во время своего пребывания в тюрьме в Испании он (де лос Рейес, — В.Д.) находился в контакте с несколькими анархистами, он познакомился с принципами анархизма, изучил положение рабочего класса и состояние рабочего движения в Испании», — сообщалось позднее в отчете филиппинской делегации 4-му конгрессу Профинтерна в 1928 г.¹⁴

Де лос Рейес не считал себя анархистом, но с симпатией относился к ряду анархистских идей и методов. «Это правда, что в отношении Уголовного кодекса мы столь революционны и радикальны, что смыкаемся с лидерами анархистской философии, — писал он. — П. Кропоткин со своей книгой “Закон и власть” (согласно безвластническим идеям) не убедил нас в необходимости устранить любые строгие наказания. Но мы полагаем, что не следует с жестокостью обращаться с преступниками так, как с ними обращаются в гарнизонах и тюрьмах Филиппин; вместо того, чтобы учить, это лишь ожесточает их...»¹⁵

В 1898 г. де лос Рейес переехал из Барселоны в Мадрид и занял должность советника в испанском министерстве по делам заморских владений, все еще надеясь на возможность проведения реформ на Филиппинах. Но ожидания сторонников компромисса были обмануты, обещанные преобразования запаздывали. В условиях начавшейся испано-американской войны филиппинские повстанцы 12 июня 1898 г. снова провозгласили независимость страны. По условиям Парижского мирного договора от 10 декабря того же года Испания соглашалась уступить Филиппинский архипелаг США. В начале 1899 г. начались боевые действия между филиппинскими и американскими войсками¹⁶.

¹⁰ *Bragado E.* Sukimatem: Isabelo de los Reyes Revisited // *Philippine Studies*. Manila, 2002. Vol. 50. № 1. P. 54–55.

¹¹ *De los Reyes I.* La Religion del Katipunan. Madrid, 1919. P. 37.

¹² Цит. по: *Scott W.H.* The Union Obrera Democratica: First Filipino Labor Union. Quezon City, 1992. P. 15.

¹³ *Zaragoza Ruvira G.* La guerra del 98 y los anarquistas españoles a través de varias publicaciones // *Estudis: Revista de historia moderna*. 1998. № 24. P. 471.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 66. Д. 7. Л. 35.

¹⁵ *De los Reyes y Florentino I.* Filipinas: independencia y revolución. Colección de los principales artículos de propaganda de Isabelo de los Reyes y Florentino. Madrid, 1900. P. 138.

¹⁶ *Левтонова Ю.О.* Указ. соч. С. 148, 158–160.

Пока решалась судьба Филиппин, де лос Рейес продолжал работать в испанском министерстве. В декабре 1898 г. он женился во второй раз — на дочери испанского полковника Марии Анхелес Лопес Монтеро. В это переломное время Дон Белонг пытался по мере сил помогать «филиппинскому делу». Ситуация требовала искусного политического лавирования. По поручению Филиппинской церковной ассамблеи в Тарлаке он пытался вести переговоры с папским нунцием, кардиналом Нава-ди-Бонтифе о реорганизации католической церкви на архипелаге, однако эти усилия успехом не увенчались¹⁷. Главной своей задачей де лос Рейес считал противодействие захватническим планам США, для чего он надеялся получить поддержку со стороны Испании. Добившись от испанского генерал-губернатора Басилио Аугустина-и-Давилы заверения о предоставлении Филиппинам автономии, он предлагал организовать возвращение филиппинцев из Испании, чтобы сформировать ополчение для борьбы с американцами. В статьях для испанской прессы он резко атаковал североамериканский империализм¹⁸. После подписания Парижского мирного договора де лос Рейес вступил в Филиппинский республиканский комитет в Мадриде и принялся убеждать эмигрантских лидеров в Париже и Гонконге отвергнуть сотрудничество с американцами¹⁹. В 1899–1901 гг. он издавал в Мадриде газеты «*Filipinas ante Europa*» и «*El Defensor de Filipinas*», со страниц которых призывал оказать помощь молодой Филиппинской республике в ее отчаянной борьбе с США. Он написал книгу «Независимость и революция». Филиппинцы в Испании собирали средства в поддержку сражавшимся на родине, и де лос Рейес оказался фактически главой общины соотечественников в бывшей метрополии. Его лидерство было признано предводителем филиппинских повстанцев генералом Мигелем Мальваром-и-Карпио, провозглашенным президентом республики после того, как в марте 1901 г. попал в плен к американцам первый президент Агинальдо. Мальвар назначил де лос Рейеса государственным секретарем революционного правительства²⁰.

Но изгнаннику было уже ясно, что положение вооруженных борцов за независимость безнадежно. Нужно искать иные пути. Он принял решение вернуться домой. Получив гарантии от американского консула в Барселоне, де лос Рейес отплыл из Испании на корабле «Монтевидео» 14 сентября 1901 г.

Власти американских Филиппин встретили его враждебно. Газета «*Manila Times*» писала о приезде опасного агитатора и кровожадного анархиста. Первые же попытки репатрианта возобновить политическую деятельность были бесповоротно отвергнуты. Филиппинская комиссия, высший административный орган территории, отказала де лос Рейесу в разрешении на издание газеты «*El Defensor de Filipinas*» и в регистрации новой Партии националистов.

Сам он позднее вспоминал, что воспользовался возможностью «осуществить на практике хорошие идеи, которым... научился у анархистов Барселоны, заключенным... в печально известной крепости Монжуик». Де лос Рейес выступил в роли организатора и идеолога складывавшегося филиппинского рабочего движения²¹.

Владелец прибыльной недвижимости в Маниле и в провинции, он предпочитал вести скромную и аскетическую жизнь, поселившись над лавочкой в манильском районе Тондо и одеваясь, как простой рабочий.

Убеждения де лос Рейеса были достаточно противоречивыми. Он был в то время несомненным приверженцем социалистического идеала. «Мы находимся на заре новой

¹⁷ *Bragado E.* Op. cit. P. 55.

¹⁸ *Mojares R.* Brains of the Nation... P. 270–271.

¹⁹ *Scott W.H.* A Minority Reaction to American Imperialism: Isabelo de los Reyes // *Philippine Quarterly of Culture and Society.* 1982. Vol. 10. № 1–2, March–June. P. 3–4.

²⁰ *Saulo A.B.* Communism in the Philippines: An Introduction. Quezon City, 1990. P. 4.

²¹ *Anderson B.* Under Three Flags: Anarchism and Anti-Colonial Imagination. London; New York, 2005. P. 226–227.

эры: слеп тот, кто не видит, что двадцатое столетие обязательно будет веком социальной справедливости. Настает день, когда богачи и их могущественные корпорации больше уже не будут государством в государстве. В демократических Филиппинах будущее нации принадлежит крестьянам и рабочим, потому что они — самый многочисленный класс»²².

Свое видение коммунистического будущего де лос Рейес изложил в тексте «Всеобщее братство», который опубликовал в манильской газете «La Redención del obrero». В нем он описал сон-утопию, увиденный в тюрьме, куда он был брошен по обвинению в организации всеобщих забастовок в 1902 г. Де лос Рейес предсказывал, что через сто лет противоречия капиталистического общества достигнут своего предела. Создание все более разрушительных видов оружия, гонка вооружений, непрерывные кровавые и жестокие войны между державами при одновременной чудовищной концентрации богатства в руках немногих, вытеснении живого труда машинами и обнищании трудящихся сделают положение невыносимым. После народного восстания установится «всеобщее братство, т.е. ликвидация границ и общность благ». Это произойдет, утверждал автор, благодаря «великолепному народному инстинкту» и распространению образования и просвещения. В новом обществе не будет частной собственности, все машины и орудия труда будут предоставлены в распоряжение тех, кто с ними работает, производство будет переориентировано на реальные общественные нужды. Все станут трудиться в соответствии со своими способностями и потребностями общества и смогут удовлетворять свои потребности в пище, одежде и всем необходимом. Как только человек рождается, общество возьмет на себя обеспечение его пропитанием, одеждой и образованием, а индивид должен будет принять назначение или профессию, которые оно ему отведет, согласно его способностям. Взамен в его распоряжении будет безвозмездно все, что ему потребуется. Деньги, торговля, возмещение и плата за труд будут отменены. Не станет и законов «по меньшей мере столь сложных и запутанных, как нынешние», служащих интересам власть имущих. Ни законодательство, ни полиция не будут нужны, как не нужны они в семье; преступников будут лечить как умалишенных. Что касается форм управления в новом обществе, то, как полагал де лос Рейес, люди станут избирать руководителей и присяжных из наиболее разумных, способных и беспристрастных лиц²³.

Но, хотя Исабело и подчеркивал, что «сегодняшние утопии» могут стать «завтрашней реальностью» и «без утопии человечество не знало бы прогресса»²⁴, он в то же самое время считал, что реализация идеала — дело далекого будущего, поскольку массы еще недостаточно просвещены и образованы. Главной задачей издававшейся им газеты было «мирно просвещать рабочего, пробуждая в нем любовь к труду и действительный интерес к исполнению своих обязательств». В редакционной статье первого же номера «La Redención del obrero» высказывалось отрицательное отношение к нерадивости, лености и уклонению от труда. Газета осуждала уход рабочих в политику, а также бунты и насильственные формы борьбы, призывая действовать исключительно в рамках закона²⁵. В том же первом номере был высказан призыв к «альянсу между трудом и капиталом». Утверждалось, что и рабочие, и предприниматели заинтересованы в развитии производства и необходимы для него; им следует взаимно уважать друг друга и считаться друг с другом. Поэтому предприниматель должен платить рабочим достойную зарплату и обеспечить нормальные условия труда. Рабочий же должен честно и усердно работать, совершенствовать свои знания и умения, развиваться, а если его права и интересы нарушаются, то он имеет полное право добиваться своего путем мирной забастовки.

²² Цит. по: *Bragado E.* Op. cit. P. 56.

²³ *La Redención del obrero: Periodico defensor de los trabajadores de Filipinas.* 17.XII.1903. № 11. P. 42–43.

²⁴ *Ibid.* P. 44.

²⁵ *La Redención del obrero...* 8.X.1903. № 1. P. 1.

При этом осуждались акты саботажа, порча имущества хозяина и иные насильственные меры²⁶. Де лос Рейес пропагандировал также участие рабочих в прибылях и рабочий контроль над финансовой деятельностью предприятий²⁷. Важная роль отводилась принятию законодательства, которое должно было пойти на пользу рабочему классу²⁸.

Таким образом, приверженность коммунистическому общественному идеалу в будущем сочеталось у де лос Рейеса с практической ориентацией на тред-юнионизм и мирные реформы. Однако повседневная практика молодого филиппинского рабочего движения отчетливо демонстрировала и иную — синдикалистскую тенденцию.

Через несколько недель после возвращения на Филиппины де лос Рейес провел переговоры с наиболее известными рабочими лидерами, включая Эрменегильдо Круса и Артуро Сориано, которые еще в 1899 г. организовали забастовку манильских печатников. Он передал им написанный Ф. Энгельсом очерк о К. Марксе и знаменитую брошюру итальянского анархиста Малатесты «Среди крестьян»²⁹. После ряда подготовительных встреч, 30 декабря 1901 г. они провозгласили создание Союза печатников Филиппин. Среди организаторов профсоюза были видные рабочие активисты. К союзу присоединились различные профсоюзы и гильдии печатников.

Это стало началом рабочего движения архипелага. Как вспоминал позднее Крус, 1 февраля 1902 г. представители Союза печатников принесли де лос Рейесу проект создания кооперативного магазина для продажи риса и продуктов первой необходимости. Тот заявил им, что план чересчур узок и ограничен: необходимо объединить в профсоюзы не только печатников, но и другие профессии и «сделать Всеобщий союз рабочих с полномасштабной социальной программой, как рабочие общества в Европе». Предложение совпадало с собственными намерениями печатников, и они попросили де лос Рейеса возглавить создаваемое объединение. После некоторых уговоров он дал согласие и приступил к написанию проекта основ такого союза, представив его затем на общее обсуждение. Проект был вручен начальнику полиции Манилы Дж. Карри и начальнику констабуляриев Г. Аллену и получил их одобрение. 2 февраля 1902 г. в здании театра «Вариедадес» в манильском районе Сампалок состоялось массовое собрание, на котором было провозглашено создание первого в истории Филиппин профсоюзного центра — Демократического рабочего союза (Unión Obrera Democrática; УОД). Де лос Рейес представил собравшимся документ об основах УОД и учел впоследствии все высказанные замечания и предложенные поправки³⁰.

Согласно этому уставу, задачей УОД являлось «улучшение участи, заработков работников и обращения с ними посредством защищающих законов». Профсоюзное объединение намеревалось добиваться трудоустройства безработных, обеспечения поддержки их семьям и предоставления бесплатного образования их детям, оказания помощи рабочим в случае болезни и т.д. «Высшим идеалом» УОД было провозглашено «социальное освобождение рабочих и немедленная защита класса во всех конкретных случаях с помощью практики сбережения средств, производственных кооперативов и их любви к труду, цивилизации и прогресса нашего народа...» Верховным органом УОД и каждого из вошедших в него профсоюзов становилось регулярное общее собрание (совет) членов. Текущими вопросами ведали «руководящие советы», которые имели исключительные исполнительские функции³¹.

По оценке историка филиппинского рабочего движения Д. Гевары, по существу, участники учредительного собрания УОД одобрили принципы, заимствованные из

²⁶ Ibid. P. 1, 2.

²⁷ La Redención del obrero... 3.XII.1903. № 9. P. 33.

²⁸ La Redención del obrero... 8.X.1903. № 1. P. 1–2.

²⁹ Scott W.H. The Union Obrera Democrática... P. 21.

³⁰ La Redención del obrero... 17.XII.1903. № 11. P. 41.

³¹ Bases de la Unión Obrera Democrática // La Redención del obrero... 17.XII.1903. № 11. P. 41–42.

упомянутых брошюр Энгельса и Малатесты³². Как отмечал исследователь Р. Гильермо, устав УОД содержал причудливую «комбинацию анархистских и марксистских принципов в то время, когда марксистский и анархистский лагеря идеологически и организационно уже порвали друг с другом в Европе»³³. Современный филиппинский анархист Бас Умали отмечает влияние взглядов Прудона на документы УОД³⁴.

Девизом объединения стал лозунг Первого интернационала: «Освобождение трудящихся — дело самих трудящихся».

В то же время создатели УОД с самого начала провозгласили свое намерение «честно стремиться к альянсу между капиталом и трудом». На общем собрании 3 февраля было решено включить в Руководящий совет не только рабочих представителей от предприятий, но и «самых богатых фабрикантов и хозяев Манилы». Однако большинство представителей предпринимателей категорически отказались занять предложенные им посты, с самого начала продемонстрировав свое нежелание идти на какой-либо «альянс». Исключение составили только сам де лос Рейес, владевший типографией, и Роман Онг-Пинг, ставший казначеем УОД. Руководящий совет объединения был сформирован только 23 февраля 1902 г. Председателем (президентом) УОД был избран де лос Рейес; его заместителем — Габриэль Франсиско, лидер наборщиков типографии газеты «El Comercio»; генеральным секретарем — Просесо Сантос, счетовод типографии «Кармело», позднее его сменил на этом посту Э. Крус³⁵.

Первоначально УОД включал в свой состав только манильских печатников. Но постепенно формировались новые профсоюзы, которые вступали в него в качестве секций. В мае 1902 г. возникли союзы парикмахеров, портных и поверенных, а затем также — механиков, чертежников, торговых клерков, работников табачной промышленности, кучеров и шляпников³⁶, переплетчиков, работников таможи, каменотесов, железнодорожных рабочих, маляров, гравировщиков, машинистов, торговцев голем, поверенных, ювелиров, каменщиков, работников интендантства и др.³⁷ При УОД было организовано 8 «рабочих промышленных обществ: кооперативы портных, механиков, табачников и парикмахеров, потребительский и жилищный кооперативы, печатная мастерская и торгово-сбытовое агентство»³⁸.

Демократический рабочий союз стал первым профсоюзным объединением на Дальнем Востоке. Все секции, входившие в федерацию, обладали организационной автономией. Члены организации уплачивали еженедельные или ежемесячные взносы в качестве подписки на общую газету, взносы в пользу своей секции, а также секционные сборы в помощь больным, на похороны и поддержку забастовок. Все взносы носили добровольный характер. Таким образом, Союз по своей форме и деятельности сочетал черты общества взаимопомощи и профсоюза³⁹.

Как подчеркивали позднее филиппинские делегаты в отчете Профинтерну в 1928 г., де лос Рейес «в своих речах никогда не выходил за рамки реформистских принципов»⁴⁰. Официально провозглашалось сотрудничество между классами. «Не было ни одной письменной декларации, ни одного устного заявления, которые содержали бы что-либо,

³² Guevara D.G. History of the Philippine Labor Movement. Manila, 1995. P.16–17.

³³ Guillermo R. Revolusi! Rebolusyon!: A Filipino Revisiting of Benedict Anderson's "The Languages of Indonesian Politics" (1966) // Southeast Asia Research Centre (SEARC). Working Paper Series. № 191. Hong Kong, 2016. P. 8.

³⁴ Umali B. Pangayaw and Decolonizing Resistance: Anarchism in the Philippines. Oakland, 2020. P. 101.

³⁵ La Redención del obrero... 14.I.1904. № 15. P. 57.

³⁶ La Redención del obrero... 21.I.1904. № 16. P. 61–62; 28.I.1904. № 17. P. 66; 11.II.1904. № 19. P. 74.

³⁷ La Redención del obrero... 18.II.1904. № 20. P. 78.

³⁸ La Redención del obrero... Manila, 22.X.1903. № 3. P. 10.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 66. Д. 7. Л. 36, 38–39.

⁴⁰ Там же. Л. 37.

противоречившее этим принципам. Тем не менее капиталисты как класс отказались пойти на такое дружественное соединение капитала и труда»⁴¹.

Профсоюзы УОД возглавили борьбу за повышение зарплаты и улучшение условий труда рабочих и служащих. Была начата кампания по выявлению условий, существовавших на отдельных предприятиях Манилы; собранная информация публиковалась в столичных газетах в надежде обратить на нее внимание предпринимателей и воззвать к их совести. Когда те, как и следовало ожидать, не отреагировали и отказались принять петицию о повышении заработной платы, УОД организовал забастовки печатников, но старался проводить их не одновременно, с тем, чтобы причиненный ущерб оставался минимальным. Бросившие работу трудоустроивались профсоюзом в других типографиях, а найти штрейкбрехеров хозяевам не удавалось. В итоге рабочим-печатникам удалось добиться существенной прибавки. Разгневанные хозяева стали считать де лос Рейеса своим врагом, и Торговая палата даже потребовала от американских властей сослать его на остров Гуам⁴². Среди трудящихся успех печатников вызвал энтузиазм, и вскоре повышения зарплаты и улучшения условий труда добились парикмахеры⁴³.

Практика борьбы УОД побуждала позднее даже филиппинских коммунистов расценивать Союз как революционную организацию. «Под давлением рабочих Демократический рабочий союз активно и живо участвовал во всех повседневных рабочих конфликтах за улучшение условий труда и завоевание политической свободы. Благодаря энергичной деятельности, развернутой объединением, а также благодаря тому обстоятельству, что оно носило революционный и анархистский характер, а деятельность объединения совпала с периодом многочисленных стачек, которые, правда, протекали мирно, американский империализм начал рассматривать его как опасность для своего господства на островах», — говорилось в отчете филиппинских профсоюзных представителей Профинтерну⁴⁴.

Де лос Рейес оставался приверженцем независимости Филиппин, но считал, что «политики» погубили дело освобождения, и выступал против насильственной и вооруженной борьбы⁴⁵. Обращаясь к членам УОД, он призывал отвергнуть политику, причем формулировал это так, что его обвинения звучали в адрес не только филиппинских деятелей, но и американских властей. «Провозгласим же очень громко, что “Демократический рабочий союз” не имеет никакого отношения к жестокой политике эксплуатации народов, но имеет лишь эту высокую цель: социальное освобождение рабочего посредством честности, образования, труда, практики сбережений и союза всех», — заявил он. «Учитесь, товарищи», взывал он, обещая, что в будущем, возможно, рабочим удастся проводить на выборах своих кандидатов в органы власти, как это делают социалисты в Европе⁴⁶.

Ради идейного сплочения сторонников независимости Филиппин де лос Рейес стремился завершить дело реорганизации церкви. 3 августа 1902 г. на митинге, созванном в Маниле по инициативе радикальных сторонников независимости во главе с Паскуалем Поблете, он от имени Генерального совета профцентра провозгласил создание Филиппинской независимой церкви и объявил ее верховным епископом священнослужителя Грегорио Аглипая, сторонника самостоятельности Филиппин. Последний был застигнут врасплох этим назначением, но в итоге принял его⁴⁷.

⁴¹ Там же. Л. 38.

⁴² *La Redención del obrero...* 14.I.1904. № 15. P. 57–58.

⁴³ *La Redención del obrero...* 21.I.1904. № 16. P. 61.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 66. Д. 7. Л. 36.

⁴⁵ *La Redención del obrero...* 7.I.1904. № 14. P. 54.

⁴⁶ Цит. по: *La Redención del obrero...* 21.I.1904. № 16. P. 61.

⁴⁷ *Smit P.-B. Old Catholic and Philippine independent ecclesiologies in history: the Catholic Church in every place.* Leiden, 2011. P. 143–144.

Независимая церковь не признавала непогрешимость авторитета папы, отвергала целибат священнослужителей, учение о Троице и догматы, которые, с ее точки зрения, противоречили Новому Завету, призывала к открытости в отношении науки, других верований и атеистов и проводила богослужения на филиппинских языках. Официально аглипаянцы отмежевывались от политики и не выдвигали лозунга независимости от США. Однако многие наблюдатели были убеждены, что новая церковь задумана как часть более общей социально-политической структуры, куда должны были входить также рабочий союз и партия националистов⁴⁸.

В целом, как отмечала Ю.С. Левтонова, доктрина Независимой церкви являла собой причудливую смесь католицизма, протестантизма, раннехристианских учений, рационалистической философии и христианского социализма⁴⁹. По утверждению де лос Рейеса, Христос в «эпоху варварских тираний» пропагандировал «открыто и безо всяких условных ограничений» свободу, «небесную демократию», «освобождение обездоленных классов, общность владения имуществом и ликвидацию границ», превращение «Вселенной в единый народ братьев, которые любят друг друга без ограничений эгоизма», порождающих собственность и привилегии. В этом он видел «божественную печать» для новой церкви и ее идейную основу⁵⁰.

С американскими властями де лос Рейес вел достаточно опасную игру. Вожди УОД публично льстили губернатору и США. Выступая на мероприятиях в честь Дня независимости США 4 июля 1902 г. в Маниле, председатель профобъединения произнес речи в честь США, гражданского губернатора У.Г. Тафта и военного губернатора Э. Чаффи и провозгласил «почтительную преданность американскому правлению, от которого мы ожидаем нашей свободы»⁵¹. Такая тактика была мотивирована не только желанием избежать неминуемых репрессий, но и стремлением добиться от американских властей на Филиппинах принятия законов и решений, которые, по мнению профсоюзных лидеров, должны были пойти во благо рабочим: законов о жилье для рабочих, о рабочих ассоциациях и создании приюта для рабочих-инвалидов и пенсионеров, о медицинском обеспечении рабочих, о регламентации труда, о прислуге⁵², об отправке на работу и обучение за рубеж 100 филиппинских рабочих⁵³, о запрете рикш⁵⁴ и т.д. Националистически настроенные лидеры рабочего движения призывали также запретить ввоз на Филиппины японских, китайских и малайских рабочих⁵⁵.

Но, несмотря на эти выражения готовности сотрудничать с колониальной администрацией, та не доверяла де лос Рейесу, зная о его социалистических убеждениях. Его активность и методы агитации ошеломили американские власти. Он умел не только обращаться с оружием и проводить митинги, но и организовывал мероприятия, чрезвычайно популярные среди населения: собирал деньги в помощь бастующим, устраивал сарсуэлы — музыкальные и театральные представления, на которых поднимались и политические темы критики колониальных властей и их филиппинских сторонников (сам он называл эти мероприятия «учебно-развлекательными вечерами»). Власть имущие стремились всеми силами убрать де лос Рейеса из рабочего движения страны⁵⁶. Генерал Аллен заявил ему, что больше не желает мириться с существованием УОД, поскольку

⁴⁸ *Hermann A.* Publicizing Independence: The Filipino Ilustrado Isabelo de los Reyes and the “Iglesia Filipina Independiente” in a Colonial Public Sphere // *Journal of World Christianity*. 2016. Vol. 6. № 1. P. 104–105, 109–110.

⁴⁹ *Левтонова Ю.С.* Указ. соч. С. 180.

⁵⁰ *Richardson J.A.* Op. cit. P. 23.

⁵¹ *La Redención del obrero...* 18.II.1904. № 20. P. 78.

⁵² *Ibidem.*

⁵³ *La Redención del obrero...* 21.I.1904. № 16. P. 62.

⁵⁴ *La Redención del obrero...* 28.I.1904. № 17. P. 66–67.

⁵⁵ См.: *La Redención del obrero...* 11.II.1904. № 19. P. 74; 18.II.1904. № 20. P. 77–78.

⁵⁶ *Anderson B.* Op. cit. P. 228.

опасается, что председатель профсоюзного объединения однажды пустится в «авантюры». Де лос Рейес подал в отставку с поста главы УОД, но она не была принята ассамблеей рабочих⁵⁷.

В целом, тред-юнионистский курс лидеров УОД на мирное сотрудничество с предпринимателями провалился. Трудящиеся все чаще прибегали к стихийно-синдикалистским методам борьбы, включая акты нанесения материального ущерба хозяевам. В попытке пресечь такую практику руководство Союза приняло специальное решение, подписанное генеральным секретарем Э. Крусом: «Демократический рабочий союз с самого начала согласился для всех своих секций, что они, как и он, энергично поддерживают права рабочих и обязывают их выполнять свои обязательства перед хозяевами или владельцами предприятий, на которых они работают, установив штраф в четыре реала за каждое невыполнение рабочими, на какое-то жалуются предприниматели; а если мотивом безответственности рабочего станвится (азартная. — *В.Д.*) игра, то штраф, взимаемый в кассу Союза, удваивается. Ни парикмахеры, ни иные члены не могут принимать в свой состав рабочих, имеющих долги, не позволяя им вступить, пока они не уплатят свои долги»⁵⁸.

Отношения с предпринимателями окончательно испортились на волне забастовок, организованных профсоюзами УОД в Маниле и ее окрестностях. 2 августа 1902 г. профцентр объявил первую в истории страны всеобщую стачку в знак протеста против отказа властей повысить заработную плату в условиях роста инфляции. 9 августа прекратили работу рабочие «Коммерческой табачной фабрики» в Малабоне, принадлежавшей американскому предпринимателю Мексону. Затем последовали забастовки, организованные УОД на различных фабриках в Маниле и в близлежащих регионах. Перепуганные власти и предприниматели решили подавить движение и нейтрализовать его вожаков. 15 августа четверо профсоюзных лидеров были взяты под стражу после того, как предложили работникам «Германской коммерческой фабрики» не возвращаться на работу. Де лос Рейеса обвинили в подстрекательстве к забастовке. Арест председателя УОД 17 августа и вынесенный ему приговор — 4 месяца тюремного заключения — были основаны на испанском законе о заговоре, сохраняющем силу. Ему ставили в вину нарушение положений уголовного кодекса, запрещавшего организацию рабочих для выдвижения требований о повышении зарплаты. Подчиняясь этому закону, сотрудники табачной фабрики вернулись на работу за ту же зарплату, что и прежде до стачки. Однако в некоторых предприятиях зарплата в результате стачки была повышена, тем не менее весьма продолжительное рабочее время сократить не удалось⁵⁹.

Перед тем как отправиться в тюрьму отбывать приговор, де лос Рейес устроил заседание в новом рабочем клубе в районе Тондо и объявил о своей отставке с поста председателя УОД⁶⁰. 14 сентября Э. Крус созвал Генеральный совет УОД (конференцию делегатов от Руководящих советов всех профсоюзов), на котором заявил, что прежний председатель «принес себя в жертву» ради спасения профсоюза, и губернатор Тафт выразил рабочим свои чувства «симпатии и покровительства». По предложению Круса новым председателем Союза был избран врач Доминадор Гомес (1868–1929)⁶¹, известный активист движения за независимость⁶². В отличие от де лос Рейеса, он жил в богатом особняке, и его высокую мускулистую фигуру, одетую в безупречный белый костюм, с очками в золотой оправе, можно было видеть проезжающей по улицам в частной коляске, запряженной великолепными лошадьми⁶³.

⁵⁷ La Redención del obrero... 11.II.1904. № 19. P. 75.

⁵⁸ La Redención del obrero... Manila, 18.II.1904. № 20. P. 79.

⁵⁹ Guevara D.G. Op. cit. P. 17–18.

⁶⁰ Anderson B. Op. cit. P. 228.

⁶¹ La Redención del obrero... Manila, 18.II.1904. № 20. P. 80.

⁶² Guevara D.G. Op. cit. P. 18.

⁶³ Richardson J.A. Op. cit. P. 22.

Отставка Дона Белонга не смогла уберечь профсоюз, реорганизованный в Демократический рабочий союз Филиппин (Unión Obrera Democrática Filipina; УОДФ). Первоначально его влияние еще продолжало расти, и число членов в Маниле и ближайших окрестностях выросло до 20 тыс., а количество входящих в объединение профсоюзов — до 150. УОДФ начал распространяться за пределы столичного региона, его организации действовали в восьми провинциях острова Лусон⁶⁴ и на других островах архипелага. Но вскоре после массовой первомайской демонстрации 1903 г. в Маниле Гомес был арестован. Суд приговорил его к тюремному заключению, каторге и денежному штрафу. После этого члены УОДФ начали в массовом порядке покидать организацию. В течение нескольких месяцев профобъединение распалось⁶⁵. Недолго просуществовал и сменивший его в конце 1903 г. Союз труда Филиппин (Unión del Trabajo de Filipinas; УТФ).

Выйдя из заключения в начале 1903 г., де лос Рейес совершил поездку в Японию и Гонконг и встретился с эмигрантским лидером Артемио Рикарте, с которым обсудил ситуацию на Филиппинах. В условиях развернувшихся репрессий его позиции становились все более умеренными. В своей газете, которую он назвал изданием, «впервые провозгласившим Социализм на Филиппинах»⁶⁶, он продолжал защищать идею «альянса между трудом и капиталом». Знакомя читателей с новостями и опытом рабочего движения в Европе и Америке, главный редактор публиковал почти исключительно информацию о социал-демократических партиях и связанных с ними профсоюзах. Он теперь определял социализм всего лишь как «школу», которая «учит, что рабочие должны иметь участие в прибылях, производимых их руками, чтобы сохранить необходимое социальное равновесие». Правда, де лос Рейес оговаривался, что его газета соблюдает «нейтралитет» и не вмешивается «во внутренние распри рабочих», но все же считал необходимым резко отмежеваться от анархизма. Пусть рабочие «бегут как от погребели, от безумств анархистов, которые проповедуют насилие как единственное средство добиться торжества идеалов бедняков», — призывал он, объявляя социализм «спасительным стоп-краном против опасного бреда анархизма»⁶⁷.

В последующие годы Дон Белонг отошел от рабочего движения. С 1905 г. он проживал в Испании, где служил присяжным заседателем и писал работы, посвященные проблематике Независимой филиппинской церкви. В 1909 г. де лос Рейес возвратился на Филиппины с женой и детьми, но уже на следующий год его супруга умерла при родах. В 1912 г. он женился в третий раз на филиппинке Марии Лим, которая скончалась также при родах в 1923 г. Всего у де лос Рейеса было 27 детей от трех браков, но 12 из них умерли раньше отца.

Вновь оказавшись на Филиппинах, Исабело де лос Рейес занялся политической деятельностью. В известной мере он сохранил прежние прогрессивные симпатии. Свидетельством тому может служить составленный им в 1911 г. календарь, который содержал имена «истинных» и «ложных» героев. К первым были причислены, в частности, Прудон и Кропоткин⁶⁸. В 1912–1919 гг. де лос Рейес был членом городского совета Манилы, а в 1922–1928 гг. — сенатором. В 1929 г. его избрали почетным епископом Независимой церкви. Потерпев поражение на выборах в сенат Филиппин в 1935 г., он ушел из политики. Скончался де лос Рейес в 1938 г.⁶⁹

Хотя период, когда Дон Белонг играл лидирующую роль в профсоюзном движении Филиппин, оказался довольно коротким, заложенные им начала социалистического и рабочего движения пустили прочные корни. Его ближайшие соратники — лидер Союза

⁶⁴ Ibid. P. 20, 23.

⁶⁵ Guevara D.G. Op. cit. P. 23.

⁶⁶ La Redención del obrero... Manila, 18.II.1903. № 20. P. 77.

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ См.: Mojares R.B. Isabelo's Archive. Mandaluyong City, 2013.

⁶⁹ Mojares R. Brains of the Nation... P. 286–288.

труда Лопе К. Сантос и глава Союза печатников Э. Крус — организовали вечернюю школу для рабочих в Маниле, которую называли «школой социализма». Среди ее учеников были рабочие активисты Артуро Сориано, Меланио де Хесус, Фелипе Мендоса, Крисанто Эванхелиста и другие организаторы профсоюзного движения. В 1910-х годах они продолжили пропаганду социалистических взглядов, впервые почерпнутых ими из книг, привезенных на Филиппины Исабело де лос Рейесом.

Библиография / References

- Губер А.А.* Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., 1948.
- Левинсон Г.И.* Филиппины на пути к независимости (1901–1946). М., 1972.
- Левтонова Ю.О.* История Филиппин. Краткий очерк. М., 1979.
- Guber A.A.* Filippinskaya respublika 1898 g. i amerikanskiy imperialism [The Philippine Republic of 1898 and American imperialism]. Moskva, 1948. (In Russ.)
- Levinson G.I.* Filippiny na puti k nezavisimosti (1901–1946) [Philippines on the road to independence (1901–1946)]. Moskva, 1972. (In Russ.)
- Levtonova Yu.O.* Istoriya Filippin. Kratkiy ocherk [The History of the Philippines. A brief sketch]. Moskva, 1979. (In Russ.)
- Anderson B.* Under Three Flags: Anarchism and Anti-Colonial Imagination. London; New York, 2005.
- Bragado E.* Sukimatem: Isabelo de los Reyes Revisited // Philippine Studies. Manila, 2002. Vol. 50. № 1. P. 50–74.
- De los Reyes I.* La Religion del Katipunan. Madrid, 1919.
- De los Reyes y Florentino I.* Filipinas: independencia y revolución. Colección de los principales artículos de propaganda de Isabelo de los Reyes y Florentino. Madrid, 1900.
- Guevara D.G.* History of the Philippine Labor Movement. Manila, 1995.
- Guillermo R.* Revolusi! Rebolusyon!: A Filipino Revisiting of Benedict Anderson's "The Languages of Indonesian Politics" (1966) // Southeast Asia Research Centre. Working Paper Series. № 191. Hong Kong, 2016. P. 8.
- Hermann A.* Publicizing Independence: The Filipino Ilustrado Isabelo de los Reyes and the "Iglesia Filipina Independiente" in a Colonial Public Sphere // Journal of World Christianity. 2016. Vol. 6. № 1. P. 99–122.
- Mojares R.* Brains of the Nation: Pedro Paterno, T.H. Pardo de Tavera, Isabelo de los Reyes, and the Production of Modern Knowledge. Quezon City, 2006.
- Mojares R.B.* Isabelo's Archive. Mandaluyong City, 2013.
- Richardson J.A.* The Genesis of the Philippine Communist Party: thesis submitted for the degree of Ph.D. in the School of Oriental and African Studies, University of London. London, 1984.
- Saulo A.B.* Communism in the Philippines: An Introduction. Quezon City, 1990.
- Scott W.H.* The Union Obrera Democratica: First Filipino Labor Union. Quezon City, 1992.
- Scott W.H.* A Minority Reaction to American Imperialism: Isabelo de los Reyes // Philippine Quarterly of Culture and Society. 1982. Vol. 10. № 1–2, March–June. P. 1–11.
- Smit P.-B.* Old Catholic and Philippine independent ecclesiologies in history: the Catholic Church in every place. Leiden, 2011.
- Thomas M.C.* Isabelo de los Reyes and the Philippine Contemporaries of La Solidaridad // Philippine Studies. 2006. Vol. 54. № 3. P. 381–411.
- Umali B.* Pangayaw and Decolonizing Resistance: Anarchism in the Philippines. Oakland, 2020.
- Zaide G.F.* Great Filipinos in History: An Epic of Filipino Greatness in War and Peace. Manila, 1970.
- Zaragoza Ruvira G.* La guerra del 98 y los anarquistas españoles a través de varias publicaciones // Estudios: Revista de historia moderna. 1998. № 24. P. 467–478.

DOI: 10.31857/S013038640016584-0

© 2022 г. **М.В. ОСЬКИН**

РУМЫНСКАЯ МИССИЯ ГЕНЕРАЛА БЕРТЕЛО (1916–1917 годы): СОТРУДНИЧЕСТВО И РАЗНОГЛАСИЯ С РУССКИМ КОМАНДОВАНИЕМ РУМЫНСКОГО ФРОНТА

Оськин Максим Викторович — доктор исторических наук, Международная полицейская академия ВПА (Тула, Россия).

E-mail: maxozv@yandex.ru

Scopus Author ID: 42762049900; ORCID: 0000-0003-1112-8715

Аннотация. Вступление Румынского королевства в Первую мировую войну в 1916 г. предполагало оказание ей помощи со стороны союзников по Антанте. Русские войска воевали совместно с румынами на Восточном фронте, западные союзники помогали оружием, финансами и опытными офицерами. Военное сотрудничество на различных европейских театрах войны являлось достаточно сложной задачей, а его организация актуализирует проблемы взаимодействия союзников по оружию для достижения общей цели. Французская миссия генерала Бертело оказала румынской армии самую разнообразную поддержку — руководство боевыми действиями осенью 1916 г., реорганизация разгромленной румынской армии, выполнение роли военных советников в кампании 1917 г. В этом отношении французы соперничали с русскими за влияние на высшее румынское руководство — прежде всего военное командование. Создание Румынского фронта, состоявшего в основном из русских войск, позволило русской Ставке отстранить французов от непосредственного влияния на ход военных действий. Деятельность французской миссии ограничивалась приведением в порядок отведенных в тыл румынских подразделений. Однако в 1917 г. французы вновь заняли лидирующее положение в воздействии на румынский генералитет. Переломным моментом в этом сотрудничестве-соперничестве стала Февральская революция, окончательно закрепившая ведущую роль миссии Бертело в делах румынской армии на Румынском фронте. Деятельность французской миссии помогла реорганизовать румынскую армию, сыгравшую решающую роль на заключительном этапе Первой мировой войны, позволив Румынскому королевству остаться в числе победителей, невзирая на перипетии 1918 г., связанные с выходом России из войны. Основными источниками статьи послужили документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), относящиеся прежде всего к компетенции центральных органов военной власти и управления в военный период — Ставки Верховного командования и Главного управления Генерального штаба.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великая война, Россия, Франция, Румыния, Антанта, военные миссии, военная история.

M.V. Oskin

The Romanian Mission of General Berthelot (1916–1917): Cooperation and Disagreements with the Russian Command of the Romanian Front

Maksim Oskin, WPA International Police Academy (Tula, Russia).

E-mail: maxozv@yandex.ru

Scopus Author ID: 42762049900; ORCID: 0000-0003-1112-8715

Abstract. When the Kingdom of Romania entered the Great War in 1916, it was supposed to receive aid from the Entente allies. While the Russian troops fought alongside the Romanians on the Eastern Front, the Western allies assisted them with arms, financial resources, and experienced officers. Military cooperation in the various European theatres of war was a rather complex task, and its arrangement actualised the issues of cooperation between the allies in arms in pursuit of a common goal. The French Mission of General Berthelot assisted the Romanian army in a number of ways, including leading the fighting in the autumn of 1916, reorganising the defeated Romanian army, and acting as military advisers in the 1917 campaign. In that respect, the French were competing with the Russians for influence over the Romanian top leadership, especially the military command. The formation of the Romanian front, consisting mainly of Russian troops, allowed the Russian Stavka to sideline the French from directly influencing the course of military operations. The work of the French mission was limited to bringing the Romanian units withdrawn to the rear back into order. However, in 1917, the French resumed their leading role in influencing the Romanian generals. The February Revolution marked a turning point in relations between the rival partners, finally consolidating the leading role of the Berthelot Mission in the affairs of the Romanian Army on the Romanian front. The French Mission helped reorganise the Romanian Army, which played a decisive role in the final stage of the Great War. This allowed the Kingdom of Romania to remain among the victorious nations, despite the vicissitudes of 1918 following the withdrawal of Russia from the war. The main sources for this article are documents from the Russian State Military Historical Archive (RGVIA) relating primarily to the competence of the central military authorities and administration during the war period, namely the Supreme Command Headquarters and the General Staff Headquarters.

Keywords: World War I, Great War, Russia, France, Romania, Entente, military missions, military history.

Кампания 1916 г. должна была стать переломом в ходе Первой мировой войны, окончательно склонив чашу весов на сторону Антанты. Коалиция Централных держав, одержавшая важные победы в 1915 г., оборонялась на всех фронтах; союзники по Антанте впервые с начала войны сумели более-менее согласовать одновременные удары по противнику на Французском и Русском фронтах. Однако упорство немцев и их союзников в обороне повлекло за собой чрезмерные потери союзных армий; австро-германская коалиция сумела организовать успешное наступление на Балканах, достаточно быстро разгромив выступившее на стороне Антанты Румынское королевство и оккупировав две трети его территории. Непосредственная помощь румынской армии войсками и снабжением оказывалась Российской империей, в то время как военное планирование было под контролем специальной французской миссии генерала Анри-Матиаса Бертело. Это противоречие во многом усугубило положение Румынского королевства в злополучной для него кампании 1916 г.

Военные события 1916 г. для Румынии сложились крайне неудачно, так как неопытные румынские войска были плохо подготовлены к современной войне, а русские с критическим запозданием реагировали на ход событий на румынском театре военных действий. Безуспешная ввиду объективных и субъективных причин румынская кампания ухудшила отношения между союзными армиями. Например, в письме русского военнослужащего из Румынии от 29 ноября 1916 г. отмечалось: «Тотчас после перехода через границу мы поняли, что находимся в полудружеской и полусоюзнической стране... всюду по дороге мы натыкались на нерадение и нерасположение со стороны румынских властей. Нехотя отводили квартиры, отказывали в передвижении по железным дорогам. Не давали из интендантства в достаточном количестве провианта и фуража»¹.

С точки зрения русских, румынские войска и их участие в военных операциях не оправдали ожиданий. В то же время румыны винили Россию в том, что она втянула их страну в войну и подставила под разгром. Корреспондент российского телеграфного агентства В. Янчевецкий (будущий писатель В. Ян) писал: «Отношение румынских солдат

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 393.

к русским, а также и офицеров, недружелюбное. Они не могут понять наших солдат, которые негодуют на румын за то, что, отдавая за них жизнь, стрелки не встречают со стороны румын помощи, преданности и благодарности»².

Однако Россия в 1916 г. не втягивала Румынию в войну, а напротив, старалась не допустить этого. Но когда выступление все-таки состоялось, русская Ставка медлила с поддержкой слабой румынской армии мощной группировкой, которая нивелировала бы слабые стороны румын. Румыния, со своей стороны, не желала тесного сотрудничества, стараясь решить свои собственные локальные цели в войне и видела в России конкурента в балканском регионе. Такая позиция, наряду с необоснованной уверенностью в своих вооруженных силах, и стала причиной военных поражений, ибо неопытная румынская армия не могла на равных сразаться с австро-германскими войсками.

На протяжении последних десятилетий перед Первой мировой войной отношения между Россией и Румынией складывались непросто, порождая взаимное недоверие и неприязнь. Наибольшей популярностью и влиянием в Румынии пользовалась Франция. Русский разведчик еще 17 мая 1915 г. сообщал, что мы «базируемся главным образом на наш союз с Францией, которая пользуется здесь симпатиями, а теперь после выступления Италии у нас есть еще одна заручка. Нас же собственно боятся и нам не доверяют»³. Следовательно, очень многое зависело от Франции и стоящей за ее спиной Великобритании, которые имели рычаги для давления как на Румынию, так и на Россию.

Лавируя между противоборствующими коалициями, румынское руководство во главе с премьер-министром И. Брэтиану выбирало, наверное, наиболее удобный и – главное – удачный момент для вступления Румынии в Первую мировую войну. Румыны прекрасно сознавали, что воевать без поддержки союзников они долго не смогут, а потому премьер стремился максимально снизить риски, требуя от западных союзников поставок вооружения, а от России – непосредственной помощи войсками. Близок к истине был русский военный агент полковник Б.А. Семенов, докладывавший 9 мая 1916 г., что «правительство Брэтиану, по-видимому, намерено напрячь все мобилизационные силы страны, либо не считаясь, либо надеясь в критический момент активного ее выступления получить необходимые боевые запасы извне, – это правительство не предполагает вести кампанию более 3–4 месяцев, а следовательно, и намерено выступить лишь в самый последний период настоящей войны, или же остаться до конца ее нейтральным»⁴. Как видим, румынское руководство прекрасно понимало, что страна может вести войну собственными усилиями и средствами не более полугода.

Последним доводом для определения выбора стал успех Луцкого (Брусиловского) прорыва 1916 г. Именно тогда переговоры союзников с румынами перешли в решающую фазу – как говорит первый командующий русской группировкой в Румынии А.М. Зайончковский – «о сроке выступления Румынии было определено известно с середины июля»⁵. Исход войны висел на волоске: западные союзники вплоть до 1918 г. ни разу не создали оперативную ситуацию возможной победы. Русским это удалось: армии Юго-Западного фронта А.А. Брусилова рванулись к Ковелю и Черновцам, а севернее Полесья готовились к гигантскому наступлению армии русских Северного и Западного фронтов. Весной переговоры о присоединении Румынии к Антанте вышли в свою финальную стадию, «французы придавали скорейшему вступлению в войну Румынии настолько большое значение, что позже, в августе 1916 г., французское командование напрямую

² Там же. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. Л. 23.

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 520. Л. 94.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3058. Л. 24.

⁵ Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 596.

связывало с началом румынского наступления возобновление наступательных операций англо-французских сил на Западном фронте»⁶.

Невзирая на первенство французов в деле втягивания Румынии в войну, обойтись без русских союзники не могли. Во-первых, в той или иной степени, но только русские войска могли бы действовать совместно с румынскими армиями. Если же помнить, что И. Брэтиану пытался перевалить львиную долю военных тягот на плечи союзников, то значение Российской империи возрастает еще более. Непосредственная военная поддержка существенной воинской группировкой, поставки вооружений, боеприпасов, военного имущества и оборудования, прикрытие румыно-болгарской границы — лишь русские могли выполнить в смысле военного сотрудничества то, что требовала румынская сторона от Антанты.

Во-вторых, снабжать румын техникой, боеприпасами, прочими предметами, необходимыми для ведения войны, западные союзники могли исключительно через Россию. На практике это означало, что русским предстояло делиться с румынами и без того невеликим объемом союзных поставок. Ведь даже если бы союзники завалили румын военным снаряжением, все упиралось в проблему перевозки по российской территории. Такое положение вещей не устраивало российскую сторону, но обойтись без данной уступки в случае выступления Румынии также не представлялось возможным.

Наконец, вступление Румынии в войну неизбежно повлекло бы за собой удары неприятеля с моря. Противостоять противнику военно-морской флот Румынии не мог. То есть на русский Черноморский флот возлагалась еще и обязанность содействия союзнику. Разумеется, французский главнокомандующий Ж. Жоффри отлично понимал, что вся тяжесть взаимодействия с румынами ляжет на плечи русского союзника. Тем настойчивей французы подталкивали Румынию к войне: все равно все издержки и итоговая ответственность в силу географии возлагались на Россию: спасение Румынии от военного разгрома — это было то «бремя, которое русские военные не могли позволить себе нести», послужив вдобавок «катализатором правительственного кризиса, закончившегося падением царского режима»⁷.

Союзная конвенция 4 августа, юридически закрепившая взаимные обязанности между союзниками в Румынии, помимо отправки за Дунай русского 50-тысячного корпуса, предусматривала наступление союзников от Салоник силами Салоникской армии М. Саррайля за неделю до начала наступления румын в Трансильванию. Однако после вступления Румынии в войну 14 августа 1916 г.⁸ Салоникская армия не оказала королевству поддержки. Русские скептически оценивали возможности салоникской группировки. Телеграмма русского военного агента при сербском командовании В.А. Артамонова из Салоник о назначении французских инструкторов в румынскую армию подчеркивала, что «французы имеют крайне недостаточные понятия о маневренном бое, особенно в важнейшей основе этого боя: тесной связи пехоты с артиллерией». Ссылаясь на слова самого генерала Саррайля, Артамонов утверждал, что французские войска «отвыкли от активности и неспособны проводить наступательные бои»⁹. Примечательно, что и опытный румынский премьер не был уверен в наступлении салоникской группировки. Так, 2 сентября новый русский агент в Румынии А.А. Татаринев телеграфировал в русскую Ставку Верховного командования: «Выступление Болгарии особенно пугает Брэтиану, так как в глубине души он особенно

⁶ Павлов А.Ю. Скованные одной целью: Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917). СПб., 2008. С. 118.

⁷ Torrey G.E. Indifference and Mistrust: Russian-Romanian Collaboration in the Campaign of 1916 // The Journal of Military History. 1993. Vol. 57. № 2. P. 280.

⁸ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1149. Л. 70.

и ранее не верил и теперь не верит в возможность развития сильного наступления со стороны Салоник, и теперь считает себя обманутым французами, англичанами и итальянцами»¹⁰.

Следовательно, единственной военной поддержкой румынам служили русские войска — первоначально действовавший в Добрудже 47-й армейский корпус А.М. Зайончковского¹¹; с середины осени — развернутая на основе корпуса Дунайская армия В.В. Сахарова, а к концу года — три русские армии (4-я, 6-я и 9-я), составившие Румынский фронт. В то же время румыны, плечом к плечу сражавшиеся с русскими, слушались французов — уже после вступления в войну румыны руководствовались оперативными планами, которые предлагала прибывшая в сентябре французская миссия в Румынии во главе с А.-М. Бертело — начальником штаба Жоффра, а затем участником обороны Вердена. Зайончковский 7 октября сообщает Алексееву, что «генерал Бертело забрал всю власть в руки, завтра совсем переезжает в ставку. Привез около полусотни офицеров, половина которых разослана в войска, а другая работает в штабе. Румыны говорят об этом подчинении с восторгом»¹².

Бертело, в свою очередь, исходил из планов французского верховного командования, всемерно растягивая фронт, что обрекало бедные техникой румынские войска на неизменное поражение. Зато противник был вынужден ослабить натиск на Западном фронте, прикрывая постоянно подбрасываемыми в Румынию резервами свою линию обороны. В отличие от русских, непосредственно взаимодействующих с румынами (47-й корпус вместе с 3-й румынской армией в Добрудже, 9-я русская армия вместе с 1-й румынской армией в Южных Карпатах), французы работали советниками при высших румынских штабах, постепенно подчинив себе даже Генеральный штаб (штаб короля Фердинанда I), возглавляемый Д. Илиеску. Вступив в войну с более чем 600-тысячной армией, к 1 октября румыны имели в строю всего 309 тыс. штыков и 116 эскадронов конницы: 1-я армия — 86 тыс., 2-я — 111 тыс., 3-я — 49 тыс., Добруджанская — 86 тыс. чел.¹³ Следовательно, за 1,5 месяца военных действий румынская армия оказалась выбита почти наполовину. В связи с тем, что Салоникская армия М. Саррайля не выполнила данных румынам обещаний, такая помощь всецело легла на плечи Российской империи.

Потерпев поражение в Трансильвании, после преодоления противником перевалов в Трансильванских Альпах, русско-румынское командование осознало, что наиболее привлекательной целью для противника станет Бухарест. Согласно германскому оперативному плану в районе румынской столицы должна была быть проведена операция на окружение главных сил румынских войск — 9-й германской армией из Трансильвании с запада и Дунайской армией с юга. Оттеснив русских в Добрудже в узкий треугольник устья Дуная¹⁴, запретив их системой укреплений и таким образом обезопасив себя от русской помощи румынам, главнокомандующий войсками Центральных держав на Балканах фельдмаршал А. фон Макензен перегруппировал свои войска и, прикрывшись сильными арьергардами, 3 ноября переправился через Дунай у Систово — Зимницы.

К этому моменту румынские армии, победоносно наступавшие в Трансильвании, были выбиты с гор. Телеграмма представителя русского командования при румынской Главной квартире М.А. Беляева в Ставку от 4 ноября утверждала: «Развитие последних боевых действий на Румынском фронте окончательно убедило меня, что трудно ожидать какого-либо реального успеха румынской армии, и изменение положения на Трансильванском

¹⁰ Там же. Д. 418. Л. 60–61.

¹¹ Подробнее см.: *Каширин В.Б.* Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году // *Studia Balkanica*. К юбилею Р.П. Гришиной: сб. статей. М., 2010. С. 139–185.

¹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 419. Л. 67.

¹³ Там же. Л. 1а.

¹⁴ См. *Козлов Д.Ю.* Флот в румынской кампании 1916–1917 годов. СПб., 2003. С. 80–82.

фронте находится исключительно в зависимости от действий наших войск». Немалое значение в поражениях играли советы представителей французской миссии: «Они чрезвычайно много говорят, но ничего существенного не делают, и я опасаясь, чтобы это не обошлось дорого румынам, которые сильно им верят и не замечают истинного положения»¹⁵.

Бросок немцев через Дунай в мгновение ока изменил всю оперативную обстановку в Румынии. Чтобы не попасть в окружение, 1-я румынская армия должна была начать отступление в Трансильвании, поскольку неприятельская переправа создавала фланговую угрозу. Тем самым наступавшая в Альпах 9-я германская армия Э. фон Фалькенгайна получила возможность беспрепятственно преодолеть горы и выйти на равнинную местность. Опасаясь нового поражения, 13 ноября румынское правительство переехало в Яссы. За день до этого экс-командующий Особой армией В.И. Гурко, замещавший в Ставке заболевшего М.В. Алексева, приказал главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта А.А. Брусилову, которому подчинялись действовавшие в Румынии русские войска, «всю свободную конницу из армий вверенного Вам фронта немедленно походным порядком направить в Румынию». Цель – прикрыть провал между 9-й армией и Дунайской армией до подхода пехотных корпусов¹⁶. Командующий Дунайской армией В.В. Сахаров тоже получил приказ направить к Бухаресту все те войска, которые будет возможно снять с фронта в Добрудже. Гурко подытоживал: «Тяжелое положение румын заставляет нас, в силу нравственных обязательств союзников, помочь им. Потеря Бухареста произведет колоссальное моральное впечатление... Государь император повелел отправить немедленно на помощь румынам из Дунайской армии с возможной скоростью все, что только вы можете, перейдя на это время к обороне»¹⁷.

В десятых числах ноября австро-германские войска с двух сторон устремились на Бухарест. Общее командование принял фельдмаршал Макензен; окружение главной румынской группировки, отступавшей из Трансильвании, предполагалось западнее Бухареста. Немцы верно посчитали, что свою столицу румыны без боя не сдадут, хотя бы уже потому, что ее эвакуация не проводилась. Значит, к ней будут отходить 1-я и 2-я румынские армии, а также те заслоны, что стояли перед германской Дунайской армией. Позволив румынам стянуть все войска к столице, противник предполагал прихлопнуть их одним ударом. Румынские армии, разбитые в Трансильвании, уже не могли оказать должного сопротивления и беспорядочно откатывались на восток. Если 1 ноября фронт еще удерживался на крайней западной границе: линии Тыргу-Жиулуй – Новая Орсова (лишь небольшой кусочек собственно румынской территории был сдан врагу), то к 12-му числу была сдана Крайова и весь прилегающий район западной Румынии. К 16 ноября, когда австро-болгаро-германские войска приступили к проведению решающей операции под Бухарестом, румыны еще держались на фронте Кимполунг – Питешти – Ольтеница, но через два дня они откатились за Тырговишти.

Было понятно, что неприятель намеревается уничтожить в сражении за столицу всю румынскую армию. И русская Ставка в категорическом тоне потребовала от румынского командования сдать Бухарест без большого сражения, ставя на кон всю оставшуюся армию, и с боями отступать на восток на соединение со спешившими в Яссы русскими корпусами. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта А.А. Брусилов телеграфировал М.А. Беляеву, что 4-му армейскому корпусу приказано «энергично отстаивать Бухарест в тесной связи с румынскими войсками». Но только к середине декабря будет развернута 4-я армия, и тогда начнется общее наступление. Брусилов просил Беляева заверить румын, что «эта помощь может быть решительной и существенной по

¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 420. Л. 312, 314.

¹⁶ Там же. Д. 421. Л. 177.

¹⁷ Там же. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 5. Л. 8, 10, 43–44.

своим результатам только при условии их стойкости и оставления ныне занимаемых позиций лишь в крайности, отстаивая упорно каждую пядь земли»¹⁸.

В одиночку одолеть врага румыны не смогли бы. Правительство и король колебались, но новый начальник Генерального штаба К. Презан (до этого – командарм-4), сменивший на данном посту Д. Илиеску, под влиянием французов настоял на решающей битве. Замена была сделана под давлением А. Бертело, желавшего снизить русское влияние, и командование бухарестской группой вместо русофила Илиеску получил франкофил Презан. М.А. Беляев доносил об этом: «Как факт перемены начальника штаба накануне формирования штаба фронта, так и ряд других более мелких распоряжений свидетельствует, с какой напряженностью румыны относятся к усилению здесь нашего влияния и как опасаются они, что влияние это не затронет их национального самолюбия»¹⁹.

Румыны не пожелали прислушиваться к советам русских, отдавая предпочтение французским доктринарам, привыкшим на Западном фронте по нескольку месяцев бороться за какую-либо деревушку и не понимавшим реалий Восточного фронта. Решающим доводом относительно сражения у стен румынской столицы послужило мнение Бертело, фактически ставшего первым советником короля Фердинанда I. В своей телеграмме в Ставку А.А. Татаринов упомянул, что Илиеску предложил Бертело «быть фактическим начальником штаба короля, предложив себя в помощники»²⁰. Это стало последним оперативным приказом румынского командования в кампании 1916 г. После поражения под Бухарестом отступавшие румынские соединения действовали уже совместно с русскими, оставившими за собой оперативные действия. Недаром А. Авереску впоследствии отмечал, что «битва при Бухаресте была инспирирована генералом Бертело, вопреки соображениям румынского штаба»²¹.

Бертело и его штаб разработали внешне стройный план по отражению неприятельского нашествия – попеременный разгром группы Макензена, а затем и группы Фалькенгайна – основной массой румынских войск. Но выполнимым этот проект являлся только на бумаге, так как требовал для своей реализации соответствующих возможностей. Румыны сильно уступали противнику в технических средствах ведения боя и имели для генерального сражения не свежие войска, а растрепанные соединения, потерпевшие за последний месяц несколько тяжелых неудач. 16 ноября румынские армии приступили к выполнению разработанного французами оперативного плана, завязав бои с группой Макензена.

Определенная роль отводилась и русским. Когда румыны намеревались атаковать под Бухарестом, то, по их плану, русские войска должны были обеспечивать правый фланг. Русские не успевали со сосредоточением, что вызывало негодование румын, хотя, согласно телеграмме Беляева от 9 ноября, именно местные власти не подавали эшелоны на станции: «При таком отношении румын к делу перевозок трудно рассчитывать на своевременность прибытия наших войск в район сосредоточения... Как же им помочь, если они не дают нам возможности привезти для этой цели наши войска?»²².

Мало того, Бертело пытался руководить и русскими, требуя немедленной помощи, но забывая о слабых возможностях румынских железных дорог. К примеру, 20 ноября Бертело телеграфировал, что к югу от Бухареста сражение продолжается успешно, но для поддержки северной группы требуется русский 8-й армейский корпус из 9-й армии, о чем говорилось и ранее. Это «могло бы дать возможность избежать катастрофы на севере, которая могла бы скомпрометировать успех, достигнутый к югу от Бухареста».

¹⁸ Там же. Ф. 16346. Оп. 1. Д. 2. Л. 107.

¹⁹ Там же. Д. 8. Л. 31.

²⁰ Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 420. Л. 18–19.

²¹ См.: *Емец В.А.* Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915–1916 гг.) // Исторические записки. Т. 56. М., 1956. С. 85.

²² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 421. Л. 37.

Помимо пехоты, требуется русский 3-й дивизионный кавалерийский корпус²³. В русской же Ставке справедливо считали, что двигавшийся походным порядком корпус Ф.А. Келлера прибудет в район Рымника к 26 ноября²⁴, а к Бухаресту — и того позднее.

Теоретически эти просьбы были верными, практически — ничтожными, ибо переброска войск безнадежно запаздывала, и выходом могло быть лишь общее отступление за Бухарест навстречу русским. Недаром Беляев, докладывая 9 ноября в Ставку о планах румынского командования нанести контрудар в долине Ольты, уточнял, что Бертело является «фактически начальником штаба, так как без его совета или одобрения не принимается ни одно решение». Представитель русского командования считал, что позиция француза, мыслившего категориями окопной борьбы Французского фронта, авантюрна: «Я уже неоднократно обращал внимание на большое легкомыслие со стороны Бертело и большинства его офицеров и поверхностное отношение к принятой на себя ответственности, но воздерживался от каких-либо советов и указаний в отношении румынских войск, ограничив свою деятельность вопросами, касающимися наших войск или имеющими к ним отношение»²⁵. Однако Бертело сумел выставить свою миссию в выгодном свете, перевалив на русского союзника ответственность за неминуемый и объективно неизбежный провал.

Русское командование прекрасно сознавало важность транспортного фактора. Так, 21 ноября Брусилев телеграфировал Беляеву, что кроме 4-го армейского и 3-го кавалерийского корпусов, а также бригады 8-й кавалерийской дивизии в район Бухареста направляются 2-я пехотная и 15-я пехотная дивизии, 7-й армейский корпус, Уссурийская конная дивизия и еще три кавалерийские дивизии в 9-ю армию. Генерал уточнил, что «быстрота сосредоточения этих войск зависит от румынского правительства, и нужно обеспечить подвоз им продовольствия и огнестрельных припасов»²⁶. Обеспечить своевременного сосредоточения русских соединений румыны не могли: местные железные дороги в ситуации эвакуации столицы не справлялись с подвозом русских войск. Но Бертело возлагал вину за это на русских, что было выгодно и румынскому командованию, почему-то позабывшему, что русские старались оказать помощь в то время как союзная Салоникская армия, чья поддержка была обещана в августе, стояла на месте.

Исход операции под стенами румынской столицы был предопределен. На первом этапе главная румынская группа при поддержке двух русских полков 40-й пехотной дивизии сумела потеснить к Дунаю войска фельдмаршала А. фон Макензена. Но на западном участке общего оборонительного фронта, где наступала 9-я германская армия Э. фон Фалькенгайна, германская конница прорвала слабую оборону и утром немецкие разезды появились в 25 верстах от Бухареста. В бухарестском сражении 20–22 ноября 120-тысячная группировка румын (1-я армия и Дунайская группа) была уничтожена и рассеяна. Полного разгрома удалось избежать лишь при поддержке русских — 30 тыс. румынских солдат и офицеров, при помощи русской 40-й пехотной дивизии А.А. Рейнботта (Резвого) из состава 4-го армейского корпуса, разомкнувшей тиски намечавшегося окружения, сумели уйти на северо-восток.

Общее командование в сражении осуществлял король Фердинанд I, поскольку русские не желали подчиняться румынскому командарму К. Презану, дабы не потерять напрасно свои войска, а Ставка добивалась, чтобы при перемешивании союзных войск на поле боя командовали бы русские генералы. Брэтиану, напротив, считал, что русский 4-й корпус должен подчиниться К. Презану²⁷. Формальное же руководство со стороны

²³ Там же. Д. 422. Л. 27.

²⁴ Там же. Ф. 16346. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

²⁵ Там же. Д. 5. Л. 129.

²⁶ Там же. Д. 2. Л. 103.

²⁷ Там же. Д. 8. Л. 6 об.

короля сглаживало проблему соподчинения союзных подразделений²⁸. В плен к австро-германцам угодило 65 тыс. чел. Трофеями немцев стали 124 орудия и 115 пулеметов. Французы настаивали на контрударе силами уцелевшей 2-й армии А. Авереску, но благоразумие возобладало.

Все расчеты французской миссии в одночасье рухнули. Настоятельные просьбы союзников в русскую Ставку об оказании помощи гибнущей Румынии перешли в требования. 26 ноября Бертело телеграфировал в русскую Ставку французскому представителю при российском Верховном командовании М. Жанену: «Просите, чтобы безотлагательно в распоряжение румынской армии были предоставлены 40 пехотных и 8 кавалерийских дивизий и, кроме того, армейский корпус, составляющий резерв армии генерала Лечицкого. Настаивайте! Необходимы срочность решения и быстрота выполнения!»²⁹. Это — численность трех армий. Французы, втянувшие Румынию в войну и не оказавшие ей должной помощи ударами под Салониками, как было обещано, теперь запрашивали от русской стороны 21 армейский корпус, не считая кавалерии — «в распоряжение румынской армии».

Ясно, что абсурдность требований была превосходно известна генералу Бертело, однако подобные претензии должны были, вероятно, обелить в глазах румын Францию, прежде всех прочих виновную во втягивании в войну неподготовленной и слабой Румынии. Даже Д. Ллойд-Джордж заметил, что союзники знали о неготовности Румынии к войне во всех отношениях и ее возможностей обороняться разве что против второстепенных сил австрийцев. Перед немецким ударом устоять румыны не могли. Между тем военные специалисты и правительства не подумали о своевременном оказании помощи Румынии, как это произошло и с Сербией в 1915 г.³⁰

24 ноября Верховный главнокомандующий император Николай II повелел сформировать новый, уже 5-й по счету фронт, первоначально называвшийся Южным (предлагался даже термин «Фронт короля»). Днем ранее В.И. Гурко сообщил В.В. Сахарову о новом назначении, предложив приступить к формированию штаба фронта: «Его Величество изволил остановить свой выбор на Вас, как на ответственном помощнике Короля с предоставлением Вам прав Главнокомандующего фронтом по отношению к русским войскам, входящим в состав фронта»³¹. По мысли Гурко, в состав штаба фронта должен был быть включен и штаб румынского короля, т.е. — «соединить оба штаба Дунайской и румынской армий». В ответ Сахаров донес о своих опасениях: если в каждый отдел русской армии войдут румыны, «возникнут чрезвычайные осложнения, тем более что по характеру румыны слишком щепетильны, особенно считая себя здесь переносчиками, что подчеркивается ими хотя бы даже желанием наименования фронта Румынским». Далее он писал: «Между тем, я считаю, что первенствующими должны быть мы, и я именно так и поставлю, считая, что для меня имеет значение только король, коему предоставлено одобрять мои приказы. Все же прочее, как русское, так и румынское, подвластно мне и моим русским помощникам. При иных условиях считаю управление фронтом невозможным»³². В итоге главнокомандующим новым фронтом становился румынский король, но фактическим главнокомандующим являлся бы русский генерал со своим штабом.

Первоначально румыны хотели сохранить специальный румынский штаб, хотя подчиняться все должны были штабу русско-румынской группы армий. Вдобавок Беляев сообщил о недопустимости оставления в штабе французских советников короля — «они

²⁸ Там же. Д. 2. Л. 260–261.

²⁹ Цит. по: *Переловский К.* Роль и значение Русского фронта в войну 1914–1917 гг. по иностранным военным источникам (окончание) // *Военная быль.* 1971. № 112. С. 4.

³⁰ *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары. Т. I–II. М., 1934. С. 604.

³¹ РГВИА. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.

³² ГА РФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 210. Л. 1–3.

все еще стараются выдвинуть себя на первый план, хотя положение их до некоторой степени уже поколеблено»; их лучшее место — инструкторы румынской армии. Татаринов также считал, что на назначение русского начальника штаба «король и румынская Главная квартира согласятся»³³. Следовательно, дабы не допускать ненужного трения в работе штаба фронта, французы должны были быть выведены из его состава. Занявший должность помощника короля (Помглаворум) как формального главнокомандующего армиями Румынского фронта Сахаров также не желал сотрудничать с Бертело: «Я с ним никаких сношений ни по оперативной, ни по организационной части не имею и воздерживаюсь от таковых, считая, что давать ему право вмешиваться в эти дела не следует». Он — только инструктор румынской армии, «тем более что и по индивидуальным свойствам Бертело надо держать его подале от вмешательства в наше с румынами дело»³⁴.

Остатки румынских войск отправлялись в русский тыл, в Молдавию, где французская миссия Бертело занялась реорганизацией румынской армии. Смирившийся с отстранением от оперативного планирования генерал 29 ноября сообщил начальнику штаба Румынского фронта М.И. Шишкевичу, что французские инструкторы нужны в румынской армии «для обучения и морального воспитания войск, подготовки штабов». «Единственной целью моей деятельности будет передача русскому командованию вполне обученной армии»³⁵, — писал он. К этому времени из 600 тыс. бойцов середины августа в строю осталось лишь около 70 тыс. в рядах 2-й армии А. Авереску. Отвечая на запрос штаба фронта, 14 декабря румыны донесли о составе своей 2-й армии: 1-я дивизия — 327 офицеров и 4060 штыков, 3-я — 233 и 5087, 6-я — 301 и 6275, 7-я — 293 и 8341, 12-я — 213 и 4431, 15-я — 624 и 21 329 штыков + 1335 сабель, 2-я бригада 5-й дивизии — 133 и 6370, 7-я сводная бригада — 133 и 4715, 5-я бригада каларашей — 1036 сабель. Пополнение войск новобранцами и их обучение — вот задачи, стоявшие перед французами зимой.

Здесь энергия генерала Бертело как организатора проявилась в полной мере: к началу 1917 г., по французским данным, румынская армия насчитывала 179 687 штыков и сабель и 82 545 новобранцев³⁶. Помимо реорганизации, французы отвечали и за техническое усиление румынской армии. На Восточном фронте действовали 4 французских авиационных отряда, а в феврале 1917 г. в Россию прибыли еще 2 отряда французских летчиков.

Первоначально предполагалась реорганизация румынской армии на русской территории (такой подход позволял облегчить нагрузки на железнодорожный транспорт и облегчить подвоз продовольствия и фуража для войск фронта), но по мере остановки противника на рубеже реки Серет «румыны начали оттягивать всеми способами принятое ранее решение о выводе румынских войск в пределы России». Это решение — оставить новобранцев на сохранившейся неоккупированной румынской территории — активно поддержал генерал Бертело³⁷. 23 декабря русский посланник в Румынии А.А. Мосолов сообщил директору Дипломатической канцелярии Н.А. Базили о телеграмме Бертело, адресованной Жоффру, касательно эвакуации румынских рекрутов в Россию: предпочтительно «оставить их пока в Румынии. В случае же изменения линии фронта держать их возможно ближе к последнему, находя, что отвод в Россию дурно подействует на их дух и произведет неблагоприятное впечатление на нейтральные державы». Гурко же считал, что румын следует отвести поглубже в русский тыл, так как на всех не хватает продовольствия. Под влиянием Бертело, как телеграфировал Мосолов в Ставку 7 января

³³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 420. Л. 18–19.

³⁴ Там же. Д. 1149. Л. 83.

³⁵ Там же. Л. 57.

³⁶ Французские армии в мировой войне. Т. 8. Восточная кампания. Вып. 2. Издание французского генерального штаба. М., 1940. С. 524.

³⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1149. Л. 76.

1917 г., король «выставляет как причину нежелательности в настоящее время выводить свою армию — опасение беспорядков в войсках и дезертирство при деморализующем впечатлении, которое произведет на войска их уход в Россию». Бертело «убедил в нежелательности этой меры генерала Презана, который в свою очередь убедил короля в опасности этого шага». Мосолов предлагал воздействовать на Бертело³⁸, румыны же стали отказывать русским в закупках продфуража на румынской территории и требовали подвоза, считаясь вагонами.

Такой позиции генерал Бертело придерживался и позднее. Так, 11 февраля 1917 г. у румынского министра иностранных дел состоялся обмен мнениями по вопросу о продовольственном положении в Румынии с участием английского, французского и итальянского послов, Бертело и Мосолова. Британский посол Дж. Бьюкенен огласил докладную записку главы британской военной миссии в Румынии полковника Н. Гриффитса о сложившейся тяжелейшей ситуации: солдаты, оставленные на железнодорожных линиях, умирают в вагонах от голода, санитарные поезда брошены на произвол судьбы, раненые гибнут без пищи и от заражения крови, тиф господствует повсеместно³⁹. Перед перспективой голода Бьюкенен предложил удалить лишние рты из войскового района — т.е. приступить к эвакуации населения Румынии. Мосолов отвечал, что русские уже давно предложили отправить в Россию 300 тыс. румынских рекрутов и раненых, но ничего не делается, так как «со времени остановки германского продвижения на Румынском фронте румыны не хотят оставлять своей страны». Бертело справедливо заметил, что эвакуация без железных дорог невозможна, так как «румынские солдаты и рекруты не имеют ни одежды, ни сапог. При таких условиях они не могут быть двинуты из пределов Румынии походным порядком»; вдобавок $\frac{1}{4}$ личного состава — больные. Советские приняли решение настаивать перед румынским правительством на эвакуации 300 тыс. человек в глубь Российской империи, однако в середине февраля король Фердинанд I окончательно отказался от этой идеи, «опасаясь народного негодования и деморализации армии»⁴⁰.

Реорганизация румынской армии, начавшаяся 5 января 1917 г., происходила в тылу русской 9-й армии П.А. Лечицкого — одновременно формировалось 9 пехотных дивизий, не считая находившейся на фронте 2-й румынской армии. На первых порах у французской миссии, состоявшей из 232 офицеров-инструкторов, работавших в каждом дивизионном штабе и полку, не все получалось, так как румынские военнослужащие были деморализованы поражениями и не были обеспечены материально. Телеграмма генерал-квартирмейстера А.С. Лукомского Жанену от 9 января 1917 г. подчеркивала недостатки подготовки: «По полученным мною сведениям, вопрос о восстановлении румынской армии поставлен более чем скверно. Офицерский состав — полные невежды в обучении войск, дисциплинированы только наружно, военного дела не знают, изнежены, очень далеки от нижних чинов, на занятиях почти не бывают. Обучение нижних чинов самое поверхностное. Обучение самоокапыванию только показное, трассируя окопы; шанцевого инструмента нет; люди саперному делу фактически не обучаются. Уколы винтовкой производятся без чуел, по воздуху. Строевые учения производятся без винтовок. Дисциплины строя нет вовсе». Сахаров считал, что перемешивание русских и румынских частей дает румынам устойчивость в бою, «но разница в вооружении, снабжении и языке не позволит слишком дробить румынские части и можно признать возможным лишь придачу их дивизий третьими дивизиями к нашим корпусам. При этом пришлось бы столкнуться с чрезвычайно болезненным самолюбием румын, боящихся за свои суверенные права». Кроме того, тогда пришлось бы упразднить часть высших постов корпусов и армий, на что не пойдет король⁴¹.

³⁸ Там же. Д. 521. Л. 122, 125, 174.

³⁹ Там же. Ф. 16346. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 232. Л. 1–3.

⁴¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1149. Л. 85, 108.

Возможно, русские намеренно преувеличивали недостатки реорганизации, не будучи заинтересованными в успехе французов, — тем более что можно было сделать за несколько дней? Постепенно дело наладилось, и русские отчеты изменили свой тон. В докладе начальника русской артиллерийской миссии при румынской армии А.Н. Виноградского от 21 марта 1917 г. о ходе реорганизации румынской артиллерии особо отмечено, что «благодаря энергичной работе русских и французских инструкторов обучение идет успешно. Задержки вызываются лишь крайне неудовлетворительным санитарным состоянием и громадным падением лошадей и ослаблением остальных». На каждую румынскую пехотную дивизию приходится 36 75-мм орудий, итого на 15 дивизий — 540 орудий. Налицо — чуть более 400, а из высланных Францией орудий формируется армейская артиллерия — 48 120-мм гаубиц (не получены) и 72 120-мм пушки (24 из них уже в Кременчуге), причем «Англия обещает к середине лета 150-мм гаубицы, но вопрос этот еще не решен». Эти гаубицы и старые румынские 87-мм пушки составят вторые тяжелые полки в пехотных соединениях — «*Artilleriededemolition*». Румынская армия сможет принять участие в общем наступлении, будучи готовой к 15 мая «при условии, однако, чтобы посылаемая материальная часть и боевые припасы, действительно, были бы своевременно доставлены Румынии и не задерживались бы на наших железных дорогах». Дабы усилить работу французской миссии, Виноградский предлагал послать в румынские армии по артиллерийскому генералу на армию и по артиллерийскому штаб-офицеру на корпус⁴².

Труд французской миссии увенчался полным успехом: после реорганизации вооруженных сил, летом 1917 г. румынские войска превосходно показали себя в сражении под Мэрэшешти, где русские и румыны отбросили противника, нанеся ему такие же потери, что понесли и сами. Итоги Мэрэшештской наступательной операции подтверждают мнение о предвоенной нехватке опыта в среде румынского офицерского корпуса и необходимости его предварительного обучения. Последний начальник штаба Румынского фронта А.В. Геруа, оценивая Мэрэшештское сражение, отмечал: «Румынский солдат показал, что, будучи обучен, вооружен, снабжен всем необходимым и под хорошим руководством, он является отличным боевым элементом»⁴³.

Последствия Февральской революции негативно отразились на русско-румынских отношениях. После провала июньского наступления, показавшего, с одной стороны, степень развала русских вооруженных сил и, с другой — качество усилий, предпринятых румынским военно-политическим руководством по усилению румынских войск, неравносная чаша весов в сотрудничестве между Россией и Румынией стала склоняться в пользу румын. Причем румынское командование должно было учитывать возможное крушение русской действующей армии, развал Восточного фронта и вероятное отступление русских в глубь страны (если не выход из войны), что угрожало оставить румын один на один с армиями Центральных держав.

Образно и ярко перемену румынской стороны выразил рапорт 17 июля графа Н.В. Остен-Сакена, прикомандированного к 1-й румынской армии для связи со штабом 6-й русской армии. Полковник Остен-Сакен сообщал: «Со дня катастрофы нашей 11-й армии, а вследствие этого и приостановки наступления 1-й румынской армии, отношение румын и в особенности французов к русской армии стало настолько презрительным и даже враждебным, что положение русских офицеров при штабе крайне тяжелое. Приходится слышать недвусмысленные замечания относительно полной небоеспособности наших армий, из-за которых ныне Румынию можно считать погибшей». О румынских офицерах граф писал: «На каждом шагу чувствуется их полное негодование и злоба против нас за сорванное наступление, которое, по их словам, могло бы окончиться так удачно вследствие столь действительной артиллерийской подготовки к нему». По мысли

⁴² Там же. Ф. 2093. Оп. 1. Д. 17. Л. 11–12.

⁴³ Цит. по: *Валь Э.Г.* К истории Белого движения. Таллинн, 1935. С. 17.

румун, если русские армии уйдут из Румынии, то — «не лучше ли будет отдаться в руки немцам, а в крайнем случае и действовать совместно с ними, и возратить себе таким путем Бессарабию»⁴⁴.

Как считал сын нового Помглавкорума Д.Г. Щербачева — А.Д. Щербачев, французы доказали качества румынской силы, «подтянув в один год всю румынскую армию и подняв ее на такую высоту, что солдаты сражались как львы, благодаря дисциплине, а офицеры умно распоряжались». Интересно, что Щербачев-мл. считал, что при Сахарове Бертело «заправлял всем фронтом, как хотел»: «При Сахарове не было сопротивления, не было моральной силы, которая защитила бы открыто русские интересы и вместе с тем шла к определенной цели, и открыто проводила бы свои желанья», а Д.Г. Щербачев поставил его на место⁴⁵.

Такое «подтягивание» с далеко идущими политическими целями французы были бы не прочь провести и с Россией. Летом 1917 г. они пожелали получить «задачу восстановления и реорганизации русской армии» — как следует из документа «Записка о военных усилиях Франции в России» — т.е. установить французский контроль над русской армией по типу миссии А.-М. Бертело с румынами⁴⁶.

В период выхода России из войны после октябрьского переворота, генерал Бертело, опираясь на румын, прилагал все усилия, чтобы сохранить в борьбе Восточный фронт: интриги в румынских штабах, украинская миссия Ж. Табуи, перевооружение румынской армии за счет военного имущества русских армий Румынского фронта. Наконец, после Брестского мира миссия Бертело вместе с 300 бельгийцами, работавшими в Донецком бассейне, отплыла в Великобританию с Мурманского полуострова в конце апреля 1918 г.⁴⁷, где Бертело вскоре принял командование 5-й армией. В Румынию француз прибыл вновь после окончания Первой мировой войны.

Таким образом, взаимоотношения между русскими и французами на Румынском фронте прошли несколько этапов в своем развитии. Первоначально осенью 1916 г. французская миссия имела решающее влияние на ведение военных операций румынской армии, при этом предпринимая попытки поставить под свой контроль и русские войска в Румынии. После сражения за Бухарест и падения столицы французы под нажимом русского генералитета сосредоточились исключительно на реорганизации румынских войск и подготовке новобранцев. Февральская революция привела к резкому падению боеспособности русской армии, что позволило генералу Бертело и его сотрудникам получить определяющее влияние на румынское командование и вновь претендовать на общее руководство всем Румынским фронтом.

Библиография

Валь Э.Г. К истории Белого движения. Таллинн, 1935.

Перепеловский К. Роль и значение Русского фронта в войну 1914–1917 гг. по иностранным военным источникам (окончание) // Военная быль. 1971. № 112. С. 3–9.

Емец В.А. Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915–1916 гг.) // Исторические записки. Т. 56. М., 1956. С. 52–90.

Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002.

Каширин В.Б. Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году // Studia Balkanica. К юбилею Р.П. Гришиной: сб. статей. М., 2010. С. 139–185.

Козлов Д.Ю. Флот в румынской кампании 1916–1917 годов. СПб., 2003.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 60. Л. 548.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 577. Л. 2, 8 об., 10.

⁴⁶ Магадеев И.Э. Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 41.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 410. Л. 7.

Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. Т. I—II. М., 1934.

Магадеев И.Э. Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 29–46.

Павлов А.Ю. Скванные одной целью: Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917). СПб., 2008.

Французские армии в мировой войне. Т. 8. Восточная кампания. Вып. 2. Издание французского генерального штаба. М., 1940.

Torrey G.E. Indifference and Mistrust: Russian-Romanian Collaboration in the Campaign of 1916 // The Journal of Military History. 1993. Vol. 57. № 2. P. 279–300.

References

Val' E.G. K istorii Belogo dvizheniya [Towards the History of the White Movement]. Tallinn, 1935. (In Russ.)

Perpelovskii K. Rol' i znachenie Russkogo fronta v voynu 1914–1917 gg. po inostrannym voennym istochnikam (okonchanie) [The role and significance of the Russian Front in the War of 1914–1917 according to foreign military sources (end)] // Voennaya byl' [Military history]. 1971. № 112. S. 3–9. (In Russ.)

Emec V.A. Protivorechiya mezhdu Rossiej i soyznikami po voprosu o vstupenii Rumynii v voynu (1915–1916gg.) [Controversy between Russia and the Allies over Romania's entry into the war (1915–1916)] // Istoricheskie zapiski [Historical notes]. T. 56. Moskva, 1956. S. 52–90. (In Russ.)

Zajonchkovskij A.M. Pervaya mirovaya vojna [First World War]. Sankt-Peterburg, 2002. (In Russ.)

Kashirin V.B. Pohod v Dobrudzhanskuyu step': evolyuciya zamysla, planirovanie i podgotovka ekspedicii russkih vojsk za Dunaj v 1916 godu [The march to the Dobroudjan steppe: evolution of the idea, planning and preparation of the expedition of Russian troops across the Danube in 1916] // Studia Balkanica. K yubileju R.P. Grishinoj: sbornik statej [Studia Balkanica. To the anniversary of R.P. Grishina: collection of articles]. Moskva, 2010. S. 139–185. (In Russ.)

Kozlov D.Yu. Flot v rumynskoj kampanii 1916–1917 godov [Navy in the Romanian campaign of 1916–1917]. Sankt-Peterburg, 2003. (In Russ.)

Lloyd-Dzhordzh D. Voennye memuary [Military Memoirs]. Т. I—II. Moskva, 1934. (In Russ.)

Magadeev I.E. Vostochnyj front v 1917 godu i perspektivy rossijskoj armii v ocenках francuzskih voennyh ekspertov [The Eastern Front in 1917 and the prospects of the Russian army in the assessments of French military experts] // Novaya i novejschaya istoriya [New and Contemporary History]. 2017. № 6. S. 29–46. (In Russ.)

Pavlov A.Yu. Skovannye odnoj cel'yu: Strategicheskoe vzaimodejstvie Rossii i ee soyznikov v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917) [Bound by one purpose: strategic interaction between Russia and its allies during World War I (1914–1917)]. Sankt-Peterburg, 2008. (In Russ.)

Francuzskie armii v mirovoj vojne. Т. 8. Vostochnaya kampaniya. Vyp. 2. Izdanie francuzskogo general'nogo shtaba [French Armies in the World War. Vol. 8. Eastern Campaign. Iss. 2. Publication of the French General staff]. Moskva, 1940. (In Russ.)

Torrey G.E. Indifference and Mistrust: Russian-Romanian Collaboration in the Campaign of 1916 // The Journal of Military History. 1993. Vol. 57. № 2. P. 279–300.

DOI: 10.31857/S013038640019445-7

© 2022 г. А.И. ПЫЛЕВ

ТУРКЕСТАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ: ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ТУРЦИИ И СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ 20-х годов XX века

Пылев Александр Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и культур Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия).

E-mail: pylev_1080@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9770-579X; Researcher ID: ABE-6004-2001

Аннотация. В статье исследуются исторические обстоятельства появления среднеазиатской (туркестанской) политической эмиграции на территории Турецкой Республики в первой половине 20-х годов XX в. Рассматривается ее политическая деятельность, направленная на организационное оформление и достижение идеологического единства, для чего необходимо было заручиться политической поддержкой турецкого руководства. Исследование опирается на мемуары, воспоминания и опубликованные записки видных представителей туркестанской эмиграции (как на русском языке, так и на турецком), сборники документов, публиковавшиеся в СССР, а также недавно рассекреченные архивные материалы, освещающие внешнюю политику Советской России и сопредельных стран. Несмотря на культурно-этническую общность и пантюркистские убеждения отдельных представителей турецкого политического руководства, Турция оказала лишь ограниченную помощь представителям туркестанской антисоветской эмиграции. В итоге эмигрантские группировки и объединения были вынуждены искать политической поддержки у государств Восточной Европы. Автор приходит к выводу о бесперспективности создания независимых политических образований на территории СССР лишь за счет поддержки локальных антисоветских выступлений из-за рубежа. Для жизнеспособности подобных образований необходимы внутренние объективные условия.

Ключевые слова: Средняя Азия, Туркестан, Северный Кавказ, СССР, Восточная Европа, Турция, басмачество, эмиграция, национальные окраины, Гражданская война в СССР, внешняя политика.

A.I. Pylev

The Turkestan Political Émigré Community: Its Influence on the Foreign Policy of the Turkish Republic and the Soviet-Turkish Relations in the 1920s

Aleksander Pylev, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

E-mail: pylev_1080@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9770-579X; Researcher ID: ABE-6004-2001

Abstract. In this article the author examines the historical circumstances of the formation of the Central Asian (Turkestan) political emigrant community in the territory of the Republic of Turkey in the first half of the 1920s, as well as its political activities aimed at organisational and ideological unification and attempts to gain political support from the Turkish leadership. The study draws

on memoirs, reminiscences, and published notes of prominent representatives of the Turkestan emigration (both in Russian and Turkish), collections of documents published in the USSR, as well as recently declassified archival materials covering the foreign policy of Soviet Russia and neighbouring countries. Despite the cultural and ethnic affinity and pan-Turkic convictions of some members of the Turkish political leadership, Turkey provided only limited assistance to representatives of the Turkmen anti-Soviet emigration. Consequently, emigrant groups and associations were forced to seek political support from Eastern European governments. The author concludes that it was futile to encourage the creation of independent political entities on Soviet territory solely by supporting local anti-Soviet protests from abroad. The viability of such entities required internal objective conditions.

Keywords: Central Asia, Turkestan, North Caucasus, USSR, Eastern Europe, Turkey, Basmachi, emigration, national frontiers, Russian Civil War, foreign policy.

В настоящее время является актуальным и интересным ознакомиться с проблемами и деятельностью представителей среднеазиатской (или так называемой туркестанской) политической эмиграции, оказавшейся после завершения Гражданской войны и окончательной победы советской власти на национальных окраинах за рубежом, главным образом на территории Турции. Первая мировая война и вызванные ею серьезные политические потрясения привели к распаду и исчезновению с политической карты мира Османской империи и появлению Турецкой Республики.

Прежде всего необходимо пояснить, что представляла собой туркестанская эмиграция, каков был ее социальный и идейно-политический базис. С одной стороны, ее формировали представители местной элиты, традиционной и новой, возникшей в ходе экономического освоения и политической интеграции туркестанских земель в состав Российской империи с середины XIX в. После начала советизации региона в 1917–1918 гг. они не приняли ни основ экономической политики новой власти, ни предлагаемого большевиками национального курса, исходившего из принципа «классовой зрелости» отдельных народов. С другой стороны, туркестанскую политическую эмиграцию составила и та часть новой элиты, которая первоначально сочла возможным сотрудничество с большевиками, увидев в них временного союзника в достижении собственных политических целей. Это оказалось характерным для новых государственных образований, возникших на территории бывшего Туркестанского генерал-губернаторства в ходе советизации региона (это собственно Туркестанская автономия, а также Бухарская и Хорезмская народные советские республики). С установлением в Туркестане, Хиве и Бухаре советской власти «тактический союз» распался из-за серьезных разногласий о путях политического строительства, что привело к расколу новой туркестанской политической элиты на сторонников и противников пребывания Туркестана в составе Советской России/СССР. Все, кто не принял советскую власть, составили основу антисоветского подполья на территории Туркестана и впоследствии перешли на сторону антисоветских и антигосударственных сил, главной из которых на территории Средней Азии оказалось басмачество. Национальные элиты стремились использовать потенциал этих выступлений для формирования государственных образований, независимых от СССР. После поражения басмачества недовольные новой властью вынуждены были эмигрировать на территорию соседних государств Ближнего и Среднего Востока, оказавшись в конечном счете в Турции. Эмигранты, главным образом тюркские народности среднеазиатского региона, были представителями мусульманской конфессии. Таковы вкратце причины и исторические обстоятельства появления среднеазиатской (туркестанской) политической эмиграции на территории Турецкой Республики в первой половине 20-х годов XX в.

Стоит отметить, что политическая деятельность туркестанской эмиграции за пределами СССР (и в ряде стран Европы) рассматривается в исторической науке достаточно давно, данные сюжеты интересовали как российских, так и турецких ученых.

Обращают на себя внимание исследования М. Озтюрка и А. Ахата Андиджана¹. Интересны публикации, изданные российскими специалистами (в сопровождении научно-исторического комментария), писем видных представителей среднеазиатской эмиграции, прежде всего М. Чокаева и А.-З. Валидова². Ряд работ посвящен изучению так называемого политического клуба «Прометей», фактически объединившего деятельность представителей антибольшевистского движения Закавказья, Туркестана, Северного Кавказа, Поволжья, Урала, а также Украины, Карелии и Коми. Деятельность «Прометей», как и материалы одноименного журнала³, изучалась в трудах С.М. Исакова, Т.М. Симоновой, Я.Я. Гришина, М.З. Галиуллина, Р.Р. Кадырова⁴, которые довольно детально освещают историю пребывания эмигрантских организаций Туркестана за рубежом, попытки их политической самоорганизации, детали и характер взаимоотношений их идейных лидеров. Однако взаимодельствие эмигрантов с государственными учреждениями Турции, политическим руководством Турецкой Республики и лично президентом Мустафой Кемалем (с 1934 г. М.К. Ататюрком), а также их попытки оказать влияние на внешнюю политику Турции изучены пока недостаточно.

Результаты Первой мировой войны в значительной степени приблизили Великобританию и Францию к реализации ими давних геополитических замыслов по достижению полной гегемонии в Европе и перекраиванию в их пользу политической карты Евразии. Однако известные политические потрясения в двух государствах, являвшихся одновременно и азиатскими, и европейскими, – России и Турции – привели к появлению совершенно новых образований – Советской России (несколько позже СССР) и Турецкой Республики. Оба государства возникли на месте бывших трансконтинентальных империй и создали определенные препятствия для стран Западной Европы, стремившихся в свою пользу изменить европейские и азиатские границы. Политический курс Советской России, провозгласившей построение социализма и социалистические перспективы для всего человечества в целом, являл серьезную угрозу для политической стабильности в странах Западной Европы. Республиканская Турция, родившаяся из обломков «больного человека Европы», т.е. Османской империи, и провозгласившая курс на форсированную модернизацию по европейскому образцу, хотя и ограничила свою территорию только Анатолией и небольшой частью Европы (область Фракия вместе с европейской частью Стамбула), представляла собой далеко не то, что хотели бы видеть в этой части материка западные державы. Правительство Мустафы Кемалея в Анкаре не только не признало новые мирные договоры, предусматривавшие фактическую ликвидацию турецкой государственности и лишение Турции выхода к морям, но (что было самым

---

¹ *Озтюрк М.* Советско-турецкие отношения на Кавказе в 1918–1923 гг.: дисс. ... канд. ист. Наук // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rs101004843158?page-6&rotate-0&theme-white> (дата обращения: 29.11.2021); *Andican Ahat A.* Türkiye ve Orta Asya. Osmanlı'dan Günümüze. İstanbul, 2009. Стоит отметить несколько спорный подход и методологию турецких исследователей, которые применяются ими в отношении проблем истории Средней Азии (Туркестана), рассматриваемых либо исключительно в контексте истории «Большого тюркского мира», либо в контексте проблем национальной турецкой истории.

² *Валидов А.-З., Чокаев М.* Из истории российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924–1932 гг.) М., 1999; *Валидов А.-З.* Из переписки разных лет (1920–1938 гг.) / сост., предисл., примеч. С.М. Исакова. М., 2016.

³ Журнал «Прометей» (Prométhée) начал издаваться в 1926 г. на французском языке в Париже, и там же возник одноименный политический клуб. Чуть позже в Варшаве учреждается «Лига угнетенных Россией народов» (общество «Прометей»).

⁴ *Симонова Т.М.* Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63; *Гришин Я.Я., Галиуллин М.З., Кадыров Р.Р.* Прометеизм как один из инструментов антисоветской борьбы II Речи Посполитой в 1918–1932 гг.: история и современность // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 1. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oboona/2021-1-26/article-0271/> (дата обращения: 25.11.2021).

неприятным для западноевропейских правительств) обратилось за помощью и поддержкой к другому «государству-изгою» – Советской России.

Первым иностранным государством, оказавшим помощь в национально-освободительной борьбе силам Мустафы Кемалья, была именно Советская Россия. В основе внешней политики новой Турции одним из важнейших принципов была поддержка и сотрудничество с теми странами, которые ведут национальную борьбу против колониализма и империализма. Напомним, что еще 26 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль-паша направил от имени турецкого парламента (Великого национального собрания Турции, ВНСТ) письмо главе советского правительства и председателю Совнаркома В.И. Ленину с предложением установить дипломатические отношения РСФСР и Турции и с просьбой оказать Турции, борющейся против «западных империалистов», военную и финансовую помощь. Положительный ответ советского правительства поступил чуть более месяца спустя, 2 июня 1920 г. Дипломатические и консульские отношения были установлены, и, кроме того, Советской Россией была оказана помощь Турции: 200 кг золота, 40 тыс. винтовок, а также некоторого количества пулеметов⁵. Таким образом, Московский и заключенный сторонами позднее Карсский договоры 1921 г. превратили Россию и Турцию в дружественные друг другу государства. Крайне важна статья 8 Московского договора между кемалистской Турцией и РСФСР. Она предписывала договаривающимся сторонам не оказывать никакой поддержки тем группам, которые, «пребывая на территории договаривающихся сторон, имеют целью ведение борьбы против одной из них»⁶.

Сближение РСФСР и Турции вызвало беспокойство западных стран, которые намеревались создать вокруг Советской России плотное кольцо дипломатической изоляции. При этом использовались внешнеполитические амбиции новых государств, возникших на карте Восточной Европы, либо изменивших границы по итогам Парижской мирной конференции 1919 г. Эти страны надеялись удовлетворить свои территориальные амбиции во многом за счет России, где шла Гражданская война. Достаточно вспомнить Финляндию, Польшу и Румынию и их попытки оккупировать территории на Востоке, некогда являвшиеся окраинами царской России⁷. Страны Антанты, прежде всего враждебно настроенные против советской власти Великобритания и Франция, поддерживали эти устремления новых, поспешно сконструированных на востоке Европы государств, получивших общее наименование «санитарный кордон»⁸, их создание должно было воспрепятствовать распространению «мирового революционного пожара» в центр и на запад Европы. Была попытка включить в их число и Турцию, где с начала 20-х годов XX в. установилось двоевластие – султанское правительство в Стамбуле и Великое национальное собрание Турции в Анкаре, состоявшее из сторонников Мустафы Кемалья, выступавших за провозглашение в Турции республики. Страны Антанты всемерно поддерживали и использовали все сохранявшиеся еще со времен Османской империи на территории внутренней Анатолии межнациональные противоречия и антитурецкие настроения среди арабов, курдов и армян, населявших центр, восток и юго-восток Анатолии.

⁵ Широкопад А.А. Русско-турецкие войны. Минск; М., 2000. С. 721.

⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 600.

⁷ Речь идет о карельских, прибалтийских, западнобелорусских и украинских территориях, а также о Бессарабии.

⁸ Оборот-метафору «санитарный кордон», как свидетельствует У. Черчилль, на Версальской мирной конференции впервые применил итальянский премьер-министр Витторио Орландо 21 января 1919 г.: «Обычно, чтобы остановить распространение эпидемии, устанавливают санитарный кордон. Если принять подобные же меры против распространения большевизма, он мог бы быть побежден, ибо изолировать его – значит победить». См.: Черчилль В. Мировой кризис / предисловие И. Минца. М.; Л., 1932. С. XVII. URL: <http://grachev62.narod.ru/churchill/preface.htm> (дата обращения: 08.05.2021).

Так, заключенный между рядом европейских стран и султанской Турцией в августе 1920 г. Севрский договор, утверждавший новые турецкие границы и непризнанный турецкими патриотическими силами во главе с Мустафой Кемалем, предписывал Турции отказаться от «всяких прав и правооснований»⁹ на территории, предусмотренные для спешно создаваемых Армении и Курдистана. К ним должны были отойти практически все восточные и юго-восточные турецкие вилайеты. В то же время дипломатия Антанты выискивала возможных сторонников включения Турции в «анти-советский фронт» не только среди представителей бывшего султанского правительства, но и среди республиканцев. Принималось в расчет, что определенная часть сторонников Мустафы Кемала была готова воспользоваться дезинтеграцией бывшей Российской империи и событиями на Кавказе ради возвращения некогда утраченных Турцией территорий, причем не только потерянных Османской империей в ходе Первой мировой войны, но и тех, которых Высокая Порта лишилась по итогам русско-турецких войн XIX в. В качестве примера можно вспомнить Бекир Сами-бея, выходца с Кавказа, занимавшего при анкарском правительстве пост министра иностранных дел. В конце февраля 1921 г. в Лондоне открылась конференция держав Антанты с участием делегации от Греции и Турции, причем последняя была представлена сразу двумя делегациями — от Стамбула и от Анкары. Бекир Сами-бей, представлявший ВНСТ, предлагал главе английского кабинета министров Ллойд Джорджу включить Турцию в антисоветскую коалицию и обещал при улучшении условий мира для Турции, что анкарское правительство будет добиваться помощи и поддержки контрреволюционных горцев Северного Кавказа в интересах совместной борьбы с «большевиизмом»¹⁰. Однако правительство в Анкаре параллельно вело переговоры с Москвой и предпочло дождаться их результатов, нежели ввязываться в кавказскую авантюру с далеко неясными результатами. Бекир Сами-бей по возвращении в Анкару, не получив поддержки своей инициативы, был вынужден уйти в отставку.

Однако кавказская тема далеко не случайно стала предметом дискуссий в этот период в политических кругах Анкары. Во-первых, важным фактором оставалось присутствие в Турции многочисленной и влиятельной кавказской диаспоры, потомков переселенцев 60-х годов XIX в. По некоторым данным, их число к 1880-м годам в Османской империи насчитывало около 2 млн человек. Значительная их часть лишилась в результате переселенческой политики царского правительства земель, которые они считали своими. Политическая ситуация в России изменилась, и предполагалось, что настал благоприятный момент для «возвращения» в состав Турции утраченных земель. Потомки кавказских переселенцев, именовавшиеся турками «черкесами», традиционно использовались султанским правительством в армии и пограничных войсках; это обстоятельство способствовало возможному участию бывших переселенцев в новых военных конфликтах, в том числе и за пределами Турции. Вместе с тем уже в начале 1920-х годов ряды турецкой кавказской диаспоры пополнились новыми эмигрантами с Северного Кавказа, которые либо активно участвовали в вооруженном сопротивлении советизации Кавказа, либо как противники советской идеологии не желали оставаться в пределах Советской России. Среди них были представители как нетюркских, так и тюркских народов Кавказа и Закавказья. В 1924 г. несколько северокавказских и азербайджанских политических деятелей учредили в Стамбуле так называемый «Комитет освобождения Кавказа», причем в учредительном протоколе организации значилось: «Согласно твердому убеждению подписавших данный документ, в будущем Турция неизбежно сыграет свою роль как

⁹ Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.; Л., 1948. С. 98.

¹⁰ Озтюрк М. Указ. соч. С. 18–20.

в деле освобождения кавказских народов, так и в деле укрепления их независимости»¹¹. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что поначалу правительство Турции в Анкаре поддерживало процесс советизации кавказского региона, усматривая в том неизбежное укрепление здесь позиций Советской России и, соответственно, ослабление западных держав. Однако, как замечает М. Озтюрк, «чем ближе граница советского контроля приближалась к Анатолии, тем больше беспокойства это вызывало в Меджлисе». Тревога в ВНСТ в Анкаре еще больше усилилась, когда в сентябре 1920 г. в Баку было провозглашено учреждение Коммунистической партии Турции и прошел слух, что в дальнейшем помощь национально-освободительному движению Турции со стороны Советской России «будет оказываться только через турецких коммунистов»¹². Представители антисоветской эмиграции с Кавказа всячески способствовали распространению подобных известий и настроений в Турции.

Однако в начале 20-х годов XX столетия помимо присутствия в Турции политической эмиграции с Северного Кавказа и Закавказья, вносившей свой колорит в разворачивавшуюся в Турции политическую борьбу, ряды эмигрантов из пределов Советской России/СССР стали пополняться и выходцами из Средней Азии (Туркестана). К этому времени значительная часть территории Средней Азии была охвачена сопротивлением установлению здесь советской власти. В советской литературе это движение сопротивления советизации принято было именовать басмачеством, тогда как в литературе, написанной представителями эмиграции за пределами СССР, его называли «народным движением сопротивления советскому империализму», который «пришел на смену империализму русскому»¹³. Одним из наиболее видных представителей среднеазиатской эмиграции был Усман-Ходжа Пулатходжаев (1878–1968), бывший руководитель ЦИК Коммунистической партии Бухарской народной советской республики, перешедший затем на сторону противников Советов и примкнувший к нелегальному «Туркестанскому национальному объединению» (ТНО); в дальнейшем он участвовал в вооруженной борьбе против Красной армии на территории Бухары. Пулатходжаев вместе с другими активистами ТНО был вынужден после окончательного поражения антисоветских выступлений в Бухаре бежать сначала в Афганистан, затем в 1923 г. он прибыл в Стамбул, где ТНО продолжала свою деятельность. Пулатходжаев принял также активное участие в становлении и работе еще одной эмигрантской организации – «Союз молодежи Туркестана»¹⁴, а также в издании печатного органа эмигрантов из Туркестана – «Новый Туркестан» (*Yeni Türkistan*). Однако официальные круги провозглашенной 29 октября 1923 г. и международно признанной Турецкой Республики очень сдержанно относились к присутствовавшим на ее территории эмигрантским организациям из пределов СССР и под разными предлогами препятствовали регулярному выходу их периодических изданий. Тому был весьма серьезный резон: в дополнение к уже существовавшему договору о дружбе между Советской Россией и Турцией, подписанному еще в 1921 г., в конце 1925 г. от лица своих правительств министр иностранных дел Турецкой Республики Тевфик Рюшту-бей и народный комиссар иностранных дел СССР Г.В. Чичерин

¹¹ *Hızal A.H.* Kuzey Kafkasya Hürriyet ve İstiklal davası. Ankara, 1961. S. 94–96.

¹² *Озтюрк М.* Указ. соч. С. 21.

¹³ *Hayit B.* Berichte und Forschungen über Turkestan. Dreisam; Köln, 1997. S. 12.

¹⁴ В литературе, периодике и публицистике, издававшейся эмигрантами, вместо нынешнего понятия Средняя Азия, которое стало употребительным позднее в СССР, использовался термин Туркестан; эмигрировавшие выходцы из Средней Азии, а также их потомки продолжали придерживаться его вплоть до самого последнего времени, апеллируя к существованию здесь единой «тюркской» нации, которая якобы была искусственно разделена большевиками на национальные республики, вошедшие в состав СССР. См.: *Hayit B.* *Op. cit.* S. 324.

подписали в Париже новый договор о дружбе и нейтралитете. Турецкое правительство, не желая осложнений в отношениях с СССР, вводило разного рода ограничения на деятельность всех эмигрантских обществ и организаций на своей территории, враждебных советскому государству. В соответствии с одобренным ВНСТ «Законом о печатных изданиях» от мая 1931 г., по решению турецкого правительства в сентябре этого же года, были закрыты все печатные органы среднеазиатских эмигрантов, в том числе и журнал «Новый Туркестан».

Не добившись, таким образом, помощи от Турции, туркестанская эмиграция обратила внимание на государства Восточной Европы и обрела в итоге здесь заметно большую поддержку как моральную, так и материальную, в сравнении с той, которую она встретила в этнически и конфессионально более близкой для себя Турции. Этому способствовало несколько обстоятельств. Политическая элита целого ряда восточно-европейских государств имела определенные политические амбиции, которые во многом были связаны с притязаниями на «великодержавие» и, соответственно, территориальные претензии к СССР. И потому правительства государств Восточной Европы симпатизировали различным группам и организациям, покинувшим Советскую Россию еще в ходе Гражданской войны и оппозиционно настроенным не только в отношении советской власти как таковой, но и в отношении новых принципов государственного строительства, свойственных СССР. Заметную роль в поддержке антисоветской эмиграции на своей территории сыграли Польша и Чехословакия – государства, которые возникли на карте Европы в границах, определенных Парижской мирной конференцией и Версальской системой.

Официальные власти Анкары, прекрасным образом осведомленные о деятельности групп антисоветской эмиграции как в своей стране, так и в Восточной Европе, держались на почтительном расстоянии от всех устремлений, декларируемых организациями, ставившим целью борьбу против «красного империализма». Как это ни парадоксально, но политические интересы туркестанской эмиграции обнаружили больше схожести с целями и установками новой восточно-европейской, а не турецкой политической элиты. Для руководства Анкары не имело принципиального значения, что многие участники данных организаций, как туркестанских, так и северокавказских, имеют тюркское происхождение. Турецкий исследователь В. Айхан так объясняет этот феномен: «Турция, принимая во внимание сложившийся баланс сил на мировой арене после завершения Первой мировой войны, строила дружественные отношения с СССР; но при этом не должна была забывать о той силе и том влиянии, которые всегда имели на ситуацию на Ближнем Востоке Англия и Франция и, соответственно, должна была прикладывать усилия к сохранению хороших отношений и с последними. Несомненно, если бы Турция тогда пыталась проявлять больше активности в своей восточной политике, *задевая при этом интересы трех вышеупомянутых держав* (выделено мною. – А.П.), она бы столкнулась с очень серьезными проблемами»¹⁵. Очевидно, насколько сильно могла бы активная поддержка Турцией эмиграции из бывших южных и восточных национальных окраин России «задеть» интересы СССР. Еще более категорично в отношении своей политики к бывшим национальным окраинам России высказался Мустафа Кемаль, тогда еще будущий первый президент Турецкой Республики: «Конечные цели политики обеих наших стран здесь должны быть общими как в настоящее время, так и позднее». Эти слова были сказаны еще 14 августа 1920 г. на заседании Великого национального собрания Турции по поводу завершения советизации Азербайджана и Нахичеванской области,

¹⁵ *Ayhan V. Eksen Kayması mı? Sistemik etkiler mi?: Türkiye-Ortadoğu İlişkilerine teorik bir bakış // Ortadoğu Analiz. Aylık uluslararası ilişkiler dergisi. Temmuz-Ağustos'10. Cilt 2. Sayı 19–20. URL: <https://docplayer.biz.tr/39284858-Eksen-kaymasi-mi-sistemik-etkiler-mi-turkiye-ortadogu-iliskilerine-teorik-bir-bakis.html> (дата обращения: 25.11.2021).*

занятых Красной армией¹⁶; однако они, на наш взгляд, отразили программный подход Кемаля и его соратников к отношениям с Советской Россией как в частных, так и в общих вопросах мировой политики. Турецкое руководство не желало осложнения отношений со своим северным соседом во имя весьма туманных перспектив и целей, которые ставила себе эмиграция из СССР. По крайней мере, итоги завершающей фазы Гражданской войны в Советской России убедительно показали, что партия большевиков и советское правительство выдвинуло на тот момент и в тех конкретных условиях самую работоспособную программу решения в России национального вопроса. Это было столь же очевидным и для официальной Анкары.

Резюмируя анализ внешней политики Турции, в меньшей степени, чем Восточная Европа, использовавшей фактор антибольшевистских движений и организации эмигрантов Туркестана, необходимо также подчеркнуть, что на данное обстоятельство повлияла научная и общественно-политическая деятельность в Турции Ахмета-Заки Валидова (в эмиграции Зеки Велиди Тоган)¹⁷, одного из лидеров туркестанской эмиграции и ТНО. За рубежом он стремился взять на себя роль лидера не просто туркестанского, но и в целом тюрко-мусульманского антибольшевистского движения и не раз сетовал на весьма ограниченный характер поддержки эмиграции из Средней Азии со стороны Анкары. Как следует из воспоминаний («Мемуаров»)¹⁸ Валидова, он продемонстрировал значительные расхождения во взглядах на проблемы общетюркской истории с точкой зрения самого президента Атаюрка, идеи которого были положены исторической наукой Турецкой Республики в основу подходов к проблемам истории и этногенезу турецкого народа. К тому же, еще будучи руководителем кафедры истории Стамбульского университета, Валидов испортил отношения с Мустафой Кемалем в 1932 г., подвергнув критике некоторые положения подготовленной по инициативе президента Турецкой Республики книги по общетюркской истории «Очерки турецкой истории» (*Türk Tarihi Anahatları*)¹⁹.

В настоящее время уже трудно сказать, удалось ли бы осуществить, воспользовавшись сложной обстановкой 20-х годов XX столетия, воссоздание на окраинах территории СССР ряда независимых государств, будь то Северный Кавказ или Средняя Азия (и именуйся они ханствами, республиками или конфедерациями), если бы представители эмиграции действительно смогли бы добиться весомой вооруженной поддержки тех государств, где они оказались в эмиграции, либо поддержки

¹⁶ Цит. По: *Doğan A. Milli Kurtuluş Tarihi. İstanbul, 1978. S. 457.*

¹⁷ *Валидов Ахмет-Заки (1890–1970)* – востоковед, участник революции 1917 г. в России, Гражданской войны, участвовавший в установлении советской власти в Башкирии и руководивший Башревкомом, после разрыва с Советским правительством оказался на территории Туркестана, где в 1921–1922 гг. принимал активное участие в организации и деятельности ТНО и басмаческом движении. После ряда тяжелых поражений был вынужден эмигрировать сначала в Афганистан, затем в Западную Европу; в 1925 г. переехал в Турцию. Неоднократно переиздавал на турецком языке мемуары, в том числе о своей борьбе с большевизмом в Туркестане как политической, так и военной. Следует отметить, что издание мемуаров А.-З. Валидова осуществлял не при поддержке государственных органов Турецкой Республики и официальной Анкары, а при финансовом участии польского правительства, о чем он позднее сообщил в «благодарственном письме» полковнику Т. Шетцелю, начальнику так называемого «Восточного отдела» МИД Польши. См.: *Валидов А.-З., Чокаев М.* Указ. соч. С. 81.

¹⁸ Первое издание «Мемуаров» З.-В. Тогана (Валидова) вышло в свет в 1929 г. в Каире, затем неоднократно переиздавалось в Турции, после распада Советского Союза и в России на русском языке: *Валиди (Валидов) А.-З.* Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994; Кн. 2. Уфа, 1998.

¹⁹ Данная критика и разногласия в подходах к проблемам истории турецкого народа и «тюркской нации» нашли отражение и в «Мемуарах» Валидова, и в письме, написанном в марте 1933 г. лично М.К. Атаюрку (см.: *Валидов А.З.* Из переписки разных лет. С. 50–56).

Валидова обвинили в некомпетентности, он был отстранен от преподавания истории в Стамбульском университете. Все это вынудило его к «повторной» эмиграции из Турции в Западную Европу.

в организации интервенции. Как бы то ни было, очевидно одно: и в 1920-е годы и после 1931 г. с разгромом последних вспышек среднеазиатского басмачества на территории Восточной Бухары (современный Таджикистан) для антибольшевистской эмиграции значительно сузились возможности использования фактора антигосударственных выступлений на территории национальных окраин СССР. Деятельность представителей среднеазиатской эмиграции, оставшихся в Турции, продолжала находиться в тесной зависимости от внешнеполитического курса иностранных государств. Турецкие власти сильно ограничивали поддержку политикам-эмигрантам Туркестана, «осторожность» в отношении СССР продолжала оказывать решающее влияние на политику Турции и в первые годы Второй мировой войны. Турция выстраивала внешнюю политику, балансируя между Германией и ее сателлитами, с одной стороны, и формировавшейся антигитлеровской коалицией – с другой²⁰.

Отвечая на вопрос, имела ли перспективы вся подобная антисоветская деятельность туркестанской эмиграции, как и ее попытки реализовать свои цели посредством влияния на внешнюю политику иностранных государств пребывания (в нашем случае Турции), уместно будет обратить внимание на одно немаловажное для недавней истории народов Средней Азии обстоятельство. Еще когда народы туркестанского региона решали вопрос о присоединении к Российской империи, нередко оказывалось так, что конкретные действия вождей тех или иных племен, ханов, что вели переговоры с представителями русского царя о вхождении в состав России, действительно совпадали с волей народов, от имени которых они выступали. Но отражали эти действия интересы прежде всего политической элиты, не всегда созвучные чаяниям находящихся у нее в подчинении народов, народностей или племен. И на Северном Кавказе с его еще очень зыбкими политическими традициями, и в Средней Азии, где политогенез имел более длительную историю, тем не менее испокон веков существовала проблема политического единства внутри конкретной народности, равно как «цельности и управляемости социума»²¹. Это наследие прошлого в значительной степени сохранялось и на рубеже 20–30-х годов XX столетия, когда на месте бывшей «тюрьмы народов» сформировалось совершенно другое государство с иными политическими устоями и идеологической основой. Таким образом, очевидно, что «политическое единство» народов «независимого Туркестана» (точно так же, как и горцев Северного Кавказа) было не более, чем политическим лозунгом, существовавшим в умах амбициозных лидеров, однако для реализации подобного лозунга также отсутствовали объективные предпосылки. Перспективы создания здесь каких-либо прочных объединений, о которых мечтала антисоветская эмиграция, при использовании только лишь политической, моральной, финансовой поддержки государств и правительств в разной степени враждебных СССР, вряд ли имелись. Такие объединения могли возникнуть исключительно при прямой военной поддержке из-за рубежа в лице сил, прямо заинтересованных в ослаблении влияния СССР; однако они целиком и полностью зависели бы от своих иностранных покровителей и имели весьма призрачные перспективы не только для политической, но и вообще для какой-либо возможной формы независимого существования.

---

²⁰ Известно, что Турция после смерти М.К. Ататюрка, находясь под большим влиянием Германии, стала проявлять большую активность в противостоянии СССР, и даже готовилась принять участие в войне на стороне Германии на Восточном фронте на территории Закавказья, проведя в 1942 г. частичную мобилизацию вооруженных сил, однако, когда стал ясен исход Сталинградского сражения в январе–феврале 1943 г., отказалась от планов участия в войне против СССР.

²¹ Дегоев В. К северу от Кавказского хребта: страсти вокруг «великих историй» // URL: <http://bs-kavkaz.org/2011/10/k-severu-ot-kavkazskogo-hrebta-strasti-vokrug-velikih-istorij/> (дата обращения: 29.11.2021).

Библиография

- Валидов А.-З., Чокаев М. Из истории российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924–1932 гг.). М., 1999.
- Валидов А.З. Из переписки разных лет / сост., предисл., примеч. С.М. Исхакова. М., 2016.
- Гришин Я.Я., Галиуллин М.З., Кадыров Р.Р. Прометеизм как один из инструментов антисоветской борьбы II Речи Посполитой в 1918–1932 гг.: история и современность // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 1. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obschestvo-oborona/2021-1-26/article-0271/> (дата обращения: 25.11.2021).
- Дегоев В. К северу от Кавказского хребта: страсти вокруг «великих историй» // URL: <http://bs-kavkaz.org/2011/10/k-severu-ot-kavkazskogo-hrebta-strasti-vokrug-velikih-istorij/> (дата обращения: 24.11.2021).
- Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.; Л., 1948.
- Озтюрк М. Советско-турецкие отношения на Кавказе в 1918–1923 гг.: дисс. ... канд. ист. наук // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01004843158?page-6&rotate-0&theme-white> (дата обращения: 29.11.2021).
- Симонова Т.М. Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63.
- Черчилль В. Мировой кризис / предисл. И. Минца. М.; Л., 1932.
- Широкорад А.А. Русско-турецкие войны. Минск; М., 2000.
- Andıcan Ahat A. Türkiye ve Orta Asya. Osmanlı'dan Günümüze. İstanbul, 2009.
- Ayhan V. Eksen Kayması mı? Sistemik etkiler mi?: Türkiye-Ortadoğu İlişkilerine teorik bir bakış // Ortadoğu Analiz. Aylık uluslararası ilişkiler dergisi. Temmuz-Ağustos'10. Cilt 2. Sayı 19–20. URL: <https://docplayer.biz.tr/39284858-Eksen-kaymasi-mi-sistemik-etkiler-mi-turkiye-ortadogu-iliskilerine-teorik-bir-bakis.html> (дата обращения: 25.11.2021).
- Doğan A. Milli Kurtuluş Tarihi. İstanbul, 1978.
- Hayit B. Berichte und Forschungen über Turkestan. Dreisam; Köln, 1997.
- Hızal A.H. Kuzey Kafkasya Hürriyet ve İstiklal davası. Ankara, 1961.
- Turan M.A. «Promethe Hareketi»nde Kuzey Kafkasya mültecileri: Kafkasya Dağlıları Halk Partisi (1926–1940) // URL: https://docplayer.biz.tr/31463635-M-aydin-turan-promethe-hareketi-nde-kuzey-kafkasya-multecileri-kafkasya-daglilari-halk-partisi.html#show_full_text (дата обращения: 29.11.2021).

References

- Cherchill W. Mirovoi krizis / predisloviie I. Mints [World crisis / with a foreword by I. Mints]. Moskva; Leningrad, 1932. (In Russ.)
- Degoev V. K severu ot Kavkazskogo khrebta: strasti vokrug “velikih istorii” [North of the Caucasian Ridge: passions around “great stories”] // URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/1461415.html> (access date: 29.11.2021). (In Russ.)
- Grishin Y.Y., Galiullin M.Z., Kadırov R.R. Prometeizm kak odin iz instrumentov antisovetskoi bor’bi II Rechi Pospolitoi [Prometheism as one of the instruments of the anti-Soviet struggle of the Second Polish-Lithuanian Commonwealth state in 1918–1932: history and modernity] // Nauka. Obschestvo. Oborona [Science. Society. Defense]. 2021. T. 9. № 1. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obschestvo-oborona/2021-1-26/article-0271/> (access date: 24.11.2021). (In Russ.)
- Miller A.F. Ocherki noveishei istorii Turtsii [Essays on the recent history of Turkey]. Moskva; Leningrad, 1948. (In Russ.)
- Ozturk M. Sovetsko-turetskie otnosheniia na Kavkaze v 1918–1923 gg.: avtoreferat diss. ... kand. ist. nauk [Soviet-Turkish relations in the Caucasus in 1918–1923: dissertation abstract] // Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka [The Russian State Library]. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01004843158?page-6&rotate-0&theme-white> (access date: 29.11.2021). (In Russ.)
- Shirokorad A.A. Russko-turetskie voini [Russian-Turkish wars]. Minsk; M., 2000. (In Russ.)
- Simonova T.M. Prometeizm vo vneshnei politike Polshi. 1919–1924 gg. [Prometheism in Poland's foreign policy. 1919–1924] // Novaja i novejsaja istorija [The Modern and Contemporary History]. 2002. № 4. S. 47–63. (In Russ.)
- Validov A.-Z. Iz perepis’ki raznikh let (1920–1938 gg.) / sost., predisl., primech. S.M. Iskhakova [From the correspondence of different years (1920–1938) / comp., preface, note by S.M. Iskhakov]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Validov A.-Z., Chokaev M. Iz istorii rossiiskoi emigratsii: Pis'ma A.Z. Validovai M. Chokaeva (1924–1932 gg.) [From the history of Russian emigration: Letters of A.-Z. Validov and M. Chokaev (1924–1932)]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Andican Ahat A. Türkiye ve Orta Asya. Osmanlı'dan Günümüze. İstanbul, 2009.

Ayhan V. Eksen Kayması mı? Sistemik etkiler mi?: Türkiye-Ortadoğu İlişkilerine teorik bir bakış // Ortadoğu Analiz. Aylık uluslararası ilişkiler dergisi. Temmuz-Ağustos'10. Cilt 2. Sayı 19–20. URL: <https://docplayer.biz.tr/39284858-Eksen-kaymasi-mi-sistemik-etkiler-mi-turkiye-ortadoğu-iliskilerine-teorik-bir-bakis.html> (access date: 25.11.2021).

Doğan A. Milli Kurtuluş Tarihi. İstanbul, 1978.

Hayit B. Berichte und Forschungen über Turkestan. Dreisam\$ Köln, 1997.

Hızal A.H. Kuzey Kafkasya Hürriyet ve İstiklal davası. Ankara, 1961.

Turan M.A. «Promethe Hareketi»'nde Kuzey Kafkasya mültecileri: Kafkasya Dağlıları Halk Partisi (1926–1940) // URL: https://docplayer.biz.tr/31463635-M-aydin-turan-promethe-hareketi-nde-kuzey-kafkasya-multecileri-kafkasya-daglilari-halk-partisi.html#show_full_text (access date: 29.11.2021).

DOI: 10.31857/S013038640014886-2

© 2022 г. Ю.И. НАДТОЧЕЙ, Д.Н. ХРИСТЕНКО

ВОЗДЕЙСТВИЕ ВОЙН В КОРЕЕ И ВЬЕТНАМЕ НА ВНЕШНИЙ И ВНУТРЕННИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС США

Надточей Юрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений МИД России (Москва, Россия).

E-mail: ynadtochey@yandex.ru

Scopus Author ID: 57208789803; *ORCID:* 0000-0001-8725-6495

Христенко Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Ярославского государственного медицинского университета (Ярославль, Россия).

E-mail: khristenko1983@mail.ru

Scopus Author ID: 57221557014; *ORCID:* 0000-0002-6221-8991

Аннотация. В статье сравниваются два наиболее крупных военных конфликта периода холодной войны, войны в Корее и Вьетнаме, с точки зрения их влияния на внутреннюю и внешнюю политику США. Анализ проводится по восьми ключевым параметрам (цели войны, смена внешнеполитических концепций, экономические последствия войны, позиция общественного мнения и др.). Основной акцент в исследовании сделан не на традиционном для многочисленных работ анализе влияния Америки на Корею и Вьетнам, а на обратном, реверсном воздействии военных конфликтов в периферийных областях мировой системы, вызванных соперничеством двух сверхдержав (СССР и США), на ситуацию внутри Соединенных Штатов. Особое внимание уделяется тому, как изменялось под влиянием этих конфликтов поведение американского руководства на мировой арене. В качестве источников для исследования привлечены рассекреченные документы Белого дома и Пентагона, мемуары американских президентов, материалы опросов общественного мнения, обширная исследовательская литература. В заключении делается вывод, что, хотя Вьетнамская война оказала значительное воздействие на общественное сознание американцев, в целом данный военный конфликт носил преимущественно локальный характер и не смог помешать политике разрядки в международных отношениях. Война на Корейском полуострове, наоборот, став одной из самых «горячих» точек холодной войны и оказав серьезное влияние на общественно-политическую жизнь страны, фактически оказалась «забытым» событием в американской истории.

Ключевые слова: военные конфликты, Корейская война, США, Вьетнамская война, холодная война, внешняя политика, внутренняя политика, международные отношения.

Y.I. Nadtochey, D.N. Khristenko

The Impact of the Korean and Vietnam Wars on US Foreign and Domestic Polity

Yuriy Nadtochey, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Moscow, Russia).

E-mail: ynadtochey@yandex.ru

Scopus Author ID: 57208789803; *ORCID:* 0000-0001-8725-6495

Dmitrii Khristenko, Yaroslavl State Medical University (Yaroslavl, Russia).

E-mail: khristenko1983@mail.ru

Scopus Author ID: 57221557014; ORCID: 0000-0002-6221-8991

Abstract. The article compares the two most significant military conflicts of the Cold War era, the Korean War and the Vietnam War, in terms of their impact on US domestic and foreign policy. To this end, they are analysed on eight key parameters (objectives of the war, changes in foreign policy concepts, economic consequences of the war, public opinion, etc.). Unlike numerous studies on the impact of the US on Asian regions and nations, the main thrust of this study is to focus on the reverse impact of the Korean and Vietnam Wars, namely on the ways these conflicts affected the domestic affairs of the US and altered its foreign policy behaviour.

The empirical base for the study encompasses declassified White House and Pentagon papers, memoirs of American presidents, public opinion polls, as well as extensive research literature. The authors conclude that, although the war on the Korean Peninsula was one of the hottest points of the Cold War and had a serious impact on the social and political life of the country, it has in fact turned out to be a “forgotten” event in American history. By contrast, the Vietnam War, although it had a significant impact on the public consciousness of Americans, was on the whole largely a local conflict, failed to substantially change the international situation, and could not impede the policy of détente in international relations, which was essential for both the USA and the USSR.

Keywords: military conflict, Korean war, USA, Vietnam war, Cold War.

Значительная часть второй половины XX в. прошла в условиях холодной войны, когда глобальная конкуренция СССР и США оборачивалась возникновением «горячих точек» на карте мира. Чаще всего свои геополитические задачи в локальных конфликтах сверхдержавы решали руками своих союзников и сателлитов. Это породило феномен так называемых «прокси-войн»¹. Однако нередко в подобные войны сверхдержавам приходилось в той или иной степени вмешиваться уже непосредственно, что отчетливо прослеживается на примерах локальных конфликтов времен биполярности — от Карибского кризиса до войны в Афганистане. Прямое втягивание сверхдержав в локальное противостояние порой требовало от их политического руководства предельной концентрации военных, дипломатических и экономических усилий, без которых достижение победы было немислимо. И чем более затяжным оказывался тот или иной конфликт, тем более заметное воздействие он оказывал на государство и общество, тем сильнее трансформировалось под влиянием данных конфликтов поведение Вашингтона и Москвы на мировой арене. Применительно к США, например, эта тенденция достаточно обстоятельно исследована зарубежными специалистами на примерах войн в Корее и во Вьетнаме, где Соединенные Штаты выбрали стратегию прямого военного вовлечения, не особенно полагаясь на союзников из Европы и Азии². При этом сравнительный анализ корейского и вьетнамского конфликтов показал, насколько различными были результаты непосредственного участия США в этих «малых войнах» XX в.

Для большего понимания особенностей такого участия имеет смысл обратиться к понятийному аппарату научной школы неоклассического реализма в теории международных отношений, задействовав ее исследовательский инструментарий. Заслугой представителей этой школы (Г. Роуза, С. Лобелла, Р. Швеллера) является более детальная проработка рефлексии государства по поводу внешних изменений, происходящих в международной системе. В частности, заслуживает внимания введенная ими в научный

¹ Avery E.H. *Superpower Rivalries and Proxy Warfare*. New York, 2018.

² См.: Gurtov M. From Korea to Vietnam: The Origins and Mindset of Postwar U.S. Interventionism // *The Asia-Pacific Journal*. 2010. Vol. 8. № 42. P. 1–15; Suk Ch., Morrison J. A Comparative Study of the Korean War and the Vietnam War // *Korea Observer*. 1985. Vol. 16. № 3. P. 260–279; Park C.J. *American Foreign Policy in Korea and Vietnam: Comparative Case Studies* // *The Review of Politics*. 1975. Vol. 37. P. 20–47.

оборот категория «вмешивающейся переменной», которая позволяет принять в расчет внутривнутриполитическую специфику государства (идеология, особенности политического режима, общественные настроения), оценив тем самым характер его внешнеполитических решений. Наряду с двумя другими важнейшими научными категориями — независимой переменной (т.е. влияния на государство «входящих» импульсов из международной системы) и зависимой переменной («исходящих» от государства импульсов или попросту его внешней политики), принятие в расчет «вмешивающейся переменной»³ позволяет глубже анализировать взаимовлияние внутренних и внешних факторов, определяющих поведение того или иного государства, особенно великой державы. Новизна исследования, таким образом, заключается в возможности выявления при помощи избранной методологии новых граней воздействия локальных конфликтов в Корее и Вьетнаме на внутривнутриполитическую динамику в США и перемены во внешнеполитических стратегиях Вашингтона.

В целях конкретизации и практического применения этих категорий, с нашей точки зрения, представляется важным выделить несколько важнейших параметров, учет которых позволит создать аналитическую схему, объясняющую сходства и различия в логике поведения американского руководства в ходе войн в Корее и Вьетнаме. С опорой на сравнительно-исторический метод эти параметры могут быть представлены в виде последовательной цепочки: 1) цели войны; 2) ее концептуальное обоснование; 3) опора на союзников; 4) перераспределение сил в условиях биполярности; 5) экономический эффект войны; 6) общественные настроения; 7) электоральный фактор; 8) смена внешнеполитических концепций.

Ценность предложенной методологии для целей исторического исследования может быть увеличена благодаря опоре на соответствующую эмпирическую базу, в первую очередь архивные материалы по внешней политике США исследуемого периода.

ЦЕЛИ ВОЙНЫ

Сравнительный анализ военно-политических стратегий США в отношении Кореи и Вьетнама позволяет выявить схожесть целевых установок, которыми американские верхи руководствовались и в том и в другом случае. Во многом это обуславливалось самой спецификой обоих конфликтов с преобладанием в них ряда общих, но в то же время и особенных характеристик. Вьетнам и Корея в первой половине XX в. являлись колониями (первый — Франции, вторая — Японии), обретшими по итогам Второй мировой войны независимость от своих метрополий. В то же время обе страны в силу различных причин оставались разделенными нациями. Как Корея, так и Вьетнам были разделены на южную и северную части. Это ознаменовало складывание внутри прежде единых общностей различных общественно-политических систем (Северная и Южная Корея, Северный и Южный Вьетнам). Причем северные части этих стран поддерживал СССР, а южные — США. В условиях холодной войны понятная местному населению задача восстановления единства государства в его прежних национальных границах решалась руководством Пхеньяна и Ханоя силовым путем под флагом борьбы против западных империалистов.

В свою очередь американские лидеры, руководствуясь так называемой «теорией домино», восприняли эти два азиатских конфликта не как локальные проблемы, а как звенья одной цепи в глобальной стратегии распространения коммунизма. В случае с Кореей об этом, в частности, свидетельствовал меморандум «Ключевые моменты, требующие президентского решения»⁴ от 25 июня 1950 г., а в случае с Вьетнамом — меморандум

³ Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy / eds S.E. Lobell, N.M. Ripsman, J.W. Taliaferro. Cambridge, 2009. P. 213.

⁴ Notes and Recommendations, June 25, 1950. Points Requiring Presidential Decision // URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/notes-and-recommendations?documentid=NA&pagenumber=5> (дата обращения: 07.04.2021).

№ 288 от 17 марта 1964 г., в котором были одобрены выводы доклада министра обороны США Р. Макнамары по итогам его визита в Южный Вьетнам⁵.

И в том и в другом случае лица, принимавшие решения в Вашингтоне, полагали, что поражение США в этих, казалось бы, локальных войнах могло иметь глобальные последствия, так как изменяло бы баланс сил во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе не в пользу США. Сначала в Корее, а затем, спустя более чем десятилетие, уже и во Вьетнаме Вашингтон выделял две главные цели в вооруженном конфликте — политическую и экономическую. Причем обе заключались в недопущении советского контроля над стратегическими коммуникациями в Юго-Восточной Азии⁶.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВОЙНЫ

Немаловажную роль в развитии конфликтов в Корее и Вьетнаме сыграл избранный руководством США военно-силовой инструментарий, основанный на так называемой теории «ограниченной войны», получившей концептуальное развитие в трудах Р. Осгуда и Т. Шеллинга в 1950-х годах⁷. Согласно этой теории, которую взяли на вооружение в Белом доме, военная сила рассматривалась скорее как политико-дипломатический инструмент давления на противника, а не как средство достижения полной победы над ним за счет превосходства в численности войск и материально-техническом обеспечении. Выбор в пользу такой стратегии обуславливался желанием американских политиков и военных избежать атомной войны ввиду ее высочайших издержек в первую очередь для самих США⁸. Вместо этого предлагалось применять силу постепенно, «двигаясь вдоль последовательного спектра — от дипломатии и предвоенной эскалации до открытого вооруженного столкновения, — чтобы оказать желаемое воздействие на волю противника»⁹. Таким образом, военное противостояние предполагалось ограничить теми пределами, где его можно было бы оправдать политическими соображениями.

Как ни парадоксально, но одним из наиболее ярких сторонников этой доктрины стал Г. Киссинджер, впоследствии поставивший подпись под Парижским соглашением о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме в марте 1973 г. Однако задолго до этого момента, еще в 1950-е годы будущий госсекретарь США, находясь тогда всего лишь в статусе ученого-исследователя, считал необходимым «разработать концепцию осуществляемых поэтапно военных операций, которая позволит оценивать вероятный риск и возможности урегулирования конфликта на каждой его стадии». По его оценкам, это было необходимо, чтобы избежать ситуации, при которой противники должны будут или пойти на дэскалацию конфликта, или «на какой-то стадии один из ее участников предпочтет не задействовать дополнительные ресурсы, а понести частичное поражение»¹⁰. В дальнейшем фундаментальную проработку подобной концепции «вертикальной эскалации» осуществил Г. Кан, представив ее в виде своеобразной лестницы. Каждая из ее ступеней означала новый уровень эскалации конфликта от локального до стратегического и насчитывала 44 различные стадии¹¹.

⁵ U.S. Programs in South Vietnam, Nov. 1963 — Apr. 1965; NSAM 273 — NSAM 288 — HONOLULU // URL: <https://nara-media-001.s3.amazonaws.com/arcmedia/research/pentagon-papers/Pentagon-Papers-Part-IV-C-1.pdf> (дата обращения: 10.04.2021).

⁶ Никсон Р. На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М., 1992. С. 395.

⁷ См.: Osgood R. Limited War: The Challenge to American Strategy. Chicago, 1957; Schelling T. Bargaining, Communication, and Limited War // Journal of Conflict Resolution. 1957. Vol. 1. № 1. P. 19–36.

⁸ Address of Senator John F. Kennedy, “An Investment for Peace”, Senate Floor, 29 February 1960. Papers of John F. Kennedy. Pre-Presidential Papers. Senate Files. Speeches and the Press. Speech Files, 1953–1960 // URL: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKSEN/0906/JFKSEN-0906-035> (дата обращения: 12.04.2021).

⁹ Davidson Ph. Vietnam at War: the history 1946–1975. Novato, 1988. P. 338.

¹⁰ Kissinger H. Nuclear weapons and foreign policy. New York, 1957. P. 225–226.

¹¹ Kahn H. On Escalation: Metaphors and Scenarios. New York, 1969. P. 39.

Практическое применение данной теоретической установки дало различные результаты. Если в Корее теория «ограниченной войны» привела к победе в том смысле, что Южная Корея сохранила свою независимость, то во Вьетнаме усилия Америки закончились крахом. Причины его были достаточно быстро осознаны военным ведомством США, сотрудники которого во внутренних документах резко раскритиковали теорию «ограниченной войны». Как отмечали авторы секретных «документов Пентагона», основная проблема состояла в том, что политические цели США были сформулированы максимально широко, в то время как применявшиеся средства сознательно ограничивались и целенаправленно задействовались косвенным образом. В результате США воздержались от использования всей своей военной мощи или хотя бы значительной ее части для достижения победы¹².

В ходе войны на Корейском полуострове американское руководство демонстрировало большую решимость и готовность «поднимать ставки» сравнительно с конфликтом в Юго-Восточной Азии, что наглядно подтверждалось, в частности, плохо скрываемыми намерениями президента Г. Трумэна применить ядерное оружие¹³. Во время Вьетнамской войны такие намерения были менее выраженными. Рассекреченные в 2015 г. документы позволили исследователям подтвердить ранее выдвигавшиеся предположения, что во время осады северовьетнамскими войсками укрепленного пункта Кхешань, где было блокировано более 6 тыс. солдат США, Пентагон допускал возможность применения оружия массового уничтожения¹⁴. Однако утечки в прессу и резкое противодействие либерального крыла в администрации Л. Джонсона привели к тому, что эти планы были достаточно быстро отвергнуты¹⁵. Таким образом, хотя гипотетическая угроза применения ядерного оружия во Вьетнаме и возникла, опасного развития эта идея не получила. Потерпела фиаско и попытка президента США Р. Никсона использовать ядерный шантаж против поддерживавшего северовьетнамских коммунистов руководства СССР. Попытка применения на практике так называемой «теории безумца» (*madman theory*), подразумевавшей готовность американцев «идти до конца» по пути к победе, не возымела должного эффекта. Как свидетельствуют документы и базируемые на них исследования Дж. Кимбелла и Д. Шмитца, демонстративные полеты американской стратегической авиации с ядерным оружием на борту у советских границ в октябре 1969 г. не дали Белому дому необходимых преимуществ, заставив его в конечном счете искать компромиссы с Москвой и Пекином¹⁶.

На внутреннем фронте президентские администрации также вели затяжные споры с оппонентами — высокопоставленными военными, не принимавшими логику Белого дома в ходе Корейской и Вьетнамской войн. Г. Трумэну (в Корее) и Л. Джонсону (во Вьетнаме) пришлось вступить в серьезный конфликт с командующими Д. Макартуром и У. Уэстморлендом соответственно, чтобы удержать вооруженное противостояние в рамках концепции «ограниченной войны». Боевые действия во Вьетнаме даже

---

¹² U.S. Programs in South Vietnam, Nov. 1963 – Apr. 1965; NSAM 273 – NSAM 288 – HONOLULU // URL: <https://nara-media-001.s3.amazonaws.com/arcmedia/research/pentagon-papers/Pentagon-Papers-Part-IV-C-1.pdf> (дата обращения: 18.04.2021).

¹³ The President's News Conference of November 30, 1950 // Public Papers of the Presidents: Harry S. Truman, 1950. Washington, 1965. P. 727.

¹⁴ *Beschloss M.* Presidents of War. The Epic Story, from 1807 to Modern Times. New York, 2018. P. 555.

¹⁵ Senior Foreign Affairs Advisors – Rusk, McNamara, Clifford, Rostow, etc., “Papers of Tom Johnson, Folder”, February 10, 1968 – 3:17 p.m. // LBJ Presidential Library. Box 2. Приводится по: URL: <https://www.discoverlbi.org/item/pp-johnsontom-mtgnotes-b02-f25> (дата обращения: 23.04.2021).

¹⁶ *Kimball J.* The Vietnam War Files: Uncovering the Secret History of Nixon-Era Strategy. Lawrence, 2004. P. 63–86; *Schmitz D.F.* Richard Nixon and the Vietnam War: The End of the American Century. Vietnam: America in the War Years Series. Lanham, 2014. P. 77.

окрестили «войной Уэсти», подчеркивая решающую роль генерала в ходе военных действий с 1965 до середины 1968 г.¹⁷ Оба генерала были по своей сути радикалами, втягивавшими США в глобальную войну и настаивавшими на более решительных способах ведения боевых действий. Причем оба в итоге оказались смещены со своих постов из-за разногласий с политическим руководством США, занимавшим более умеренные позиции.

Президентам также приходилось учитывать позицию Конгресса. Если в период войны в Корее Трумэн сразу получил двухпартийную поддержку законодателей¹⁸, то в период вьетнамского конфликта ситуация была более сложной. Первоначально Джонсон мог опереться на «ястребов», составлявших значительную часть ключевых комитетов — например Комитета Сената США по вооруженным силам¹⁹. Но по мере того как война становилось все менее популярной, усиливалась и оппозиция в Капитолии. В 1970 г. Никсону пришлось столкнуться с серьезными проблемами со стороны законодателей, когда конгрессмены отказались утвердить расширенное финансирование военных действий, чтобы начать операции американских сил в Камбодже, которую Белый дом рассматривал как тыловую базу северовьетнамских войск и ключевой пункт для изменения стратегической ситуации в свою пользу²⁰.

ОПОРА НА СОЮЗНИКОВ

В качестве общего сравнительного элемента также можно назвать комплексные усилия США, призванные привлечь на их сторону широкую международную коалицию. Однако в рассматриваемых войнах эти коалиции складывались по-разному, хотя и в том и в другом случае американские командующие проявляли воинственный настрой в большей мере, нежели принимавшие решения политики.

Например, в Корее Д. Макартур еще в начале августа 1950 г. пытался заручиться поддержкой Тайваня для операций против КНР. По данному вопросу он вел переговоры с его главой Чан Кайши, опасаясь захвата острова китайскими коммунистами в случае дальнейшей эскалации Корейской войны²¹. Во Вьетнаме же командующий американскими силами генерал У. Уэстморленд в июне 1965 г. потребовал резко увеличить численность войск и масштаб операций за счет привлечения контингентов из стран — союзниц США²².

В то же время следует обратить внимание на успехи, которых смогло добиться политическое руководство США в деле привлечения союзников на свою сторону. В Корее эти успехи были в целом очевидны, так как войска США юридически являлись лишь частью многонациональных сил ООН, которые формально насчитывали 22 страны и чьи действия были санкционированы соответствующими резолюциями Совета Безопасности ООН № 83 и 84²³. Во Вьетнаме же американский контингент действовал в составе

¹⁷ Davidson Ph. Op. cit. P. 350.

¹⁸ Crabb C.V., Holt P. M. Invitation to Struggle: Congress, the President, and Foreign Policy. Washington, 1992. P. 135–136.

¹⁹ Elowitz L. Korea and Vietnam: Limited War and the American Political System: PhD Diss. Gainesville, 1972. P. 170.

²⁰ Lehman J. Making War: The 200-Year-Old Battle between the President and Congress over How America Goes to War. New York, 1992. P. 85–88.

²¹ Schnabel J. United States Army in the Korean War. Policy and Direction: the First Year. Office of the Chief of Military History, United States Army. Washington, 1972. P. 368.

²² American troops enter the ground war, March–July 1965 // Pentagon Papers: Defense Department History of United States on Vietnam. Vol. 3. Boston, 1971. P. 440.

²³ UN Security Council, Security Council resolution 83 (1950) (Complaint of aggression upon the Republic of Korea), 27 June 1950, S/RES/83 (1950) // URL: <https://www.refworld.org/docid/3b00f20a2c.html> (дата обращения: 26.05.2021); UN Security Council resolution 84 (1950) (on the Korean question and a unified command under the United States), 7 July 1950, S/RES/84 (1950) // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/112027#record-files-collapse-header> (дата обращения: 26.05.2021).

ведомой США коалиции, насчитывавшей более 15 государств. Без учета войск Южного Вьетнама из них только шесть (Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины, Таиланд, Тайвань) в той или иной степени принимали участие в военных действиях²⁴. Ни одна из стран – членов НАТО открыто не поддержала военную кампанию Вашингтона, а руководству США так и не удалось добиться приемлемого уровня легитимности своих действий, сопоставимого с тем, какого смогло достигнуть во время Корейской войны.

Общим моментом было лишь то, что войны в Корее и во Вьетнаме потенциально могли, но в реальности не привели к складыванию региональных систем безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе под эгидой США.

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ СИЛ В УСЛОВИЯХ БИПОЛЯРНОСТИ

Ввиду того, что характер противостояния СССР и США в начале 1950-х и во второй половине 1960-х годов существенно отличался, войны в Корее и Вьетнаме по-разному отразились на отношениях двух сверхдержав. Объяснение здесь следует искать в существенно возросших военных и политических возможностях Советского Союза на рубеже 1960–1970-х годов и общими сложностями, с которыми Соединенные Штаты столкнулись на мировой арене помимо вьетнамской проблемы (экономические неурядицы, трудности во взаимоотношениях с союзниками и т.д.). Однако в целом потенциалы СССР и США постепенно выравнивались, стороны двигались к военно-стратегическому паритету, пытаясь закрепить новое соотношение сил через переговоры.

К тому же, в отличие от Кореи, Вьетнам был далеко не главной горячей точкой холодной войны. И если вовлечение СССР в конфликт на Корейском полуострове было более выраженным и подразумевало фактическое, хотя и замаскированное, военное участие на стороне северокорейских войск, то во время войны во Вьетнаме Москва ограничилась помощью вьетнамской стороне преимущественно вооружением, техникой и инструкторами. Участие в боевых действиях советских военных было менее заметным²⁵.

Не став главным препятствием в отношениях между сверхдержавами, вьетнамская проблема уступила место более важным темам, где Москва и Вашингтон смогли найти точки соприкосновения. Доказательством этого служит весьма успешный визит Р. Никсона в Москву в мае 1972 г., хотя всего за две недели до его приезда американцы усилили бомбардировки Северного Вьетнама. Так не менее встречу не отложили, более того, госсекретарь США Г. Киссинджер накануне визита американского президента сообщил послу СССР в Вашингтоне А.Ф. Добрынину о намерении Белого дома сделать все, чтобы встреча на высшем уровне состоялась. В свою очередь в Политбюро пришли к выводу, что вьетнамцам нельзя позволить «осуществлять фактическое право вето», когда речь идет об отношениях Советского Союза с Америкой²⁶.

В результате таких конструктивных мер, предпринятых как советской, так и американской стороной, переговоры Р. Никсона с Л.И. Брежневым не только состоялись, но и привели к подписанию ряда основополагающих документов, включая договор ОСВ-1, ставших юридическим основанием периода разрядки в международных отношениях.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ВОЙНЫ

Степень влияния войн в Корее и Вьетнаме на экономику США останется предметом дискуссии историков и экономистов еще долгое время, хотя сам факт пагубности влияния этих конфликтов на экономическое благополучие страны вряд ли у кого-то вызывает сомнения. Напряжение экономики, вызванное ведением боевых действий в Корее

²⁴ *Larsen R., Collins J.Jr. Allied Participation in Vietnam. Washington, 1985.*

²⁵ Россия в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. М., 2000. С. 75, 98.

²⁶ *Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 2008. С. 240, 242.*

и осуществлением программы по укреплению военной мощи, привело к росту инфляции и снижению реальной заработной платы. Весной 1952 г. наблюдался кризис во взаимоотношениях рабочих и администрации предприятий сталелитейной и нефтедобывающей промышленности. В результате Вашингтону пришлось установить непосредственный государственный контроль над предприятиями сталелитейной промышленности, чтобы не допустить их остановки. Столь же непростая ситуация сложилась в нефтедобывающей отрасли, на предприятиях которой вот-вот могли начаться забастовки²⁷. Однако в целом негативный экономический эффект был кратковременным.

В случае с войной во Вьетнаме, затраты на которую составили 111 млрд долл., отрицательное воздействие оказалось гораздо более значительным. Хотя эти затраты в процентном отношении от ВВП и составили меньше, чем в случае с военной кампанией против Северной Кореи (4,2% против 2,3% во Вьетнаме)²⁸, сами по себе они послужили приводным ремнем для дальнейшего развития кризисных тенденций в американской экономике. Не случайно в 1971 г. Никсону пришлось отказаться от золотого обеспечения доллара, что вызвало кризис Бреттон-Вудской валютной системы. Все это происходило на фоне быстрого возвышения новых центров силы – Западной Европы и Японии, которые все более явно заявляли о себе как об экономических конкурентах США.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Особого внимания при сопоставлении корейского и вьетнамского конфликтов заслуживает фактор общественного мнения, так как социологические опросы, проводившиеся в ходе обеих, войн дали разную картину восприятия этих событий американскими гражданами.

Во время войны в Корее среди жителей страны превалировало желание закончить конфликт, но одновременно выражалась поддержка и доверие американскому правительству, а мир предполагалось заключить на выгодных для США условиях. Даже многие американские интеллектуалы, известные ранее просоветскими взглядами, расценили войну в Корее как окончательный отказ Сталина и СССР от достижения компромисса по разделу сфер влияния в послевоенном мире и признали необходимость защиты Запада от коммунистической агрессии²⁹.

Так, в апреле 1953 г. на вопрос «одобрили бы Вы действия нашего правительство или нет, если бы оно с целью окончить войну в Корее подписало бы перемирие по существующей линии фронта?» 69%, т.е. подавляющее большинство респондентов, ответили положительно, 20% высказались против, 11% воздержались. Более того, 62% респондентов в феврале 1953 г. поддержали возможность использования таких «решительных мер», как использование войск Чан Кайши для вторжения на материковый Китай и бомбардировки, даже если союзники США из ООН осудят их, при условии, что эти «решительные меры» помогут закончить войну в Корее. 47% респондентов считали, что принятие таких «решительных мер» не повлечет за собой риск вступить в затяжную войну с Китаем. И, наконец, подавляющее большинство респондентов (70%) выражало поддержку лично президенту Эйзенхауэру и проводимой им внешней политике, в частности и в Корее³⁰.

Во время Вьетнамской войны уровень поддержки правительства со стороны населения изначально также был достаточно высок, хотя и несколько ниже, чем во время вой-

²⁷ *Stueck W.* The Korean War: an International History. Princeton, 1995. P. 276.

²⁸ *Daggett S.* Costs of Major U.S. Wars. CRS Report for Congress, June 29, 2010. Приводится по: URL: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/RS22926.pdf> (дата обращения: 28.04.2021).

²⁹ *Hindus M.* Crisis in the Kremlin. New York, 1953. P. 279–309.

³⁰ Public opinion on the Korean War, 1953. Memorandum on recent polls, June 2, 1953 // URL: <https://www.eisenhowerlibrary.gov/sites/default/files/research/online-documents/korean-war/public-opinion-1953-06-02.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).

ны в Корее. По результатам опроса Института Гэллага на август 1965 г., военное вмешательство США во Вьетнаме поддерживал 61% американцев, однако спустя год эта цифра снизилась до 50%, а к 1967 г. опустилась еще ниже этой отметки. Общество быстро осознало, что война не будет скоротечной и низкочувствительной для страны. По мере активизации призывной кампании в США усиливались массовые антивоенные протесты, продолжавшиеся вплоть до окончания войны, а многие призывники стремились любым путем уклониться от набора. В частности, будущий президент Билл Клинтон на время уехал в Канаду, а знаменитый боксер Мохаммед Али за отказ отправиться воевать во Вьетнам оказался в тюрьме. В академической и интеллектуальной среде также царили антивоенные настроения. По состоянию на май 1971 г. Институт Гэллага зафиксировал самый низкий уровень поддержки войны — 28% среди опрошенных респондентов³¹.

Для более полного понимания отношения общественности к обеим войнам как нельзя лучше подходят художественные фильмы, в которых, как в зеркале, отражаются основные стереотипы, существовавшие у населения США о данных событиях. В Голливуде снято несколько десятков кинолент на тему Вьетнамской войны, в то время как в случае с войной в Корее ситуация совершенно иная. Связанные с ней сюжеты почти не затрагиваются в американском кинематографе и литературе, а саму ее часто называют «забытой»³². Показательно, что мемориал ветеранам войны в Корее был открыт в Вашингтоне только в середине 1990-х годов³³. Возможно, это вызвано тем, что поражение во Вьетнаме, широкое освещение телевидением боев, а главное, призыв резервистов оставили куда более глубокий след в сознании американского общества.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ФАКТОР

Общие параллели во время Корейской и Вьетнамской войн прослеживаются при рассмотрении их через призму внутренней политики США. Обе войны начались при демократах — Г. Трумэне и Л. Джонсоне. Оба они были популярными президентами, Л. Джонсон на выборах 1964 г. получил более 60% голосов³⁴, что стало одним из самых высоких электоральных показателей за всю историю Америки. Однако для демократических администраций обе войны имели фатальные последствия, став причиной их политического краха и привели к власти президентов-республиканцев — Д. Эйзенхауэра и Р. Никсона соответственно. В правление последних оба военных конфликта были прекращены.

СМЕНА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Под влиянием обеих войн менялись и концептуальные основы внешней политики США. Так, после неудач в Корейской войне и смены власти в Белом доме с демократов на республиканцев президент Д. Эйзенхауэр отказался от концепции «сдерживания», которая, по его мнению, продемонстрировала свою неэффективность. Новый госсекретарь Дж.Ф. Даллес предложил известную концепцию «отбрасывания коммунизма», в свете которой все еще продолжавшаяся на тот момент Корейская война грозила стать предвестием гораздо более масштабного конфликта между СССР и США³⁵.

Иной ситуация была во Вьетнаме, где на завершающем этапе конфликта политические концепции США также изменились, но в сторону смягчения. Уже через полгода

³¹ *Lorell M., Kelley Ch.* Casualties, Public Opinion, and Presidential Policy During the Vietnam War. Santa Monica, 1985. P. 19.

³² *Blair C.* The Forgotten War: America in Korea, 1950–1953. New York, 1987; *Ferrell R.H., Owen J.R., Carlson A., Millett A.R.* Eisenhower and Korea: The Forgotten War. Gettysburg, 2002; *Murdock M.* The Forgotten War: Texas Veterans Remember Korea. Plano, 2002.

³³ *Dopp P., Ганьярд К.* Армия США. Корпус морской пехоты США. М., 2004. С. 271.

³⁴ Presidential General Election Results 1964 // URL: <https://uselectionatlas.org/RESULTS/national.php?year=1964&f-1&off-0&elect-0> (дата обращения: 01.05.2021).

³⁵ *Dulles J.F.* A Police of Boldness // *Life*. 1952. Vol. 32. № 20. P. 146–160.

после избрания, 25 июля 1969 г., президент Р. Никсон, выступая перед военнослужащими американской военной базы на острове Гуам, огласил знаменитую «гуамскую доктрину». Начался планомерный процесс «вьетнамизации» конфликта, означавший готовность США отступить³⁶. И хотя некоторые исследователи настаивают на том, что администрация Р. Никсона не собиралась этого делать и была намерена использовать Парижское соглашение как передышку для дальнейшего продолжения войны, подобные планы не осуществились³⁷. Уход американских войск из Вьетнама стал для Белого дома суровой реальностью.

Если в случае с войной в Корее замена внешнеполитической доктрины «сдерживания» на концепцию «отбрасывания коммунизма» позволила Вашингтону сохранить лицо, защитив своих союзников в Сеуле, то в случае с Сайгоном результат был противоположным. Изначально нацеленность администраций Джонсона и Никсона на победу во Вьетнаме начала слабеть под воздействием целого ряда внутренних и внешних факторов, главным из которых стала разрядка международных отношений. В итоге Белый дом был вынужден дистанцироваться от южновьетнамских партнеров, что впоследствии привело к падению Южного Вьетнама и последующего его захвата Севером.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, опора на теоретико-методологическую рамку неоклассического реализма позволила выявить совокупность факторов (внутренних и внешних), определявших выбор той или иной стратегии американского поведения в ходе войн в Корее и Вьетнаме. Соединенные Штаты втянулись в эти войны, руководствуясь одним и тем же стремлением — «сдерживать наступление коммунистов». В качестве главной военной доктрины и в Корее, и во Вьетнаме американцы применяли «теорию ограниченной войны», правда, с противоположным результатом. В ходе обоих конфликтов возникла угроза применения ядерного оружия и произошла смена глобальных внешнеполитических концепций США. В сфере внутренней политики обе войны стали непосредственной причиной политического краха президентов-демократов и привели к власти их соперников-республиканцев, а также отрицательным образом отразились на экономике Соединенных Штатов.

Вместе с тем нужно отметить, что война во Вьетнаме вызвала гораздо более негативную реакцию со стороны общественности как в США, так и за их пределами, по сравнению с Корейской войной. Во многом это связано с тем, что Вьетнамская война окончилась для США поражением, тогда как в Корее можно в принципе говорить об определенном успехе американцев, которые смогли восстановить довоенный статус-кво на полуострове. Учитывая все вышеперечисленные факторы, можно утверждать, что, хотя Вьетнам оставил гораздо больший след в американской истории, — это был локальный конфликт, проходивший в так называемый период разрядки, в то время как Корейская война имела более глобальные последствия, так как ее действия разворачивались в самый сложный период холодной войны.

Библиография / References

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.) М., 2008.

Дорр Р., Ганьярд К. Армия США. Корпус морской пехоты США. М., 2004.

Никсон Р. На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М., 1992.

Россия в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. М., 2000.

³⁶ Informal Remarks in Guam with Newsmen. July 25, 1969 // Public Papers of the Presidents: Richard M. Nixon. Washington, 1971. P. 544–556.

³⁷ *Berman L.* No Peace, No Honor: Nixon, Kissinger, and Betrayal in Vietnam. New York, 2001. P. 9.

Dobrynin A.F. Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentakh SShA (1962–1986 gg.) [Very confidential. Ambassador to Washington under six US presidents (1962–1986)]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Dorr R., Ganyard C. Armia SShA. Korpus morskoi pekhoty SShA [US Army. United States Marine Corps]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Nixon R.M. Na arene. Vospominaniia o pobedakh, porazheniiakh i vrozozhdenii [In the Arena: A Memoir of Victory, Defeat, and Renewal]. Moskva, 1992. (In Russ.)

Rossiia v lokal'nykh voynakh i voennykh konfliktakh vtoroi poloviny XX veka [Russia in local wars and military conflicts of the second half of the 20th century]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Avery E.H. Superpower Rivalries and Proxy Warfare. New York, 2018.

Berman L. No Peace, No Honor: Nixon, Kissinger, and Betrayal in Vietnam. New York, 2001.

Beschloss M. Presidents of War. The Epic Story, from 1807 to Modern Times. New York, 2018.

Blair C. The Forgotten War: America in Korea, 1950–1953. New York, 1987.

Crabb C.V., Holt P. M. Invitation to Struggle: Congress, the President, and Foreign Policy. Washington, 1992.

Davidson Ph. Vietnam at War: the history 1946–1975. Novato, 1988.

Dulles J.F. A Police of Boldness // *Life*. 1952. Vol. 32. № 20. P. 146–160.

Elowitz L. Korea and Vietnam: Limited War and the American Political System: PhD Diss. Gainesville, 1972.

Ferrell R.H., Owen J.R., Carlson A., Millett A.R. Eisenhower and Korea: The Forgotten War. Gettysburg, 2002.

Gurtov M. From Korea to Vietnam: The Origins and Mindset of Postwar U.S. Interventionism // *The Asia-Pacific Journal*. 2010. Vol. 8. № 42. P. 1–15.

Hindus M. Crisis in the Kremlin. New York, 1953.

Informal Remarks in Guam with Newsmen. July 25, 1969 // *Public Papers of the Presidents: Richard M. Nixon*. Washington, 1971. P. 544–556.

Kahn H. On Escalation: Metaphors and Scenarios. New York, 1969.

Kimball J. The Vietnam War Files: Uncovering the Secret History of Nixon-Era Strategy. Lawrence, 2004.

Kissinger H. Nuclear weapons and foreign policy. New York, 1957.

Larsen R., Collins J.Jr. Allied Participation in Vietnam. Washington, 1985.

Lehman J. Making War: The 200-Year-Old Battle Between the President and Congress over How America Goes to War. New York, 1992.

Lorell M., Kelley Ch. Casualties, Public Opinion, and Presidential Policy During the Vietnam War. Santa Monica, 1985.

Murdock M. The Forgotten War: Texas Veterans Remember Korea. Plano, 2002.

Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy / eds S.E. Lobell, N.M. Ripsman, J.W. Taliaferro. Cambridge, 2009.

Osgood R. Limited War: The Challenge to American Strategy. Chicago, 1957.

Park C.J. American Foreign Policy in Korea and Vietnam: Comparative Case Studies // *The Review of Politics*. 1975. Vol. 37. P. 20–47.

Pentagon Papers: Defense Department History of United States on Vietnam. Vol. 3. Boston, 1971.

Schelling T. Bargaining, Communication, and Limited War // *Journal of Conflict Resolution*. 1957. Vol. 1. № 1. P. 19–36.

Schmitz D.F. Richard Nixon and the Vietnam War: The End of the American Century. Vietnam: America in the War Years Series. Lanham, 2014.

Schnabel J. United States Army in the Korean War. Policy and Direction: the First Year. Office of the Chief of Military History, United States Army. Washington, 1972.

Stueck W. The Korean War: an International History. Princeton, 1995.

Suk Ch., Morrison J. A Comparative Study of the Korean War and the Vietnam War // *Korea Observer*. 1985. Vol. 16. № 3. P. 260–279.

The President's News Conference of November 30, 1950 // *Public Papers of the Presidents: Harry S. Truman*, 1950. Washington, 1965. P. 724–728.

DOI: 10.31857/S013038640018567-1

© 2022 г. Д.А. ФИЛИПШОВ

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЯПОНИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: 2001–2012 годы

Филиппов Дмитрий Александрович – PhD, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (Москва, Россия).

E-mail: fli-dmitrij@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9307-8584

Аннотация. В первом десятилетии XXI в. в восточноазиатской политике Японии появился ряд новых стратегий и инициатив. Двумя ключевыми стали Восточноазиатское сообщество и Дуга свободы и процветания, которые отражали два различных подхода Японии к роли Китая в складывающемся региональном порядке. Целью данной статьи является анализ идеологических основ этих стратегий, а также причин их неудач. Рассматривается вопрос частой смены внешнеполитических инициатив в Японии в эти годы. Наконец, внимание уделяется изменениям в статусе японо-китайских отношений, представляющих ключевую переменную в развитии восточноазиатской политики Японии. Хотя в русскоязычной научной литературе восточноазиатская политика Японии данного периода хорошо изучена, большинство исследований касается политики конкретных премьер-министров, при этом в них азиатская дипломатия рассматривается, как правило, лишь в рамках внешней политики в целом. Между тем более динамичный анализ развития региональной стратегии Японии почти отсутствует, и именно эту лакуну и может заполнить данная статья. Основываясь на анализе как японских правительственных документов, так и широкого спектра исследований японской внешней политики российских и зарубежных ученых от монографий и научных журналов до онлайн-публикаций, статья представляет эволюцию стратегии Японии в Восточной Азии как соперничество двух внешнеполитических инициатив – Восточноазиатского сообщества и Дуги свободы и процветания. В статье подчеркивается фактор личных взглядов и убеждений премьер-министров, который оказывал значительное влияние на построение той или иной стратегии.

Автор приходит к выводу, что вышеупомянутые стратегии базировались на разных политических философиях: если Восточноазиатское сообщество ставит целью интеграцию в Восточной Азии на основе общих с Китаем экономических интересов, то Дуга свободы и процветания отдает приоритет развитию отношений со странами, разделяющими с Японией демократические ценности, и исключает из их числа Китай. При этом именно отношения Японии с Китаем являлись, пожалуй, главной причиной, почему ни та, ни другая стратегия не достигла в этот период успеха: или они считались в Японии слишком значимыми для экономики страны, что не позволяло отказываться от сотрудничества с Китаем, или в них появлялось такое напряжение, в условиях которого дальнейшее развитие экономических связей становилось невозможным.

Ключевые слова: Япония, Китай, Восточная Азия, внешняя политика, внешнеэкономическая политика, Восточноазиатское сообщество, Дуга свободы и процветания, Юкио Хатояма, Синдзо Абэ.

D.A. Filippov

The Origins of Japan's Contemporary Diplomatic Strategy in East Asia: 2001–2012

Dmitry Filippov, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: fili-dmitrij@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9307-8584

Abstract. Throughout the first decade of the twenty-first century, Japan's East Asia policy saw the emergence of several new strategies and initiatives. The two key strategies of this period were the East Asian Community and the Arc of Freedom and Prosperity, which reflected differing approaches towards the role of China in the developing regional order. The goal of this article is to analyse the ideological foundations of these two strategies, as well as the reasons behind their failure. It also examines the question of why Japan's diplomatic initiatives changed so rapidly during these years. Finally, the article looks at the shifts in Sino-Japanese relations which represent a key variable in the evolution of Japan's East Asia policy. While Japan's East Asian policy of this period is well researched in Russian academic literature, the majority of studies examine the policies of specific prime ministers, with Asian diplomacy typically viewed within the framework of foreign policy in general. Meanwhile, a more dynamic analysis of the development of Japan's regional strategy is lacking, and it is this gap that this article attempts to fill. Based on the analysis of Japanese government documents, as well as a wide range of studies of Japan's foreign policy by Russian and foreign scholars, from monographs and academic journals to online outlets, it presents the evolution of Japan's strategy in East Asia as a competition between two foreign policy initiatives, the East Asian Community and the Arc of Freedom and Prosperity. The article also highlights the prime ministers' personal views and beliefs, which had a significant effect on creating a particular strategy. The article concludes that the two aforementioned strategies were underpinned by different political philosophies, with the East Asian Community aiming to accelerate East Asian integration based on common economic interests and embracing China, while the Arc of Freedom and Prosperity prioritised relations with countries sharing Japan's democratic values and viewed China as a regional outsider. It was precisely Sino-Japanese ties, however, that were perhaps the biggest reason why neither strategy achieved much success at the time; either Japan considered the bilateral relations too economically beneficial to deliberately alienate China, or they suffered from too much tension which precluded further development of economic relations.

Keywords: Japan, China, East Asia, foreign policy, foreign economic policy, East Asian Community, Arc of Freedom and Prosperity, Yukio Hatoyama, Shinzo Abe.

Восточная Азия и в более широком смысле Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) традиционно представляли одно из основных направлений для послевоенной дипломатии Японии. Премьер-министр Нобусукэ Киси сформулировал три принципа японской внешней политики, которые были закреплены в первой «Синей книге» японского Министерства иностранных дел, изданной в 1957 г.: ориентация на ООН, сотрудничество со свободными государствами и поддержание статуса Японии как восточноазиатской нации¹. Краеугольным камнем послевоенной дипломатии Японии являлось сотрудничество со свободными государствами, т.е. в первую очередь с США². Последующие премьер-министры руководствовались всеми тремя вышеуказанными принципами, хотя и делали акцент на том или ином векторе дипломатии. В течение 2000–2010 гг. в Японии появился ряд новых концепций и инициатив, определяющих внешнеполитические

¹ *Гаймусё*. Вага гайко: но кинкё (Министерство иностранных дел Японии. Обзор дипломатии). Токио, 1957.

² *Макото И.* Нихон гайко: годзю нэн (Пятьдесят лет японской дипломатии) // Кокусай мондай (Международные проблемы). № 500. С. 20.

приоритеты страны в Восточной Азии.

Неотъемлемой и, пожалуй, ключевой частью всех восточноазиатских стратегий Японии был Китай. Задача каждой администрации Японии состояла в выработке такой стратегии, которая бы соблюдала баланс между китайским (и в целом восточноазиатским) и американским векторами японской дипломатии, не ставила бы Японию в слишком сильную зависимость от США и Китая³. С момента нормализации японо-китайских отношений в 1978 г. Токио стремился помочь Китаю стать экономически процветающим, политически стабильным и дружественным Японии.

В целом для японо-китайских отношений после окончания холодной войны было свойственно цикличное развитие, характеризующееся либо конфликтом, либо примирением. Так, позитивная динамика двусторонних связей, заданная при премьер-министрах Тосики Кайфу и Морихиро Хосокава в начале 1990-х годов, закончилась при правительстве Рютаро Хасимото в связи с кризисом в Тайваньском проливе в 1995–1996 гг. Хасимото, впрочем, удалось наладить отношения с Китаем, и они оставались стабильны при двух последующих премьер-министрах, Кэйдзо Обути и Ёсиро Мори.

В то же время к началу 2000-х годов в Японии укрепились опасения относительно военной политики Пекина: в 2001 г. американский и китайский истребители столкнулись над провинцией Хайнань, а начиная с середины первого десятилетия XXI в. китайские суда стали регулярно входить в территориальные воды Японии в Восточно-Китайском море. Одновременно с этим традиционные экономические рычаги давления Японии на Китай слабели по мере стремительного экономического роста Пекина, что также заставляло японскую политическую элиту задумываться о новой стратегии по отношению к Китаю и Восточной Азии в целом. В результате к началу 2000-х годов внутри правящей Либерально-демократической партии Японии (ЛДП) усилилось ее ревизионистское крыло, представители которого придерживались неоконсервативных взглядов, подчеркивали идеологические и политические отличия между Японией и Китаем и воспринимали экономическое и военное усиление Китая с опаской⁴. В отличие от традиционных правых политиков японский неоконсерватизм возник как реакция на послевоенную либерализацию и демилитаризацию Японии.

Одновременно с этим усиление экономической и военной мощи Китая привело к его соперничеству с США, которые до этого времени считались единственным «полюсом» в Восточной Азии. Несмотря на экономическое взаимопроникновение двух стран, начало XXI в. было ознаменовано обострением американско-китайских отношений, а рост Китая стал восприниматься в США как «фундаментальный вызов»⁵. Если при Билле Клинтоне США хотели построить конструктивное стратегическое партнерство с Китаем, то администрация Джорджа Буша-младшего стала называть его стратегическим конкурентом. Нарастание американско-китайского противостояния обусловило и усиление стратегического сотрудничества США с Японией, являющейся главным американским союзником в Восточной Азии и все больше рассматривающей Китай как регионального соперника.

Именно на основе изменения восприятия Китая Японией, наряду с личными взглядами премьер-министров, и формировались инициативы и стратегии для Восточной Азии и АТР, которые Токио выстраивал, модифицировал или отклонял. Эти стратегии, предложенные в 2000–2010 гг., отличаются наличием или отсутствием в них

³ *Samuels R.* Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. New York, 2007. P. 9.

⁴ *Takahashi T.* Japanese neoconservatism: Coping with China and North Korea // *Security Challenges*. 2010. № 6 (3). P. 26.

⁵ *Стрельцов Д.В.* Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 2015. С. 51.

китайского фактора⁶. Если один подход подразумевает отношение к Китаю как к равному игроку на международной арене и стратегическому партнеру Японии, то другой воспринимает Китай как аутсайдера и способствует формированию такого регионального международного порядка, куда он либо не входит, либо присутствует в качестве державы второго звена. Подобная дихотомия была отражена и в двух основных региональных стратегиях этого периода – Восточноазиатском сообществе и Дуге свободы и процветания, которые имели разную идеологическую основу, но обладали и общими элементами.

При премьер-министре Дзюнъитиро Коидзуми (2001–2006 г.), являвшемся одним из главных представителей ревизионистов в ЛДП, японо-американские отношения были как никогда тесными благодаря проамериканскому курсу и безоговорочной поддержке «войны против терроризма», проводимой Джорджем Бушем-младшим, прежде всего войны в Ираке. Из-за этого отношения Японии с Китаем ухудшились настолько, что нередко их называют «ледниковым периодом»⁷. Следует отметить, что Пекин очень раздражали регулярные посещения Коидзуми синтоистского святилища Ясукуни, где почитают души воинов, погибших в войнах японской империи; в Китае и Южной Корее оно воспринимается как символ японского милитаризма.

Несмотря на то, что правительство Коидзуми уделяло намного больше внимания отношениям с США, именно при нем была сформулирована новая региональная инициатива – Восточноазиатское сообщество, автором которой выступал заместитель министра иностранных дел Хитоси Танака. О ней впервые заявил Коидзуми в 2002 г. в Сингапуре⁸. Она основывалась как на восточноазиатском регионализме – сближении со все более взаимозависимыми государствами региона – членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), а также Китаем и Южной Кореей, – так и на более тесном сотрудничестве Японии с Австралией и Новой Зеландией. Именно страны АСЕАН должны были, по замыслу как Японии, так и Китая, возглавлять Восточноазиатское сообщество, поскольку лидирующая роль Японии вызвала бы неодобрение со стороны Китая, и наоборот⁹. Включение в гипотетическое сообщество Австралии и Новой Зеландии было обусловлено стратегическим расчетом. Япония полагала, что страны АСЕАН еще недостаточно развиты с экономической точки зрения, а их демократический статус слишком шаток, поэтому ей понадобится поддержка других либеральных демократий. Кроме того, Япония таким образом соблюдала баланс в своей внешней политике, с одной стороны, развивая отношения с усиливающимся Китаем, а с другой – укрепляя связи с Австралией и Новой Зеландией, придерживающимися общих ценностей с Японией.

Впрочем, к моменту отставки Коидзуми в 2006 г. реализация идеи Восточноазиатского сообщества зашла в тупик в связи с ухудшением японо-китайских и японо-корейских отношений: Япония активно добивалась статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН, против чего выступали Пекин и Сеул. В результате новому правительству во главе с протее Коидзуми Синдзо Абэ понадобилось разработать новую региональную стратегию.

Стоит отметить, что в период между отставкой Коидзуми в сентябре 2006 г. и возвращением Абэ на должность премьер-министра в декабре 2012 г. японскую внутреннюю политику характеризовали нестабильность и частая смена правительств. За эти шесть лет в Японии было 6 премьер-министров, 12 министров иностранных дел

⁶ *Hosoya Y.* Japan's Two Strategies for East Asia: The Evolution of Japan's Diplomatic Strategy // *Asia-Pacific Review*. 2013. № 20 (2). P. 154.

⁷ *Swanström N., Kokubun R.* Sino-Japanese Relations: The Need for Conflict Prevention and Management. Newcastle upon Tyne, 2009. P. 45.

⁸ Ministry of Foreign Affairs of Japan. Speech by Prime Minister of Japan Junichiro Koizumi // URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0201/speech.html> (дата обращения: 10.11.2021).

⁹ *Саркисов К.О.* Восточноазиатское сообщество: центробежные и центростремительные силы (взгляд из Японии) // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 2009. С. 184.

и 14 министров обороны. В среднем премьер-министры оставались на своей должности менее года, это время стали в шутку называть «вращающейся дверью» премьер-министров. При этом выдвигаемые Японией внешнеполитические концепции и стратегии менялись в этот период с той же частотой — инициативы выдвигались премьер-министрами в начале своего срока и теряли актуальность после их ухода в отставку¹⁰. Так, в 2006–2012 гг. Япония проводила восточноазиатскую политику в соответствии со следующими стратегиями и лозунгами: дипломатия ценностей, или Дуга свободы и процветания при Абэ (2006–2007 гг.); дипломатия синергии при Фукуде (2007–2008 гг.); Восточноазиатское сообщество при Хатояме (2009–2010 гг.); сетевая дипломатия при Ноде (2011–2012 гг.). Впрочем, все эти концепции могут быть классифицированы в соответствии с той ролью, которую в них играл Китай, — инсайдера или аутсайдера регионального порядка.

Как и Коидзуми, Абэ был неоконсерватором и принадлежал к ревизионистскому крылу ЛДП. Именно его настойчивость в проведении идеологизированной внешней политики и привела к тому, что японская региональная стратегия во время его премьерства оказалась неоднозначной и противоречивой. Если Коидзуми, несмотря на желание повысить престиж Японии на международной арене, был несвойственен оппортунизм, то Абэ в реализации своей ревизионистской политической повестки старался быть бескомпромиссным¹¹. Объяснялось это отчасти его происхождением — Абэ был внуком премьер-министра Киси (1957–1960 гг.), подписавшего договор о безопасности с США. Киси горячо поддерживал японо-американский союз и был крайне негативно настроен в отношении коммунистических Китая и СССР. Именно от него Абэ унаследовал восприятие Китая как авторитарного государства, которому нужно противостоять, а не искать примирения. Незадолго до избрания премьер-министром он выпустил ставшую бестселлером книгу «На пути к прекрасной стране», вся она пронизана желанием сделать Японию по-настоящему независимой страной, которая вольна преследовать свои национальные интересы. В речи в японском парламенте в январе 2007 г. Абэ уже в качестве премьер-министра обещал возврат к «прекрасной Японии» и призывал перейти к более «настойчивой» дипломатии, основанной на трех принципах: улучшение отношений с другими демократическими государствами; создание открытой и технологически развитой Восточной Азии; поддержка международной безопасности и стабильности¹².

Абэ во время первого премьерства, продлившегося лишь год, во внешней политике придерживался заданной Коидзуми траектории укрепления отношений с США и поиском Японией новых партнеров как в регионе, так и за его пределами. Правительство Абэ поддержало инициативы НАТО по развитию глобальных партнерств. Что касается АТР, то особое значение Абэ придавал расширению сотрудничества с Индией и Австралией. В ходе визита индийского премьер-министра Манмохана Сингха в Токио в декабре 2006 г. Япония и Индия договорились о повышении двусторонних отношений до статуса глобального стратегического партнерства, основанного на общих интересах и ценностях¹³. Новая конфигурация японо-индийских связей предполагала более тесную дипломатическую координацию относительно множества региональных и глобальных вопросов, а также

¹⁰ Jimbo K. Japanese Foreign Policy: 2006–2013, Responding to the Rise of China // URL: http://www.cidob.org/en/content/download/38407/600011/file/ARTICULO_KEN+JIMBO_ANGLES.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

¹¹ Hughes Ch.W., Krauss E.S. US-Japan Alliance Futures: Koizumi's Legacy, Abe's Security Policies, US Challenges // Survival: The IISS Quarterly. 2007. № 49 (2). P. 173.

¹² Prime Minister of Japan and His Cabinet. Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe to the 166th Session of the Diet // URL: https://japan.kantei.go.jp/abespeech/2007/01/26speech_e.html (дата обращения: 22.11.2021).

¹³ Ministry of Foreign Affairs of Japan. Visit to Japan of His Excellency Dr. Manmohan Singh, Prime Minister of India (Summary) // URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/india/pmv0612.html> (дата обращения: 22.11.2021).

более глубокое сотрудничество в сферах экономики и безопасности. Укрепление отношений в сфере безопасности произошло и с Австралией, после того как Абэ и австралийский премьер-министр Джон Ховард подписали в марте 2007 г. совместную декларацию о сотрудничестве в области безопасности¹⁴. В документе подчеркивался стратегический характер японо-австралийских отношений, а общие ценности и интересы назывались их краеугольным камнем. Оба государства также намеревались усилить военно-политическое сотрудничество с США в рамках трехстороннего диалога по безопасности, который впервые прошел в 2002 г. Главным же результатом совместной декларации стало учреждение регулярных встреч в форме 2+2 между японскими и австралийскими министрами иностранных дел и обороны.

Кульминацией действий правительства Абэ по активизации политики в области безопасности стала трансформация трехстороннего диалога между США, Австралией и Японией до четырехстороннего с участием Индии. Именно Абэ впервые высказал идею укрепления военно-политических отношений на четырехсторонней основе, а вскоре его официально поддержал и вице-президент США Дик Чейни. Первая встреча представителей четырех государств в новом формате прошла в мае 2007 г. в Маниле, а уже в сентябре «четверка» провела совместные военно-морские учения в Бенгальском заливе.

Китай крайне настороженно воспринял создание «четверки»: мало того, что он не входил в сферу японской внешнеполитической стратегии, так его не пригласили и в новый региональный диалог по безопасности. Вскоре после встречи в Маниле Китай направил всем четырем государствам ноты протеста, в которых требовал объяснить суть четырехстороннего диалога, опасаясь, что речь идет о новом антикитайском союзе. Несмотря на неоднократные заверения со стороны Индии и Австралии, что заседания «четверки» отнюдь не было призвано послать Китаю подобный сигнал, а новый формат является не официальным союзом, а лишь партнерством государств, объединенных общими интересами в регионе, в Пекине продолжали рассматривать новую инициативу как попытку Японии и США с помощью двух других государств сдержать рост Китая. И в Индии, и в Австралии нарастало опасение, что углубление четырехстороннего диалога рискует усилить напряжение в регионе и ухудшить отношения этих стран с Китаем, торговля с которым для них крайне важна¹⁵. В 2008 г. новый австралийский премьер-министр Кевин Радд заявил, что не станет участвовать в новой встрече «четверки», почитав, что стабильность экономических связей с Китаем важнее нового диалога по безопасности.

Внешняя политика Абэ по отношению к Китаю в первое его премьерство отличалась противоречивостью. После «ледникового периода» следовало вернуть японо-китайские отношения в рабочее русло. Поначалу Абэ демонстрировал прагматичность по отношению к Пекину, не позволяя личным взглядам влиять на государственную политику. Ему удалось избежать крупных потрясений в двусторонних отношениях, и он даже посетил Пекин в октябре 2006 г. — это был первый официальный визит японского лидера в Китай с 2001 г. Абэ также воздерживался от посещения святилища Ясукуни, хотя однажды отправил администрации святилища подарок, пытаясь таким образом соблюдать баланс между уважением чувств китайского правительства и демонстрацией японским избирателям своих правопатриотических убеждений.

В качестве советника по внешней политике Абэ выбрал Сётаро Яти, который консультировал по данным вопросам и Коидзуми. Его влияние на японскую дипломатию

¹⁴ Ministry of Foreign Affairs of Japan. Japan-Australia Joint Declaration on Security Cooperation // URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/australia/joint0703.html> (дата обращения: 22.11.2021).

¹⁵ Chellaney B. “Quad Initiative”: An Inharmonious Concert of Democracies // URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2007/07/19/commentary/quad-initiative-an-inharmonious-concert-of-democracies/> (дата обращения: 25.11.2021).

в 2006–2007 гг. было столь велико, что в чиновничьих кругах его нередко называли теневым министром иностранных дел¹⁶. Яти также был назначен главой отдела МИД по Китаю и Монголии и стал первым руководителем, не обладающим большим опытом работы на китайском направлении внешней политики и не придерживающимся прокитайской позиции. В то же время Яти понимал экономическую важность стабильных отношений с Пекином. Именно он предложил следовать формуле «взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах» между Японией и Китаем, которая должна была перезагрузить двусторонние связи, ее придерживались премьер-министры начиная с Абэ. Это способствовало некоторому улучшению японо-китайских отношений. Однако далеко не все стратегические интересы Японии и Китая действительно были общими. Так, хотя притязания Китая на Тайвань не противоречат японским интересам, Япония требует, чтобы Пекин в этом вопросе использовал исключительно дипломатические методы, а не военные. Кроме того, вне зависимости от состояния двусторонних отношений Китай воспринимает японо-американский союз как элемент сдерживания, а потому негативно рассматривает действия Японии по укреплению военно-политического сотрудничества с США¹⁷. Потепление японо-китайских отношений продлилось недолго, и уже к концу 2006 г. прагматизм премьер-министра Абэ сменился более идеологизированным внешнеполитическим курсом.

В ноябре 2006 г. министр иностранных дел Таро Асо объявил о создании новой стратегии под названием Дуга свободы и процветания, которая призвана была стать новым столпом японской дипломатии. За оформление новой стратегии были ответственны Сётаро Яти, а также Нобукацу Канэхара, еще одно доверенное лицо Абэ во внешнеполитических вопросах. Дуга свободы и процветания начиналась в Северной Европе, проходила через Центральную Европу, Ближний Восток и Индию, затем пересекала Юго-Восточную Азию и заканчивалась в Северо-Восточной Азии. С государствами вдоль этого вектора, разделяющими с Японией такие «универсальные ценности», как демократия, верховенство закона и права человека, и предлагалось укреплять сотрудничество и поддерживать связи путем предоставления официальной помощи в целях развития политики, направленной на экономическое содействие развивающимся странам. Данная инициатива заметно расширила географию японской внешней политики, уделив большее внимание государствам на внешнем поясе Евразии от стран АСЕАН до стран Центральной Азии и Восточной Европы.

В этой стратегии не нашлось места Китаю, который не входил в Дугу ни по географическим, ни по политическим параметрам. Этим она принципиально отличалась от идеи Восточноазиатского сообщества, которую предложил Коидзуми и позже активно продвигал премьер-министр Юкио Хатояма из Демократической партии Японии (ДПЯ). Если гипотетическое Восточноазиатское сообщество призвано было содействовать развитию взаимовыгодных отношений между странами региона независимо от их политического строя (хотя Коидзуми и подчеркивал сотрудничество с другими либеральными демократиями), Дуга свободы и процветания делала акцент на «дипломатии ценностей», т.е. улучшении отношений Японии именно с демократическими государствами, и являлась реакцией Токио на усиление Китая и его растущее влияние на международные отношения в Восточной Азии.

Несмотря на быстрое вхождение концепции Дуги свободы и процветания в японский дипломатический лексикон (включая «Синюю книгу по дипломатии» 2007 г.), Абэ не достиг успеха в ее популяризации. Попытки его правительства ускорить региональную

¹⁶ Pugliese G. Kantei Diplomacy? Japan's Hybrid Leadership in Foreign and Security Policy // *The Pacific Review*. 2017. № 29. P. 10.

¹⁷ Takagi S. Japan-China Relations: How to Build a “Strategic Relationship of Mutual Benefit”? // URL: <http://www.worldsecuritynetwork.com/Japan/Takagi-Seiichi/Japan-China-Relations-How-to-Build-a-Strategic-Relationship-of-Mutual-Benefit> (дата обращения: 23.11.2021).

интеграцию на основе общей идеологии провалились, поскольку двигателем интеграции были все же экономические интересы. По этой же причине данная идеологизированная стратегия не получила поддержки японского МИД — чиновники считали, что исключение Китая из дипломатических приоритетов Японии нанесет существенный урон японским экономическим интересам.

После ухода Абэ в отставку вследствие падающих рейтингов, коррупционных скандалов и проблем со здоровьем премьер-министром стал Ясуо Фукуда. Несмотря на то, что Фукуда в качестве советника по внешней политике вновь выбрал Яти, это не привело к возрождению стратегии Дуги свободы и процветания. Вместо дипломатии ценностей Фукуда придерживался более проазиатской внешней политики, базирующейся на японских экономических интересах. Хотя, новый премьер-министр принадлежал к той же фракции ЛДП, что и Коидзуми и Абэ, он не был сторонником идеологии неоконсерватизма и в большей степени стремился к углублению отношений с восточноазиатскими соседями Японии¹⁸. Его внешнеполитические идеи основывались на «синергии» Японии с США и Китаем, т.е. соблюдением в дипломатии Японии баланса между крепкими отношениями с США и активной политикой в Восточной Азии.

Впрочем, Фукуда уже через год, в сентябре 2008 г., сменил Таро Асо, служивший министром иностранных дел в кабинете Абэ. Хотя Асо так же, как Коидзуми и Абэ, являлся ревизионистом и «ястребом» в отношении Китая, его администрация не стала возвращаться к «дипломатии ценностей» и Дуге свободы и процветания. Впрочем, каких-либо иных инициатив Асо не успел предложить, поскольку к 2009 г. стало ясно, что ЛДП, скорее всего, проиграет на ближайших выборах, а потому правительство было занято исключительно внутренней политикой. Упоминания заслуживает речь Асо в мае 2009 г., в которой он поддержал дальнейшую интеграцию в АТР и создание Восточноазиатского сообщества во главе со странами АСЕАН.

На выборах в августе 2009 г. ЛДП проиграла оппозиционной ДПЯ, и новым премьер-министром стал председатель ДПЯ Юкио Хатояма. Стоит отметить, что в отличие от ЛДП, состоящей из относительно близких по своим взглядам фракций, в ДПЯ входили несколько слабо связанных между собой групп, которым были присущи идеологические разногласия. Исходя из их внешнеполитических взглядов условно ДПЯ можно разделить на четыре лагеря: немногочисленные реалисты, выступающие за крепкий союз с США и настороженно настроенные к Китаю; пацифисты, поддерживающие восточноазиатский регионализм и лишь минимальную роль Японии в обеспечении международной безопасности; центристы, придерживающиеся умеренных, прагматичных взглядов; и автономисты, выступающие за более независимую внешнюю политику Японии, которая бы не слишком опиралась на США и не вовлекалась в сферу влияния Китая¹⁹. Именно к последней группе и принадлежал Хатояма. Стоит отметить, однако, что другие члены ДПЯ считали Хатояму непредсказуемым в вопросах дипломатии, так как даже входившие в его ближний круг лица не имели четкого представления, какова будет его внешняя политика на посту премьер-министра²⁰.

В качестве альтернативы зависимости Японии от политики Вашингтона Хатояма и его единомышленники-автономисты предлагали концепцию Восточноазиатского сообщества, основанную на свободной торговле и историческом примирении Японии с жертвами ее военной агрессии в регионе. Хотя демократы признавали важность японо-

¹⁸ *Yamamoto Y.* Great powers, ASEAN, and Japan: the Fukuda doctrine and thirty-five years after // Japan's Relations with Southeast Asia / ed. Peng Er Lam. Milton Park; Abingdon; Oxon, 2013. P. 46.

¹⁹ *Konishi W.S.* From Rhetoric to Reality: Foreign-Policy Making under the Democratic Party of Japan // URL: <http://www.ifpa.org/pdf/fromRhetoricToReality.pdf> (дата обращения: 25.11.2021).

²⁰ *Uchida Ando Y.* What Went Wrong Under the DPJ? // Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan / eds J. Gannon, R. Sahashi. Tokyo; New York, 2015. P. 122–123.

американского союза для национальной безопасности, они считали, что в условиях текущей международной обстановки, отмеченной мировым финансовым кризисом 2008 г., а также появлением новых, нетрадиционных угроз безопасности, союз с США уже не отвечает японским интересам в полной мере. Внешнеполитическая стратегия ДПЯ при Хатояме заключалась в отходе от односторонней ориентации Японии на США и укреплении отношений с восточноазиатскими соседями.

Выдвинутая премьер-министром идея Восточноазиатского сообщества была почти полным антиподом Дуги свободы и процветания Абэ; объединял их разве что акцент на диверсификации японской дипломатии. Если подход Абэ основывался на сильном союзе с США и отдавал приоритет развитию отношений с разделяющими японские ценности государствами на внешней границе Евразии, то Восточноазиатское сообщество в интерпретации Хатоямы строилось на азиатской идентичности Японии и укреплении связей с государствами региона вне зависимости от политического или экономического строя. Это шло вразрез не только со стратегией Абэ, но и с концепцией Восточноазиатского сообщества, представленной Коидзуми. Дуга являлась идеологизированной инициативой, которая, несмотря на расширение географии японской внешней политики, исключала из ее приоритетов Китай и оставалась американо-центричной, тогда как концепция Восточноазиатского сообщества, напротив, придавала улучшению отношений с Китаем беспрецедентное значение. Антиамериканизм был ключевой частью политической философии нового премьер-министра, его выражал лозунг «независимость от США» (тайбэй дзирицу). Он используется как левыми, так и правыми японскими политиками, считающими, что Япония слишком сильно полагается на Америку в вопросах безопасности. Хатояма призывал к поиску общих интересов с Китаем и преодолению взаимного недоверия, а также достижению мира в Восточной Азии — новой оси японской дипломатии — путем региональной интеграции и уважения к политическим и экономическим особенностям государств²¹.

Впрочем, альтернативная внешнеполитическая стратегия Хатоямы снискала еще меньший успех, чем Дуга свободы и процветания, и не нашла отклика у государств АТР. Главной причиной тому стал слишком разнородный характер стран региона как с политико-экономической, так и с культурной точки зрения: от постиндустриальных стран (Япония, «Азиатские тигры») до стремительно развивающихся Индии и Китая, от коммунистических диктатур до либеральных демократий. Между странами Восточной Азии было слишком много различий и недостаточно культурной общности. Призывы Хатоямы к построению «братских» отношений оказались слишком идеалистичными для региона, полного нерешенных территориальных конфликтов, в большинстве которых участвует Китай. Так, вдобавок к островам Сэнкаку продолжается спор вокруг Парасельских островов, на которые претендуют Китай, Вьетнам и Тайвань, а также островов Спратли, чью принадлежность оспаривают Китай, Вьетнам, Филиппины, Тайвань, Малайзия, Индонезия и Бруней. Эти страны ожидали от Японии обещаний по обеспечению безопасности в водах Восточной Азии и свободы судоходства, а не обтекаемой риторики о взаимопонимании и историческом примирении.

Для стран региона было крайне важно надежное лидерство США в Восточной Азии, поскольку, несмотря на близкие экономические связи большинства региональных держав с Пекином, продолжающаяся гегемония США являлась для них предпочтительнее потенциального господства Китая²². Несвоевременность идей Хатоямы подтверждала и азиатско-тихоокеанская политика администрации Барака Обамы, выдвинувшей

²¹ *Hatoyama Y.* A New Path for Japan // URL: <https://www.nytimes.com/2009/08/27/opinion/27iht-edhatoyama.html?> (дата обращения: 22.11.2021).

²² *Sahashi R.* The DPJ Government's Failed Foreign Policy: A Case of Politician-led Government Gone Wrong // Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan / eds J. Gannon, R. Sahashi. Tokyo; New York, 2015. P. 143.

лозунг «перебалансировки в Азию». В 2009 г., еще до победы ДПЯ на выборах, Обама назвал себя «первым тихоокеанским президентом» Америки и заявил, что союз с Японией укрепит лидерство США в регионе. Если Обама обещал повышение военного присутствия США в Восточной Азии, развитие экономических связей и активизацию дипломатических контактов, то Хатояма, напротив, отвергал значимость США для своего Восточноазиатского сообщества, говорил о закате американского могущества и призывал улучшать отношения с поднимающимся Китаем. Страны Восточной Азии сделали выбор не в пользу инициативы нового японского премьер-министра. К середине 2010 г. Хатояма, вероятно, и сам понял бесперспективность своей идеи Восточноазиатского сообщества и отказался от краткосрочных планов по ее реализации в силу кризиса в отношениях с США и усиления напряженности в регионе.

В Вашингтоне заявления Хатоямы о построении японо-американских связей на независимой, равноправной основе и укреплении отношений с Китаем воспринимались по меньшей мере с недоумением. С точки зрения японского истеблишмента риторика нового премьер-министра была нетрадиционной и прямолинейной. Положение усугублялось тем, что Хатояма в проведении своей внешнеполитической линии ориентировался в большей степени на свои личные взгляды, а не на достигнутый консенсус с другими членами ДПЯ. В результате чего его правительство (куда входили и такие проамериканские «ястребы», как Сэйдзи Маэхара) нередко делало противоречащие друг другу заявления и в целом отличалось отсутствием сплоченности²³.

Камнем преткновения между Токио и Вашингтоном стал вопрос перемещения американской военно-воздушной базы Фуэтэмма на Окинаве. Стоит отметить, что, хотя администрация Обамы убеждала Китай, что она не заинтересована в его сдерживании, и стремилась выстроить двусторонние связи на основе сотрудничества, в американо-китайских отношениях сохранялась конфронтация. Из-за этого США были заинтересованы в сохранении крепкого японо-американского союза, ключевой элемент которого — военные базы США на Окинаве.

В 2006 г. Япония и США приняли «дорожную карту» о передислокации базы в пределах Окинавы — из города Гинован в город Наго. Однако Хатояма еще в ходе предвыборной кампании обещал, что добьется перемещения базы как минимум за пределы Окинавы, а в лучшем случае — из Японии. Это намерение прямо противоречило существующей договоренности между двумя странами, а потому вызвало в США крайне негативную реакцию, которая побудила администрацию Обамы воспринимать и другие внешнеполитические инициативы Хатоямы с неодобрением.

О нереалистичности планов создания Восточноазиатского сообщества, предложенных Хатоямой, свидетельствовали и рост напряженности в регионе после того, как в марте 2010 г. южнокорейский корабль «Чхонан» был потоплен северокорейской торпедой. После этого инцидента Хатояма, по его собственному признанию, стал лучше понимать ценность союза с США и присутствия американских войск на Окинаве, поэтому его правительство сосредоточилось на восстановлении отношений с Вашингтоном²⁴. Изменилась и официальная риторика — Япония, например, стала призывать Китай к проведению более ответственной внешней политики, тогда как Восточноазиатское сообщество начало трактоваться как долгосрочный план, не входящий в непосредственные приоритеты правительства. В Японии нарастало ощущение китайской угрозы как с военной точки зрения, так и с экономической — в 2010 г. Китай обошел Японию по объему ВВП и стал второй экономикой мира. Правительство Хатоямы стремительно теряло общественную поддержку в связи с невыполнением предвыборных обещаний,

²³ *Shinoda T.* Contemporary Japanese Politics: Institutional Changes and Power Shifts. New York, 2013.

²⁴ *Hosoya Y.* The Rise and Fall of Japan's Grand Strategy: "The Arc of Freedom and Prosperity" and the Future Asian Order // *Asia-Pacific Review*. 2011. № 18 (1). P. 20.

и на фоне кризиса в японо-американских отношениях в мае 2010 г. премьер-министр ушел в отставку.

На премьерство двух последующих японских лидеров из ДПЯ, Наото Кана и Ёсихико Ноды, которые продержались на посту по одному году, пришелся следующий цикл конфликта с Китаем, спровоцированный сначала столкновением китайского рыболовного судна с кораблем береговой охраны Японии в водах вокруг островов Сэнкаку в сентябре 2010 г., а затем обострением спора об островах в сентябре 2012 г. Все это способствовало усилению в Японии чувства «китайской угрозы» и обусловило сближение с США. Реакция Токио на столкновение японского и китайского кораблей была жесткой, что подчеркивало перемену во взглядах ДПЯ относительно Китая: если в прошлом японское правительство быстро отпускало задержанных китайских граждан, то на этот раз капитан китайского рыболовного судна провел под арестом две недели и был отпущен лишь по решению генерального секретаря кабинета министров Ёсито Сэнгоку, известного своими прокитайскими взглядами. Следует отметить, что японская общественность и СМИ даже раскритиковали правительство ДПЯ за слишком сдержанную реакцию, что говорит о формировании более негативного мнения о Китае и вне политических кругов Японии – за год (2009–2010 гг.) положительное восприятие Китая среди японского населения упало с 38,5% до 20%²⁵.

В результате в Китае прошли масштабные антияпонские протесты, а китайское правительство вновь выдвинуло свои претензии на острова Сэнкаку (Япония при этом вообще отрицала наличие какого-либо территориального конфликта). Данный инцидент примечателен тем, что Китай впервые в конфликте с Японией подключил экономическое давление, запретив экспорт редкоземельных минералов. Вместе с этим, начиная с сентября 2010 г., резко участились случаи вхождения китайских судов в территориальные воды Японии, а также маневров китайских истребителей над Восточно-Китайским морем²⁶.

Надо отдать должное премьер-министру Ноды, проводившему так называемую сетевую дипломатию в Восточной Азии. Ее итогами стали соглашение о стратегическом партнерстве с Филиппинами, а также укрепление сотрудничества со странами АСЕАН в области морской безопасности, нацеленные на коллективное противодействие растущему влиянию Китая. Будучи консерватором, Нода отвергал Восточноазиатское сообщество Хатоямы, выступал за усиление союза с США и подходил к политике в области безопасности с большей серьезностью, чем оба его предшественника.

В сентябре 2012 г. двусторонние отношения омрачил очередной конфликт вокруг островов Сэнкаку. В апреле 2012 г. ультраправый губернатор Токио Синтаро Исихара объявил, что токийское правительство собирается выкупить три из восьми спорных островов у частного владельца. Опасаясь, что после покупки Исихара начнет на островах строительство, провоцируя таким образом Китай, правительство ДПЯ во главе с Ёсихико Нодой решило опередить его, национализировав в сентябре эти три острова. Несмотря на то, что все эти месяцы японское правительство вело с Пекином переговоры, пытаясь достичь понимания, Китай настаивал, чтобы острова оставались в частном владении. Национализация вызвала волну протеста в Китае, сопровождавшуюся масштабной порчей имущества японских компаний и бойкотом японских товаров. Одновременно Пекин резко увеличил число судов, заходящих в воды островов Сэнкаку, а в декабре китайский истребитель нарушил воздушное пространство Японии впервые с 1958 г. Подобная эскалация со стороны Китая свидетельствует о нежелании президента Си Цзиньпина решать территориальный спор дипломатическими методами. Пекин рассчитывал, что низкая популярность Ноды вынудит его вскоре уйти в отставку²⁷.

²⁵ *Jimbo K.* Op. cit.

²⁶ *Koga K.* The Rise of China and Japan's Balancing Strategy: Critical Junctures and Policy Shifts in the 2010s // *Journal of Contemporary China*. 2016. № 25 (101). P. 787.

²⁷ *Drifte R.* The Japan-China Confrontation Over the Senkaku/Diaoyu Islands – Between “Shelving” and “Dispute Escalation” // *Japan Focus*. 2014. № 12 (30). P. 1.

Нода действительно покинул пост премьер-министра после поражения ДПЯ на выборах в декабре 2012 г. К моменту возвращения Абэ на пост премьер-министра в результате победы ЛДП на выборах 2012 г. Япония придерживалась традиционно проамериканской внешней политики, не пыталась восстановить резко ухудшившиеся связи с Китаем и продолжала искать новых партнеров в АТР.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что в первое десятилетие XXI в. политика Японии в Восточной Азии претерпела существенные изменения, а стратегические векторы во внешней политике Токио в отношении данного региона менялись так же часто, как и предлагавшие их премьер-министры. Тем не менее Восточноазиатское сообщество и Дуга свободы и процветания стали наиболее заметными дипломатическими инициативами Японии в это время. Обе стратегии были направлены на углубление сотрудничества Японии со странами региона, однако основаны на двух противоположных подходах к роли Китая — если Восточноазиатское сообщество в трактовке как Коидзуми, так и Хатоямы базировалось на восприятии Китая как важного экономического партнера Японии, то Дуга свободы и процветания Абэ делала акцент на создание в регионе коалиции демократических государств, из которой Китай был исключен. При этом, если Восточноазиатское сообщество во главу угла ставило экономические интересы, то Дуга свободы и процветания отдавала приоритет общим ценностям. Значительную роль в продвижении обеих стратегий играли и личные взгляды премьер-министров: Абэ был антикитайским неоконсерватором, а потому и исключал Китай из своей стратегии, тогда как обладавший антиамериканскими воззрениями Хатояма выступал за более независимую от США внешнюю политику и сближение с Китаем. Примечательно, что и Дуга свободы и процветания, и Восточноазиатское сообщество в большей степени отражали взгляды конкретно Абэ и Хатоямы, а не их партий в целом, а после их ухода с поста премьер-министра их преемники (соответственно Фукуда и Кан) отказывались от дальнейших попыток реализации данных стратегий.

Тот факт, что ни та ни другая стратегия не имела особого успеха, объяснялся статусом японо-китайских отношений. Если Дугу свободы и процветания в Японии сочли чересчур антикитайской, что наносило ущерб японским экономическим интересам, то реализация Восточноазиатского сообщества стала невозможной в связи с резким ухудшением двусторонних японо-китайских отношений как при Коидзуми в 2001–2006 гг., так и при Кане и Ноде в 2010–2012 гг. Идея Восточноазиатского сообщества все же не стала привлекательной для японского общества, а вот Дуга свободы и процветания нашла своих сторонников во время второго премьерства Абэ и в конце концов была возрождена в измененном виде как концепция Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона.

Библиография / References

Саркисов К.О. Восточноазиатское сообщество: центробежные и центростремительные силы (взгляд из Японии) // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 2009. С. 160–177.

Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 2015.

Sarkisov K.O. Vostochnoaziatskoe soobshhestvo: centrobezhnye i centrostremi-tel'nye sily (vzglyad iz Japonii) [The East Asian Community: centrifugal and centripetal forces (a view from Japan)] // Japonija v Aziatsko-Tihookeanskom regione [Japan in the Asia-Pacific region]. Moskva, 2009. S. 160–177. (In Russ.)

Streltsov D.V. Vneshnepoliticheskie prioritety Japonii v Aziatsko-Tihookeanskom regione [Japan's foreign policy priorities in the Asia-Pacific region]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Мамото Июкибэ. Нихон гайко: годзю нэн (Пятьдесят лет японской дипломатии) // Кокусай мондай (Международные проблемы). № 500. С. 4–36.

Makoto Iokibe. Nihon gaikō gojū nen [Fifty years of Japanese diplomacy] // Kokusai mondai [International issues]. № 500. P. 4–36. (In Japan)

Chellaney B. “Quad Initiative”: An Inharmonious Concert of Democracies // URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2007/07/19/commentary/quad-initiative-an-inharmonious-concert-of-democracies/> (access date: 25.11.2021).

Drifte R. The Japan-China Confrontation Over the Senkaku/Diaoyu Islands – Between “Shelving” and “Dispute Escalation” // Japan Focus. 2014. № 12 (30). P. 1–61.

Hosoya Y. The Rise and Fall of Japan’s Grand Strategy: “The Arc of Freedom and Prosperity” and the Future Asian Order // Asia-Pacific Review. 2011. № 18 (1). P. 13–24.

Hosoya Y. Japan’s Two Strategies for East Asia: The Evolution of Japan’s Diplomatic Strategy // Asia-Pacific Review. 2013. № 20 (2). P. 146–156.

Hughes Ch.W., Krauss E.S. US-Japan Alliance Futures: Koizumi’s Legacy, Abe’s Security Policies, US Challenges // Survival: The IISS Quarterly. 2007. № 49 (2). P. 157–176.

Jimbo K. Japanese Foreign Policy: 2006–2013, Responding to the Rise of China // URL: http://www.cidob.org/en/content/download/38407/600011/file/ARTICULO_KEN+JIMBO_ANGLES.pdf (access date: 20.11.2021).

Koga K. The Rise of China and Japan’s Balancing Strategy: Critical Junctures and Policy Shifts in the 2010s // Journal of Contemporary China. 2016. № 25 (10). P. 777–791.

Konishi W.S. From Rhetoric to Reality: Foreign-Policy Making under the Democratic Party of Japan // URL: <http://www.ifpa.org/pdf/fromRhetoricToReality.pdf> (access date: 25.11.2021).

Pugliese G. Kantei Diplomacy? Japan’s Hybrid Leadership in Foreign and Security Policy // The Pacific Review. 2017. № 29. P. 1–17.

Sahashi R. The DPJ Government’s Failed Foreign Policy: A Case of Politician-led Government Gone Wrong // Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan / eds J. Gannon, R. Sahashi. Tokyo; New York, 2015. P. 131–159.

Samuels R. Securing Japan: Tokyo’s Grand Strategy and the Future of East Asia. New York, 2007.

Swanström N., Kokubun R. Sino-Japanese Relations: The Need for Conflict Prevention and Management. Newcastle upon Tyne, 2009.

Shinoda T. Contemporary Japanese Politics: Institutional Changes and Power Shifts. New York, 2013.

Takagi S. Japan-China Relations: How to Build a “Strategic Relationship of Mutual Benefit”? // URL: <http://www.worldsecuritynetwork.com/Japan/Takagi-Seiichiro/Japan-China-Relations-How-to-Build-a-Strategic-Relationship-of-Mutual-Benefit> (access date: 23.11.2021).

Takahashi T. Japanese neoconservatism: Coping with China and North Korea // Security Challenges. 2010. № 6 (3). P. 21–40.

Uchida Ando Y. What Went Wrong Under the DPJ? // Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan / eds J. Gannon, R. Sahashi. Tokyo; New York, 2015. P. 108–131.

Yamamoto Y. Great powers, ASEAN, and Japan: the Fukuda doctrine and thirty-five years after // Japan’s Relations with Southeast Asia / ed. Peng Er Lam. Milton Park; Abingdon; Oxon, 2013. P. 35–52.

DOI: 10.31857/S013038640018568-2

© 2022 г. А.С. СИДОРОВ

ФРАНЦИЯ В ПОИСКАХ ТОЧКИ ОПОРЫ В ЛИВИИ ПОСЛЕ КАДДАФИ

Сидоров Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: alexandres.sidorov@gmail.com

Scopus Author ID: 572034414166; ORCID: 0000-0002-7634-047X; Researcher ID: Y-8061-2018

Аннотация. Исторически Ливия не входила в сферу интересов и влияния Франции, основу которых традиционно составляла франкоязычная Африка. После падения режима М. Каддафи в 2011 г. особое значение для Франции приобрели вопросы безопасности в странах Сахаро-Сахельского региона. Статью предваряет сжатый экскурс в историю франко-ливийского взаимодействия до и после падения режима Каддафи, когда ситуация внутри Ливии и на ее границах стала осложняться и превратилась в предмет растущей озабоченности в самой Франции и за ее пределами. Актуальность и новизна состоят в рассмотрении отношения Франции к ливийской проблематике в тесной увязке с силовым противодействием терроризму и обеспечением безопасности в странах Сахеля. Целью работы является анализ складывающейся в регионе ситуации, выявление мотивации и характера действий Франции в Ливии, вокруг Ливии и в контексте будущего постконфликтного урегулирования. При написании статьи на основе историко-генетического и историко-аналитического методов использованы отечественные и зарубежные монографии, статьи в научных журналах, официальные документы международных организаций. Сделаны выводы об ограниченности ресурсов и возможностей Франции стабилизировать обстановку в Ливии, о необоснованности вынужденной ставки на Х. Хафтара как точку опоры для обеспечения безопасности на юге Ливии, приграничных районах, для снижения проекции террористической угрозы на Сахаро-Сахельский регион. Также сделан вывод о критической недооценке Францией потенциала других влиятельных участников текущего ливийского кризиса, о сокращении в этих условиях возможностей Франции влиять на внутрививийское и региональное соотношение сил.

Ключевые слова: Франция, Ливия, внешняя политика, международные отношения, международные конфликты, Сахель, безопасность, Халифа Хафтар, джихадизм, терроризм.

A.S. Sidorov

France in Search of a Foothold in Post-Gaddafi Libya

Alexander Sidorov, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: alexandres.sidorov@gmail.com

Scopus Author ID: 572034414166; ORCID: 0000-0002-7634-047X; Researcher ID: Y-8061-2018

Abstract. Historically, Libya was not part of the French sphere of interest and influence, the core of which was traditionally formed by the Francophone Africa. Since the fall of the Gaddafi regime in 2011, security issues in the countries of the Sahara - Sahel region have become particularly important for France. The article is preceded by a brief historical account of Franco-Libyan relations up to and after the fall of the Gaddafi regime, when the situation within and along the Libyan borders deteriorated

and became a matter of growing concern in France and internationally. The relevance and novelty of this study lie in the examination of the French attitude towards the Libyan crisis in close conjunction with the need for forceful counter-terrorism actions and security measures in the Sahel. The aim is to analyse the evolving situation in the region, identifying the motivation for and the nature of France's actions in and around Libya, as well as in the context of a future post-conflict settlement. In writing the article, the author relied on historical-genetic and historical-analytical methods, drawing on national and international monographs, articles published in academic periodicals, and official documents of international organisations. He concludes that France had limited resources and capacity to stabilise Libya. He argues that the involuntary reliance on Khalifa Haftar as a fulcrum for security in southern Libya, the border areas, and for reducing the projection of the terrorist threat into the Sahara-Sahel region was unwarranted. It is also demonstrated that France has critically underestimated the potential of other influential parties to the current Libyan crisis, which, in the circumstances, has reduced its ability to influence the intra-Libyan and regional balance of power.

Keywords: France, Libya, foreign policy, international relations, international conflicts, Sahel, security, Khalifa Haftar, jihadism, terrorism.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

В начале XX в. по результатам итало-турецкой войны территории современной Ливии перешли под контроль Италии (которая рассматривала их как «четвертый берег Италии»¹) и получили название Итальянская Северная Африка. Официально Турция, в состав империи которой с XVI в. входили эти пространства, была вынуждена признать их новый статус, но сделала это лишь в 1934 г. Образованная из трех областей – Триполитании, Киренаики и Феззана – Ливия существовала как единое государство вплоть до 2011 г., в том числе благодаря режиму Каддафи².

После Второй мировой войны в арабских странах началось антиколониальное национально-освободительное движение с возникновением, с одной стороны, монархических и квазимонархических режимов (как в Ливии), а с другой – так называемых «прогрессистских» режимов, как баасизм³ в Сирии и Ираке или насеризм в Египте с руководящей ролью офицерского корпуса в обществе. На начальном этапе армия зачастую представляла собой единственную обеспечивающую управление государством силу, во главе которой стоял харизматичный лидер. Например, в Ливии им стал полковник М. Каддафи, в Алжире – полковник Х. Бумедьен. Со временем в большинстве арабских стран изначальная модель зачастую просвещенной автократической олигархии перерождалась в классическую диктаторскую модель⁴.

Франция исторически является «африканской» державой, учитывая ее тесную встроенность еще со времен Ш. де Голя в проект «Франсафрика» (Françafrique) – систему отношений с целым рядом постколониальных франкоязычных государств Африки – Бенин, Габон, Джибути, Камерун, Конго-Браззавиль, Мавритания, Мали, Нигер, Сенегал, Того, ЦАР, Чад⁵.

Ливия в эту систему не входила. Однако, имея общие границы с рядом важных для стабильности в Сахаро-Сахельском регионе стран – Чадом, Нигером, Алжиром, – Ливия в этом смысле представляла интерес для Франции. Еще со времен Второй республики

¹ *Сарабьев А.В.* Глобальное звучание вариантов независимости Ливии: 1937 год // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 144–158.

² *Малашенко А.В.* Революции в Тунисе, Египте и Ливии // Россия и мусульманский мир. 2011. № 7. С. 146.

³ Баасизм – арабская идеология, ставящая целью создание объединенного арабского государства под руководством партии-авангарда во главе с харизматичным лидером.

⁴ *Daguzan J.-F.* Décomposition et recomposition du monde arabe après les révolutions // Revue Défense Nationale. 2015. Avril. № 779. P. 64.

⁵ *Pondi J.-E.* La coopération franco-africaine vue d'Afrique // Revue internationale et stratégique. 2002. Vol. 45. Iss. 1. Printemps. P. 129.

(1848–1852 гг.) все президенты Франции в периоды, когда реализация их европейских проектов по тем или иным причинам испытывала трудности, обращали свое внимание на юг Средиземноморья, Африку. В последнем случае особое место среди объектов внимания Франции занимало геополитическое пространство Сахеля.

Слово Сахель на арабском языке означает географическое пространство Сахары до суданских саванн. Теоретики «кризисной дуги»⁶ применительно к Сахелю⁷ подразумевают под этим прежде всего территорию, где циркулируют идеи, мигранты, боевики, оружие. Это пространство уже давно находилось под влиянием арабских стран, главным образом Ливии, Алжира, Египта, и нефтяных монархий Персидского залива. После 2011 г. Ливия превратилась в важный экзогенный дестабилизирующий фактор в Сахеле. Обстановка в регионе дополнительно осложнялась крупными трансграничными поставками оружия в результате разграбления ливийских arsenалов. Подчеркнем, что исследуя социально-политические процессы в регионе, теоретики «кризисной дуги», или «дуги нестабильности»⁸, зачастую игнорируют эндогенную природу локальной динамики восстаний и антиправительственных выступлений⁹.

Не случайно британский специалист по военным вопросам Л. Фридман, обращаясь к проблеме качества прогнозов по безопасности, сделанных специалистами (военными, политиками, дипломатами, чиновниками, исследователями), отмечает, что в них до 2011 г. конфликт в Ливии не фигурировал. Он так и остался «неопознанным» до момента возникновения. «Самое точное предсказание на предстоящее десятилетие состоит в том, что произойдет нечто непредвиденное с серьезными последствиями»¹⁰. Такую расплывчатость прогнозов можно объяснить тем, что, несмотря на обобщающее название «арабская весна», каждый конфликт по-своему уникален — по его причинам, движущим силам, внешним и внутренним участникам.

Согласно оценкам Гейдельбергского института исследований международных конфликтов, многосторонний ливийский конфликт в североафриканском регионе классифицируется как сочетающий межплеменное соперничество и противостояние оппозиционных сил. По данным, опубликованным в «Барометре конфликтов» в 2021 г., из 359 зарегистрированных активных конфликтов в мире в 2020 г. четверть (86) пришлось на регион Африки южнее Сахары, причем растет число конфликтов с высоким уровнем насилия. Все конфликты такого рода носят религиозно-этнический, а также социальный характер и уходят корнями в доколониальное прошлое¹¹.

ВНЕШНЕЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО И ОБОСТРЕНИЕ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ

После франко-британского вмешательства 2011 г. под эгидой НАТО¹² нынешнее французское руководство неоднократно критиковало отсутствие политики постконфликтного

---

⁶ Hanne O., Larobi G. Jihâd au Sahel: Menaces, opération Barkhane, coopération régionale. Paris, 2015.

⁷ Теория, согласно которой Сахаро-Сахельский регион образует однородное пространство протяженностью от арабских стран побережья Красного моря до Западной Сахары и проецирует образ системы взаимосвязанных конфликтов, управляемых из единого центра // *Pérouse de Monclos M.-A. L'Afrique, nouvelle frontière du djihad?* Paris, 2018. P. 8, 9.

⁸ См. подробнее: Предварительный отчет заседания Совета Безопасности. 13 мая 2013 года. С. 19, 28 // URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/PV.6965> (дата обращения: 30.07.2021).

⁹ *Pérouse de Monclos M.-A.* Op. cit. P. 12.

¹⁰ Freedman L. Les guerres de la prochaine décennie // *Politique étrangère*. 2019. № 1. P. 100, 106.

¹¹ Conflict Barometer 2020. Heidelberg, 2021. P. 69, 177 // URL: https://hiik.de/wp-content/uploads/2021/03/ConflictBarometer_2020_1.pdf (дата обращения: 30.07.2021).

¹² Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года. S/RES/1973 (2011) // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1973\(2011\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1973(2011)) (дата обращения: 30.07.2021).

сопровождения у его западных участников – так называемой стратегии выхода – или представлений, что будет со страной после Каддафи¹³. При этом были граничащие с лицемерием наивные расчеты, что можно обрушить режим личной власти и одновременно сохранить управляемость государства. Не случайно президент США Б. Обама в одном из интервью перед уходом из Белого дома назвал вторжение в Ливию худшей ошибкой своего президентства¹⁴.

В редакционной статье французского журнала «Внешняя политика» также отмечена «поспешность» некоторых внешних участников, богатых стран, особенно в предвыборной обстановке (речь в нашем случае, видимо, идет о Франции и президенте Н. Саркози), которые, не имея ни средств, ни политической воли на перспективу, не отдавали себе отчета в том, что переход к демократии – процесс длительный¹⁵. Ранее на это обратила внимание отечественный исследователь-франковед Т.В. Зверева¹⁶.

С рукотворным обрушением в 2011 г. режима полковника М. Каддафи, где Франция сыграла ключевую роль (фактически французский экс-президент Н. Саркози был инициатором открытого военного вмешательства НАТО в ливийский конфликт в 2011 г.)¹⁷, Сахаро-Сахельское пространство открылось для Аль-Каиды, ее филиалов в Магрибе и структур запрещенного в России Исламского государства (ИГ). В частности, Исламское государство Большой Сахары и Группа поддержки ислама и мусульман, которые использовали разного рода недовольство местных племен для внедрения в их социально-экономическую ткань для криминализации экономики и продвижения альтернативного радикально-джихадистского политического проекта при «отсутствии государства или потери им легитимности»¹⁸. Положение в регионе осложнено и тем, что современное африканское постколониальное государство, на словах демократическое, на самом деле являлось олигархическим, стремящимся реализовать в более или менее скрытой форме господство одной этнической группы¹⁹.

Существует мнение, что образование Группы поддержки ислама и мусульман является своего рода ответом на создание под эгидой Франции вооруженного крыла Сахельской пятерки в составе Мавритании, Мали, Буркина-Фасо, Нигера и Чада²⁰. Руководитель Группы поддержки ислама и мусульман, лидер туарегов И. Аг-Гали, назвал Францию «историческим врагом в этой части исламского мира»²¹.

¹³ Libya: Examination of intervention and collapse and the UK's future policy options. House of Commons Foreign Affairs Committee Third Report of Session 2016–17. P. 3, 18 // URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm/201617/cmsselect/cmfa/119/119.pdf> (дата обращения: 30.07.2021); *Bloch M.* Emmanuel Macron critique de nouveau l'intervention en Libye de Nicolas Sarkozy // *Le Journal du Dimanche*. 2.II.2018. URL: <https://www.lejdd.fr/Politique/emmanuel-macron-critique-de-nouveaul-intervention-en-libye-de-nicolas-sarkozy-3563429> (дата обращения: 30.07.2021); *Kebbi J.* Pourquoi Macron critique l'intervention occidentale en Libye // *L'Orient-Le Jour*. 3.II.2018. URL: <https://www.lorientlejour.com/article/1098170/pourquoi-macron-critique-l-intervention-occidentale-en-libye.html> (дата обращения: 30.07.2021).

¹⁴ President Obama Admits the “Worst Mistake” of His Presidency // *Time*. 11.IV.2016. URL: <https://time.com/4288634/president-obama-worst-mistake/> (дата обращения: 30.07.2021).

¹⁵ La démocratie en Afrique: tours et détours. Editorial // *Politique étrangère*. 2019. № 2. P. 7.

¹⁶ *Зверева Т.В.* Внешняя политика современной Франции. М., 2014. С. 291.

¹⁷ См. подробнее: *Покудов З.В., Садыкова Э.Л.* Анализ регионализации военно-политических интересов США и ЕС на примере интервенции в Ливию в 2011 году // *Новая и новейшая история*. 2021. № 1. С. 159–168.

¹⁸ *Châtaigner J.-M.* La stabilisation du Sahel, nouveau rocher de Sisyphe? // *Politique étrangère*. 2020. № 3. P. 82.

¹⁹ *Gaulme F.* Conflits d'Afrique subsaharienne: l'éternel retour? // *Politique étrangère*. 2018. № 3. P. 49.

²⁰ *Lounnas Dj.* Le djihadisme au Sahel après la chute de Daech // *Politique étrangère*. 2019. № 2. P. 106.

²¹ *Bachir M.* “La France, notre premier ennemi”, selon l'émir du Sahel Iyad ag-Ghali // *The Middle East Eye*. 13.VIII.2018. URL: <https://www.middleeasteye.net/fr/reportages/la-france-notre-premier-ennemi-selon-lemir-du-sahel-iyad-ag-ghali> (дата обращения: 30.07.2021).

После тяжелых потерь джихадистов в ходе французских военных операций «Сервал» и «Бархан» с 2013 г. можно говорить о новой попытке «сахелизации» Аль-Каиды²². По оценкам британского исследователя Дж. Кинана, кризис в Мали 2012 г. стал прямым следствием «непродуманного вторжения НАТО в Ливию» и служит примером того, как не следует решать конфликты или достигать временного спокойствия, не говоря уже о прочном мире. При этом одним из последствий таких действий он видел в возможности Франции «узаконить свое вечное постколониальное военное присутствие в регионе»²³.

Специалист по Магрибу Ж.-Ф. Дагузан, заместитель директора аналитического центра Фонд стратегических исследований, вице-президент французского Института международной политики и геоэкономики, в свою очередь задается вопросом, в какой роли выступает Франция в регионе — «медиатора или участника-гладиатора»²⁴. В последнем случае имеется в виду активное участие в изменении политики в конкретной стране или в прилегающих пространствах. В Ливии роль Франции как «гладиатора» проявилась и после падения режима Каддафи, и в борьбе против ИГ и прочих джихадистских группировок в регионе.

Сюда с полным основанием можно добавить активную позицию Франции по формированию региональной архитектуры безопасности в Сахеле. На момент прихода к власти президента Э. Макрона существовали различные восприятия ливийской проблематики в МИД и Минобороны Франции. В руководящих документах Минобороны Франции — Белой книге 2013 г., Стратегическом обзоре Министерства обороны Франции 2017 г. и в его обновленной (февраль 2021 г.) версии — последовательно отражалось возрастающее негативное влияние ситуации в Ливии на безопасность в регионе. Сам же Макрон рассматривал ливийское досье как возможность укрепить дипломатический престиж Франции.

ВЫБОР ПАРТНЕРА В ЛИВИИ: РИСКИ И РАСЧЕТЫ

Говоря о военно-политическом противостоянии Франции и Ливии, условно можно выделить два этапа: при Каддафи и после его гибели. При жизни полковника активная фаза этого противостояния пришлась на президентство В. Жискара д'Эстена, Ф. Миттерана²⁵ и была формально завершена после заключения в 1987 г. чадско-ливийского перемирия и восстановления территориальной целостности Чада с передачей ему спорной Полосы Аузу.

При всем мощном негативном потенциале Каддафи Франции, на мой взгляд, было удобнее иметь дело с ним — он был фигурой до определенной степени договороспособной и, по мнению Ж.-Ф. Дагузана, «стержнем политической организации государства»²⁶. После падения режима Каддафи, когда было обрушено централизованное государство, как отмечал еще президент Франции Ф. Олланд²⁷, система управления в стране была утрачена в принципе. Из-за недалекости западных руководителей, отсутствия политики сопровождения после завершения военной операции, вмешательства без учета специфики арабо-исламских обществ акция Франции и НАТО в Ливии привела к распаду страны на множество группировок по этническому и идеологическому принципам,

²² Lounnas Dj. Op. cit. P. 107.

²³ Keenan J. Mali: un accord de paix qui aggrave les conflits // The Middle East Eye. 23.IX.2015. URL: <https://www.middleeasteye.net/node/44116> (дата обращения: 30.07.2021).

²⁴ Daguzan J.-F. La France et l'UE en Méditerranée: entre esprit de système et réalités // Politique étrangère. 2020. № 4. P. 110.

²⁵ См. подробнее: Лисенков К.А., Полякова Т.В., Сидоров А.С. Оценка соотношения сил участников регионального конфликта (на примере ситуации в Чаде) // Региональные и локальные конфликты: генезис, регулирование и прогнозирование / под ред. А.В. Торкунова. М., 1988. С. 42–58; Егорин А.З. История Ливии. М., 1999. С. 385–388.

²⁶ Daguzan J.-F. Décomposition et recomposition... P. 67.

²⁷ Holland F. Les leçons du pouvoir. Paris, 2018. P. 49.

подчеркивал Ж. Кепель, ведущий европейский эксперт по исламу и арабскому миру из Парижского университета естествознания и гуманитарных наук («Paris Sciences et Lettres»)²⁸. «Лоскутное ливийское одеяло, сотканное еще королем Идрисом» (как образно высказался отечественный исследователь А.З. Егорин в монографии «Свержение Муаммара Каддафи. Ливийский дневник 2011–2012 гг.», о чем упоминается и в более поздней книге), лопнуло²⁹. Можно утверждать, что с гибелью Каддафи был открыт ящик Пандоры: у Франции не стало «собеседника», точки приложения силы, чтобы влиять на ситуацию.

Все действия тогдашнего руководства Франции по обрушению режима Каддафи выглядели тем более иррациональными, что на протяжении длительного времени Франция умела общаться со стабильными авторитарными и диктаторскими режимами. Идеи бонапартизма, пустившие глубокие корни и лишь видоизмененные в Пятой республике, вполне могли быть экстраполированы на африканскую почву и достаточно естественно воспринимались французским руководством. Подобные режимы «эффективно подавляли исламистские организации... с пользой как для них самих, так и для французов»³⁰.

Еще в июле 2017 г., уже при Э. Макроне, в совместной межливийской (Ф. Сарадж – Х. Хафтар) декларации было подчеркнуто, что решение ливийского кризиса может быть только политическим³¹. Франция в связи с этим высказалась за скорейшее проведение общенациональных выборов, что в 2018 г. официально стало ключевой идеей ее ливийской политики. Против этого выступили Великобритания, Италия, США, поскольку сочли «поспешные» президентские выборы рискованным шагом, способным помочь привести к власти антиисламские силы и нарушить «хрупкое и искусственное равновесие в Триполитании»³².

Вместе с тем Франция негласно постоянно поддерживала именно самопровозглашенного маршала Х. Хафтара, известного своей склонностью решать проблемы военным путем. Здесь сыграла свою роль позиция бессменного министра обороны при президенте Ф. Олланде Ж.-И. Ле Дриана, который формировал повестку по сахельской и ливийской темам. Уже при Э. Макроне в качестве министра иностранных дел Франции именно он дал импульс политическому сотрудничеству с Хафтаром³³. В мае 2019 г., почти месяц спустя после начала наступления на Триполи (4 апреля 2019 г.) Национальной ливийской армии (НЛА) под командованием Хафтара, Ле Дриан в интервью газете «Фигаро» озвучил главные цели Франции в Ливии. В первую очередь это – борьба с терроризмом, «с давних пор приоритетная цель в регионе с начала французской операции “Сервал” в Мали в 2013 г.»³⁴.

---

²⁸ *Kepel G.* L'intenable solitude française au Mali // *Le Monde*. 18.I.2013. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2013/01/17/l-intenable-solitude-francaise-au-mali_1818193_3232.html (дата обращения: 24.12.2021).

²⁹ *Егорин А.З.* Арабский Восток в борьбе за обновление (Ливия, Египет, Сирия). Хроника событий, 2012–2013 гг. Казань, 2015. С. 31.

³⁰ *Мохова И.М., Мохов Н.В.* Реакция Франции на «арабскую весну»: старые ориентиры новой внешней политики // *Актуальные проблемы Европы*. 2012. № 3. С. 94.

³¹ Déclaration conjointe. Libye – Rencontres de la Celle-Saint-Cloud. 26 juillet 2017 // URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/07/26/libye-rencontres-de-la-celle-saint-cloud> (дата обращения: 30.07.2021).

³² *Harchaoui J.* La Libye depuis 2015: entre morcellement et interférence // *Politique étrangère*. 2018. № 4. P. 133–145.

³³ *Gillon J.* France-Libye: le maréchal Haftar, l'ami controversé de l'Élysée // *Jeune Afrique*. 18.III.2020. URL: <https://www.jeuneafrique.com/mag/909987/politique/le-marechal-haftar-lami-libyen-controverse-de-lelysee/> (дата обращения: 30.07.2021).

³⁴ *Lasserre I.* Jean-Yves Le Drian: “La France est en Libye pour combattre le terrorisme” // *Le Figaro*. 2.V.2019. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/jean-yves-le-drian-la-france-est-en-libye-pour-combattre-le-terrorisme-20190502> (дата обращения: 30.07.2021).

Другой причиной вовлеченности Франции в конфликт в Ливии, южные районы которой Ле Дриан еще в 2014 г. назвал «террористическим хабом»³⁵, провозглашались обеспечение безопасности соседних стран, таких как Египет и Тунис, борьба с незаконным перемещением людей, оружия, наркотиков. Отметим, что Хафтар действительно боролся с террористическими ячейками на юге Ливии, в Бенгази, что соответствовало интересам и Франции, и соседей Ливии. Позицию Ле Дриана вкратце можно истолковать так: поддерживать все, что служит интересам французов и дружественных Франции стран. При этом, подчеркивая необходимость политического решения, важность проведения выборов для легитимации участников политического процесса в Ливии, Франция на протяжении ряда лет продолжала поддерживать преимущественно Хафтара. Возникает вопрос, почему дело обстояло именно так.

Конечно, существовало признанное международным сообществом Правительство национального согласия (ПНС) во главе с Ф. Сараджем, но до недавнего времени ПНС контролировало лишь несколько правительственных кварталов в Триполи. Его связи с радикальными вооруженными группировками («милициями») Франция осуждала. В смысле реальной поддержки в борьбе против терроризма в регионе Франции было не с кем договариваться в Триполи, в отличие от Хафтара, который хотя бы контролировал значительную часть территории на ливийском юге. Самой же Франции была необходима точка опоры, «свой человек», чтобы решать задачи в Ливии и – главное – вокруг Ливии. Правда, настаивая на неприменимости Хафтара в политическом процессе, в Елисейском дворце отдавали себе отчет, что «он контролирует 80% территории, но лишь 20% населения»³⁶. Как показало развитие событий, этот фактор в дальнейшем в числе прочих привел к поражению Хафтара.

Подчеркнем, что позицию Франции по Ливии следует оценивать прежде всего в увязке с положением дел в регионе Сахеля, в пограничных с Ливией странах. Не случайно в целом по ливийской проблематике мнение французских военных (как, собственно, и по ситуации в Мали до Макрона – с учетом важности для Франции именно проблем безопасности и стабильности региона) стало превалировать в ущерб подходам дипломатов. Последние, по утверждению политика и специалиста по Африке М. Скарбонши, не обладали в глазах президента «культурой риска»³⁷. Одна из причин состояла в том, что джихадистские группы из Мали находили убежище и пополняли свои ресурсы на юге Ливии, в Феззанае, что создавало дополнительные трудности и было неприемлемо для французских военных, ведущих боевые действия в Сахаро-Сахельском регионе.

Еще одним важным, зачастую недооцененным, фактором поддержки Францией именно Хафтара выступает идеология. Речь идет о непримиримой позиции французского руководства относительно места и роли политического ислама в государственном устройстве Ливии и не только там³⁸. Здесь опять же прослеживается коннотация с Мали, где Париж сам поставил себя в затруднительное положение и теперь постепенно допускает различные вооруженные группы к более инклюзивному политическому диалогу при условии, что они не замешаны в явной террористической деятельности. Такая позиция напоминает американскую в отношении талибов в Афганистане.

---

³⁵ Le Drian: le sud de la Libye “est devenu un hub terroriste” // Le Point. 28.XII.2014. URL: https://www.lepoint.fr/monde/le-drian-le-sud-de-la-libye-est-devenu-un-hub-terroriste-28-12-2014-1892679_24.php (дата обращения: 30.07.2021).

³⁶ Smolar P. En Libye, le pari perdu de la France // Le Monde. 26.VI.2020. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/06/26/en-libye-le-pari-perdu-de-la-france_6044218_3212.html (дата обращения: 30.07.2021).

³⁷ Цит. по: Gillon J. Op. cit.

³⁸ Об экспансии политического ислама см. подробнее: *Kepele G. Jihad. Expansion et déclin de l'islamisme*. Paris, 2000.

Официально, как уже отмечалось, Париж в ходе ливийского кризиса выдерживал равноудаленную позицию, однако на протяжении ряда лет французское руководство предпочитало видеть в лице Х. Хафтара своего рода ливийского И. Деби Итно³⁹ (ныне покойного) — бессменного руководителя Чада с 1990 г., железной рукой правившего в стране без оглядки на оппозицию. Это очень говорящая параллель, которая свидетельствует не только о крайнем «прагматизме», но и об ограниченных возможностях Франции при сильном желании найти точку приложения сил для реализации своих целей в Ливии и в регионе, где любая реальная помощь на театре военных действий перевешивает все издержки, в том числе морально-политические. Поскольку борьба против терроризма представляет для Франции приоритет, ради этого она готова «закрыть глаза» на некоторые ущемления демократии⁴⁰.

Само военное участие Франции в военных операциях в Ливии весьма ограничено по сравнению с другими внешними участниками конфликта. Правда, несколько групп Сил специальных операций, по крайней мере с 2016 г., проводили в интересах сил Хафтара разведывательные операции, имея главной целью борьбу с террористическими ячейками в Ливии. Официально Париж не признавал такую деятельность на территории другого государства.

Главная роль Франции — влиятельного государства Евросоюза, постоянного члена Совета Безопасности ООН — состояла в политическом сопровождении, легитимации персоны Хафтара. Франция способствовала превращению «хулиганствующего полевого командира» в законного политического игрока, тем самым поддерживая его планы завоевать всю Ливию и возглавить государство⁴¹. Однако в своей легитимации, как и в создании дисциплинированной и боеспособной армии, Хафтар позднее столкнулся с трудностями.

Со стороны Франции в дальнейшем так и не прозвучало четкого и недвусмысленного осуждения его действий, хотя, с точки зрения руководства Франции, они и способствовали разжиганию гражданской войны в Ливии. Можно предположить, что в данном случае имела место своего рода манипуляция Францией со стороны Хафтара, который позиционировал себя в качестве единственной силы, способной противостоять террористам, радикальным исламистам-джихадистам. Примечательно, что в своей риторике Хафтар, по мнению специалиста по Ливии из международной неправительственной организации «Глобальная инициатива» Дж. Аршауи, отказывался отличать «Братьев-мусульман»⁴² от других джихадистских групп: для него все были террористами⁴³.

НОВОЕ РАВНОВЕСИЕ В ЛИВИИ И ОСЛАБЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ФРАНЦИИ

Фатальной ошибкой Хафтара, а также поддерживающих его внешних участников и крупным просчетом самой Франции стала недооценка решимости Турции и степени ее вмешательства в конфликт⁴⁴, последовавшего вскоре после подписания в Триполи

---

³⁹ *Poletti A.* Libye: comment le “silence complice” de la France permet à Khalifa Haftar de peser diplomatiquement // *Jeune Afrique*. 19.IV.2019. URL: <https://www.jeuneafrique.com/765220/politique/libye-comment-le-silence-complice-de-la-france-permet-a-khalifa-haftar-de-peser-diplomatiquement/> (дата обращения: 30.07.2021).

⁴⁰ *Hugeux V.* Tyrans d’Afrique. Paris, 2021. P. 31–32.

⁴¹ *Harchaoui J.* How France Is making Libya worse: Macron Is Strengthening Haftar. // *Foreign Affairs*. 21.IX.2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/france/2017-09-21/how-france-making-libya-worse> (дата обращения: 30.07.2021).

⁴² Организация «Братья-мусульмане» признана террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁴³ Цит. по: *Harchaoui J.* La Libye depuis 2015... P. 135.

⁴⁴ *Bobin F.* Guerre en Libye: le maréchal Haftar affaibli par l’implication croissante des Turcs // *Le Monde*. 17.IV.2020. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/04/17/guerre-en-libye-le-marechal-haftar-affaibli-par-l-implication-croissante-des-turcs_6036854_3212.html (дата обращения: 30.07.2021).

соглашения по безопасности между Турцией и Правительством национального единства 27 ноября 2019 г.⁴⁵

Военное вмешательство Турции радикально изменило соотношение сил на локальном поле боя в ущерб Хафтару и, как было отмечено в обновленной версии Стратегического обзора Министерства обороны Франции, отдалило перспективы дипломатического урегулирования кризиса, «вызвав усиление российского присутствия в Ливии»⁴⁶.

Лично мне ближе точка зрения исследователей, которые считают, что такое военное присутствие, напротив, успокоило ситуацию⁴⁷, создав условия для развития реального политического процесса в Ливии, для работы международных посредников (ООН, Московская и Берлинская встречи по Ливии в январе 2020 г., в Женеве в феврале 2020 г.). Произошла своего рода материализация изменения соотношения военных сил; достижение нового равновесия позволило, наконец, сдвинуть с места реальное политическое урегулирование.

Отметим, что и после этих важных политических форумов противников — Хафтар и ПНС — внешние участники продолжали в нарушение международного эмбарго накачивать регион оружием. По данным ООН, на июль 2020 г. порядка 70 транспортных самолетов приземлились в аэропортах на востоке Ливии для поддержки НЛА Хафтара и три десятка самолетов — в регионах на западе Ливии, контролируемых ПНС. Это, не считая нелегальных поставок, которые осуществлялись морским путем. Таким образом, инерция военного противостояния продолжала действовать вплоть до середины 2020 г.⁴⁸

Одним из негативных для имиджа (и не только имиджа) Франции последствий поспешного отхода сил Хафтара от Триполи стало то, что в руках многочисленных «милиций» радикального толка (укомплектованных главным образом сирийскими бойцами протурецкой ориентации) оказалось большое количество оружия, в том числе четыре единицы американского противотанкового ракетного комплекса Джавелин, числящиеся за французской армией, — некомплектные, как уверяли ее высокопоставленные представители⁴⁹. Таким образом, изначальная цель Франции — снижение силового потенциала экстремистских сил — была провалена⁵⁰. Нет гарантии, что это современное оружие через некоторое время не появится в Сакеле.

Парадоксальным образом передислокация операторов частной военной компании из России⁵¹ в ливийский регион Фезан для поддержки отступивших сил Хафтара, так критикуемая Францией, по крайней мере временно может сыграть французам на руку, объективно ограничивая поле маневра и передвижения там экстремистских группировок. Примерно об этом пишет Дж. Аршауи: «Неприятно об этом говорить, но сегодня присутствие (иностраных сил) обеспечивает мир»⁵².

---

⁴⁵ См.: подробнее: *Berghezan G.* Turquie: une empreinte militaire de plus en plus pesante à l'extérieur // Note d'Analyse. Bruxelles: Groupe de recherche et d'information sur la paix et la sécurité (GRIP), 21.I.2021. P. 8–10. URL: https://grip.org/wp-content/uploads/2021/01/NA_2021-01-21_FR_GB-Turquie-partie1.pdf (дата обращения: 30.07.2021).

⁴⁶ Actualisation stratégique 2021. Paris, Ministère des armées, 10.02.2021. P. 24 // URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements/actualisation-strategique-2021> (дата обращения: 30.07.2021).

⁴⁷ *Chesnot Chr.* Libye: une réunification à petits pas // France-Culture, 14.III.2021. URL: <https://www.franceculture.fr/geopolitique/libye-une-reunification-a-petits-pas> (дата обращения: 30.07.2021).

⁴⁸ Les violations de l'embargo sur les armes s'amplifient en Libye, selon l'ONU // *Le Monde*, 9.III.2020. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/09/03/les-violations-de-l-embargo-sur-les-armes-s-amplifient-en-libye-selon-l-onu_6050810_3212.html (дата обращения: 30.07.2021).

⁴⁹ *Bobin F., Guilbert N.* L'embarras de Paris après la découverte de missiles sur une base d'Haftar en Libye // *Le Monde*, 11.VII.2019. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2019/07/10/libye-des-missiles-appartenant-a-la-france-aux-mains-des-forces-antigouvernementales_5487736_3212.html (дата обращения: 30.07.2021).

⁵⁰ *Smolar P.* Op. cit.

⁵¹ Не имеют отношения к ВС России и не контролируются российским руководством.

⁵² Цит. по: *Dumas M.* Dix ans après Kadhafi, la Libye encore en proie à ses tourments // *Le Figaro*, 19.X.2021. <https://www.lefigaro.fr/international/dix-ans-apres-kadhafi-la-libye-encore-en-proie-a-ses-tourments-20211019> (дата обращения: 23.12.2021).

Впрочем, гибель в апреле 2021 г. президента Чада И. Деби в ходе боестолкновения с пришедшей с юга Ливии союзной Х. Хафтару чадской антиправительственной группировкой свидетельствует об относительности контроля Хафтара в регионе Феззан и, что более тревожно для Франции, о проницаемости чадско-ливийской границы⁵³. Случай с Деби показал, что строить планы, опираясь на такую фигуру, как Хафтар, было рискованно. Это привело к тому, что Франция постепенно стала следовать за событиями и из активного игрока превращаться в периферийного участника урегулирования конфликта в Ливии.

Возникает вопрос, какова позиция Франции сейчас, после военного поражения сил Хафтара. Во всяком случае, нынешняя ситуация не означает откат к положению дел апреля 2019 г., до начала битвы за Триполи. Для Франции (как, впрочем, и для Евросоюза в целом) все обстоит гораздо сложнее. В лице Хафтара утрачена точка опоры, которая позволяла Франции «малой кровью» частично парировать распространение террористических угроз из Ливии на Сахаро-Сахельский регион, а смерть Деби стала дополнительным фактором, серьезно осложнившим возможности Франции в борьбе с террористами в регионе. Учитывая важность Чада в Сахельской архитектуре безопасности, некоторые эксперты называют случившееся «стратегической потерей для Франции»⁵⁴.

Большая склонность Франции в настоящее время апеллировать к коллективным подходам является в значительной степени вынужденной. Коллективные дипломатические подходы не решают реальных проблем безопасности в Ливии и вокруг Ливии. Преимущество в этом отношении, по крайней мере сейчас, на стороне тех участников, которые, по мнению французских аналитиков, имеют силовой потенциал на театре военных действий, – Турции и России⁵⁵. Для того, чтобы нивелировать это преимущество, Франция выступает за исключение внешнего влияния на ситуацию в Ливии, требуя вывода всех иностранных вооруженных формирований с ее территории⁵⁶, разделяя в этом вопросе позицию США и ЕС⁵⁷. Насколько вывод таких формирований реален в нынешних условиях и не создаст ли реализация этого требования, с одной стороны, стратегическую пустоту, которая неизбежно будет заполнена террористическими силами, с другой – угрозу распространения хорошо вооруженных формирований по региону – вопрос риторический. Во всяком случае, эти требования, не подкрепленные механизмом их реализации, остаются до сих пор благими пожеланиями.

С ослаблением Хафтара (он тем не менее продолжает оставаться влиятельной фигурой, располагающей ресурсами, поддержкой и сохранившей амбиции)⁵⁸ Франции так или иначе понадобится новый влиятельный союзник с мощным силовым потенциалом. Технически такие возможности имеет Алжир, который уже проводил ограниченные

---

⁵³ *Bensimon C., Bobin F.* En Libye, les ratés du pari français sur Haftar // *Le Monde*. 4.V.2021. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/05/04/en-libye-les-rates-du-pari-francais-sur-haftar_6079048_3212.html (дата обращения: 30.07.2021).

⁵⁴ *Decroix Chr., Daclin C.* Mort d'Idriss Déby: une perte stratégique pour la France // *Radio Télé Luxembourg (RTL)*. 21.IV.2021. URL: <https://www.rtl.fr/actu/international/mort-d-idriss-deby-une-perde-strategique-pour-la-france-7900022648> (дата обращения: 30.07.2021).

⁵⁵ *Smolar P., Bobin F.* Libye: le maréchal Haftar, l'allié de Paris qui ne tient jamais ses engagements // *Le Monde*. 10.III.2020. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/03/10/le-marechal-haftar-l-allie-de-paris-qui-ne-tient-jamais-ses-engagements_6032461_3212.html; *Kepel G.* Away from chaos // *Émile Magazine*. 1.VII.2020. URL: <https://www.emilemagazine.fr/article/2020/6/30/gilles-kepel-away-from-chaos> (дата обращения: 23.12.2021).

⁵⁶ Point presse du Président de la République à l'issue du Conseil européen. 25 mars 2021. P. 3 // URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-17426-fr.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).

⁵⁷ Libye: à Berlin, les participants appellent au retrait "sans délai" des mercenaires // *Jeune Afrique*. 24.VII.2021. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1193299/politique/libye-a-berlin-les-participants-appellent-au-retrait-sans-delai-des-mercenaires/> (дата обращения 30.07.2021).

⁵⁸ *Vernhes S.* Libye: Haftar va-t-il à nouveau faire dérailler la transition? // *Jeune Afrique*. 15.VI.2021. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1188242/politique/libye-haftar-va-t-il-a-nouveau-faire-derailer-la-transition/> (дата обращения: 30.07.2021).

контртеррористические операции на территории Ливии⁵⁹. Во всяком случае, Франция усиленно пытается наладить отношения с Алжиром в целях его более активного подключения в рамках региональной Сахельской системы безопасности. В противном случае неизбежен рост конфронтации на границах Ливии и осложнение военной обстановки в странах Группы пяти (G5) региона Сахель.

Что касается отношений с новым руководством Ливии, скорее всего и в дальнейшем будет проявляться высокая политическая активность Франции (с максимальным привлечением потенциала западных и региональных союзников). В частности, с 29 марта 2021 г. восстановлена работа посольства Франции в Триполи. На встрече в Париже президента Франции Э. Макрона с новоизбранным руководством Ливии 23 марта 2021 г. были озвучены предложения о возобновлении военного сотрудничества. Схожие инициативы, в том числе об оказании Францией помощи Ливии в восстановлении контроля над сухопутными и морскими границами, прозвучали 1 июня 2021 г. в ходе визита премьер-министра Ливии А. Дбеиба во Францию⁶⁰. В повестке Франции присутствует также тема экономического сотрудничества: крупнейшие французские компании хотели бы побороться за рынок восстановления Ливии⁶¹.

* * *

Тема ответственности за нынешнюю ситуацию в Ливии, которая часто повторяется в выступлениях высших должностных лиц Франции, позволяет французскому руководству с полным основанием держать руку на пульсе ливийского досье, будь то в одностороннем порядке или в рамках международных (ООН) и региональных (Европейского союза, Африканского союза, Группы пяти (G5) региона Сахель и др.) организаций. Налицо попытка Франции «с чистого листа» вернуться в уже постконфликтный ливийский расклад, хотя время, похоже, уже упущено. Нынешнее развитие ситуации в Ливии, сложности с налаживанием там политического процесса и организацией проведения выборов потребуют от Франции и международного сообщества гораздо больших усилий для того, чтобы добиться положительного результата на этом направлении. Применительно к состоянию дел в сфере безопасности Сахаро-Сахельского региона – основной цели активности Франции – ситуация складывается таким образом, что существует риск ослабления всей архитектуры безопасности в Сахеле, которую Франция создавала на протяжении последнего десятилетия.

Библиография / References

Егорин А.З. История Ливии. XX век. М., 1999.

Егорин А.З. Арабский Восток в борьбе за обновление (Ливия, Египет, Сирия). Хроника событий, 2012–2013 гг. Казань, 2015.

Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции. М., 2014.

Лисенков К.А., Полякова Т.В., Сидоров А.С. Оценка соотношения сил участников регионального конфликта (на примере ситуации в Чаде) // Региональные и локальные конфликты: генезис, урегулирование и прогнозирование / под ред. А.В. Торкунова. М., 1988. С. 42–58.

Малащенко А.В. Революции в Тунисе, Египте и Ливии // Россия и мусульманский мир. 2011. № 7. С. 143–149.

⁵⁹ См. подробнее: Сидоров А.С. Африканская архитектура мира и безопасности и конфликт в Сахеле // Россия и современный мир. 2020. № 3. С. 183.

⁶⁰ La France doit restaurer sa crédibilité pour espérer reprendre pied en Libye // URL: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20210601-emmanuel-macron-re%C3%A7oit-le-chef-du-gouvernement-libyen-et-lui-apporte-son-plein-soutien> (дата обращения: 30.07.2021).

⁶¹ Libye: à Berlin, les participants appellent au retrait “sans délai” des mercenaires; Vernhes S. Libye: Vinci, Total, Sanofi... Le marché de la reconstruction aiguise l'appétit des entreprises françaises // Jeune Afrique. 6.VI.2021. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1183245/politique/libye-le-marche-de-la-reconstruction-aiguise-lappetit-des-entreprises-francaises/> (дата обращения: 30.07.2021).

Мохова И.М., Мохов Н.В. Реакция Франции на «арабскую весну»: старые ориентиры новой внешней политики // Актуальные проблемы Европы. 2012. № 3. С. 92–105.

Покудов З.В., Садыкова Э.Л. Анализ регионализации военно-политических интересов США и ЕС на примере интервенции в Ливию в 2011 году // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 159–168.

Предварительный отчет заседания Совета Безопасности ООН. 13 мая 2013 года // URL: <https://undocs.org/pdf?symbol-ru/S/PV.6965> (дата обращения: 30.07.2021).

Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года. S/RES/1973 (2011) // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1973\(2011\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1973(2011)) (дата обращения: 30.07.2021).

Сарабьев А.В. Глобальное звучание вариантов независимости Ливии: 1937 год // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 144–158.

Сидоров А.С. Африканская архитектура мира и безопасности и конфликт в Сахеле // Россия и современный мир. 2020. № 3. С. 175–190.

Egorin A.Z. Istoriya Livii. XX vek [History of Libya. 20th century]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Egorin A.Z. Arabskiy Vostok v borbe za obnovleniye (Livya, Yegipet, Siriya). Khronika sobytiy, 2012–2013 gg. [Arab East in the struggle for renewal (Libya, Egypt, Syria). Chronicle of events, 2012–2013]. Kazan', 2015. (In Russ.)

Lisenkov K.A., Polyakova T.V., Sidorov A.S. Otsenka sootnosheniya sil uchastnikov regional'nogo konflikta (na primere situatsii v Chade) [Assessment of the balance of forces of participants in a regional conflict (on the example of the situation in Chad)] // Regional'nyye i lokal'nyye konflikty: genezis, uregulirovaniye i prognozirovaniye / pod red. A.V. Torkunova [Regional and local conflicts: genesis, settlement and forecasting / ed. A.V. Torkunov]. Moskva, 1988. .S. 42–58. (In Russ.)

Malashenko A.V. Revolutsii v Tunise, Yegipte i Livii [Revolutions in Tunisia, Egypt and Libya] // Rossiya i musul'manskiy mir [Russia and muslim world]. 2011. № 7. С. 143–149. (In Russ.)

Mokhova I.M., Mokhov N.V. Reaktsiya Frantsii na “arabskuyu vesnu”: Staryye oriyentiry novoy vneshney politiki [France's Reaction to the “Arab Spring”: Old Landmarks of the New Foreign Policy] // Aktual'nyye problemy Yevropy [Current Problems of Europe]. 2012. № 3. С. 92–105. (In Russ.)

Pokudov Z.V., Sadykova E.L. Analiz regionalizatsii voyenno-politicheskikh interesov SShA i YES na primere interentsii v Liviyu v 2011 godu [Analysis of the regionalization of the military-political interests of the USA and the EU on the example of the intervention in Libya in 2011] // Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 1. С. 159–168. (In Russ.)

Predvaritel'nyy otchet zasedaniya Soveta Bezopasnosti OON [Preliminary Report of the Meeting of the UN Security Council]. May 13, 2013 // URL: <https://undocs.org/pdf?symbol-ru/S/PV.6965> (access date: 30.07.2021). (In Russ.)

Rezoljucija 1973 (2011), prinjataya Sovetom Bezopasnosti na ego 6498-m zasedanii 17 marta 2011 goda [Resolution 1973 (2011) Adopted by the Security Council at its 6498th meeting, on 17 March 2011]. S/RES/1973 (2011) // URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1973\(2011\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1973(2011)) (access date: 30.07.2021). (In Russ.)

Sarab'ev A.V. Global'noe zvuchanie variantov nezavisimosti Livii: 1937 god [The global sound of options for the independence of Libya: 1937] // Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 3. С. 144–158. (In Russ.)

Sidorov A.S. Afrikanская архитектура мира и безопасности и конфликт в Сахеле [African architecture of peace and security and the conflict in the Sahel] // Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Modern World]. 2020. № 3. С. 175–190. (In Russ.)

Zvereva T.V. Vneshnyaya politika sovremennoy Frantsii [Foreign policy of modern France]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Actualisation stratégique 2021. Paris, Ministère des armées. 10.02.2021. P. 24 // URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements/actualisation-strategique-2021> (access date: 30.07.2021).

Bachir M. “La France, notre premier ennemi”, selon l'émir du Sahel Iyad ag-Ghali // The Middle East Eye. 13.VIII.2018. URL: <https://www.middleeasteye.net/fr/reportages/la-france-notre-premier-ennemi-selon-lemir-du-sahel-iyad-ag-ghali> (access date: 30.07.2021).

Berghezan G. Turquie: une empreinte militaire de plus en plus pesante à l'extérieur // Note d'Analyse. Bruxelles: Groupe de recherche et d'information sur la paix et la sécurité (GRIP). 21.I.2021. P. 8–10. URL: https://grip.org/wp-content/uploads/2021/01/NA_2021-01-21_FR_GB-Turquie-partie1.pdf (access date: 30.07.2021).

Bloch M. Emmanuel Macron critique de nouveau l'intervention en Libye de Nicolas Sarkozy // Le Journal du Dimanche. 02.II.2018. URL: <https://www.lejdd.fr/Politique/emmanuel-macron-critique-de-nouveaul-intervention-en-libye-de-nicolas-sarkozy-3563429> (access date: 30.07.2021).

Châtaigner J.-M. La stabilisation du Sahel, nouveau rocher de Sisyphe? // Politique étrangère. 2020. № 3. P. 77–88.

Chesnot Chr. Libye: une réunification à petits pas // France-Culture. 14.III.2021. URL: <https://www.franceculture.fr/geopolitique/libye-une-reunification-a-petits-pas> (access date: 30.07.2021).

Conflict Barometer 2020. Heidelberg, 2021 // URL: https://hiik.de/wp-content/uploads/2021/03/Conflict-Barometer_2020_1.pdf (access date: 30.07.2021).

Daguzan J.-F. Décomposition et recomposition du monde arabe après les révolutions // *Revue Défense Nationale*. 2015. Avril. № 779. P. 63–68.

Daguzan J.-F. La France et l'UE en Méditerranée: entre esprit de système et réalités // *Politique étrangère*. 2020. № 4. P. 109–120.

Déclaration conjointe. Libye – Rencontres de la Celle-Saint-Cloud. 26 juillet 2017 // URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/07/26/libye-rencontres-de-la-celle-saint-cloud> (access date: 30.07.2021).

Decroix Chr., Daclin C. Mort d'Idriss Déby: une perte stratégique pour la France // *Radio Télé Luxembourg (RTL)*. 21.IV.2021. URL: <https://www.rtl.fr/actu/international/mort-d-idriss-deby-une-perte-strategique-pour-la-france-7900022648> (access date: 30.07.2021).

Freedman L. Les guerres de la prochaine décennie // *Politique étrangère*. 2019. № 1. P. 95–106.

Gaulme F. Conflits d'Afrique subsaharienne: l'éternel retour? // *Politique étrangère*. 2018. № 3. P. 39–50.

Gillon J. France-Libye: le maréchal Haftar, l'ami controversé de l'Élysée // *Jeune Afrique*. 18.III.2020. URL: <https://www.jeuneafrique.com/mag/909987/politique/le-marechal-haftar-lami-libyen-controverse-de-leysee/> (access date: 30.07.2021).

Hanne O., Larobi G. Jihâd au Sahel: Menaces, opération Barkhane, coopération régionale. Paris, 2015.

Harchaoui J. How France is making Libya worse: Macron is Strengthening Haftar // *Foreign Affairs*. 21.IX.2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/france/2017-09-21/how-france-making-libya-worse> (access date: 30.07.2021).

Harchaoui J. La Libye depuis 2015: entre morcellement et interférence // *Politique étrangère*. 2018. № 4. P. 133–145.

Holland F. Les leçons du pouvoir. Paris, 2018.

Hugeux V. Tyrans d'Afrique. Paris, 2021.

Kebbi J. Pourquoi Macron critique l'intervention occidentale en Libye // *L'Orient-Le Jour*. 3.II.2018. URL: <https://www.orientlejour.com/article/1098170/pourquoi-macron-critique-lintervention-occidentale-en-libye.html> (access date: 30.07.2021).

Keenan J. Mali: un accord de paix qui aggrave les conflits // *The Middle East Eye*. 23.IX.2015. URL: <https://www.middleeasteye.net/node/44116> (access date: 30.07.2021).

Kepel G. Away from chaos // *Émile Magazine*. 01.VII.2020. URL: <https://www.emile-magazine.fr/article/2020/6/30/gilles-kepel-away-from-chaos> (access date: 23.12.2021).

Kepel G. Jihad. Expansion et déclin de l'islamisme. Paris, 2000.

La démocratie en Afrique: tours et détours. Editorial // *Politique étrangère*. 2019. № 2. P. 5–8.

La France doit restaurer sa crédibilité pour espérer reprendre pied en Libye // URL: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20210601-emmanuel-macron-re%C3%A7oit-le-chef-du-gouvernement-libyen-et-lui-apporte-son-plein-soutien> (access date: 30.07.2021).

Le Drian: le sud de la Libye "est devenu un hub terroriste" // *Le Point*. 28.XII.2014. URL: https://www.lepoint.fr/monde/le-drian-le-sud-de-la-libye-est-devenu-un-hub-terroriste-28-12-2014-1892679_24.php (access date: 30.07.2021).

Libya: Examination of intervention and collapse and the UK's future policy options. House of Commons Foreign Affairs Committee Third Report of Session 2016–17 // URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmfa/119/119.pdf> (access date: 30.07.2021).

Libye: à Berlin, les participants appellent au retrait "sans délai" des mercenaires // *Jeune Afrique*. 24.07.2021. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1193299/politique/libye-a-berlin-les-participants-appellent-au-retrait-sans-delai-des-mercenaires/> (access date: 30.07.2021).

Loumnas Dj. Le djihadisme au Sahel après la chute de Daech // *Politique étrangère*. 2019. № 2. P. 105–114.

Pérouse de Monclos M.-A. L'Afrique, nouvelle frontière du djihad? Paris, 2018.

Point presse du Président de la République à l'issue du Conseil européen. 25 mars 2021 // URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-17426-fr.pdf> (access date: 30.07.2021).

Poletti A. Libye: comment le «silence complice» de la France permet à Khalifa Haftar de peser diplomatiquement // *Jeune Afrique*. 19.IV.2019. URL: <https://www.jeuneafrique.com/765220/politique/libye-comment-le-silence-complice-de-la-france-permet-a-khalifa-haftar-de-peser-diplomatiquement/> (access date: 30.07.2021).

Pondi J.-E. La coopération franco-africaine vue d'Afrique // *Revue internationale et stratégique*. 2002. Vol. 45. Iss. 1. Printemps. P. 127–136.

President Obama Admits the 'Worst Mistake' of His Presidency // *Time*. 11.IV.2016. URL: <https://time.com/4288634/president-obama-worst-mistake/> (access date: 30.07.2021).

Vernhes S. Libye: Haftar va-t-il à nouveau faire dérailler la transition? // *Jeune Afrique*. 15.VI.2021. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1188242/politique/libye-haftar-va-t-il-a-nouveau-faire-derailer-la-transition/> (access date: 30.07.2021).

Vernhes S. Libye: Vinci, Total, Sanofi... Le marché de la reconstruction aiguise l'appétit des entreprises françaises // *Jeune Afrique*. 6.VI.2021. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1183245/politique/libye-le-marche-de-la-reconstruction-aiguise-lappetit-des-entreprises-francaises/> (access date: 30.07.2021).

DOI: 10.31857/S013038640018574-9

© 2022 г. М.С. ПЕТРОВА

ДМИТРИЙ ГЕРАСИМОВ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ О МЕСТОИМЕНИИ

Петрова Майя Станиславовна — доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: beionyt@mail.ru

Scopus Author ID: 56785385200; ORCID: 0000-0000-0002-0789; Researcher ID: Q-4844-2016

Аннотация. В статье рассматривается посвященный местоимению раздел из восходящего к Донатовой «Ars grammatica» («Ars minor: De pronomine», IV в.) текста, приписываемого Дмитрию Герасимову и неизвестным авторам-переписчикам XVII в. Предпринимается попытка выявить методы работы Дмитрия и его продолжателей с текстом Доната, показать содержательные, смысловые и словесные параллели между латинским оригиналом и рассматриваемым изложением. В заключение, с одной стороны, показано, что в разделе о местоимении Дмитрию удалось достаточно близко передать Донатов текст. Это выразилось как в принятии им вопросно-ответной формы изложения и воспроизведении содержания, так и подборе соответствующих терминологических эквивалентов и примеров из родного языка. С другой стороны, демонстрируется, что и Дмитрий, и его авторы-продолжатели из-за имеющихся языковых различий вынужденно последовали западноевропейской традиции приспособления имеющихся латинских грамматических текстов («учебников») и их инструментария к образовательным нуждам своей эпохи и своего языка.

Ключевые слова: Дмитрий Герасимов, Донат, текст, источник, традиция, пример, образец.

M.S. Petrova

Dmitry Gerasimov and his Followers on the Pronoun

Maya Petrova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: beionyt@mail.ru

Scopus Author ID: 56785385200; ORCID: 0000-0000-0002-0789; Researcher ID: Q-4844-2016

Abstract. The paper deals with a section on the pronoun from a text dating back to Donatus' «Ars grammatica» («Ars minor: De pronomine») attributed to Dmitry Gerasimov and unknown authors of the 17th century. The methods of work of Dmitry and his successors with the text of Donatus, the meaningful, semantic and verbal parallels between the Latin original and their presentation are under consideration. On the one hand, it is shown that Dmitry managed to quite accurately render Donatus' text about the pronoun. This was reflected both in his adoption of a question-and-answer form of presentation and rendering of the content, and in his selection of appropriate terminological equivalents and examples from his own language. On the other hand, it is demonstrated that both Dmitry and his successors, due to the existing linguistic differences, were forced to follow the Western European tradition of adapting the available Latin grammatical texts (“textbooks”) and their tools to the educational needs of their epohe and their language.

Keywords: Dmitry Gerasimov, Donatus, text, source, tradition, example, sample.

Цель нашей статьи – рассмотреть посвященный местоимению раздел из восходящего к Донатовой «Ars grammatica» («Ars minor¹: De pronominē», IV в.)² текста, приписываемого Димитрию Толмачу (он же Дмитрий Герасимов [XVI в.]³) и неизвестным авторам XVII в. Мы предпримем попытку не только выявить методы работы Дмитрия и его продолжателей с «Грамматикой» Доната⁴, но и покажем содержательные, смысловые и словесные параллели между исходным латинским оригиналом и рассматриваемым нами изложением о местоимении, если таковые имеются.

Текст, в котором содержится интересующий нас раздел, издан И. В. Ягичем⁵ и Витторио Томеллери⁶. В издании И. В. Ягича он озаглавлен как «Донат» с пояснением, что это «грамматика и азбука, переведенная Дмитрием Толмачем с латинского языка»⁷. В издании В. Томеллери он не содержит титула, начинаясь со вступления так: «Книга, названная Донатом» (*Книга ꙗ҃маѧа донатѧ...*)⁸.

Ниже мы предлагаем читателю наш комментированный парафраз раздела о местоимении. При передаче терминологии латинского и русского (словенского)⁹ языков мы намеренно ее сохраняем в первоначальном смысле и написании. Однако с целью ее прояснения мы, с одной стороны, указываем на соответствующие термины и определения из

¹ О титулах Донатовой «Ars grammatica», названиях ее частей («Ars minor» и «Ars maior») см.: *Петрова М. С.* О Донатовой «Ars grammatica» и названиях ее частей // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2020. № 5. С. 134–144.

² О Донате, времени его жизни и интеллектуальном окружении см.: *Петрова М. С.* Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем. 2008. № 22. С. 80–92.

³ Перечень работ о жизни и деятельности Дмитрия см.: *Петрова М. С.* Восприятие латинского грамматического знания русской ученостью в XVI веке: на примере Дмитрия Герасимова и других // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 311; *Бондарчук Е. В.* Новгородский книжник Дмитрий Герасимов и культурные связи Московской Руси с Западной Европой в последней четверти XV – первой трети XVI в.: дисс. ... канд. ист. наук (спец. 07.00.02). СПб., 2015. С. 71–225. Об условности авторства Дмитрия рассматриваемого текста см.: *Петрова М. С.* Восприятие латинского грамматического знания... С. 311–317, 315, прим. 26. Далее мы будем позиционировать это сочинение как принадлежащее Димитрию (с учетом условности такого авторства).

⁴ Этой теме мы уже посвятили отдельные исследования, в которых рассматривалось изложение о буквах, частях речи в целом, имени и его падежных окончаниях: *Петрова М. С.* Восприятие латинского грамматического знания... С. 322–359; *Ее же.* «Установления грамматики Присциана» в русской образовательной традиции // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7. № 2. С. 492–506.

⁵ Разсуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языкѣ / собрали и объяснил И. В. Ягич. СПб., 1896. С. 547–551. Текст опубликован Ягичем по Казанской рукописи с учетом разночтений списка Основного собрания рукописей Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (далее – О2): *Ягич И. В.* Донатусъ в русскомъ переводѣ Дмитрія Толмача и другихъ // Там же. С. 524–528.

⁶ *Der russische Donat: vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik: historisch-kritische Ausgabe / Hrsg. und kommentiert von V. S. Tomelleri.* Köln; Weimar; Wien, 2002. S. 280–307. В основу этого издания положен текст неизвестного ранее манускрипта конца XVI в., обнаруженного издателем в 1990-х годах XX в.: Архангельское собрание Библиотеки Академии. № 476. XVI в. Л. 8–93. СПб.

⁷ *Ягич И. В.* Указ. соч. С. 528.

⁸ *Der russische Donat...* f 8r. S. 219. Ранее мы уже отмечали, что сохранившиеся рукописи с текстом Дмитрия и его последователей следует рассматривать независимо друг от друга, несмотря на то, что они составляют блок текстов, принадлежащих одной грамматической традиции и демонстрирующих восприятие и усвоение латинского знания в России XVI–XVII вв.: *Петрова М. С.* Восприятие латинского грамматического знания... С. 313–314.

⁹ Здесь и далее мы употребляем этот термин, принимая во внимание сложность решения вопроса относительно того, на какой язык (церковно-славянский или русский) был выполнен перевод Дмитрием: *Мечковская Н. Б.* Ранние восточно-славянские грамматики / ред. А. Е. Супрун. Минск, 1984. С. 34; *Живов В. М.* Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник (О книге D. S. Worth. The origins of Russian grammar. Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars. UCLA Slavic Studies. 5 Slavica. Columbus. 1983. 176 p.) // *Russian Linguistics*. 1986. № 10. С. 91; *Захарьин Д. Б.* О немецком влиянии на русскую грамматическую мысль // *Russian Linguistics*. 1991. № 15/3. С. 1–3. Мы полагаем, что текст Дмитрия принадлежит обоим языковым и литературным традициям.

«Грамматики Мелетия Смотрицкого» (1648 г.)¹⁰, относительно близкой Дмитрию по времени¹¹, а с другой — следуем той, что принята в современной грамматической науке. Пояснения И.В. Ягича к изданному им тексту Дмитрия приводятся в примечаниях (с указанием соответствующего места) с нашими дополнениями.

* * *

Разделы о местоимении (XIV–XV)¹² у Дмитрия следуют после его рассуждения об имени (I–XIIIa), завершающегося такими словами: «здесь¹³ учитель¹⁴, побеседовав вкратце о первой части вещания, то есть об имени... оставив и [их] род, и числа, и образы падения, и предложенные их подобники», предлагает беседу в виде вопросов и ответов о второй части речи — проимении¹⁵ (т.е. местоимении), что ставится вместо имени. Ему присущи «шесть начальных свойств... и прочие, к ним пристоящие». А именно, первое — качество, второе — род, третье — число, четвертое — образ, пятое — персона¹⁶, шестое — падение¹⁷.

Это отсутствующее у Доната изложение (XIIIa) служит своеобразным переходом Дмитрия от одной части речи к Прологу о другой (XIV). Что касается раздела «О проимении» в целом (XIV–XV), то его построение и способ подачи материала довольно близки оригиналу¹⁸. Передавая относящуюся к местоимению латинскую терминологию, Дмитрий пытается подобрать ей наиболее точные и близкие соответствия в своем языке, хотя это ему не всегда удается. Так, одна из терминологических связок, обозначающих вид местоимений: “*pronomen finita — pronomen infinita*”, — передана им как местоимения «окончальные» (у^ко^нч^ал^ьн^ыи) и «безокончальные» (н^еу^ко^нч^ал^ьн^ыи), а другая, относящаяся к способу их образования: “*figura simplex — figura composita*”, — как «единорядные» (ѣ^ди^но^ря^дн^ыи) и «сложные» (с^ло^жн^ыи).

XIV. ПРОЛОГ О ПРОИМЕНИИ, ИЛИ¹⁹ БЕСЕДА ПЕРВАЯ О²⁰ ВТОРОЙ ЧАСТИ ВЕЩАНИЯ²¹ О ПРОИМЕНИИ, ЧТО ПОДРАЗУМЕВАЕТ ВМЕСТО ИМЕНИ

В[опрос]: Что такое проимение.

¹⁰ Грамматика 1948 г. / предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминой. М., 2007.

¹¹ Наш выбор этого текста также обусловлен и наличием у него статуса «официального издания московской грамотности»: Кузьминова Е.А. Предисловие // Грамматика 1948 г. С. 3.

¹² Здесь и далее мы придерживаемся составленной нами ранее рубрикации разделов текста Дмитрия: Петрова М.С. Восприятие латинского грамматического знания... С. 327–328; 330–359.

¹³ В этом месте И.В. Ягич отмечает совпадение рукописи O2 с Казанским списком: Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 547. Прим. 1.

¹⁴ В рукописи O2: Магистръ // Там же. Прим. 2.

¹⁵ Так Дмитрий передает латинский термин «*praenomen*» (местоимение). Ср.: проимение — *praenomen*; имя — *nomen*.

¹⁶ Т.е. лицо.

¹⁷ В подготовленном Е.А. Кузьминой издании Грамматики 1948 г. приводится восемь свойств местоимения: «Вид, качество, род, число, начертание, лицо, падеж и склонение» // Грамматика 1948 г. 159 об. С. 173. Чуть ниже обозначены два вида местоимений: первообразный и производный // Там же.

¹⁸ Мы сравниваем текст Дмитрия с «*Ars grammatica*» («*Ars minor: De pronomine*») Доната по последним критическим изданиям: *Donati Grammatici Urbis Romae Ars grammatica. De pronomine* // *Grammatici Latini / ex. rec. N. Keilii. Vol. 4. 1864. URL: https://archive.org/details/grammaticilatini01keil/page/* (дата обращения: 11.01.2021); *Holtz L. Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical // Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine. Paris, 1981.* Сам же Дмитрий пользовался утраченным ныне изданием 1530 г. и/или чуть более поздним, оно также не сохранилось. Очевидно, в них имели место некоторые различия по сравнению с текстом последних изданий, однако они вряд ли могли бы изменить общую картину. См. также комментарии И.В. Ягича, которые мы приводим ниже.

¹⁹ Или — в рукописи O2 нет // Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 547. Прим. 3.

²⁰ В рукописи O2 дальнейшее изложение пропущено до нового вопроса // Там же. Прим. 4.

²¹ Т.е. части речи.

О[твет]: Часть речи, что вместо имени ставится [и] то же самое означает, и иногда лицо принимает²².

В.: Сколько у проимения [свойств].

О.: Шесть.

В.: Какие.

О.: Качество, род, число, образ, падение, лицо²³.

В.: Качество проимением²⁴ как проявляется.

О.: Только двумя способами.

В.: Какими же.

О.: Проимения бывают или окончательные, или безокончальные²⁵.

В.: Какие окончательные.

О.: Те, которые принимают[ся]²⁶ лица, как а^з, ты²⁷, или ѿнсица²⁸.

В.: Какие безокончальные.

О.: Которые не приемлют лиц, как кто²⁹, кѡн, колъ, кѡе.

В.: Сколько родов у проимения.

О.: Те же, что и у имени. Мужской род, как котѡръи, женский, как котѡра, посредний, как котѡроѡ. Общий, как какѡвѡ, такѡвѡ. Трех³⁰ родов, что всячески говорится: а^з, ты, свѡегѡ.

В.: Чисел у проимения сколько.

О.: Два.

В.: Какие.

О.: Единственное, как си, множественное, как сѡи.

В.: Образов у проимения сколько.

О.: Два.

В.: Какие.

О.: Единорядный, как кто, кѡн. Сложный, как кто тои³¹.

В.: Лиц у проимения сколько.

О.: Три.

В.: Какие.

²² Ср.: «Местоимение есть склоняемая часть [речи], принимаемая вместо имени» // Грамматика 1948 г. 159. С. 173.

²³ «Образ, персона, падение» – чтение О2 // Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 547. Прим. 7.

²⁴ Чтение исправлено И.В. Ягичем по О2, где записано: проимением. В Казанской рукописи описка: падением // Там же. Прим. 8.

²⁵ Ср. ошибочное написание рукописи О2 // Там же. Прим. 9. В оригинальном тексте «Aut enim finita sunt pronomina, aut infinita» – т.е. речь идет об определенных и неопределенных местоимениях. Первые из них принимают лица, вторые – не принимают // Grammatici Latini. Versus 5–6. P. 357; Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine. Versus. 5–6. P. 588.

²⁶ Чтение Казанской рукописи с окончанием [-ся], которое явно лишнее, в рукописи О2 – правильно: приемлют. Также в рукописи О2 после слова «лица» написано «персонаг» // Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 547. Прим. 10. В латинском тексте: “Quae recipiunt personas” (здесь и далее курсив наш. – М.И.) // Grammatici Latini. Versus. 6. P. 357; Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine. Versus. 6. P. 588.

²⁷ Исправлено по О2. В Казанском списке ошибочно записано: ты // Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 547. Прим. 11.

²⁸ Слов «или ѿнсица» в О2 нет // Там же. Прим. 12. В латинском тексте: ego, tu, ille // Grammatici Latini. Versus. 6. P. 357; Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine. Versus. 6. P. 588.

²⁹ Ср. чтение О2: кто ѡловѡк // Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 547. Прим. 14. В латинском тексте: quis, quae, quod // Grammatici Latini. Versus. 7. P. 357; Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine. Versus. 7. P. 588.

³⁰ В О2 предшествует комѡне тѡли, следуя латинскому тексту “commune ut qualis talis” // Grammatici Latini. Versus. 9. P. 357; Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine. Versus. 9. P. 588; Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 548. Прим. 2.

³¹ В латинском тексте “quisquis” // Grammatici Latini. Versus. 9. P. 357; Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine. Versus. 9. P. 588. В О2: ктоѡ // Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 548. Прим. 3.

О.: Первое, как а², второе, как т^ы, третье, как т^о³².

В.: Падений у проимения сколько³³.

О.: Шесть, такие [же] как у имени. По этим падениям имена и проимения, и причастия всех родов склоняются по порядку, также* и последовательно* они ставятся*³⁴.

* * *

У Доната в «Ars grammatica» («Ars minor») одноименный раздел также начинается с вопроса, что такое местоимение, на который дается ответ в виде его определения. Затем, как и у Доната, в вопросно-ответной форме в тексте Дмитрия обсуждаются признаки и свойства местоимения (которых также шесть: качество, род, число, лицо, фигура [-образ], падеж); предлагаются примеры изменений местоимений по лицам, числам и падежам. Следующие ниже релевантный фрагмент из текста Доната и выполненный нами его современный перевод на русский язык³⁵ подтверждают достаточно близкое следование Дмитрия оригиналу.

Donatus [Ars minor]. De pronomine [Grammatici Latini. Versus. 1–15. P. 357; Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine. Versus. 1–17. P. 588]	Донат [Малая грамматика – Краткая наука о частях речи ³⁶] О местоимении
<ul style="list-style-type: none"> – Pronomen quid est? – Pars orationis, quae pro nomine posita tantundem paene significat personamque interdum recipit. – Pronomini quot accidunt? – Sex. – Quae? – Qualitas genus numerus figura persona casus. – Qualitas pronominum in quo est? – Bipertita est: aut enim finita sunt pronomina aut infinita. – Quae sunt finita? – Quae recipiunt personas, ut <i>ego, tu, ille</i>. – Quae sunt infinita? – Quae non recipiunt personas, ut <i>quis, quae, quod</i>. – Genera pronominum quae sunt? – Eadem fere quae et nominum: masculinum, ut <i>quis</i>, femininum, ut <i>quae</i>, neutrum, ut <i>quod</i>, commune, ut <i>qualis, talis</i>, trium generum, ut <i>ego, tu</i>. – Numeri pronominum quot sunt? – Duo. 	<ul style="list-style-type: none"> – Что такое местоимение? – Часть речи, которая ставится вместо имени, обозначает то же лицо и иногда принимает [его]. – Сколько атрибутов у местоимения? – Шесть. – Какие? – Качество, род, число, фигура, лицо, падеж. – В чем [состоит] качество местоимений? – В двойном [разделении]: ведь есть или определенные местоимения, или неопределенные. – Какие определенные? – [Те], которые принимают лица, как <i>ego, tu, ille</i>. – Какие неопределенные? – [Те], которые не принимают лица, как <i>quis, quae, quod</i>. – Сколько родов у местоимений? – Почти столько же, как у имени: мужской [род], как <i>quis</i>, женский, как <i>quae</i>, средний, как <i>quod</i>, общий, как <i>qualis, talis</i>. [Есть] трех-родовое [местоимение], как <i>ego, tu</i>. – Сколько чисел у местоимений? – Два.

³² К слову «т^ои» на полях прибавлено «шница», чего нет в рукописи О2 // Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 548. Прим. 4.

³³ Чтение О2: Колицы // Там же. Прим. 5.

³⁴ Отмеченные * слова в рукописи О2 отсутствуют // Там же. Прим. 6.

³⁵ Мы намеренно сохраняем латинскую терминологию оригинала при ее передаче на русский язык.

³⁶ Полный комментированный перевод этого текста см.: *Донат*. Краткая наука о частях речи / пер. с лат., прим. М.С. Петровой // Диалог со временем. 1999. № 1. С. 306–334. О тексте и нашем подходе при его переводе, см.: *Петрова М.С.* Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века: «Ars minor» Доната // Диалог со временем. 1999. № 1. С. 298–300.

<ul style="list-style-type: none"> — Qui? — Singularis, ut <i>hic</i>, pluralis, ut <i>hi</i>. — Figurae pronominum quot sunt? — Duae. — Quae? — Simplex, ut <i>quis</i>, conposita, ut <i>quisquis</i>. — Personae pronominum quot sunt? — Tres. — Quae? — Prima, ut <i>ego</i>, secunda, ut <i>tu</i>, tertia, ut <i>ille</i>. — Casus item pronominum quot sunt? — Sex, quem ad modum et nominum, per quos omnium generum pronomina inflectuntur hoc modo. 	<ul style="list-style-type: none"> — Какие? — Единственное, как <i>hic</i> и множественное, как <i>hi</i>. — Сколько фигур у местоимений? — Две. — Какие? — Простая, как <i>quis</i> и составная, как <i>quisquis</i>. — Сколько лиц у местоимений? — Три. — Какие? — Первое [лицо], как <i>ego</i>, второе, как <i>tu</i>, третье, как <i>ille</i>³⁷. — Сколько падежей у местоимений? — Шесть, так же как у имен, благодаря которым у местоимений всех родов изменяются окончания таким образом.
---	---

Имеющиеся сходства (+) и различия (–) между Донатом и Дмитрием можно показать так (таблица 1).

Таблица 1

Сходства и различия в текстах Доната и Дмитрия

Сходства / отличия	Донат	Дмитрий
Термин и определение	pronomen	примение
Количество признаков, их порядок	6 + qualitas, genus, numerus, figura, casus, persona (качество, род, число, фигура [образ], лицо, падеж) +/-	6 + качество, р ^д , число, в ^б ра ^з , падение, лице (качество, род, число, образ, падение, лицо) +/-
Качество (вид), его объяснение, примеры	finita – infinita (определенные – неопределенные) ego, tu, ille +/-	у ^к ончальн ^ы е – не ^у к ^о нчальн ^ы е (окончальные – безокончальные) а ^з , т ^ы , т ^о и или ѿн ^с ица +/-
Род	+	+
Количество чисел	2 +	2 +
Фигура (=образ); объяснение и примеры	simplex – composite (простая – составная) +/-	ѣдинор ^ѣ дн ^ы и – сл ^о жн ^ы и (единорядный – сложный) +/-
Лицо	+	+
Количество падежей	6 +	6 +

Далее Дмитрий, следуя Донату, приводит парадигмы изменения местоимений по падежам, лицам и числам. Но он подбирает их из своего родного языка, пытаясь «приложить»

³⁷ Ego, tu – личные местоимения, ille – указательное.

к нему латинский инструментарий³⁸. В итоге он создает другой текст, у которого иные образовательные функции и задачи.

ХV. О ПРОИМЕНИИ, БЕСЕДА ВТОРАЯ

ѣзъ или ѣзъ проимение окончальное³⁹, рода всяческаго, числа единственнаго, образа единоряднаго, лица перваго, падеия именовагельнаго, которое склоняется так [в единственном числе]⁴⁰:

- [Именовагельное⁴¹ —] ѣзъ,
- [Родственнаго —] ѣзѣго или ѣзѣ⁴²,
- [Дательнаго —] ѣзѣ,
- [Виновнаго —] ѣзѣ,
- [Звагельное — лишається],
- [Отрицагельное —] ѡ ѣзѣ.

А во множественном [числе так]:

- [Именовагельное —] ѣзѣ,
- [Родственнаго —] ѣзѣго или ѣзѣ⁴³,
- [Дательнаго —] ѣзѣ,
- [Виновнаго —] ѣзѣ,
- [Звагельное — лишається],
- [Отрицагельное —] ѡ ѣзѣ.

Лица втораго, рода всяческаго [так]⁴⁴:

- [Именовагельное —] ѣзѣ,
- [Родственнаго —] ѣзѣ[ѣ] или ѣзѣго⁴⁵,
- [Дательнаго —] ѣзѣ,
- [Виновнаго —] ѣзѣ,
- [Звагельное —] ѡ ѣзѣ,
- [Отрицагельное —] ѡѣзѣ⁴⁶.

А во множественном числе [так]:

- [Именовагельное —] ѣзѣ,

³⁸ Здесь отметим существование ранней западноевропейской практики приспособления средневековыми авторами Донатова текста к нормам своих языков и нуждам своих образовательных систем. В пример можно привести восходящий к Донату первый ирландский учебник латинского языка «Ars Asporii» (или «Asperi») (VI–VII вв.) и различные версии элементарной грамматики «Ars Ambianensis». См. подробнее: *Ó Cróinín D. Early Medieval Ireland 400–1200*. London; New York, 1997. P. 175–176; *Law V. When is Donatus not Donatus? Versions, variants and new texts // Peritia*. 1986. № 5. P. 235–261; *Ars Ambianensis: Le tre redazioni delle Declinationes nominum / editio princeps con commento e indici a cura di C. Giannone*. Hildesheim, 2016. Таким образом, Дмитрий здесь не оригинален.

³⁹ Чтение O2: Оѣзѣннѣ // Разсужденія южнославянскои и русскои старины... С. 548. Прим. 7. В оригинальном тексте: Ego pronomem finitum // Grammatici Latini. Versus. 16. P. 357; *Ars Donati Grammatici Urbis Romae*. 3. De pronomine. Versus. 18. P. 588.

⁴⁰ В «Грамматике 1948 г.» приводится иное склонение этого местоимения в единственном, двойственном и множественном числах // Грамматика 1948 г. 161 об. — 162. С. 175–176.

⁴¹ Поскольку Дмитрий пишет о шести падежах как у имени, здесь и ниже для наглядности и лучшего восприятия текста мы приводим их перечень в квадратных скобках. Мы также указываем на отсутствие соответствующей формы в звагельном падеже, следуя в этом ранней традиции изложения примеров склонений местоимений // Там же. 161 об. С. 175.

⁴² В рукописи O2: ѣзѣ или ѣзѣго, в Казанском списке написано ошибочно: ѣзѣго или ѣзѣго // Разсужденія южнославянскои и русскои старины... С. 548. Прим. 8.

⁴³ «Нашѣ или нашѣго» — чтение рукописи O2 // Там же. Прим. 9.

⁴⁴ В «Грамматике 1948 г.» приводится иное склонение этого местоимения в единственном, двойственном и множественном числах // Грамматика 1948 г. 162. С. 176.

⁴⁵ Исправлено по O2: ѣзѣ или ѣзѣго // Разсужденія южнославянскои и русскои старины... С. 548. Прим. 10.

⁴⁶ В Казанском списке: ѡ ѣзѣ, в O2 — ѡ ѣзѣ // Там же. Прим. 11.

[Родственное —] *váшего* или *váшеиш*⁴⁷,
 [Дательное —] *váицъ*,
 [Виновное —] *váсъ*,
 [Звательное —] *ѡ вѣы*,
 [Отрицательное —] *ѡ вáсъ*⁴⁸.

Применительно к личным местоимениям первого и второго лица Дмитрию удастся подобрать эквиваленты в своем языке и, соответственно, здесь он близко следует оригинальному тексту.

<p>Donatus [Ars minor]</p> <p>De pronomine</p> <p>[Grammatici Latini. Versus. 16–21. P. 357; Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine. Versus. 18–22. P. 588.]</p>	<p>Донат [Малая грамматика =</p> <p>Краткая наука о частях речи]</p> <p>О местоимении</p>
<p><i>Ego</i> pronomen finitum generis omnis numeri singularis figurae simplicis personae primae casus nominativi, quod declinabitur sic: <i>ego, mei, vel mis, mihi, me, a me</i> et pluraliter <i>nos, nostrum vel nostri, nobis, nos, o, a nobis</i>:</p> <p>personae secundae generis omnis numeri singularis <i>tu, tui vel tis, tibi, te, o, a te</i> et pluraliter <i>vos, vestrum vel vestri, vobis, vos, o, a vobis</i>.</p>	<p><i>Ego</i> — определенное местоимение, всех родов, единственного числа, простое по фигуре [составления], первого лица, в именительном падеже, будет склоняться так: <i>ego, mei</i> или <i>mis, mihi, me, a me</i> и во множественном [числе]: <i>nos, nostrum</i> или <i>nostri, nobis, nos, o</i>⁴⁹, <i>a nobis</i>.</p> <p>[Местоимение] второго лица, всех родов, единственного числа [так]: <i>tu, tui</i> или <i>tis, tibi, te, o [tu], a te</i> и во множественном [числе]: <i>vos, vestrum</i> или <i>vestri, vobis, vos, o, a vobis</i>.</p>

Но далее, когда речь идет о местоимениях третьего лица, его примеры не только объединяют склонение местоимений нескольких типов: в современной морфологической терминологии возвратного (себя), не обладающего грамматическими категориями лица, числа и рода и зачастую относящегося к любым личным местоимениям как единственного, так и множественного числа; притяжательного (свой), определительного (сам), указательных (тот, та, то; сей, сия, сие) и личных третьего лица (он, она, оно), но и демонстрируют их смешение. Так происходит в самом первом случае, когда смешиваются местоимения «себя» и «свой»:

Лица третьего, рода всяческого, обоих чисел, без именовательного и звательного [падений], уклоняется так⁵⁰:

[Родственное —] *своѣго*,
 [Дательное —] *сѣицъ*,
 [Виновное —] *сѣе*,
 [Отрицательное —] *ѡ сѣицъ*'.

⁴⁷ Лучшее чтение в О2: *вашѣ* или *вашѣго* // Там же. Прим. 12.

⁴⁸ Чтение рукописи О2: *ѡт вáс* // Там же. Прим. 13.

⁴⁹ Здесь *-o* указывает на форму звательного падежа.

⁵⁰ В «Грамматике 1948 г.»: *Возврати... сѣе* // Грамматика 1948 г. 160 об. С. 174. Ср. также: «*Сѣе*. [Местоимение] числа единственного. Именител[ьного падежа] лиш[ается]; родительный — *сѣе*, дательный — *сѣицъ* или *си*; вин[ительный] — *сѣе* или *сѣ*, творительный — *сѣою*, сказател[ьный] — *ѡ сѣе*. Двойственного и множественного числа по падежам всех родов. Имен[ительного падежа] лишается; родительный — *сѣе*, дательный — *сѣицъ* или *си*; вин[ительный] — *сѣе* или *сѣ*, зват[ельного] — лишается, творительный — *сѣою*, сказател[ьный] — *ѡ сѣицъ*» // Там же. 162 об. С. 176–177.

А во множественном [числе – так]:

[Дательное –] своѣ,

[Родственное –] своиѣ,

[Виновное –] сеиѣ, сеиѣ самѣѣ⁵¹,

[Отрицательное –] ѿ сеиѣ самѣѣ⁵¹.

Рода мужского⁵² [в единственном числе, склоняется так]:

[Именовательное –] тоѣ,

[Родственное –] того,

[Дательное –] томѣ,

[Виновное –] тогѣ,

[Отрицательное –] ѿ того.

А во множественном [числе так]:

[Именовательное –] тѣ,

[Родственное –] тѣхъ,

[Дательное –] тѣмъ,

[Отрицательное –] ѿ тѣхъ.

Рода женского⁵³ [в единственном числе так]:

[Именовательное –] та,

[Родственное –] тѣѣ⁵⁴,

[Дательное –] тоѣ,

[Виновное –] тѣ,

[Отрицательное –] ѿ тѣѣ.

А во множественном [числе так]:

[Именовательное –] тѣ [ѿи],

[Родственное –] тѣхъ,

[Дательное –] тѣмъ,

[Виновное –] тѣхъ,

[Отрицательное –] ѿ тѣхъ.

Рода посреднего⁵⁵ [в единственном числе так]:

[Именовательное –] тоѣ,

[Родственное –] тогоѣ,

[Дательное –] томѣ,

[Виновное –] то,

[Отрицательное –] ѿ тогоѣ.

А во множественном [числе так]⁵⁶:

[Именовательное –] тѣ,

[Родственное –] тѣхъ,

[Дательное –] тѣмъ,

[Отрицательное –] ѿ тѣхъ, тѣма⁵⁷.

⁵¹ Чтение О2: своѣго, сеиѣ, ѿт сеиѣ – для единственного и множественного чисел // Разсужденія южнославянской и русской старины... С. 548. Прим. 14.

⁵² Ср. также: Грамматика 1948 г. 160. С. 174. Это местоимение относится к указательным. Его склонение ср.: Там же. 167об. С. 183.

⁵³ Ср.: склонение этого местоимения в единственном, двойственном и множественном числах // Там же. 168. С. 184.

⁵⁴ Тоѣ – чтение рукописи О2 // Разсужденія южнославянской и русской старины... С. 549. Прим. 1.

⁵⁵ Ср.: склонение этого местоимения в единственном, двойственном и множественном числах // Грамматика 1948 г. 168–168 об. С. 184–185.

⁵⁶ Здесь и далее форма винительного падежа, совпадающая с формой в именительном падеже, в тексте Дмитрия не указывается.

⁵⁷ Этой формы в рукописи О2 нет // Разсужденія южнославянской и русской старины... С. 549. Прим. 2.

Рода мужского [третьего лица в единственном числе⁵⁸ так]:

[Именительное —] ѡнѣ,

[Родственное —] ѡнаго⁵⁹,

[Дательное —] ѡномѣ,

[Отрицательного —] ѡ ѡнаго⁶⁰.

А во множественном [числе так]:

[Именительное —] ѡни,

[Родственное —] ѡнѣхъ,

[Дательное —] ѡнѣма,

[Отрицательное —] ѡ ѡнѣхъ⁶¹.

Рода женского [так]⁶²:

[Именительное —] ѡна́ [сама],

[Родственное —] ѡноя,

[Дательное —] ѡнои,

[Виновное —] ѡнѣ,

[Отрицательное —] ѡ ѡноѣ.

А во множественном [числе так]:

[Именительное —] ѡнѣ,

[Родственное —] ѡнѣхъ,

[Дательное —] ѡнѣмъ,

[Отрицательное —] ѡ ѡнѣхъ.

Рода посреднего [в единственном числе так]⁶³:

[Именительное —] ѡно́ [или тѣ]⁶⁴,

[Родственное —] ѡномѣ,

[Дательное —] ѡного,

[Отрицательное —] ѡ ѡнаго.

А во множественном [числе так склоняется]:

[Именительное —] ѡна,

[Родственное —] ѡнѣхъ,

[Дательное —] ѡнѣ,

[Виновное —] ѡна,

[Отрицательное —] ѡ ѡнѣхъ.

Рода мужского⁶⁵ [в единственном числе так]⁶⁶:

[Именительное —] сѣи,

⁵⁸ Далее приводятся парадигмы местоимений третьего лица. Ср.: «у местоимений — три лица. Первое — азъ. Второе — ты. Третье — онъ» // Грамматика 1948 г. 161. С. 175. Ниже приводятся примеры их склонения в единственном числе с указанием изменений в винительном и сказательном падежах; отмечается отсутствие соответствующей формы в звательном падеже, а также двойственном и множественном числах (с перечнем аналогичных изменений) // Там же. 166–166 об. С. 181–182.

⁵⁹ Чтение рукописи О2: ѡного // Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 549. Прим. 3.

⁶⁰ Чтение О2: ѡного, ѡ ѡнаго // Там же. Прим. 4.

⁶¹ Принято чтение рукописи О2: ѡнѣма, а также добавлено ѡ, пропущенное в Казанском списке // Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 549. Прим. 5.

⁶² Ср.: Грамматика 1948 г. 166. С. 181. Здесь приводятся примеры его склонения в единственном, двойственном и множественном числах.

⁶³ Ср.: Грамматика 1948 г. 166 об. С. 182. Здесь приводится пример его склонения в единственном, двойственном и множественном числах.

⁶⁴ Вместо этой лишней вставки должно быть: ѡного // Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 549. Прим. 6.

⁶⁵ Перевод латинских слов «persona tertiae» снова отсутствует // Там же. Прим. 7.

⁶⁶ Ср.: Грамматика 1948 г. 159–159 об. С. 173. Здесь сказано, что местоимение «сѣи» (или «сѣи») относится к первообразным по виду. Далее приводится парадигма его склонения в единственном, двойственном, множественном числах в мужском, двойственном и среднем роде // Там же. 169–169 об. С. 185–186.

[Родственное —] сѣгѡ,

[Дательное —] сѣмѡ,

[Отрицательное —] ѿ сѣгѡ.

А во множественном [числе так]:

[Именовательное —] сѣи,

[Родственное —] сѣхъ,

[Дательное —] сѣмъ,

[Отрицательное —] ѿ сѣхъ⁶⁷.

Рода женского [в единственном числе так]:

[Именовательное —] сѣа,

[Родственное —] сѣа,

[Дательное —] сѣи,

[Виновное падение] сѣю,

[Отрицательное падение] ѿ сѣа.

А во множественном [так]:

[Именовательное —] сѣѣ,

[Родственное —] сѣхъ,

[Дательное —] сѣма,

[Отрицательное —] ѿ сѣхъ.

Рода посреднего [в единственном числе так]:

[Именовательное —] сѣе,

[Родственное —] сѣгѡ,

[Дательное —] сѣмѡ,

[Отрицательное —] ѿ сѣгѡ.

А во множественном [числе так]:

[Именовательное —] сѣа,

[Родственное —] сѣхъ,

[Дательное —] сѣѣ,

[Отрицательное —] ѿ сѣхъ⁶⁸.

* * *

У Доната же приведены примеры падежных изменений тех местоимений, которые в современной морфологии относятся к указательным (*ille, illa, illud; iste, ista, istud*) и определительным (*ipse, ipse, istud*)⁶⁹.

Далее Дмитрий, следуя Донату, продолжает свое изложение и приводит примеры склонения других местоимений. Одно из них (*сей, сия, сие*) он позиционирует как артикль⁷⁰ и называет его «членовным» (*члѣновноѣ*), хотя далее он добавляет и другие его определения: «малочастное» (*малочастноѣ*), «предложное» (*прѣложноѣ*), «указательное» (*указательноѣ*). Другое же (*се, сия, то*) — «подложным» (*пѣложноѣ*) или «преносным» (*преносноѣ*)⁷¹. См. в тексте Дмитрия:

⁶⁷ В рукописи О2: сѣи, сѣмъ, сѣмъ, ѿ сѣхъ // Разсужденія южнославянской и русской старины... С. 549. Прим. 8.

⁶⁸ В латинском тексте приводится образец трех местоимений: *ille, ipse, iste* // Там же. Прим. 9.

⁶⁹ Ср. также: Грамматика 1948 г. 160. С. 174. Здесь это местоимение относится к указательным. Его склонение // Там же. 167 об. С. 183.

⁷⁰ Об артикле см. ниже.

⁷¹ О таком местоимении будет сказано ниже.

<p>Donatus [Ars minor] De pronomine [Grammatici Latini. Versus. 21–35. P. 357; Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine. Versus. 1–14. P. 589]</p>	<p>Донат [Малая грамматика = Краткая наука о частях речи] О местоимении</p>
<p>personae tertiae generis masculini numeri singularis <i>ille, illius, illi, illum, ab illo</i> et pluraliter <i>illi, illorum, illis, illos, ab illis</i>;</p>	<p>[Местоимение] третьего лица, мужского рода, единственного числа [так]: <i>ille, illius, illi, illum, ab illo</i> и во множественном числе: <i>illi, illorum, illis, illos, ab illis</i>;</p>
<p>generis feminini numeri singularis <i>illa, illius, illi, illam, ab illa</i> et pluraliter <i>illae, illarum, illis, illas, ab illis</i>;</p>	<p>женского рода, единственного числа: <i>illa, illius, illi, illam, ab illi</i>, и во множественном числе: <i>illae, illarum, illis, illas, ab illis</i>;</p>
<p>generis neutri numeri singularis <i>illud, illius, illi, illud, ab illo</i> et pluraliter <i>illa, illorum, illis, illa, ab illis</i>.</p>	<p>среднего [рода], единственного числа: <i>illud, illius, illi, illud, ab illo</i> и во множественном числе: <i>illa, illorum, illis, illa, ab illis</i>.</p>
<p>Minus quam finita generis masculini numeri singularis <i>ipse, ipsius, ipsi, ipsum, ab ipso</i> et pluraliter <i>ipsi, ipsorum, ipsis, ipsos, ab ipsis</i>;</p>	<p>Несколько менее определенного⁷² [местоимение] мужского рода, единственного числа [так]: <i>ipse, ipsius, ipsi, ipsos, ab ipso</i> и во множественном числе: <i>ipsi, ipsorum, ipsis, ipsos, ipsis</i>;</p>
<p>generis feminini numeri singularis <i>ipsa, ipsius, ipsi, ipsam, ab ipsa</i> et pluraliter <i>ipsae, ipsarum, ipsis, ipsas, ab ipsis</i>;</p>	<p>женского рода, единственного числа: <i>ipsa, ipsius, ipsi, ipsam, ab ipsa</i> и во множественном числе: <i>ipsae, ipsarum, ipsis, ipsas, ab ipsis</i>;</p>
<p>generis neutri numeri singularis <i>ipsum, ipsius, ipsi, ipsum, ab ipso</i> et pluraliter <i>ipsa, ipsorum, ipsis, ipsa, ab ipsis</i>.</p>	<p>среднего рода единственного числа: <i>ipsum, ipsius, ipsi, ipsum, ab ipso</i> и во множественном числе: <i>ipsa, ipsorum, ipsis, ipsa, ab ipsis</i>.</p>
<p>Item minus quam finita generis masculini numeri singularis <i>iste, istius, isti, istum, ab isto</i> et pluraliter <i>isti, istorum, istis, istos, ab istis</i>;</p>	<p>Также несколько менее определенного⁷³ [местоимение] мужского рода, единственного числа [так]: <i>iste, istius, isti, istum, ab isto</i> и во множественном числе: <i>isti, istorum, istis, istos, ab istis</i>;</p>
<p>generis feminini numeri singularis <i>ista, istius, isti, istam, ab ista</i> et pluraliter <i>istae, istarum, istis, istas, ab istis</i>;</p>	<p>женского рода, единственного числа: <i>ista, istius, isti, istam, ab ista</i> и во множественном числе: <i>istae, istarum, istis, istas, ab istis</i>;</p>
<p>generis neutri numeri singularis <i>istud, istius, isti, istud, ab isto</i> et pluraliter <i>ista, istorum, istis, ista, ab istis</i>.</p>	<p>среднего рода, единственного числа: <i>istud, istius, isti, istud, ab isto</i> и во множественном числе: <i>ista, istorum, istis, ista, ab istis</i>.</p>

⁷² По-видимому, у Доната речь идет о тех местоимениях, которые занимают «промежуточное» положение между определенными и неопределенными. Согласно современной терминологии это определительное местоимение (pronomen determinativum) ipse – ipsa – ipsum. Об артикле см. ниже.

⁷³ Iste – ista – istud – указательное местоимение (pronomen demonstrativum).

* * *

Еще и членовное или малочастное, предложное или указательное⁷⁴ [проимение] рода мужского [так уклоняется]:

[Именовательное —] сѣи,
[Родственное —] сѣгò,
[Дательное —] сѣмѣ,
[Отрицательное —] ѿ сѣгò.

А во множественном [числе так]:

[Именовательное —] сѣк,
[Родственное —] сѣк^х,
[Дательное —] сѣк^м,
[Отрицательное —] ѿ сѣк^х.

Рода женского [так]:

[Именовательное —] снà,
[Родственное —] снѣ⁷⁵,
[Дательное —] сѣи,
[Виновное —] снò,
[Отрицательное —] ѿ сѣа.

А во множественном [так]:

[Именовательное —] сѣк,
[Родственное —] сѣк^х,
[Дательное —] сѣк^{ма},
[Виновное —] сѣк^х,
[Отрицательное —] ѿ сѣк^х.

Рода посреднего [в единственном числе так]:

[Именовательное —] снѣ,
[Родственное падение] сѣгò,
[Дательное падение] сѣмѣ,
[Отрицательное падение] ѿ сѣгò.

А во множественном [так]:

[Именовательное —] снà,
[Родственное —] сѣк^х,
[Дательное —] сѣк,
[Отрицательное —] ѿ сѣхъ.

Еще подложное⁷⁶ или преносное [проимение], мужского рода [так]:

[Именовательное —] сѣ,
[Родственное —] сѣгò,
[Дательное —] сѣмѣ,
[Отрицательное —] ѿ сѣгò.

А во множественном [числе так]:

[Именовательное —] снà,
[Родственное —] сѣк^х,
[Дательное —] [сѣк^х] ѣмъ,
[Виновное —] сѣк^х,

⁷⁴ В латинском тексте так: “iterum pronomen articulare postpositivum vel demonstrativum”; в рукописи О2: «...паки членовное (что соответствует артиклю.— М.П.) предложение или указательное». В латинском тексте — hic // Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 549. Прим. 10.

⁷⁵ В рукописи О2: сѣи // Там же. Прим. 11.

⁷⁶ В Казанском списке «предложное», но на полях сделана поправка: «подложное»; в рукописи О2 описка: «предложные» // Там же. Прим. 12. В оригинальном тексте: «Item subiunctivum vel relativum», что можно передать как «сослагательное» или «относительное» // Grammatici Latini. Versus. 3. P. 358; Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine. Versus. 20. P. 589.

[Отрицательное —] $\bar{w}$ ни^х.

Рода женского [единственного числа так]:

[Именовательное —] сн^а,

[Родственное —] с^εΔ^а,

[Дательное —] сн^ю,

[Отрицательное —] $\bar{w}$ с^εа.

А во множественном [так]:

[Именовательное —] с^к,

[Родственное —] сн^х,

[Дательное —] с^има,

[Отрицательное —] $\bar{w}$ сн^х.

Рода посреднего [в единственном числе так]:

[Именовательное —] т^о,

[Родственное —] с^εг^о,

[Виновное —] сн^е,

[Дательное —] с^εм^ш,

[Отрицательное —] т^ог^о, $\bar{w}$ т^ог^о.

А во множественном [так]:

[Именовательное —] т^к,

[Родственное —] т^к^х,

[Дательное —] т^к^м,

[Виновное —] т^а,

[Отрицательное —] $\bar{w}$ т^к^х⁷⁷.

* * *

У Доната:

<p>Donatus [Ars minor] De pronomine [Keil, 1864, p. 358, Versus 3–7; Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine. Versus. 15–23. P. 589]</p>	<p>Донат [Малая грамматика = Краткая наука о частях речи] О местоимении</p>
<p>Item articulare praepositivum vel demonstrativum generis masculini numeri singularis <i>hic, huius, huic, hunc, o, ab hoc</i> et pluraliter <i>hi, horum, his, hos, o, ab his</i>; generis feminini numeri singularis <i>haec, huius, huic, hanc, o, ab hac</i> et pluraliter <i>hae, harum, his, has, o, ab his</i>; generis neutri numeri singularis <i>hoc, huius, huic, hoc, o, ab hoc</i> et pluraliter <i>haec, horum, his, haec, o, ab his</i>.</p>	<p>Также [склоняется] впереди стоящий член или указательное местоимение мужского рода, единственного числа: <i>hic, huius, huic, hunc, o, ab hoc</i> и во множественном числе: <i>hi, horum, his, hos, o, ab his</i>; женского рода, единственного числа: <i>haec, huius, huic, hanc, o, ab hac</i> и во множественном числе: <i>hae, harum, his, has, o, ab his</i>; среднего рода, в единственном числе: <i>hoc, huius, huic, hoc, o, ab hoc</i> и во множественном числе: <i>haec, horum, his, haec, o, ab his</i>.</p>

⁷⁷ Правильно читается в рукописи O2: «с^ε (читай: с^εй), ег^о, емоу, ег^о, $\bar{w}$ с^εг^о (читай: $\bar{w}$ т нег^о). Во множественном [числе]: с^ε, (читай: с^иа), н^х, ма, $\bar{w}$ н^х. Рода посреднего: т^о, ег^о, емоу, т^ог^о, $\bar{w}$ т^ог^о [читай $\bar{w}$ н^го]. Во множественном [числе]: т^к, т^к^х, т^к^м, т^а, $\bar{w}$ т^к^х». Об этом см.: Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 549. Прим. 13. Здесь замечание, что лучше было бы: н^х, н^л, $\bar{w}$ н^х. В латинском тексте: is – ea – id.

Item subiunctivum vel relativum generis masculini numeri singularis <i>is, eius, ei, eum, ab eo</i> et pluraliter <i>ei, eorum, eis, eos, ab eis</i> ;	Также [склоняется] сослагательное [subiunctivum] или относительное [местоимение] мужского рода, единственного числа: <i>is, eius, ei, eum, ab eo</i> и множественного числа: <i>ei, eorum, eis, eos, ab eis</i> ;
generis feminini numeri singularis <i>ea, eius, ei, eam, ab ea</i> et pluraliter <i>ae, earum, eis, eas, ab eis</i> ;	женского рода, единственного числа: <i>ea, eius, ei, eam, ea</i> и множественного числа: <i>ae, earum, eis, eas, ab eis</i> ;
generis neutri numeri singularis <i>id, eius, ei, id, ab eo</i> et pluraliter <i>ea, eorum, eis, ea, ab eis</i> .	среднего рода, единственного числа: <i>id, eius, ei, id, eo</i> и во множественном числе: <i>ea, eorum, eis, ea, ab eis</i> .

* * *

Далее Дмитрий приводит примеры изменения по падежам и числам местоимений «кто» (или «который»). В современной морфологии такие местоимения в зависимости от значения и синтаксической функции могут быть либо вопросительными, либо относительными. Дмитрий же относит их к «еще меньшим, чем окончательные», передавая фразу Доната “minus quam finita”. Другие местоимения он называет «наследовательными окончательными», образованными из двух частей единственного числа или же из двух частей множественного числа. Он имеет в виду латинские притяжательные местоимения и в первом случае передает их как «мой — моя — мое; твой — твоя — твое; свой — своя — свое», во втором — как «наш — наша — наше; ваш — ваша — ваше». Здесь Дмитрий из-за языковых различий не смог последовать Донату и воспользоваться его инструментарием, поскольку латинский автор имел в виду родовые флексии притяжательных местоимений в единственном числе (*me-us — me-a — me-um*) и множественном (*nos-ter — nos-tra — nos-trum; nos-tr-i — nos-tr-ae — nos-tr-a*).

В тексте Дмитрия:

* * *

Еще меньше, чем окончательные⁷⁸, рода мужского [в единственном числе так]:

[Именовательное —] *кто* или *кто́ръи*,

[Родственное —] *кого*,

[Дательное —] *кому*,

[Винное —] *кого́раго*⁷⁹,

[Отрицательное —] *ѿ кому* или *ѿ ко́раго*.

А во множественном [так]:

[Именовательное —] *ко́рои*,

[Родственное —] *ко́ихъ*,

[Дательное —] *ко́имъ* или *ко́роимъ*,

[Отрицательное —] *ѿ кои*⁸⁰ или *ѿ ко́рои*⁸¹.

Рода женского [в единственном числе так]:

[Именовательное —] *ко́рага* или *ко́га*⁸¹,

[Родственное —] *ко́га*,

⁷⁸ Окончателъныа — чтение рукописи О2. В оригинальном тексте, согласно И.В. Ягичу: “minus quam finita”. Далее у него отмечено, что в латинском тексте здесь склоняется quis или qui // Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 550. Прим. 1.

⁷⁹ Чтение рукописи О2: Оу ко́раго // Там же. Прим. 2.

⁸⁰ Чтение рукописи О2: ко́рои, ѿ ко́ихъ // Там же. Прим. 3.

⁸¹ Чтение рукописи О2: Кага // Там же. Прим. 4.

[Дательное —] *кѡѣи*,
 [Виновное —] *кѡѣѡ*,
 [Отрицательное —] *ѡ кѡѣа* или *ѡ которыѡ*.

А во множественном [так]:

[Именательное —] *кѡтѡрѣи*,
 [Родственное —] *кѡиѡхъ*,
 [Дательное —] *кѡиѡмъ* или *кѡтѡрыѡ*,
 [Отрицательное —] *ѡ кѡиѡхъ* или *ѡ которыѡ*.

Рода посреднего [в единственном числе так]:

[Именательное —] *ѡтѡ*, *ѡже* или *кѡѣ*,
 [Родственное —] *кѡѡго*,
 [Дательное —] *кѡѡмѡ*,
 [Виновное —] *ѡже* или *ѡтѡ*,
 [Отрицательное —] *ѡ кѡѡго* или *ѡ котораго*.

А во множественном [числе так]:

[Именательное —] *кѡѡа* или *кѡтѡраа*,
 [Родственное —] *кѡтѡрыѡ*,
 [Дательное —] *кѡиѡмъ* или *кѡтѡрыѡ*,
 [Виновное —] *кѡѡа* или *кѡтѡраа*,
 [Отрицательное —] *ѡ кѡиѡ* или *ѡ которыѡ*.

Еще наследовательные⁸² окончательные, ни к чему сказанные⁸³, от обеих частей⁸⁴ единственных [сложенные], рода мужского [так]:

[Именательное —] *мѡи*,
 [Родственное —] *мѡѡго*,
 [Дательное —] *мѡѡмѡ*,
 [Отрицательное —] *ѡ мѡи*, *ѡ мѡѡго*.

А во множественном [числе так]:

[Именательное падение] *мѡи*,
 [Родственное падение] *мѡиѡ*,
 [Дательное падение] *мѡи*,
 [Виновное падение] *мѡиѡхъ*,
 [Отрицательное падение] *ѡ мѡи*, *ѡ мѡиѡ*.

Рода женского [единственного числа так]:

[Именательное —] *мѡѡа*,
 [Родственное —] *мѡѡѡа*,
 [Дательное —] *мѡѡѣи*,
 [Виновное —] *мѡѡѡ*,
 [Отрицательное —] *ѡ мѡѡа*, *ѡ мѡѡѡ*.

А во множественном [так]:

[Именательное —] *мѡи*,

⁸² Чтение О2: *Наслѣдованнаѡ оукончѣнаѡ* // Там же. Прим. 11.

⁸³ У Доната, напротив: «употребляемые по отношению к кому-то» (см. ниже).

⁸⁴ И. В. Ягич приводит эту фразу // Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 550. Прим. 5. (Она несколько отличается от текста последних изданий: “Item possessiva finita ad aliquid dicta ex utraque parte singularia generis masculini” // *Grammatici Latini. Versus. 13–14. P. 358; Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine. Versus. 3–4. P. 590*). Ее можно передать так: «Также [склоняются] притяжательные определенные [местоимения], сказанные по отношению к кому-то, [состоящие] из обеих частей единственного числа мужского рода». Далее следуют примеры изменения притяжательного местоимения «мой» по падежам (ad loc.): *meus, mei, meo, meum, o [mi], a meo*... См. также: *Донат. Указ. соч. С. 332. Прим. 17*. Здесь Донат полагает, что первой частью является основа местоимения «мой» — *me-us* (Nom. Sing.), а его второй частью — соответствующее падежное окончание в единственном числе мужском роде: *me-us* (Nom. Sing.), *me-i* (Gen. Sing.) и т.д. Это же объяснение относится и к формам женского и среднего родов в единственном числе. См. также ниже соответствующий Донатов текст.

[Родственное —] мой^х,
 [Дательное —] мой⁸⁵,
 [Отрицательное —] ѡ мои, ѿ мой^х.
 Рода посреднего [так]:
 [Именовательное —] мое,
 [Родственное —] моего̀,
 [Дательное —] моеиѣ,
 [Отрицательное —] ѡ мое[го], ѿ моего̀.

А во множественном [числе так]:
 [Именовательное —] моѝ, [мой]
 [Родственное —] мой^х,
 [Дательное —] моимъ,
 [Виновное —] моѝ,
 [Отрицательное —] ѡ мои, ѿ мой^х.

Рода мужского [в единственном числе так]:
 [Именовательное —] твоѣй,
 [Родственное —] твоего̀,
 [Дательное —] твоеиѣ⁸⁶,
 [Отрицательное —] ѿ твоего̀.

А во множественном [числе так]:
 [Именовательное —] твои,
 [Родственное —] твои^х,
 [Дательное —] твоиѣ,
 [Отрицательное —] ѿ твои^х.

Рода женского [в единственном числе так]:
 [Именовательное —] твоѣѣ,
 [Родственное —] твоеѣа,
 [Дательное —] твоѣи,
 [Виновное —] твою,
 [Отрицательное —] ѿ твоеѣа.

А во множественном [так]:
 [Именовательное —] твои,
 [Родственное —] твои^х,
 [Дательное —] твоимъ,
 [Отрицательное —] ѿ твои^х.

Рода посреднего [в единственном числе так]:
 [Именовательное —] твоѣ,
 [Родственное —] твоегѡ,
 [Дательное —] твоеиѣ,
 [Отрицательное —] ѿ твоего̀.

А во множественном [так]:
 [Именовательное —] твоѝ,
 [Родственное —] твои^х,
 [Дательное —] твоиѣ,
 [Виновное —] твои,
 [Отрицательное —] ѿ твои^х.

Рода мужского [в единственном числе так]:
 [Именовательное —] свои,
 [Родственное —] своего̀,

⁸⁵ В рукописи О2 добавлено: мой^х // Разсужденія южнославянской и русской старины... С. 550. Прим. 6.

⁸⁶ В рукописи О2 добавлено: твоего // Там же. Прим. 7.

[Дательное —] *своѣмъ*⁸⁷,

[Отрицательное —] *ѿ своѣго*.

А во множественном [так]:

[Именательное —] *свои*,

[Родственное —] *своиѣ*,

[Дательное —] *своимъ*⁸⁸,

[Отрицательное —] *ѿ своиѣ*.

Рода женского [в единственном числе так]:

[Именательное —] *своѣ*,

[Родственное —] *своѣа*,

[Дательное —] *своѣи*,

[Виновное —] *своѣю*,

[Отрицательное —] *ѿ своѣа*.

А во множественном [числе так]:

[Именательное —] *своиѣ*⁸⁹,

[Родственное —] *своиѣ*,

[Дательное —] *своиѣ*,

[Отрицательное —] *ѿ своиѣ*.

Рода посреднего [в единственном числе так]:

[Именательное —] *своѣ*,

[Родственное —] *своѣго*,

[Дательное падение] *своѣмъ*,

[Отрицательное падение] *ѿ своѣго*.

А во множественном [числе так]:

[Именательное падение] *своѣ*, [*своиѣ*],

[Родственное —] *своиѣ*,

[Дательное —] *своиѣ*,

[Отрицательное —] *ѿ своиѣ*.

Еще наследовальные⁹⁰ окончательные, не к чему сказанные⁹¹, от обеих частей множественных [сложенные во множественном числе], рода мужского [в единственном числе так склоняются]:

[Именательное —] *нашѣ*,

[Родственное —] *нашѣго*,

[Дательное —] *нашѣмъ*,

[Отрицательное —] *ѿ нашѣ*, *ѿ нашѣго*.

А во множественном [числе так]:

⁸⁷ Чтение рукописи O2 прибавляет «своѣго» // Там же. Прим. 8.

⁸⁸ Чтение O2 прибавляет «своиѣхъ» // Там же. Прим. 9.

⁸⁹ *Своѣ* — чтение рукописи O2 // Там же. Прим. 10.

⁹⁰ *Нашѣ* *оу* — чтение O2 // Там же. Прим. 11. В латинском тексте в пример приведены местоимения *noster* — *nostra* — *nostrum*. В современной терминологии это притяжательные местоимения единственного числа мужского, женского и среднего рода. В тексте Доната такое местоимение в мужском роде множественного числа (*nostri*) позиционируется Донатом как состоящее из обеих частей множественного числа. См.: *Grammatici Latini. Versus*. 29–34. P. 358; *Ars Donati Grammatici Urbis Romae*. 3. De pronomine. *Versus*. 16–21. P. 590. Здесь Донат имеет в виду, что первой частью является указывающее на множество само местоимение *nos* (мы) (Nom. Sing.), а второй частью — соответствующее падежное окончание во множественном числе в мужском роде. Например, Nom. Pl. -i > **nos-tr-i**; Gen. Pl. -orum > **nos-tr-orum**. Это же объяснение относится и к формам женского и среднего рода во множественном числе (Nom. Pl.: *nos-tr-ae* — *nos-tr-a*), а также и к местоимению *vester* (*vestra* — *vestrum*) как единственного, так и множественного числа (фонетические изменения здесь мы не обсуждаем). См. также ниже соответствующий Донатов текст.

⁹¹ *Нѣкъмѣмѣ* — чтение рукописи O2 // Разсуждения южнославянской и русской старины... С. 550. Прим. 12. У Доната, напротив: употребляемые по отношению к чему-то (*ad aliquid dicta*).

[Именовательное —] наши,
 [Родственное —] *наши*^х,
 [Дательное —] *нашимъ*⁹²,
 [Отрицательное —] *ѡ наши, ѡ наши*^х.
 Рода женского [в единственном числе так]:

[Именовательное —] *наша*,
 [Родственное —] *наше*^а,
 [Дательное —] *нашеи*,
 [Виновное —] *нашѣ*,
 [Отрицательное —] *ѡ наша, ѡ наше*^а.

А во множественном [так]:

[Именовательное —] *наши*,
 [Родственное —] *наши*^х,
 [Дательное —] *нашии*^а,
 [Отрицательное —] *ѡ наши, ѡ наши*^х.

Рода посреднего [в единственном числе так]:

[Именовательное —] *наше*,
 [Родственное —] *нашего*,
 [Дательное —] *нашеи*^ѣ,
 [Отрицательное —] *ѡ наше, ѡ нашего*.

А во множественном [числе так склоняется]:

[Именовательное —] *наша* [*наши*],
 [Родственное —] *наши*^х,
 [Дательное —] *нашии*^а,
 [Отрицательное —] *ѡ наши, ѡ наши*^х.

Рода мужского [в единственном числе так]:

[Именовательное —] *вашъ*,
 [Родственное —] *вашего*,
 [Дательное —] *вашеи*^ѣ,
 [Отрицательное —] *ѡ*⁹³ *вашего*.

А во множественном [так]:

[Именовательное —] *ваши*,
 [Родственное —] *ваши*^х,
 [Дательное —] *вашимъ*⁹⁴,
 [Отрицательное —] *ѡ ваши*^х.

Рода женского [в единственном числе так]:

[Именовательное —] *ваша*,
 [Родственное —] *вашеа*,
 [Дательное —] *вашеи*,
 [Виновное падение] *вашѣ*,
 [Отрицательное падение] *ѡ вашеа*.

А во множественном [числе так склоняется]:

[Именовательное —] *ваши*,
 [Родственное —] *ваши*^х,
 [Дательное —] *вашии*^а,
 [Отрицательное —] *ѡ ваши*^х.

Рода посреднего [в единственном числе так]:

⁹² Чтение рукописи О2 прибавляет «наши^х» // Разсужденія южнославянской и русской старины... С. 551. Прим. 1.

⁹³ Лучшее чтение в рукописи О2: *ѡ* // Там же. Прим. 2.

⁹⁴ В рукописи О2 прибавлено: *ваши*^х // Там же. Примеч. 3.

[Именительное —] *ваше*⁹⁵,

[Родственное —] *вашего*,

[Дательное —] *вашем*⁹⁶,

[Отрицательное —] *в̄вашего*.

А во множественном [числе так склоняется]:

[Именительное падение] *ваша* [*ваш̄и*],

[Родственное падение] *ваш̄и*^х,

[Дательное падение] *ваш̄и*^н,

[Виновное падение] *ваша*,

[Отрицательное падение] *в̄ваш̄и*^х.

* * *

У Доната:

<p>Donatus [Ars minor]</p> <p>De pronomine</p> <p>[Grammatici Latini. Versus. 7—39. P. 358; Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine. Versus. 24. P. 589 — Versus. 2. P. 591]</p>	<p>Донат [Малая грамматика = Краткая наука о частях речи]</p> <p>О местоимении</p>
<p>Item infinita generis masculini numeri singularis <i>quis, cuius, cui, quem, a quo</i> vel <i>a qui</i> et pluraliter <i>qui, quorum, quis</i> vel <i>quibus, quos, a quis</i> vel <i>a quibus</i>;</p> <p>generis feminini numeri singularis <i>quae, cuius, cui, quam, a qua</i> vel <i>a qui</i> et pluraliter <i>quae, quarum, quis</i> vel <i>quibus, quas, a quis</i> vel <i>a quibus</i>;</p> <p>generis neutri numeri singularis <i>quod, cuius, cui, quod, a quo</i> vel <i>a qui</i> et pluraliter <i>quae, quorum, quis</i> vel <i>quibus, quae, a quis</i> vel <i>a quibus</i>.</p>	<p>Также [склоняется] неопределенное [местоимение] мужского рода единственного числа: <i>quis, cuius, cui, quem, a quo</i> или <i>a qui</i> и во множественном числе: <i>qui, quorum, quis</i> или <i>quibus, quos, a quis</i> или <i>a quibus</i>;</p> <p>женского рода, единственного числа: <i>quae, cuius, cui, quam, a qua</i> или <i>a qui</i> и во множественном числе: <i>quae, quarum, quis</i> или <i>quibus, quas, a quis</i> или <i>a quibus</i>;</p> <p>среднего рода, единственного числа: <i>quod, cuius, cui, quod, a quo</i> или <i>a qui</i> и во множественном числе: <i>quae, quorum, quis</i> или <i>quibus, quae, a quis</i> или <i>a quibus</i>⁹⁷.</p>

⁹⁵ Следует читать как в рукописи O2: *ваше* (вместо чтения Казанской рукописи: *ваша*) // Там же. Прим. 4.

⁹⁶ В O2 прибавлено: *вашего* // Там же. Прим. 5.

⁹⁷ Это относительные местоимения (*pronomina relativa*), употребляемые в качестве прилагательных (со значением *который, которая, которое*) и существительных (со значением *кто, что*). Эти местоимения также могут употребляться в функции вопросительных местоимений (*pronomina interrogativa*). В этом случае такие местоимения имеют только значения прилагательных: *который?, которая?, которое?, какой?, какая?, какое?*

Item possessiva finita ad aliquid dicta ex utraque parte singularia generis masculini <i>meus, mei, meo, meum, o, a meo</i> et pluraliter ex altera parte <i>mei, meorum, meis, meos, o, a meis</i> ;	Также [склоняются] притяжательные определенные [слова] ⁹⁸ , употребляемые по отношению к чему-то, [состоящие] из обеих частей единственного числа, в мужском роде [в единственном числе]: <i>meus, mei, meo, meum, o, a meo</i> и во множественном числе, [состоящие] из одной из двух [частей единственного числа] ⁹⁹ : <i>mei, meorum, meis, meos, o, a meis</i> ;
generis feminini numeri singularis <i>mea, meae, meae, meam, o, a mea</i> et pluraliter <i>meae, mearum, meis, meas, o, a meis</i> ;	женского рода, единственного числа: <i>mea, meae, meae, meam, o, a mea</i> и во множественном числе: <i>meae, mearum, meis, meas, o, a meis</i> ;
generis neutri numeri singularis <i>meum, mei, meo, meum, o, a meo</i> et pluraliter <i>mea, meorum, meis, mea, o, a meis</i> ;	среднего рода, единственного числа: <i>meum, meorum, meo, meum, o, a meo</i> и во множественном числе: <i>mea, meorum, meis, mea, o, a meis</i> .
personae secundae generis masculini numeri singularis <i>tuus, tui, tuo, tuum, a tuo</i> et pluraliter <i>tui, tuorum, tuis, tuos, a tuis</i> ;	[Местоимение] второго лица, мужского рода, единственного числа [склоняется так]: <i>tuus, tui, tuo, tuum, a tuo</i> и во множественном числе: <i>tui, tuorum, tuis, tuos, a tuis</i> ;
generis feminini numeri singularis <i>tua, tuae, tuae, tuam, a tua</i> et pluraliter <i>tuae, tuarum, tuis, tuas, a tuis</i> ;	женского рода, единственного числа: <i>tua, tuae, tuae, tuam, a tua</i> и во множественном числе: <i>tuae, tuarum, tuis, tuas, a tuis</i> ;
generis neutri numeri singularis <i>tuum, tui, tuo, tuum, a tuo</i> et pluraliter <i>tua, tuorum, tuis, tua, a tuis</i> ;	среднего рода, единственного числа: <i>tuum, tui, tuo, tuum, a tuo</i> и во множественном числе: <i>tua, tuorum, tuis, tua, a tuis</i> .
personae tertiae generis masculini numeri singularis <i>suus, sui, suo, suum, a suo</i> et pluraliter <i>sui, suorum, suis, suos, a suis</i> ;	[Местоимение] третьего лица, мужского рода, единственного числа [склоняется так]: <i>suus, sui, suo, suum, a suo</i> и во множественном числе: <i>sui, suorum, suis, suos, a suis</i> ;
generis feminini numeri singularis <i>sua, suae, suae, suam, a sua</i> et pluraliter <i>suae, suarum, suis, suas, a suis</i> ;	женского рода, единственного числа: <i>sua, suae, suae, suam, a sua</i> и во множественном числе: <i>suae, suarum, suis, suas, a suis</i> ;

⁹⁸ Притяжательные местоимения по своей сущности позиционируются и как имена прилагательные, и как местоименные прилагательные.

⁹⁹ Донат рассматривает это местоимение как составное. В единственном числе оно состоит из двух частей — основы, которая остается неизменной и всегда остается в единственном числе [me-], и соответствующего падежного окончания для единственного числа. Например: **me-us**, **me-i**, **me-o** и т.д. Аналогично во множественном числе первая часть (т.е. основа) остается неизменной, вторая (т.е. соответствующее падежное окончание) уже во множественном числе, например: **me-i**, **me-orum**, **me-is** и т.д. См. также выше, сноску 84.

<p>generis neutri numeri singularis <i>suum, sui, suo, suum, a suo</i> et pluraliter <i>sua, suorum, suis, sua, a suis</i>.</p>	<p>среднего рода, единственного числа: <i>suum, sui, suo, suum, a suo</i> и во множественном числе: <i>sua, suorum, suis, sua, a suis</i>.</p>
<p>Item possessiva finita ad aliquid dicta ex altera parte pluralia generis masculini <i>noster, nostri, nostro, nostrum, o, a nostro</i> et pluraliter ex utraque parte <i>nostrī, nostrorum, nostris, nostros, o, a nostris</i>;</p>	<p>Также [склоняются] притяжательные определенные [слова], употребляемые по отношению к кому-то, [состоящие] из одной части [из двух] множественного числа¹⁰⁰, в мужском роде: <i>noster, nostri, nostro, nostrum, o, a nostro</i>. Во множественном числе [они состоят] из обеих частей [множественного числа]: <i>nostrī, nostrorum, nostris, nostros, o, a nostris</i>;</p>
<p>generis feminini numeri singularis <i>nostra, nostrae, nostrae, nostram, o, a nostra</i> et pluraliter <i>nostrae, nostrarum, nostris, nostras, o, a nostris</i>;</p>	<p>женского рода единственного числа [так]: <i>nostra, nostrae, nostrae, nostram, o, a nostra</i> и во множественном числе: <i>nostrae, nostrarum, nostris, nostras, o, a nostris</i>;</p>
<p>generis neutri numeri singularis <i>nostrum, nostri, nostro, nostrum, o, a nostro</i>, et pluraliter <i>nostra, nostrorum, nostris, nostra, o, a nostris</i>:</p>	<p>среднего рода единственного числа: <i>nostrum, nostri, nostro, nostrum, o, a nostro</i> и во множественном числе: <i>nostra, nostrorum, nostris, nostra, o, a nostris</i>.</p>
<p>personae secundae generis masculini numeri singularis <i>vester, vestri, vestro, vestrum, a vestro</i> et pluraliter <i>vestri, vestrorum, vestris, vestros, a vestris</i>;</p>	<p>[Местоимение] второго лица, мужского рода, единственного числа [склоняется так]: <i>vester, vestri, vestro, vestrum, a vestro</i> и во множественном числе: <i>vestri, vestrorum, vestris, vestros, a vestris</i>;</p>
<p>generis feminini numeri singularis <i>vestra, vestrae, vestrae, vestram, a vestra</i> et pluraliter <i>vestrae, vestrarum, vestris, vestras, a vestris</i>;</p>	<p>женского рода, единственного числа: <i>vestra, vestrae, vestrae, vestram, a vestra</i> и во множественном числе: <i>vestrae, vestrarum, vestris, vestras, a vestris</i>;</p>
<p>generis neutri numeri singularis <i>vestrum, vestri, vestro, vestrum, a vestro</i> et pluraliter <i>vestra, vestrarum, vestris, vestra, a vestris</i>.</p>	<p>среднего рода, единственного числа: <i>vestrum, vestri, vestro, vestrum, a vestro</i> и во множественном числе: <i>vestra, vestrarum, vestris, vestra, a vestris</i>.</p>

Далее Дмитрий (вновь следуя Донату) приводит примеры местоимений с предлогами, а также предпринимает попытку подобрать в своем языке усиленные формы указательных местоимений. Ср. у Дмитрия:

¹⁰⁰ Аналогично местоимению *meus* (см. выше, сноску 99). Местоимение *nostris* также рассматривается как составное из двух частей. Первая часть **nos** представляет собой самостоятельное личное местоимение (мы), которое указывает на множество. Соответственно, его первая часть всегда стоит во множественном числе, а вторая часть, представляющая собой падежное окончание, может быть или в единственном числе (например, *nos-tr-i*, *nos-tr-o* и т.д.), или множественном (например, *nos-tr-i*, *nos-tr-orum*, *nos-tr-is*). См. также выше, сноску 90.

* * *

Приведи¹⁰¹ эти [проимения в] сложении [с предлогами]:

с љой, с твой, съ свой. с сокою, тамо, здѣ, ѡнамо, ѡбѣмо, в ѡно¹⁰² здѣ, в ѡно тѣ, се въ се, ѡ того тѣ.

То же в мужском роде продолжное [будет], в посреднем же [роде будет] сокращено так: ктѣ тѣ, ктѣ ѡво, кто же, никїи и прочіе.

Ср. у Доната:

<p>Donatus [Ars minor]</p> <p>De pronomine [Grammatici Latini. Versus. 40. P. 358; Versus. 3. P. 359; Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine. Versus. 3–4. P. 591]</p>	<p>Донат [Малая грамматика = Краткая наука о частях речи]</p> <p>О местоимении</p>
<p>Da horum composita.</p> <p><i>Egomet, tute, illic, istic, idem</i> masculino genere productum, neutro correptum, <i>quisquis, quisnam, quispiam, aliquis et</i> <i>cetera.</i></p>	<p>Приведи из них составные [местоимения].</p> <p><i>Egomet, tute, illic, istic, idem</i> удлинённые¹⁰³ в мужском роде [и] уменьшённые в среднем: <i>quisquis, quisnam, quispiam, aliquis</i> и другие.</p>

Далее в тексте Дмитрия следуют фразы, завершающие раздел о местоимении: «здесь учитель, вкратце побеседовав о второй части речи, то есть местоимении, воздав хвалу Господу, обещает более подробно порассуждать о местоимениях позже. И, вновь призвав на помощь Господа, он предлагает беседу о третьей части речи – глаголе». У Доната такой переход отсутствует.

Таким образом, в разделе о местоимении Дмитрию удастся достаточно близко передать Донатов текст («Ars minor: De pronomine»): он принимает вопросно-ответную форму латинского изложения, пытается воспроизвести его содержание. В отдельных случаях (хотя и не частых) Дмитрий подбирает соответствующие латини терминологические эквиваленты из своего языка, приводит релевантные примеры. Вполне вероятно, его первоначальной целью служило выполнение перевода текста Доната на родной язык или же его близкого переложения. Впоследствии, по мере работы над ним, его намерение изменилось, и он volens-nolens последовал средневековой западноевропейской традиции приспособления имеющихся латинских грамматических текстов (так называемых «учебников») и их инструментария к образовательным нуждам своей эпохи и своего языка. В итоге это позволило как Дмитрию, так и его авторам-продолжателям создать «учебник», не только относительно понятный ученику (или читателю), но и способствовавший усвоению и распространению грамматического знания и основ латинского языка в образовательном пространстве России XVI–XVII вв.

¹⁰¹ В рукописи O2 так: «в[опрос]: Что есть сложные [т.е. составные местоимения]. О[твет]: как с љонїи, со своїиѣ». В латинском тексте: «Da horum composita, ut egomet, tuimet, suimet, illhic, isthic, illicine, isticcine, hiccine, haeccine, hoccine, ab hoccine» // Разсужденїа южнославянской и русской старїны... С. 551. Прим. 6.

¹⁰² В рукописи O2: ѡноздѣ, ѡнотамѣ, се ѡ се // Там же. Прим. 7.

¹⁰³ Здесь даны усиленные формы к личным местоимениям: egomet (ego+met – я сам; я-то), tute (tu+te – ты сам; ты-то) и указательным: illic (ille+ce – вот тот), istic (iste+ce – этот вот), idem – (is+dem – тот же самый) с бѣльшим количеством слогов по составу.

Библиография

- Архангельское собрание Библиотеки Академии наук. № 476. XVI век. Л. 8–93. СПб.
- Бондарчук Е. В.* Новгородский книжник Дмитрий Герасимов и культурные связи Московской Руси с Западной Европой в последней четверти XV – первой трети XVI в.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.
- Грамматика 1948 г. / предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминовой. М., 2007.
- Донат.* Краткая наука о частях речи / пер. с лат., примеч. М.С. Петровой // Диалог со временем. 1999. № 1. С. 306–334.
- Живов В. М.* Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник (О книге D.S. Worth. The origins of Russian grammar. Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars. UCLA Slavic Studies. 5 Slavica. Columbus, 1983. 176 p.) // Russian Linguistics. 1986. № 10. С. 91.
- Захарьин Д. Б.* О немецком влиянии на русскую грамматическую мысль // Russian Linguistics. 1991. № 15/3. С. 1–3.
- Мечковская Н. Б.* Ранние восточно-славянские грамматики / ред. А.Е. Супрун. Минск, 1984.
- Петрова М. С.* «Установления грамматики Присциана» в русской образовательной традиции // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 2. С. 492–506.
- Петрова М. С.* Восприятие латинского грамматического знания русской ученостью в XVI веке: на примере Дмитрия Герасимова и других // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 311–364.
- Петрова М. С.* Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века: «Ars minor» Доната // Диалог со временем. 1999. № 1. С. 295–305.
- Петрова М. С.* Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем. 2008. № 22. С. 80–92.
- Петрова М. С.* О Донатовой «Ars grammatica» и названиях ее частей // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2020. № 5. С. 134–144.
- Разсуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ / собрали и объяснилъ И. В. Ягич. СПб., 1896.
- Ягич И. В.* Донатусъ въ русскомъ переводѣ Дмитрія Толмача и другихъ // Разсуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ / собрали и объяснилъ И. В. Ягич. СПб., 1896. С. 524–528.
- Ars Ambianensis: Le tre redazioni delle Declinationes nominum / editio princeps con commento e indici a cura di C. Giammona. Hildesheim, 2016.
- Der russische Donat: vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik: historisch-kritische Ausgabe / Hrsg. und kommentiert von V.S. Tomelleri. Köln; Weimar; Wien, 2002.
- Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine // *Holtz L.* Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical. Paris, 1981. P. 588–591.
- Donati Grammatici Urbis Romae Ars grammatica. De pronomine // Grammatici Latini / ex. rec. H. Keilii. Vol. 1–7. 1822–1894; Vol. 4. 1864. URL: <https://archive.org/details/grammaticilatinii04keil> (дата обращения: 11.01.2021).
- Law V.* When is Donatus not Donatus? Versions, variants and new texts // Peritia. 1986. № 5. P. 235–261.
- Ó Cróinín D.* Early Medieval Ireland 400–1200. London; New York, 1997.
- Tomelleri V.* Einleitung // Der russische Donat: vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik: historisch-kritische Ausgabe / Hrsg. und kommentiert von V.S. Tomelleri. Köln; Weimar; Wien, 2002. S. 1–172.

References

- Donat.* Kratkaya nauka o chastyah rechi / per. s lat., primеч. M.S. Petrovoj [Brief science of parts of speech / trans. from Latin, note by M.S. Petrova] // Dialog so vremenem [Dialogue with time]. 1999. № 1. P. 306–334. (In Russ.)
- Grammatika 1948 g. / predisl., nauch. koment., podg. teksta i sost. ukazatelej E.A. Kuz'minovej [Grammar of 1948 / preface, scientific commentary, podg. text and comp. pointers by E.A. Kuzminova]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Mechkovskaya N. B.* Rannie vostochno-slavyanskije grammatiki / red. A.E. Suprun [Early East Slavic grammars / ed. A.E. Suprun]. Minsk, 1984. (In Russ.)
- Petrova M. S.* “Ustanovleniya grammatiki Prisciana” v russkoj obrazovatel'noj tradicii [“The establishment of Priscian grammar” in the Russian educational tradition] // Quaestio Rossica. 2019. T. 7. № 2. P. 492–506. (In Russ.)

Petrova M.S. Donat: zhizn', epoha i intellektual'noe okruzhenie [Donat: life, epoch and intellectual environment] // Dialog so vremenem [Dialog with time]. 2008. № 22. P. 80–92. (In Russ.)

Petrova M.S. Grammaticheskaya nauka v Pozdnej Antichnosti i v Srednie veka: “Ars minor” Donata [Grammatical science in Late Antiquity and in the Middle Ages: “Ars minor” Donata] // Dialog so vremenem [Dialogue with time]. 1999. № 1. P. 295–305. (In Russ.)

Petrova M.S. O Donatovoj “Ars grammatica” i nazvaniyah ee chastej [About Donatova “Ars grammatica” and the names of its parts] // Intellektual'nye tradicii v proshlom i nastoyashchem [Intellectual traditions in the past and present]. 2020. № 5. P. 134–144. (In Russ.)

Petrova M.S. Vospriyatie latinskogo grammaticheskogo znaniya russkoj uchenost'yu v XVI veke: na primere Dmitriya Gerasimova i drugih [Perception of Latin grammatical knowledge by Russian scholarship in the 16th century: on the example of Dmitry Gerasimov and others] // Dialog so vremenem [Dialogue with time]. 2011. № 34. P. 311–364. (In Russ.)

Razsuzhdeniya yuzhnoslavyanskoy i russkoj stariny o cerkovno-slavyanskom” yazyke / Sobral i ob”yasnil I.V. Yagich [The reasoning of the South Slavic and Russian antiquity about the Church Slavonic language / collected and explained by I.V. Yagich]. Sankt-Petrburg, 1896. (In Russ.)

Yagich I.V. Donatus v russkom perevode Dmitriya Tolmacha i drugih [Russian translation by Dmitry Tolmach and others] // Razsuzhdeniya yuzhnoslavyanskoy i russkoj stariny o cerkovno-slavyanskom yazyke / sobral i ob”yasnil I.V. Yagich [Reasoning of the South Slavic and Russian antiquity about the Church Slavonic language / collected and explained by I.V. Yagich]. Sankt-Peterburg, 1896. S. 524–528. (In Russ.)

Zahar'in D.B. O nemeckom vliyanii na russkuyu grammaticheskuyu mysl' [On the German influence on Russian grammatical thought] // Russian Linguistics. 1991. № 15/3. P. 1–3. (In Russ.)

Zhivov V.M. Slavyanskije grammaticheskie sochineniya kak lingvisticheskij is-tochnik (O knige D.S. Worth. The origins of Russian grammar. Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars. UCLA Slavic Studies. 5 Slavica [Slavic grammatical works as a linguistic source (About the book by D.S. Worth. The origins of Russian grammar. Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars. UCLA Slavic Studies. 5 Slavica)]. Columbus. 1983. 176 p.) // Russian Linguistics. 1986. № 10. S. 91. (In Russ.)

Ars Ambianensis: Le tre redazioni delle Declinationes nominum / editio princeps con commento e indici a cura di C. Giammona. Hildesheim, 2016.

Der russische Donat: vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik: historisch-kritische Ausgabe / Hrsg. und kommentiert von V.S. Tomelleri. Köln; Weimar; Wien, 2002.

Ars Donati Grammatici Urbis Romae. 3. De pronomine // *Holtz L.* Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical. Paris, 1981. P. 588–591.

Donati Grammatici Urbis Romae Ars grammatica. De pronomine // Grammatici Latini / ex. rec. H. Keilii. Vol. 1–7. 1822–1894; Vol. 4. 1864. URL: <https://archive.org/details/grammaticilatinii04keil> (access date: 11.01.2021).

Law V. When is Donatus not Donatus? Versions, variants and new texts // Peritia. 1986. № 5. P. 235–261.

Ó Cróinín D. Early Medieval Ireland 400–1200. London; New York, 1997.

Tomelleri V. Einleitung // Der russische Donat: vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik: historisch-kritische Ausgabe / Hrsg. und kommentiert von V.S. Tomelleri. Köln; Weimar; Wien, 2002. S. 1–172.

DOI: 10.31857/S013038640018578-3

© 2022 г. Т.В. АЛЕНТЬЕВА

МЭРИ ТОДД ЛИНКОЛЬН В БЕЛОМ ДОМЕ: ИСПЫТАНИЕ ВЛАСТЬЮ

Алентьева Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Курского государственного университета (Курск, Россия).

E-mail: alent-tv@yandex.ru

Researcher ID: A-7643-2018

Аннотация. Статья посвящена деятельности жены 16-го американского президента Мэри Тодд Линкольн в Белом доме. До сих пор в американской историографии ведутся споры о ней. Она была яркой и неординарной личностью, получила прекрасное образование, увлекалась политикой, что было нехарактерно для женщины XIX столетия. Мэри оказывала существенное влияние на мужа, побуждая его стать президентом, поддерживала его политику, направленную на сохранение Союза штатов. Ее семья оказалась трагически разделенной Гражданской войной, шестеро ее родственников поддерживали Союз, восемь оказались на стороне Конфедерации. Она одобрила решение Линкольна отменить рабство, хотя по рождению была южанкой и происходила из рабовладельческой семьи. Пребывание в Белом доме Мэри Линкольн пыталась использовать для его ремонта и обновления, часто не считаясь с затратами. Она увлекалась нарядами и организацией официальных приемов, нередко вызывая осуждение окружающих. Суровые условия Гражданской войны требовали от первой леди выполнения общественных обязанностей, связанных с посещением раненых. Она это делала охотно, но не придавала значения саморекламе, что было существенным просчетом, поскольку деятельность четы Линкольн постоянно подвергалась нападкам демократической печати и тайных сторонников южан. Пресса редко помещала о ней положительные отзывы. Плохое состояние здоровья, гибель на войне близких родственников, смерть сына, психическая неуравновешенность не позволили ей в полной мере осуществлять обязанности первой леди. Ей не удалось выдержать испытание властью. И все же ее деятельность была попыткой вмешательства женщины в сферу мужской политики, что являлось вызовом своему времени.

Ключевые слова: Гражданская война в США, Мэри Тодд Линкольн, Авраам Линкольн, Белый дом, отмена рабства, гендерная история.

T.V. Alentieva

Mary Todd Lincoln in the White House: A Trial by Power

Tatiana Alentieva, Kursk State University (Kursk, Russia).

E-mail: alent-tv@yandex.ru

Researcher ID: A-7643-2018

Abstract. The study focuses on the White House activities of Mary Todd Lincoln, the wife of the 16th America President. Her personality is still controversial in American historiography. She was a remarkable Person, well educated, fascinated by politics, which was not typical for a woman in the nineteenth century. Mary exerted considerable influence on her husband, urging him to become president and supporting his policies to preserve the Union. Her family was tragically divided by the Civil War, with six of

her relatives supporting the Union and eight fighting on the Confederate side. She approved of Lincoln's decision to abolish slavery, even though she was a Southerner by birth and came from a slave-owning family. The harsh conditions of the Civil War required of the First Lady the fulfilment of public duties, particularly visiting the wounded. She did so willingly, but she paid little attention to self-promotion, which was a significant political miscalculation since the Lincoln family's activities were constantly under attack by the Democratic press and secret Southern sympathisers. The press seldom published information presenting her in a more positive light. Her poor health, the death of close family members in the war, the passing away of her son, and her mental instability prevented her from fully exercising her duties as First Lady. She failed the trial by power. Still, her activities were an attempt at a woman's intervention in the sphere of male politics, challenging the accepted social norms of her time.

Keywords: American Civil War, Mary Todd Lincoln, Abraham Lincoln, White House, abolition of slavery, gender history.

Вначале была любовь двух абсолютно несхожих людей, не случайно на обручальном кольце Мэри, подаренном Авраамом, была надпись: «Любовь вечна». Будучи президентом, Линкольн признавался журналистам: «Моя жена так же красива, как и в юности. И я, бедное ничтожество, влюбился в нее и, более того, никогда не переставал любить»¹.

Они представляли крайности во всем, а крайности часто сходятся. Он – высокий, худой, нескладный, с густой черной шевелюрой, темно-серыми глазами, грубыми, резко очерченными чертами лица, ростом 1 метр 93 сантиметра. Она – миниатюрная, полненькая, со светло-каштановыми волосами, ясными голубыми глазами, длинными ресницами, красивым цветом лица, ростом 1 метр 57 сантиметров. Разница в возрасте составляла девять лет.

Авраам Линкольн (1809–1865), сын бедняка-фермера, родился в бревенчатой хижине в Кентукки, самоучкой стал преуспевающим адвокатом в городе Спрингфилд (Иллинойс), обладал природным ораторским даром, удивительным чувством юмора, добрым, уступчивым характером в повседневном общении, однако был часто подвержен приступам депрессии или ипохондрии.

Мэри Энн Тодд (1818–1882) в отличие от своего избранника была дочерью состоятельного бизнесмена и рабовладельца из города Лексингтон (Кентукки), избалованной черной нянькой-рабыней. Мэри получила прекрасное образование в женской академии мадам Метрелл, знала несколько иностранных языков, свободно говорила по-французски, отличалась веселым нравом, однако имела склонность к капризам и истерикам.

У яркой, живой Мэри Тодд не было недостатка в поклонниках, среди них оказался и вечный оппонент Линкольна Стивен Дуглас, но выбрала она все-таки неуклюжего и нескладного провинциального адвоката, в которого влюбилась практически с первого взгляда². В 1840 г. после первого знакомства Линкольн и «Молли», как он теперь любовно называл ее, медленно перешли от дружбы к ухаживанию. Ее сестра отмечала, «что Линкольн слушал и смотрел на [Мэри] так, словно его притягивала какая-то высшая сила, и это было непреодолимо»³. Они встречались два года, за это время были и размолвки, и ссоры, и разорванная помолвка. Наконец, Авраам и Мэри поженились 4 ноября 1842 г. У них родилось четыре сына: Роберт, Эдвард, Уильям, Томас.

В рамках гендерных исследований представляется важным изучение судеб отдельных лиц и групп женщин. В этом ключе закономерен интерес к биографии жены 16-го американского президента – Мэри Тодд Линкольн.

Историки до сих пор спорят, какой была жена Авраама Линкольна. Негативным оценкам нет числа. Многие из них берут начало в биографической работе У. Херндона, партнера Линкольна по адвокатской практике в Спрингфилде. Херндон откровенно

¹ *Fraga K.* Mary Todd Lincoln: History's Most Misunderstood First Lady. URL: <https://allthatinteresting.com/mary-todd-lincoln> (дата обращения: 14.01.2021).

² *Donald D.H.* Lincoln. New York, 1995. P. 85.

³ *Lincoln A.* Speeches and Letters of Abraham Lincoln 1832–1865. Scotts Valley, 2015. P. 37.

невзлюбил Мэри Линкольн, поэтому изображал ее в самом негативном свете, не гнушаясь пересказом сплетен и откровенным вымыслом, называя ее «волчицей» и «тигрицей»⁴.

В воспоминаниях дружески расположенных современников, таких как Э. Гримсли и Г. Уитни, Мэри Линкольн предстает как заботливая жена и мать и в то же время как амбициозная женщина, стремившаяся содействовать карьере своего супруга как первая леди, старавшаяся как можно лучше выполнять свои обязанности, но ставшая жертвой злостной клеветы и инсинуаций со стороны недругов и прессы⁵.

Мнения историков о Мэри Линкольн сильно расходятся, тем не менее ее личность очень популярна. Ей посвящены не только биографические работы, но и художественные произведения: романы и повести, стихотворения и театральные пьесы, о чем свидетельствует обстоятельная библиография, собранная историком Дж. Эмерсоном⁶.

Есть немало биографий Мэри, написанных с сочувствием к ней, авторы которых внимательно изучали ее переписку, воспоминания близких ей людей. К таким исследователям относится знаменитый поэт и биограф А. Линкольна К. Сэндберг⁷. С исключительно апологетических позиций описывала жизнь супруги 16-го президента и ее семью историк Р. Рэнделл⁸. Биография, написанная историком Ч. Строзиером, довольно объективно рассматривает, как трагические обстоятельства жизни подрывали психическое здоровье Мэри. В первоначальный период, как полагает исследователь, семейная жизнь супругов была вполне счастливой, однако смерть детей и постоянное одиночество жены из-за частых деловых отъездов мужа из дома привели психику бедной женщины в болезненное состояние, а впоследствии и к сумасшествию. Немалую вину за это он возлагает на травлю со стороны прессы⁹.

В русле гендерных исследований написана работа Дж. Бейкер. Она совершенно игнорирует ошибки и просчеты Мэри, восхваляя ее достоинства, изображая ее как пионера феминизма в век мужского шовинизма, что никак не отвечало реальности. Жена Линкольна ни в коей мере не была феминисткой.

Во многих исследованиях, посвященных семье Линкольн, авторы представляют их жизнь только в черном цвете, виновницей же всего считают именно супругу. Такова, к примеру, работа Дж. Паккарда¹⁰. Подвести итог спорам историки попытались в сборнике статей под красноречивым названием «Загадка миссис Линкольн»¹¹.

В статье рассматривается, насколько Мэри Тодд Линкольн соответствовала статусу первой леди, сумела ли она выдержать испытание властью. Источниками послужили мемуары современников, эпистолярные документы, материалы прессы¹². Особенно ценными являющиеся мемуары ее конфидентки и близкой подруги во время пребывания в Белом доме афро-американки Э. Кекли¹³. Родившись рабыней, Кекли сумела получить

⁴ *Herndon W.H., Weik J.W.* Herndon's Lincoln: The True Story of a Great Life the History and Personal Recollections of Abraham Lincoln: 2 vols. Ann Arbor, 2009. Vol. I. P. 226–229.

⁵ *Grimley E.T.* Six Months in the White House // *Journal of the Illinois State Historical Society*. Vol. 19. № 3/4. P. 43–73; *Witney H.C.* Life on the Circuit with Lincoln: with Sketches of Generals Grant, Sherman and McClellan, Judge Davis, Leonard Swett, and Other Contemporaries. Boston, 1892. P. 90–102.

⁶ *Emerson J.* Mary Lincoln: An Annotated Bibliography // *Journal of the Illinois State Historical Society*. Vol. 103. № 2. 2010. P. 180–235.

⁷ *Sandburg C.* Mary Lincoln, wife and widow. New York, 2008.

⁸ *Randall R.P.* Mary Lincoln: Biography of a Marriage. Boston, 1953.

⁹ *Strozier Ch. B.* Lincoln's Quest for Union. Public and Private Meanings. New York, 1982.

¹⁰ *Packard J.M.* The Lincolns in White House: Four Years that Shattered a Family. New York, 2006.

¹¹ *The Mary Lincoln Enigma: Historians on America's Most Controversial First Lady*. Carbondale, 2012.

¹² *Leech M.* Reveille in Washington, 1860–1865. New York, 1941; *Turner J.G., Turner L.L.* Mary Todd Lincoln: Her Life and Letters. New York, 1972; *Through Five Administrations: Reminiscences of Colonel William H. Crook, Body Guard to President Lincoln* / ed. M.S. Gerry. New York, 2004; *Russell W.H.* My Diary North and South. New York, 2008, etc.

¹³ *Keckley E.* Behind the Scenes: Or, Thirty Years a Slave, and Four Years in the White House. Tarrytown, 2017.

свободу и стать искусной мастерицей в области моды. Не менее важны мемуары и деловые документы секретарей, работавших в Белом доме, У. Стоддарда и Дж. Николея¹⁴. В их оценках больше негатива, поскольку им не нравилось вмешательство жены президента в политику. В своей частной переписке они называли ее «Дьявольской кошкой» и «Ее сатанинским величеством». Несмотря на определенный субъективизм, ценность их мемуаров не подлежит сомнению, поскольку, живя непосредственно в Белом доме, они были в курсе всех закулисных событий.

Честолюбивая Мэри была уверена, что ее муж станет президентом. Она, по словам И. Стоуна, разглядела в своем избраннике неограниченный алмаз и предприняла все усилия, чтобы превратить его в изумительный бриллиант, но так, как она это понимала¹⁵.

В XIX столетии уделом женщины были домашние заботы: уют в доме, муж и дети, прием гостей, чем Мэри Линкольн и занималась. Однако, воспитанная в мире плантаторской аристократии Среднего Запада, Мэри Тодд тем не менее увлекалась политикой, поддерживала партию вигов, была знакома с их лидером Генри Клеем, любила политические дискуссии. Она была превосходным собеседником, свободно высказывала свои мысли в то время, когда женщины предпочитали молчать. Она обладала неутоленным честолюбием, но реализовать эти амбиции мог только ее муж.

Несмотря на все ссоры, Мэри и Авраам были преданы друг другу, она безмерно гордилась им, помогала строить политическую карьеру: давала советы, организовывала мероприятия. Она искренне радовалась его избранию представителем штата Иллинойс от партии вигов в Конгресс США, сопровождала его в Вашингтон, хотя тогдашнее пребывание в столице не оправдало ее надежд. Оно оказалось непродолжительным¹⁶, затем — слишком долгий перерыв в политической карьере.

В 1860 г. Линкольн на съезде в Чикаго был избран кандидатом в президенты от Республиканской партии. Свою предвыборную кампанию он передоверил помощникам, стараясь держаться в тени и не высказывать своих взглядов. Это была продуманная стратегия руководства Республиканской партии, учитывавшей опыт поражения на президентских выборах 1856 г., когда кандидатом был неординарный Джон Фримонт. Линкольн же выдвигался как «темная лошадка», кандидат, которого можно было раскручивать в выгодном для рядового избирателя ключе, старательно избегая острой проблемы отношения к рабству. Республиканские пропагандисты сумели опереться в создаваемом ими имидже кандидата на устойчивый и популярный в общественном мнении северян архетип пионера и скваттера¹⁷.

Иначе восприняла ситуацию с выборами супруга кандидата. Вопреки принятым нормам поведения для жен политиков, она приняла самое активное участие в политической судьбе своего мужа, охотно давая интервью журналистам¹⁸. Это шокировало общественность, так как шло вразрез с традициями. Очевидно, Линкольн рассматривал свой брак не только как союз двух любящих сердец, но и как политическое партнерство, поэтому, узнав о результатах голосования, он бросился домой, чтобы первым сказать ей: «Мэри, мы избраны!»¹⁹.

¹⁴ With Lincoln in the White House. Letters, Memoranda, and Other Writings of John G. Nicolay, 1860–1865 / ed. M. Burlingame. Carbondale, 2000; *Stoddard W.O.* Inside Lincoln's White House in War Times. Memoirs and Reports of Lincoln's Secretary. Lincoln, 2000. P. 33–39.

¹⁵ *Стоун И.* Любовь вечна, или Мэри Тодд и Авраам Линкольн / пер. с англ. И.Г. Усачева. М., 1994. С. 322.

¹⁶ Линкольн был конгрессменом один срок с 4 марта 1847 г. до 3 марта 1849 г.

¹⁷ *Алентьева Т.В.* Общественное мнение в США в преддверии Гражданской войны (1850–1861 гг.). М., 2020. С. 201.

¹⁸ *New York Evening Post.* 23.V.1860; *New York Herald.* 13.VIII.1860.

¹⁹ *Williams F.J.* Mary Todd Lincoln "On the Wing of Expectation": Wife, Mother and Political Partner // *Lincoln Herald.* Vol. 102. № 4. P. 173.

Перед инаугурацией в 1861 г. Линкольна угрожали убить. Мэри получила множество анонимных писем с угрозами: если ее муж вступит в должность, его убьют. Многие из богатых южных семей, ранее доминировавших в общественно-политической жизни столицы, покидали ее, а оставшиеся политики и их жены, включая бывшую первую леди Х. Лейн, заранее осудили «западную» миссис Линкольн как вульгарную провинциалку, совершенно не подходящую на роль первой леди²⁰.

Со времен Марты Вашингтон и Долли Мэдисон сложился примерный круг обязанностей хозяйки Белого дома: организация официальных и частных приемов, чаепитий, обедов и бесед, инаугурационных балов, торжеств в связи с национальными праздниками (такими как День независимости), музыкальных вечеров; поддержание порядка и наблюдение за слугами. Сама первая леди являлась примером для подражания в одежде, манерах, в соблюдении правил этикета²¹.

Мэри упорно старалась стать помощницей своему мужу и достойной первой леди, однако в Вашингтоне доминировала рафинированная культура Северо-Востока и старого плантаторского Юга. Культура Среднего Запада не была такой чопорной и строгой в отношении этикета. Не в пользу Мэри оказалось сравнение с предыдущей первой леди, 27-летней племянницей холостяка Дж. Бьюкенена Х. Лейн, родом из Пенсильвании. Прежде, чем стать хозяйкой Белого дома, Лейн три года пробыла в Лондоне, где ее дядя был послом, оттачивая свои манеры при дворе королевы Виктории²².

Мэри Тодд Линкольн была не так красива и грациозна, к тому же ей было уже 43 года. Критики описывали манеры Мэри как грубые и претенциозные, что являлось отражением недоброжелательства прессы по отношению к ее мужу. Вашингтонская «Standard» писала: «Ее высочество миссис Линкольн делает многое для того, чтобы король Авраам был непопулярным. Она ведет себя как необразованная, лишенная здравого смысла женщина, которая, к несчастью, поднялась в сферы, для коих совсем не подходит»²³.

Вращаясь в более свободном и раскованном обществе Иллинойса, Мэри Линкольн не могла сразу понять специфику вашингтонского бомонда и круг своих новых обязанностей. Об этом писал в мемуарах полковник У. Крук, служивший в охране Белого дома²⁴.

Трагизм ситуации заключался в том, что в стране началась Гражданская война. 12 апреля 1861 г. южане обстреляли федеральный форт Самтер, принудив гарнизон к капитуляции. И на протяжении всего президентства Линкольна Мэри придется жить и действовать в условиях братоубийственной войны. Крылатое выражение ее мужа «Дом разделенный» стало реальным отражением положения семьи Линкольнов. Оба супруга происходили из рабовладельческого штата Кентукки. Большинство кентуккийцев из окружения семьи Тоддов поддерживали дело южан, но Мэри была горячей и неутомимой сторонницей Союза и противницей рабства. Тем не менее многочисленные родственники-конфедераты первой леди порождали слухи о ее нелояльности Союзу. Начавшаяся война трагически разделила семью Мэри²⁵: шестеро ее родственников поддерживали Союз, восемь оказались на стороне Конфедеративных Штатов Америки (КША). Родные сестры Мэри — Элизабет, Фанни и Энн вместе с мужьями остались верны Союзу, как и брат Леви. Ее родной младший брат Джордж стал хирургом у южан, три сводных брата Сэмюэль, Дэвид и Александр Тодды вступили в армию КША²⁶. Четыре сводные сестры были замужем за офицерами армии южан. Был среди родственников

²⁰ New York Times. 20.II.186; New York Herald. 18.II.1861.

²¹ *Scarmas N.J.* First Ladies of the White House. Nashville, 2008. P. 5, 10.

²² *Klaptor M.B.* The First Ladies. Washington (D.C.), 1994. P. 38.

²³ Цит. по: Стоун И. Указ. соч. С. 369.

²⁴ *Crook W.H.* Op. cit. P. 17–18.

²⁵ У Мэри Тодд Линкольн было шесть родных и девять сводных братьев и сестер.

²⁶ *Turner J.G., Turner L.L.* Op. cit. P. 155–156.

и тайный изменник – муж родной сестры Маргарет Чарльз Келлог, которому Линкольн присвоил чин капитана и должность комиссионера по продовольствию, но, как оказалось, он был сторонником южан²⁷.

Сводный брат Дэвид Тодд был «паршивой овцой» в семье. Поступив на службу Конфедерации, он два месяца был комендантом печально известной тюрьмы Либби в Ричмонде, заслужив негативную известность своей жестокостью по отношению к военнопленным-северянам. Президенту КША Дж. Дэвису пришлось снять его с должности и отправить в действующую армию²⁸. Факты, свидетельствующие о жестокости Д. Тодда, вызвали глубокое возмущение на Севере и серьезно повредили репутации Мэри. Пресса северян всячески подчеркивала принадлежность ее семьи к рабовладельческой элите, широко освещала и комментировала факты наличия у миссис Линкольн родственников на стороне южной Конфедерации, что порождало множество злых сплетен и инсинуаций²⁹.

Трагедия Гражданской войны сопровождалась неизбежными потерями. Трое сводных братьев Мэри Тодд погибли в сражениях на военной службе Конфедерации, был убит муж ее сводной сестры Эмили Хелм. В это же время в 1862 г. от тифа в возрасте 11 лет умер ее сын Вилли. По словам Э. Кекли, Мэри говорила, что не горюет о сводных братьях. О брате Александре она сказала: «Он сделал свой выбор давным-давно. Он решил пойти против моего мужа, а через него – против меня. Он сражался против нас, и с тех пор, как он решил стать нашим смертельным врагом, я не вижу особой причины, почему я должна горько оплакивать его смерть»³⁰.

Повредило ее репутации и то, что в Белом доме в условиях Гражданской войны гостили ее сестры-южанки: сводная сестра Эмили Тодд Хелм³¹ и Марта Уайт. Последняя, вернувшись в Ричмонд, откровенно хвасталась, что провезла через линию фронта контрабандные товары и медикаменты на 30 тыс. долл.³², о чем с негодованием писали все газеты Севера.

На Юге Мэри Линкольн считали предательницей, на Севере ее обвинили в подозрительных связях с Конфедерацией, к ней пачками приходили угрожающие письма. Созданная радикальными республиканцами Комиссия по расследованию вопроса о ведении войны обвинила ее в передаче важной информации конфедератам. Только личное вмешательство президента помешало превращению этого дела в громкий политический скандал³³.

В первые месяцы военных действий все ожидали вражеского вторжения в практически незащищенный Вашингтон. Понимая необходимость поддержки мужа в сложное время, проявив настоящее мужество, она наотрез отказалась от предложения командующего армией Союза У. Скотта покинуть вместе с детьми столицу в связи со сложной военной ситуацией в прифронтовом городе³⁴. Даже в самые трагические дни войны она не теряла веру в победу.

Став хозяйкой Белого дома, Мэри сразу же столкнулась с массой проблем. Но как настоящая женщина начала с обновления своего гардероба, чтобы соответствовать новой роли, как, собственно, делали до нее все первые леди. Ей нравились пышные наряды в стиле французской императрицы Евгении, жены Наполеона III, хотя они не совсем

²⁷ Neely M.E., jr. The secret treason of Abraham Lincoln's brother-in-law // Journal of the Abraham Lincoln Association. 1996. Vol. 17. № 1. P. 39–43.

²⁸ A House divided. The Lincoln's' Confederate Relatives // URL: <https://static1.squarespace.com/static/HouseDiv5small.pdf> (дата обращения: 02.03.2021).

²⁹ The Appleton Motor. 17.X.1861; Harper's Weekly. 8.XI.1862; National Republican. 24.X.1864.

³⁰ Keckley E. Op. cit. P. 135–136.

³¹ Clinton C. Mrs. Lincoln. A Life. New York, 2009. P. 213–214.

³² New York Tribune. 22.VII; 23.VII.1863.

³³ Pritchard M.H. The Dark Days of Abraham Lincoln's Widow, as Revealed in Your Own Letters. Carbondale, 2011. P. 16–18.

³⁴ Алентьева Т.В. Линкольн как военный президент // Американистика. Актуальные подходы и современные исследования. Вып. 2. Курск, 2009. С. 122–138.

подходили ее фигуре. Редко какая газета выходила без упоминания о платьях, шляпках и украшениях первой леди, не соответствующих условиям Гражданской войны.

Наряды и украшения стоили дорого, и первая леди неизбежно оказалась в долгах, вряд ли отличаясь этим от своих предшественниц. Мэри говорила Кекли: «Я должна одеваться в дорогие ткани. Люди с критическим любопытством изучают каждую вещь, которую я ношу... Одно то, что я выросла на Западе, дает повод относиться ко мне пристрастно. Чтобы соблести приличия, мне нужны деньги — больше, чем мистер Линкольн может выделить для меня ...у меня не было и до сих пор нет альтернативы, кроме как залезть в долги»³⁵. Не имея часто достаточно собственных средств для роскошных нарядов и украшений, она принимала подарки всякий раз, когда могла, хотя многие из этих «подарков» на самом деле не были бесплатными³⁶.

Другой неотложной проблемой Мэри Линкольн считала придание официальной президентской резиденции соответствующего блеска. Здание давно не ремонтировалось, а обстановка не обновлялась, даже официальные помещения имели запущенный вид³⁷. В обязанности первой леди входила забота обо всем этом. Не считаясь с расходами, она покупала в Нью-Йорке и Филадельфии мебель, шторы, ковры и обои, а также роскошные сервизы и столовые приборы³⁸. Чувство меры ей часто изменяло. За очень короткое время первая леди израсходовала 20 тыс. долл., выделенных Конгрессом на ремонт Белого дома. Ситуация была настолько серьезной, что министр внутренних дел лично нанес визит президенту, чтобы выяснить, как расходуются средства. Линкольн был страшно возмущен огромными тратами жены, но Конгресс, в конечном счете, принял решение о покрытии этих расходов³⁹.

Не менее важной задачей хозяйки президентского особняка было устройство официальных приемов, обедов и балов. Первый прием и бал четы Линкольн, когда число приглашенных превысило 500 человек, обошелся им в немалую по тогдашним меркам сумму — более 1 тыс. долл. На приеме были влиятельные политики, правительственные чиновники, военные и представители дипломатического корпуса, в том числе британский посол⁴⁰. Несмотря на благие намерения Мэри Линкольн доказать стабильность новой администрации, продемонстрировать уверенность в будущей победе, большая часть нации негативно отреагировала на новости о бале.

Неумеренные расходы первой леди вполне закономерно спровоцировали шумную кампанию в антипрезидентской прессе⁴¹. Газеты называли жену президента расточительной, недостойной находиться в Белом доме в дни трагедии, обвиняли, что она позорит Север, тратит деньги, которые нужны Союзу на оружие и медикаменты, что ведет «себя легкомысленно в период ужасной войны и недостойна быть первой леди»⁴².

Она устраивала малые приемы, приглашая всех, кто был ей приятен, невзирая на их общественную репутацию. Своими приемами она хотела дать понять, что война не нарушит десятилетние традиции Белого дома, не изменит обычаи правительства Союза⁴³.

Как пишет историк Б. Уелтер, истинными добродетелями женщин, ценимыми в обществе XIX столетия, были: благочестие, нравственность, покорность, умение выполнять домашние, семейные обязанности⁴⁴. Все предшественницы Мэри Линкольн не

³⁵ *Keckley E.* Op. cit. P. 66.

³⁶ *Grimsley E.* Op. cit. P. 59.

³⁷ *Ibid.* P. 47.

³⁸ *New York Daily Tribune.* 16.V.1861.

³⁹ *Baker J.* Op. cit. P. 188–190.

⁴⁰ *Washington Star.* 4.II.1862; *With Lincoln in the White House.* P. 68.

⁴¹ *The Wisconsin State Register.* 15.II.1862.

⁴² *New York Herald.* 2.V.1864.

⁴³ *The New York Herald.* 10.III.1861.

⁴⁴ *Welter B.* *The Cult of True Womanhood: 1820–1860 // American Quarterly.* 1966. Vol. 18. № 2. Pt. 1. P. 151.

вмешивались в дела своих мужей по управлению страной. Но она была слишком амбициозна, чтобы оставаться на втором плане. С самого начала она попыталась оказывать влияние на государственные дела мужа⁴⁵. Это касалось прежде всего политических назначений, следовавших за выборами. Традиция политического патронажа (spoils-system), сложившаяся еще со времен президента Э. Джексона, закрепила принцип ротации кадров чиновников по партийной принадлежности. Это приводило к потоку «искателей должностей» в Белый дом после каждых президентских выборов. При этом не исключалось покровительство родственникам и близким друзьям, скорее это являлось обычной практикой того времени. Но вмешательство первой леди в такие дела все же выходило за рамки принятого.

В мемуарах Э. Кекли пишет, как Мэри спорила с Авраамом о его назначениях и генералах. Ее беспокоили прежде всего те, кто отличался особой амбициозностью и мог со временем стать соперником ее мужа. В частности, Мэри не доверяла министру финансов С. Чейзу, государственному секретарю У. Сьюарду, вице-президенту Э. Джонсону, генералу Дж. Макклеллану и генералу У.С. Гранту⁴⁶. Сьюард, наиболее влиятельный и умный политик среди республиканцев, стал близким другом Линкольна, но первая леди продолжала относиться к нему неприязненно, как и к членам его семьи: зачастую отказывалась присутствовать на заранее запланированных встречах с женой и детьми. На нападки Мэри Линкольн шуточно парировал: «Если бы я вас послушал, то скоро остался бы без кабинета министров»⁴⁷.

Мэри постоянно высказывала свое мнение мужу, хотя знала, что Линкольн не всегда с ним согласен. В одной газете отмечалось: «Впервые в истории президентов у нас есть жена президента, которая, похоже, стремится приложить руку к правительственному пирогу. Она ни в коем случае не простая домохозяйка, но, очевидно, по своей природе была предназначена для того, чтобы вмешиваться в политику... В зарубежных странах ее участие в политике не подверглось бы негативной критике, но американцы настолько непривычны к этим вещам, что им это не нравится»⁴⁸.

Гендерные роли в середине XIX столетия были жестко определены. Несомненно, в Белом доме Мэри Линкольн не могло не постичь разочарование. Ее муж, чью карьеру она активно продвигала, отдалился от нее. Как президент, он постоянно был занят. Она никак не могла понять, что мир политики был исключительно мужским.

Гражданская война властно вторглась в повседневную жизнь Белого дома. После первой битвы при Булл-Ране Мэри стала регулярно, два–три раза в неделю, посещать госпитали в округе Колумбия, стараясь не делать из своих визитов сюжеты для газетных репортажей. Она вообще недооценивала налаживание тесных связей с прессой, негодуя на постоянные негативные репортажи о ней. Первая леди приносила раненым еду, цветы, читала книги, писала письма домой, держала за руку и утешала умирающих, неустанно работала над сбором денежных средств.

Личный секретарь президента У. Стоддарт писал: «Она редко берет с собой в госпиталь кого-то постороннего, теряя тем самым повод для саморекламы. Если бы она была умудрена жизнью, то каждый раз возила бы с собой газетных корреспондентов, от двух до пяти, обоюдо пола и велела бы им стенографировать то, что она говорит больным солдатам, и то, что они отвечают ей»⁴⁹.

Несмотря на то, что Мэри родилась и выросла в рабовладельческом штате, она была противницей рабства, осуждала работорговлю. Она поддержала Ассоциацию помощи рабам,

⁴⁵ Reminiscences of Abraham Lincoln by Distinguished Men of His Time / ed. A.T. Rice. New York, 2005. P. 364.

⁴⁶ *Keckley E.* Op. cit. P. 127.

⁴⁷ Ibid. P. 131.

⁴⁸ The President's Wife // New Hampshire Statesman. 19.X.1861.

⁴⁹ *Stoddard W.O.* Op. cit. P. 48.

бежавшим на Север, которые считались «военной контрабандой»⁵⁰. Мэри собирала для них частные пожертвования на жилье, одежду, медикаменты и другие нужды. В письме к мужу из Нью-Йорка в ноябре 1862 г. она пытается просить его о финансовой поддержке Ассоциации: «Огромное количество людей, ставших “военной контрабандной”, очень страдают... многие умирают от нужды и голода»⁵¹.

Первая леди сыграла важную роль в решении президента отменить рабство, горячо поддерживая его намерение, которое не одобряли даже члены его кабинета. 22 сентября 1862 г. Линкольн подписал Прокламацию об освобождении рабов. Мэри считала это и своей личной победой⁵².

Возможно, современники отнеслись бы к ней более благожелательно, если бы она сама больше заботилась о своем имидже и наладила тесные связи с прессой. Не способствовало улучшению ее репутации и игнорирование ограничений, налагаемых обществом на сферу деятельности женщин, ее амбициозность и экстравагантность, неумение понимать свои просчеты и вовремя исправлять их.

В страстную пятницу 14 апреля 1865 г. в связи с окончанием военных действий Мэри и Авраам отправились в театр Форда на представление новой пьесы. Север праздновал победу в долгой и кровопролитной Гражданской войне. Во время представления, когда Мэри держала мужа за руку, в ложу вошел убийца Д. Бут и выстрелил в президента. Линкольн упал. Крики Мэри разносились по всему театру: «О Боже, неужели я отдала своего мужа на смерть?» Потрясение было столь велико, что она была прикована к постели в течение 40 дней, отказавшись принимать соболезнования посетителей, что вызвало осуждение в обществе.

Покидая Белый дом, она сказала: «Я уйду отсюда с разбитым сердцем... Увы, со мной все кончено». Она вернулась в Илинойс и после смерти своего младшего сына Томаса в 1871 г. впала в глубокую депрессию. Умерла Мэри в возрасте 63 лет от инсульта 16 июля 1882 г.

Бесспорно, Мэри Тодд Линкольн остается трагичной фигурой в американской истории. Она пыталась не просто выполнять свои общественные обязанности, но и стать чем-то большим, чем женой президента, быть его советчицей, доказать, что женщина может играть важную роль в мире мужской политики. Не стоит недооценивать ее постоянную веру в будущую победу, ее помощь раненым солдатам, беглым рабам. Она разделяла судьбоносное решение мужа отменить рабство, стремилась давать ему советы, быть ему поддержкой в трудные минуты. Однако братоубийственная Гражданская война, постоянные нападки прессы, плохое состояние здоровья и многочисленные трагические жизненные обстоятельства помешали ей в полной мере реализовать свои стремления. Испытание властью оказалось для нее слишком тяжким бременем, справиться с которым она оказалась не в состоянии. До сих пор она остается самой противоречивой и неоднозначной первой леди в истории США.

Библиография / References

Алентьева Т.В. Линкольн как военный президент // *Американистика. Актуальные подходы и современные исследования*. Вып. 2. Курск, 2009. С. 122–138.

Алентьева Т.В. Общественное мнение в США в преддверии Гражданской войны (1850–1861 гг.). М., 2020.

Стоун И. Любовь вечна, или Мэри Тодд и Авраам Линкольн / пер. с англ. И.Г. Усачева. М., 1994.

Alentieva T.V. Lincoln kak voennyiy prezident [Lincoln as Military President] // *Amerikanistika. Aktualnyie podhodyi i sovremennyye issledovaniya* [American studies. Current approaches and modern research]. Iss. 2. Kursk, 2009. P. 122–138. (In Russ.)

Alentieva T.V. Obschestvennoe mnenie v SShA v preddverii Grazhdanskoj voynyi (1850–1861 gg.)

⁵⁰ Это название прижилось благодаря генералу Б. Батлеру, который таким образом хотел защитить права беглых рабов. *Harper's Weekly*. 8.VI; 29.VI.1861.

⁵¹ *Turner J.G., Turner L.L.* Op. cit. P. 140–141.

⁵² *Randall R.P.* Op. cit. P. 323.

[Public opinion in the USA on the eve of the Civil War (1850–1861)]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Stone I. Lyubov vechna ili Meri Todd i Avraam Linkoln [Love is Eternal: Mary Todd and Abraham Lincoln] / transl. I.G. Usacheva. Moskva, 1994. (In Russ.)

A House divided. The Lincolns' Confederate Relatives // URL: <https://static1.squarespace.com/static/HouseDiv5small.pdf> (access date: 02.03.2021).

Baker J. Mary Todd Lincoln: A Biography New York, 1987.

Clinton C. Mrs. Lincoln. A Life. New York, 2009.

Donald D.H. Lincoln. New York, 1995.

Emerson J. Mary Lincoln: An Annotated Bibliography // Journal of the Illinois State Historical Society. Vol. 103. № 2. 2010. P. 180–235.

Fraga K. Mary Todd Lincoln: History's Most Misunderstood First Lady. URL: <https://allthatsinteresting.com/mary-todd-lincoln> (access date: 14.01.2021).

Grimsley E.T. Six Months in the White House // Journal of the Illinois State Historical Society. Vol. 19. № 3/4. P. 43–73.

Herndon W.H., Weik J.W. Herndon's Lincoln: The True Story of a Great Life the History and Personal Recollections of Abraham Lincoln: 2 vols. Ann Arbor, 2009.

Keckley E. Behind the Scenes: or, Thirty Years a Slave, and Four Years in the White House. Torrington, 2017.

Leech M. Reveille in Washington, 1860–1865. New York, 1941.

Lincoln A. Speeches and Letters of Abraham Lincoln 1832–1865. Scotts Valley, 2015.

Neely M.E., jr. The secret treason of Abraham Lincoln's brother-in-law // Journal of the Abraham Lincoln Association. 1996. Vol. 17. № 1. P. 39–43.

Packard J.M. The Lincolns in the White House: Four Years That Shattered a Family. New York, 2013.

Randall R.P. Mary Lincoln: Biography of a Marriage. Boston, 1953.

Russell W.H. My Diary North and South. New York, 2008.

Sandburg C. Mary Lincoln, Wife and Widow. New York, 2008.

Scarmeas N. First Ladies of the White House. Nashville, 2008.

Stoddard W.O. Inside Lincoln's White House in War Times. Memoirs and Reports of Lincoln's Secretary. Lincoln, 2000.

Strozier Ch. B. Lincoln's Quest for Union. Public and Private Meanings. New York, 1982.

The Mary Lincoln Enigma: Historians on America's Most Controversial First Lady / ed. F.J. Williams. Carbondale, 2012.

Through Five Administrations: Reminiscences of Colonel William H. Crook, Body Guard to President Lincoln / ed. M.S. Gerry. New York, 2004.

Turner J.G., Turner L.L. Mary Todd Lincoln: Her Life and Letters. New York, 1972.

Welter B. The Cult of True Womanhood: 1820–1860 // American Quarterly. 1966. Vol. 18. № 2. Pt. 1. P. 151–174.

With Lincoln in the White House. Letters, Memoranda, and Other Writings of John G. Nicolay, 1860–1865 / ed. M. Burlingame. Carbondale, 2000.

Witney H.C. Life on the Circuit with Lincoln. Boston, 1892.

DOI: 10.31857/S013038640018579-4

© 2022 г. **Н.П. ТАНЬШИНА**

МАРИЯ ДМИТРИЕВНА НЕССЕЛЬРОДЕ: ЖЕНА КАНЦЛЕРА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Таньшина Наталия Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

E-mail: nata.tanshina@mail.ru

Scopus Author ID: 57352715900; Researcher ID: Q-9669-2016

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Аннотация. В центре внимания статьи — жизнь и деятельность графини М.Д. Нессельроде, супруги канцлера Российской империи и главы внешнеполитического ведомства графа К.В. Нессельроде. С его именем была связана целая эпоха в истории внешней политики Российской империи. Однако в сознании современников, как и в историографии, сформировалось негативное, чуть ли не карикатурное представление о его деятельности. Аналогичное мнение бытовало и относительно его супруги. Какими только оскорбительными эпитетами не награждали ее современники! Утверждали, что именно ей граф Нессельроде был обязан не только своим состоянием, но и карьерой; что Мария Дмитриевна имела власть над своим «карманным» мужем и оказывала непосредственное влияние на принимаемые им политические решения. Однако были ли эти обвинения обоснованы, и с чем было связано такое отношение? По воспоминаниям современников, и прежде всего по переписке М.Д. Нессельроде, в статье воссоздается ее психолого-политический портрет. Делается вывод, что Мария Дмитриевна была не просто женой, а настоящей помощницей и корреспондентом своего мужа. Обладая острым, пронзительным умом, здраво рассуждая о людях и событиях, она не навязывала свою позицию мужу, а лишь снабжала его полезной ему информацией. Умная, властная, пронзительная, влиятельная, богатая, конечно, она вызывала зависть и раздражение у окружающих, а раскрывалась только перед близкими людьми. Живя в эпоху, когда свет и политика были теснейшим образом взаимосвязаны, Мария Дмитриевна относилась к плеяде влиятельных хозяек европейских салонов.

Ключевые слова: Мария Нессельроде, Карл Нессельроде, политическая биография, внешняя политика, Российская империя, международные отношения.

N.P. Tanshina

Maria Dmitrievna Nesselrode: Wife of the Chancellor of the Russian Empire

Nataliya Tanshina, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

E-mail: nata.tanshina@mail.ru

Scopus Author ID: 57352715900; Researcher ID: Q-9669-2016

The article was written as part of the implementation of the RANEPА state assignment research programme.

Abstract. The article focuses on the life and work of Countess Maria Nesselrode, the wife of the Chancellor of the Russian Empire and the head of the Foreign Ministry, Count Karl von Nesselrode. A whole epoch in the history of the foreign policy of the Russian Empire was associated with his name. However, in the minds of contemporaries, as well as in historiography, a negative, almost caricatured view of his activities was formed. A similar opinion was formed about his wife. It was alleged that Count Nesselrode owed not only his fortune to her, but also his career; that the Countess dominated her “pocket husband” and had a direct influence on his political decisions. However, were these accusations justified, and what was the reason for such attitude? Drawing on the memoirs of contemporaries and, above all, the correspondence of Maria Nesselrode herself, the article recreates her psychological and political portrait. The author concludes that the Countess was not just a wife, but a genuine assistant and confidante to her husband. With her sharp, shrewd mind and sound judgement about people and events, she did not impose her visions and attitudes on her husband, but only provided him with useful information. Smart, domineering, insightful, influential, and wealthy, naturally, she was the envy and irritation of others, and only opened up to those closest to her. Living at a time when high society and politics were intimately linked, Maria Nesselrode was one of the most influential ladies of European salons.

Keywords: Maria Nesselrode, Karl Nesselrode, political biography, foreign policy, Russian Empire, international relations.

С именем графа Карла Васильевича Нессельроде связана целая эпоха в истории внешней политики Российской империи. Однако в сознании современников, как и в историографии, сформировалось негативное, чуть ли не карикатурное представление о его деятельности. То же можно сказать и о его супруге, Марии Дмитриевне Нессельроде¹. Злые языки утверждали, что именно ей граф Нессельроде был обязан не только своим состоянием, но и карьерой; якобы она имела власть над своим «карманным» мужем и оказывала непосредственное влияние на принимаемые им политические решения. Однако были ли эти обвинения обоснованы, и с чем было связано такое отношение?

Итак, К.В. Нессельроде женился в январе 1812 г., на 32-м году жизни. Он только что вернулся из Парижа, где занимал пост советника посольства при князе А.Б. Куракине, и император Александр I 26 октября 1811 г. назначил его своим статс-секретарем². Практически он стал исполнять обязанности главы внешнеполитического ведомства, хотя формально на этой должности продолжал числиться граф Н.П. Румянцев. Однако современники, ревниво относившиеся к карьерным успехам Нессельроде, видели в этом назначении не свидетельство заслуг молодого дипломата, а протекцию, связи или просто случайность. Так, графиня Роксандра Скарлатовна Эделинг (Эдлинг), урожденная Стурдза, оставившая заметки об эпохе, очень не любившая Нессельроде, но весьма симпатизировавшая (если не сказать больше) графу Иоанну Антоновичу Каподистрии, с которым Карл Васильевич с 1816 г. делил руководство министерством, подчеркивала, что своим назначением Нессельроде был обязан вовсе не способностям, а случаю. Якобы помощник государя, князь С.С. Гагарин, получивший место благодаря возлюбленной Александра I М.А. Нарышкиной, в итоге сам в нее влюбился и, сославшись на здоровье, удалился от двора. В результате, как писала проницательная графиня, Карла Нессельроде «выбрали на место Гагарина, женили на дочери министра финансов, и в несколько недель, прежде чем он успел опознаться, у него были богатая, ловкая жена, значительное место и сильные покровители»³. Если верить графине Эделинг, своей карьерой Нессельроде обязан случаю, а на Марии Дмитриевне его и вовсе женили без его ведома.

¹ Впервые материал о М.Д. Нессельроде был опубликован мною в книге: *Таньшина Н.П. К.В. Нессельроде. Искусство быть дипломатом.* СПб., 2021.

² *Терещенко А.* Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами. Ч. III. Вице-канцлеры. СПб., 1837. С. 159.

³ Из записок графини Эделинг // Русский архив. 1887. Кн. 2. С. 221.

Мария Дмитриевна Гурьева (1786–1849), дочь влиятельного министра финансов Дмитрия Александровича Гурьева (1751–1825), была одной из самых богатых петербургских невест. 2 ноября 1802 г. она была пожалована во фрейлины, а 12 января 1812 г. в кавалерственные дамы ордена Св. Екатерины⁴.

Современники были зачастую несправедливы к Марии Дмитриевне, и ей от них досталось не меньше, чем ее мужу. Как писал баварский дипломат французского происхождения Оттон де Брэ⁵, «приданое этой дамы составило основу того громадного состояния, каким владеет в настоящее время граф, а ее обширное родство немало способствовало тому, что ее мужу не повредило его иностранное происхождение»⁶. «Князь-республиканец», как его называли, Петр Владимирович Долгоруков, давший крайне нелицеприятную характеристику графу Нессельроде в «Петербургских очерках», утверждал, что именно семье Гурьевых Карл Нессельроде был обязан не только своим состоянием, но и карьерой: «С 1812 по 1815 год при государе находился по делам дипломатическим статс-секретарь граф Нессельрод, определенный в эту должность сильным придворным влиянием искусных интригантов, своих тестя и тещи, графа и графини Гурьевых»⁷.

Как видим, современники не любили ни Нессельроде, ни его жену, ни ее отца. По словам О. де Брэ, Гурьев оставил министерство в расстроенном состоянии и «считался одною из самых неспособных личностей, когда-либо занимавших в России этот пост»⁸. Упрек во многом несправедливый, поскольку Д.А. Гурьев вошел в историю как реформатор и один из немногих сановников, понимавших необходимость преобразований.

Ф.Ф. Вигель, автор известных записок об этом времени, весьма не любивший Карла Васильевича, столь же негативно относился и к Д.А. Гурьеву, отмечая, что ему, выскочке, «право гражданства в аристократическом мире» дала женитьба на графине Прасковье Николаевне Салтыковой (1764–1830) и ее огромное приданое. Саму невесту Вигель тоже не пощадил, характеризуя ее как «тридцатилетнюю девку, уродливую и злую, на которой никто не хотел жениться, несмотря на ее три тысячи душ»⁹. Досталось и Марии Дмитриевне. Вот что мы читаем в «Русских портретах» великого князя Николая Михайловича: «Сильно не любивший графа Нессельроде Вигель, намекая в своих записках на его темное происхождение¹⁰ и желание посредством женитьбы на дочери графа Гурьева разбогатеть и создать себе связи в петербургском свете, попутно задевает и его невесту: “Зрелая, немного перезрелая дочь его, Мария Дмитриевна, как сочный плод висела гордо и печально на родимом дереве и беспрепятственно дала Нессельроду сорвать себя с него. Золото с нее на него посыпалось, которое для таких людей, как он, то же, что магнит для железа”»¹¹.

Главным достоинством Д.А. Гурьева Вигель иронично считал его таланты по кулинарной части: в этой области, по его словам, у Гурьева был «действительно гений изобретательный, и, кажется, есть паштеты, есть котлеты, которые носят его имя. Он давал обеды знатным новым родным своим, и только им одним; дом его стал почитаться одним из лучших, и сам он попал в число первых патрициев Петрополя»¹². Даже мы знаем

⁴ 21 апреля 1836 г. Мария Дмитриевна была назначена статс-дамой. См.: *Вел. князь Николай Михайлович Романов. Русские портреты XVIII и XIX столетий*. Т. 5. Вып. 4. СПб., 1909. С. 157.

⁵ В 1833–1835 гг. он являлся советником баварского посольства в Петербурге, в 1843–1859 гг., с перерывом в 1846–1847 гг., занимал пост посланника.

⁶ *Брэ О. де*. Император Николай и его сподвижники // Николай I: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, коммент. Т.В. Андреевой, Л.В. Выхочкова. СПб., 2011. С. 400.

⁷ *Долгоруков П.В.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860–1867. М., 1934. С. 244.

⁸ *Брэ О. де*. Указ. соч. С. 400.

⁹ *Вигель Ф.Ф.* Записки / под ред. С.Я. Штрайха. М., 2000. С. 134.

¹⁰ Имеется в виду версия П.В. Долгорукова, что настоящим отцом канцлера Нессельроде был австрийский дипломат барон Лебцельтерн; его дед, крещеный еврей, был лейб-медиком Карла VI.

¹¹ *Вел. князь Николай Михайлович Романов*. Указ. соч. С. 157.

¹² *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 134–135.

самое известное блюдо министра финансов — гурьевскую кашу. Вот и зять Гурьеву достался соответствующий: знающий толк в гастрономии. И еще одно обстоятельство, по словам Вигеля, сближало Нессельроде и Гурьева: стремление поставить на разные должности своих родственников. Например, современники утверждали, будто место посланника в Тоскане было специально создано Нессельроде для своего свояка, Алексея Васильевича Сверчкова, женатого на сестре Марии Дмитриевны, Елене, и было упразднено после смерти Сверчкова¹³.

Кроме того, и Гурьева, и Нессельроде Вигель обвинял в жажде наживы: «Все трое (третий — министр внутренних дел В.П. Кочубей. — *Н.Т.*) известны были алчностью к прибыли, и по всей справедливости можно почитать их у нас основателями явного поклонения златому тельцу, столь пагубного для нашей чести и нравственности»¹⁴. Карл Васильевич, действительно, стал за годы своей службы очень богатым человеком, но деньги он зарабатывал в том числе благодаря своей, говоря современным языком, предпринимательской деятельности¹⁵.

Внешне Карл Васильевич и Мария Дмитриевна были очень разными. Мария Дмитриевна была высокой, полной женщиной, перед которой маленький Нессельроде казался «карманным мужем». Вероятно, это обстоятельство не слишком его смущало. Многие современники находили Марию Дмитриевну очень некрасивой, но при этом очень умной. Первое утверждение — весьма спорное, к тому же кто-то считал ее весьма привлекательной. Второе — очевидно, и подтверждением этому являются письма графини Нессельроде, в которых проявился ее трезвый мужской ум, точные и остроумные суждения о событиях и людях. Как писал внук канцлера, Анатолий Дмитриевич Нессельроде, опубликовавший 11-томную переписку деда, графиня Нессельроде порой была предвзята; особенно она замечала ошибки тех, кого не любила; впрочем, отмечал внук, суждения бабушки чаще были справедливы¹⁶. Прочитав отрывок из письма Марии Дмитриевны к мужу от 13 апреля 1812 г., в котором видны самоирония и ум графини: «Ты очень хорошо сделал, женившись на старой 25-летней женщине, более молодая никогда в жизни не смогла бы любить с той же силой и с тем же постоянством»¹⁷.

Мария Дмитриевна не смущалась откровенно писать даже императорам и об императорах. Так, 18 марта 1825 г. из Флоренции она написала обстоятельное письмо императору Александру I, находившемуся тогда в Варшаве, где с грустью констатировала, что, на ее взгляд, она почему-то оказалась в немилости у государя, который вот уже второй год пренебрегает ее домом. Причем графиня сообщила государю, что написала это письмо втайне от мужа¹⁸. 25 апреля император ответил ей: «В свое оправдание скажу вам, мадам, что вот уже несколько лет как я не наношу визиты, не имея на то возможности, в силу моей все возрастающей занятости. Это моя вина, и если дело лишь в этом, то это касается и многих других, кого я посещал в прошлом, хотя и очень редко, а сейчас не посещаю вовсе. Я и не мог предположить, что вы сделаете из всего этого такой вывод, и я бесконечно сожалею, что невольно дал вам повод для печали»¹⁹.

¹³ Долгоруков П.В. Петербургские очерки... С. 150.

¹⁴ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 135.

¹⁵ Наследство жены стало основой весьма крупного состояния К.В. Нессельроде. Ему принадлежали по 5 тыс. десятин под Аккерманом, в Бессарабии, и Тамбовской губернии. В Саратовской губернии он был собственником 2 тыс. душ крепостных и еще 150 душ имел в Херсонской губернии. См.: Кудрявцева Е.П. Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века. М., 2019. С. 37.

¹⁶ *Nesselrode Ch. de. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760—1856. T. I—VIII. Paris, 1904—1912. T. VIII. P. II.*

¹⁷ Ibid. T. IV. P. 16.

¹⁸ Ibid. T. VI. P. 221—224.

¹⁹ Ibid. P. 224—225.

Спустя 15 лет Мария Дмитриевна писала уже об императоре Николае Павловиче: «Император, у которого до сих пор нелепая мысль, что костюм влияет на того, кто его носит, более, чем когда, ненавидит фрак. Странная голова у монарха! Он пашет свою обширную землю, не сея хороших семян... Нужны на службу люди, в них у нас нет недостатка, но какая дрянь»²⁰. Или в письме от 11 июня 1843 г. она сообщала сыну Дмитрию: «Характер императора становится все тяжелее. Он держит всех приближенных в состоянии лихорадочного возбуждения, будто избалованный и ужасный ребенок, который не умеет и не хочет ничего выносить. Он уверяет, что не будет жить ни в Зимнем, ни в Аничковом дворцах; вероятно, он раскинет палатку на большой площади»²¹. В письме сыну от 10 апреля 1843 г. она отмечала, что государь жаловался на головокружение, очень беспокоился о своем здоровье и добавляла: «По правде говоря, он должен беспокоиться о том, что сбился с верного пути; он начинает замечать, что ему ни в чем не везет, что все идет не так, и раздражается вместо того, чтобы хорошенько поразмыслить и исправиться»²².

Весьма критически отзывалась Мария Дмитриевна и о подчиненном своего мужа, а потом преемнике на посту главы внешнеполитического ведомства, Александре Михайловиче Горчакове: «Теперь, когда я узнала Горчакова получше, я убедилась, что он не должен занимать никакого важного поста. Конечно, у него есть способности, но он так волнуется, что все портит, и его не любят ни коллеги, ни общество. Он утомляет короля (речь идет о государе Королевства Обеих Сицилий. — *Н. Т.*). Я не думаю, что он подходит для Неаполя, и жалко, если ему дадут этот пост»²³.

Супруги, столь разные как внешне, так и по темпераменту, на мой взгляд, отлично дополняли друг друга. Как отмечал Оттон де Брэ, «графиня имеет, по-видимому, все преимущества и недостатки, каких нет у графа; по складу ума и в обхождении она надменна и повелительна, имеет обо всем свое собственное вполне определенное мнение и подчиняется своим симпатиям и антипатиям. В этом отношении супруги удивительно дополняют друг друга»²⁴. Правда, баварский дипломат полагал, что в рамках салонного общения «графиня Нессельроде не отличалась ни радушием, ни любезностью»²⁵.

Если Оттон де Брэ считал Марию Дмитриевну помощницей графа, то князь Долгоруков — злым гением: «Жена канцлера, женщина ума недалекого, никем не любимая и не уважаемая, взяточница, сплетница и настоящая баба-яга, но отличавшаяся необыкновенной энергией, дерзостью, нахальством, и посредством этой дерзости, этого нахальства державшая в безмолвном и покорном решпекте петербургский придворный люд»²⁶.

Что касается взяток, то, по словам князя Долгорукова, ни одно назначение по ведомству иностранных дел не могло состояться без «подарка» Марии Дмитриевне, и об этом знал даже император Александр I, будто бы осведомившийся однажды у графа Шувалова, «сколько он подарил графине Нессельрод»²⁷. Правда, во взяточничестве П.В. Долгоруков обвинял буквально всех.

Известный советский исследователь творчества А.С. Пушкина П.Е. Щеголев собрал мемуарные отзывы о графине Нессельроде и, сравнивая характеристику, данную ей Долгоруковым, с другими суждениями, пришел к такому выводу: «Резким отзывам Долгорукова можно поверить, ибо в конечном счете основные черты характера графини изображены

²⁰ Архив графа Нессельроде 1840—1846 // Исторический вестник. 1910. № СХХ (120). С. 1077.

²¹ *Nesselrode Ch. de.* Op. cit. Т. VIII. P. 279.

²² *Ibid.* P. 208.

²³ Архив графа Нессельроде 1840—1846. С. 1081.

²⁴ *Брэ О. де.* Указ. соч. С. 403.

²⁵ Там же.

²⁶ *Долгоруков П.В.* Петербургские очерки... С. 207.

²⁷ Там же. С. 188.

так же и в отзывах ее поклонников»²⁸. При этом на страницах книги «Дуэль и смерть Пушкина» П.Е. Щеголев приводит и положительные высказывания современников о Марии Дмитриевне, в частности Альфреда Фаллу, барона М.А. Корфа, князя П.П. Вяземского, однако называет эти характеристики «выспренними» и «грешащими одинаковым гиперболизмом», а князю Долгорукову верит безоговорочно как человеку, отлично знавшему высший свет и двор.

* * *

Так почему Марию Дмитриевну не любили современники? Думаю, по причине ее влияния, богатства, положения в обществе, независимого склада ума и острого языка, а также интриг, которые она якобы плела в своем петербургском салоне, пользовавшемся большой известностью среди столичной элиты и дипломатического круга. Мария Дмитриевна была умной, живой собеседницей — а это главные качества успешной хозяйки салона, при этом красота для *salonière* — дело второстепенное, более того, она вовсе не нужна, дабы не отвлекать внимание от беседы. Как отмечалось в «Русских портретах», Мария Дмитриевна «была вполне светской женщиной, гостеприимной и любезной в обращении; нессельродовские обеды и повара славились по всей Европе»²⁹.

Марию Дмитриевну не любят пушкинисты: она была дружна с бароном Геккерном, приемным отцом Дантеса, и, по некоторым сведениям, именно в ее салоне плелась интрига, приведшая к дуэли Пушкина с Дантесом. Эту версию развивал П.Е. Щеголев, отмечая, что Мария Дмитриевна «судачила с Геккереном о семейных делах Пушкина, она была поверенной сердечных тайн Дантеса», а после дуэли «графиня Нессельроде груду стояла за Геккеренов во время военно-судного процесса, вплоть до отъезда семьи Геккеренов»³⁰. Более того, Щеголев писал, что в 1927 г. советский исследователь В. Гольцев на основании записок некоего князя А.М. Голицына, написанных в XX в., сделал вывод, что автором анонимного письма является графиня Нессельроде³¹.

Но все это предположения. Что касается автора анонимного пасквиля, то Щеголев, основываясь на экспертизе почерка, доказывал, что им был князь Долгоруков. Подозрение падало на князя И.С. Гагарина, хотя впоследствии эти подозрения не подтвердились.

Александр Сергеевич Пушкин, служивший с 1831 по 1834 г. в Коллегии иностранных дел (с дозволением работать в архиве «для извлечения материалов по истории Петра Великого и к прочтению дела о пугачевском бунте»³²), графиню Нессельроде не любил, отзываясь о ней так: «Ужасна и опасна»³³. Павел Петрович Вяземский, сын князя Петра Андреевича, так писал об отношении поэта к Марии Дмитриевне: «Ненависть Пушкина к этой последней представительнице космополитического олигархического ареопага едва ли не превышала ненависть его к Булгарину. Пушкин не пропускал случая клеймить эпиграмматическими выходками и анекдотами свою надменную антагонистку, едва умевшую говорить по-русски»³⁴. В то же время, продолжает Вяземский, «женщина эта паче всего не могла простить Пушкину его эпиграммы на отца ее, графа Гурьева, бывшего министром финансов в царствование императора Александра I»³⁵. Кроме того, для Марии Дмитриевны Пушкин оставался «un ami du quatorze», другом декабристов. Как видим, «теплые» чувства друг к другу питали обе стороны.

²⁸ Там же. Примечания. С. 409.

²⁹ *Вел. князь Николай Михайлович Романов*. Указ. соч. С. 157.

³⁰ *Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина*. Исследование и материалы. 3-е изд. М., 1987. С. 390–391.

³¹ Там же. С. 392.

³² Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского главных архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его 1831—1837 гг./сост. Н.А. Гастфрейнд. СПб., 1900. С. 17.

³³ *Долгоруков П.В. Петербургские очерки...* С. 409.

³⁴ Цит. по: *Щеголев П.Е. Указ. соч.* С. 388.

³⁵ Там же. С. 562.

Салон, даже в России, — это не просто интеллектуальное, литературное и культурное пространство, но и пространство политическое. И поэтому положение в салоне, благосклонность хозяйки или ее отсутствие — все это было весьма важным. К тому же общение в салоне — это серьезный канал обмена мнениями и источник информации. Поэтому роль Марии Дмитриевны как хозяйки салона была весьма велика.

Несмотря на замечание баварского дипломата Оттона де Брэ, что влияние Марии Дмитриевны проявлялось «более относительно личностей, нежели относительно событий»³⁶, на мой взгляд, оно было весьма велико. Например, ледяной прием прославленного французского писателя Оноре Бальзака, прибывшего в Петербург в 1843 г., был оказан именно в столичных салонах, о чем Мария Дмитриевна писала сыну Дмитрию 24 июля 1843 г.: «Тот, кто лучше всех описывает чувства женщин, Бальзак, оказавшись у нас, очень удивлен, я полагаю, тем, что никто не ищет знакомств с ним. Никто, насколько, по крайней мере, мне известно, не сделал ни малейшей попытки увидеть его. Он осуждает работу Кюстина, возможно, так оно и есть, но не следует его считать искренним»³⁷. Как отмечал известный советский литературовед Л.П. Гроссман, «в Петербурге, где вся общественная жизнь строго регламентировалась органами власти, это сообщение Нессельроде свидетельствует о каких-то высших указаниях. Петербургскому свету было, очевидно, предписано игнорировать Бальзака»³⁸. Бальзак, как известно, приехал в Россию «не вовремя», а именно сразу после выхода в свет книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Поэтому он был на сильнейшем подозрении у властей и как бы отвечал перед ними за Кюстина, отсюда и ледяной прием столичного света, в результате чего Бальзак уехал из России крайне разочарованным. Не уверена, что Мария Дмитриевна была в курсе «высших указаний», но важен сам факт, что салон — эффективное средство формирования мнения, не общественного, конечно, но придворно-аристократического, однако для политики и дипломатии это было весьма важным.

В целом, салон Марии Дмитриевны являлся пространством дипломатическим, местом притяжения дипломатического корпуса. Дипломаты бывали особенно частыми гостями в политическом салоне Марии Дмитриевны, а также в салоне ее матери, графини Прасковьи Николаевны Гурьевой. Например, в 1816 г. французский дипломат Ж. де Ноайль часто там встречал Карла Васильевича, пользуясь возможностью поговорить с ним в неофициальной обстановке³⁹. Именно в этом салоне впервые встретила Карла Васильевича графиня Дарья Федоровна Фикельмон, более известная как Долли Фикельмона, внучка фельдмаршала М.И. Кутузова и супруга австрийского посла К.-Л. Фикельмона, сама хозяйка влиятельного и популярного петербургского салона. В конце июня 1829 г. Долли прибыла с мужем в Петербург из Европы, а 22 июля записала в дневнике: «С той поры провела один вечер у мадам Гурьевой, где познакомилась со всем дипломатическим корпусом»⁴⁰.

Первое впечатление Долли о Марии Дмитриевне было неблагоприятным: «Досадно, что при таком уме и таком сердце у нее столь мало привлекательная внешность»⁴¹. В другой раз она записала: «Графиню Нессельроде, у которой иногда бываю на вечерах, не назовешь любезной хозяйкой. Она очень умна и умеет, когда пожелает, быть

³⁶ Брэ О. де. Указ. соч. С. 403.

³⁷ Nesselrode Ch. de. Op. cit. Т. VIII. Р. 217–218.

³⁸ Гроссман Л. Бальзак в России // Литературное наследство. Русская культура и Франция. Т. 31/32. М., 1937. С. 202.

³⁹ Гончарова Т.Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). СПб., 2017. С. 172.

⁴⁰ Фикельмон Д.Ф. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург / публ. и коммент. С. Мрочковской-Балашовой. М., 2009. С. 53.

⁴¹ Там же. С. 82.

интересным собеседником, но постоянно озабочена, часто слишком погружена в свои мысли и всегда чересчур рассеянна»⁴².

Но потом взгляд Долли на Марию Дмитриевну изменился. 21 декабря 1831 г. она записала: «Мадам Нессельроде, которую я довольно долго находила неприятной, начинает подкупать меня. Под этой ледяной оболочкой и весьма мужеподобными формами кроется довольно теплое сердце. Как жаль, что внешность человека так влияет на отношение к нему!»⁴³.

О том, что Мария Дмитриевна высокомерна и холодна только на первый взгляд, писал и Альфред Фаллу, известный французский политический деятель, биограф Софьи Петровны Свечиной, хозяйки влиятельного литературного салона в Париже, с которой была близка графиня Нессельроде: «Великосветские манеры, которым я удивлялся в австрийском канцлере, достались в удел графине Нессельроде; ее лицо и рост были благородны и внушительны. Те, кто видел ее на короткое время и официально, сделали ей репутацию упрямой и жесткой женщины. Но это ошибка и несправедливость... Графиня при дворе и даже в глазах императорской фамилии пользовалась моральным авторитетом, независимо от ее высокого положения»⁴⁴.

Однако к салону Марии Дмитриевны отношение Долли не изменилось. 13 апреля 1832 г. она записала: «В воскресенье маленький вечер у мадам Нессельроде, тягостный и несуразный»⁴⁵. Или 17 ноября 1832 г.: «Мадам Нессельроде организовала для нас два-три вечера, не очень многолюдных, таких же малооживленных и весьма докучных, как и в прошлом году»⁴⁶. Или запись от 1833 г.: «В четверг — один из самых мрачных вечеров у Нессельроде. В пятницу маленький вечер у нас — исключительно веселый, с оживленными разговорами»⁴⁷.

На мой взгляд, такое отношение Долли к салону графини Нессельроде — следствие конкуренции между хозяйками салонов. Салон Долли Фикельмон, как и салон Марии Дмитриевны, был очень популярен в столичном обществе и тоже пользовался особым успехом в дипломатических кругах.

А как относились к мадам Нессельроде прославленные хозяйки парижских салонов? Одна из них, хозяйка влиятельного парижского салона времен Реставрации и Июльской монархии графиня Адель де Буань, отмечала, что Мария Дмитриевна оказывала исключительное влияние на своего супруга, была особой холодной и уверенной в себе, но в то же время ревниво относилась к конкуренции и не терпела в своем окружении сильных женщин. Мадам де Буань знала Карла Нессельроде еще со времен его пребывания в Гааге и была с ним в дружеских отношениях, а сам Нессельроде через Поццо ди Борго всегда передавал ей свои заверения в дружбе и интересовался новостями от нее. Но вот Мария Дмитриевна, по ее словам, была к ней весьма не расположена и не скрывала этого⁴⁸.

На мой взгляд, наиболее обстоятельную характеристику дал Марии Дмитриевне барон М.А. Корф: «По необыкновенному уму своему и высокому просвещению, и особенно по твердому, железному характеру, была, конечно, одною из примечательнейших, а по общественному своему положению и влиянию на высший петербургский круг одною из значительнейших наших дам в царствование императора Николая. С суровою наружностью, с холодным и даже презрительным высокомерием ко всем мало ей знакомым, или приходившимся ей не по нраву, с решительною склонностью владычествовать и первенствовать, наконец, с нескрываемым пренебрежением ко всякой личной

⁴² Там же. С. 136.

⁴³ Там же. С. 136.

⁴⁴ Цит. по: *Шеголев П.Е.* Указ. соч. С. 386.

⁴⁵ *Фикельмон Д. Ф.* Указ. соч. С. 210.

⁴⁶ Там же. С. 136.

⁴⁷ Там же. С. 262.

⁴⁸ *Boigne A. de. Mémoires de la comtesse de Boigne.* Т. 1. Paris, 2006. P. 397.

пошлости или ничтожности, она имела очень мало настоящих друзей, и в обществе, хотя созидавая и разрушая репутации, она влекла всегда за собою многочисленную толпу последователей и поклонников; ее, в противоположность графу Бенкендорфу, гораздо больше боялись, нежели любили. Кто видел ее только в ее гостиной, прислоненную к углу дивана, в полулежачем положении, едва приметным движением головы встречающую входящих, каково бы ни было их положение в свете, тот не мог составить себе никакого понятия об этой необыкновенной женщине, или разве получал о ней одно понятие, самое невыгодное. Сокровища ее ума и сердца, очень теплого под этой ледяною оболочкою, открывались только для тех, которых она удостоивала своею приязнью; этому небольшому кругу избранных, составлявших для нее, так сказать, общество в обществе, она являлась уже везде и во всех случаях самым верным, надежным и горячим, а по положению своему и могущественным другом. Сколько вражда ее была ужасна и опасна, столько и дружба — я испытал это на себе многие годы — неизменна, заботлива, охранительна, иногда даже до ослепления и пристрастия. Совершенный мужчина по характеру и вкусам, частию и занятиям, почти и по наружности, она, казалось, преднамеренно отклоняла и отвергала от себя все, имевшее вид женственности. Так и самый разговор ее вращался всегда в предметах, обыкновенно находящихся вне круга дамских бесед. Она любила говорить о серьезной литературе, о высшей администрации и политике — более, однако, внутренней, чтобы не компрометировать случайно своего мужа, — о государственных наших людях, о действиях правительства и о новых его постановлениях, соединяя в себе, впрочем, две противоположности: беспредельную преданность не только монархическому началу, но и царственному нашему дому, с самою взыскательною оппозициею против распоряжений правительства и даже против личных действий его членов, так что великий князь Михаил Павлович, никогда не жаловавший графини, говоря о ней, называл ее в шутку: *Ce bon Monsieur de Robespierre*. При большой резкости в мнениях и приговорах графиня была большею частию основательна в своих суждениях и чрезвычайно счастлива на меткие слова, умные наблюдения, тонкие и оригинальные замечания. Но все это она оставляла для своего тесного кружка, а в свете сохраняла редко прерываемое молчание и самое аристократическое спокойствие. Салон графини Нессельроде, после смерти соперничавшего с ней в этом отношении князя Кочубея, был неоспоримо первый в С.-Петербурге; попасть в него, при его исключительности, представляло трудную задачу; удержаться в нем, при разборчивости и уничижительной гордости хозяйки, было почти еще мудренее; но кто водворился в нем, тому это служило открытым пропуском во весь высший круг. В некоторые зимы она принимала ежедневно; но два приемные дня в неделю были уже постоянно»⁴⁹.

П.Е. Щеголев, приводя эту цитату, к сожалению, выделяет особо лишь одну фразу: «вражда ее была ужасна и опасна». На мой же взгляд, да простит читатель мне такую обширную цитату, барон Корф создал очень точный психологический портрет Марии Дмитриевны, и при прочтении ее писем вырисовывается именно такой образ. Ее письма, адресованные разным лицам, в том числе мужу и сыну, опубликованные внуком канцлера, являются ценнейшим источником информации. Характерно, что внук опубликовал письма с купюрами, оставляя в письмах бабушки фрагменты, по его словам, связанные с политикой или представляющие исторический интерес. Из писем деда он убрал лишь моменты, связанные с семейными делами.

У Марии Дмитриевны и Карла Васильевича было трое детей, сын Дмитрий, и дочери: Елена и Мария. Старшая, Елена, родилась в 1813 г., в 1832 вышла замуж за Михаила Иринеевича Хрептовича (с 1843 г. — графа), камер-юнкера, переводчика в Департаменте внешних сношений Министерства иностранных дел, впоследствии тайного советника, российского посланника в Неаполе, Турине, Брюсселе и Лондоне. Детей в браке не было.

⁴⁹ Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. 1900. Т. СII. С. 48–50.

Дмитрий Карлович (1816–1891) пошел по отцовским стопам, с 1836 г. был переводчиком и 3-м секретарем Канцелярии Министерства иностранных дел, секретарем посольства в Константинополе, впоследствии обер-гофмейстером, статским советником. В 1847 г. Дмитрий женился на Лидии Арсеньевне Закревской (1826–1884), дочери бывшего генерал-губернатора Финляндии и министра внутренних дел, в 1848–1859 гг. генерал-губернатора Москвы графа А.А. Закревского и А.Ф. Закревской. В 1850 г. у супругов родился сын Анатолий⁵⁰. Однако брак был неудачным, Лидия предпочитала вести образ жизни, свободный от светских условностей, а в 1859 г. и вовсе вышла замуж за князя Д.В. Друцкого-Соколинского, не разведясь при этом с Дмитрием Карловичем (Святейший Синод признал брак с Друцким-Соколинским недействительным)⁵¹.

Младшая дочь четы Нессельроде, Мария, родившаяся в 1820 г., вышла замуж за барона Льва Павловича (Албена-Леона) Зеебаха (1811–1888), саксонского посланника во Франции.

* * *

Медовый месяц супругов Нессельроде длился недолго: в декабре 1812 г. император Александр из Петербурга отправился в Главный штаб армии. Именно тогда Карл Васильевич был включен в свиту императора и фактически исполнял обязанности начальника Походной дипломатической канцелярии. Пока супруги были в разлуке, между ними велась постоянная переписка. Графиня, как правило, дважды в неделю, писала мужу длинные письма, где личные и семейные вопросы перемежались с политическими и светскими новостями, которые, по ее мнению, могли заинтересовать супруга.

После вступления русских войск в Париж, отречения Наполеона Бонапарта и подписания Первого Парижского трактата вместе с мужем Мария Дмитриевна оказалась в Лондоне: император Александр I вместе с лидерами союзников решил нанести визит принцу-регенту Георгу, будущему королю Георгу IV, с целью скрепить связи, оформившиеся в годы войн с Наполеоном. Для императора Александра этот визит оказался неудачным, и диалога с принцем-регентом не получилось⁵². Марии Дмитриевне Англия поначалу не понравилась. Она писала сестре Елене 17 июня 1814 г.: «Несколько больших и нескончаемых обедов отняли у меня все оставшиеся силы, и я себя чувствую совсем опустошенной. Если речь идет о праздниках и удовольствиях, то надо признать, что эта нация ничего не смыслит в этом деле. Приемы — это настоящая толчея; толкаются, чтобы потом протиснуться в маленькие комнатки, где находится в четыре раза больше людей, чем они могут вместить. Хозяйка дома мало о вас беспокоится. Теперь, зная, что собой представляют лондонские развлечения, я бы ни за что на свете не хотела здесь жить». Но графиня отмечала энтузиазм, с которым англичане встречали европейских лидеров, особенно императора Александра и его свиту: «Всякий раз у вас просили позволения пожать вам руки, и вы так ими трясли, что потом они у вас начинали болеть. Платова и Блюхера встречают как царей; повсюду, где они показываются, им поют национальный гимн; на улицах сопровождают их кареты, а в театре устраивают овации»⁵³.

Вместе с мужем Мария Дмитриевна оказалась на Венском конгрессе, на котором в перерывах между танцами и представлениями, решались судьбы Европы. Вальс был введен в моду именно на Венском конгрессе. 30 октября 1814 г. Мария Дмитриевна с легкой грустью писала сестре Елене: «Я только что поужинала в полном одиночестве; мой дорогой супруг после прекрасного обеда отправился любоваться Биготтини,

⁵⁰ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 3. СПб., 1856. С. 203.

⁵¹ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886. С. 291.

⁵² Свои наблюдения об этом визите оставила Д.Х. Ливен. См.: Танышина Н.П. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009. С. 33–41.

⁵³ *Nesselrode Ch. de*. Op. cit. Т. V. P. 195–196.

знаменитой парижской танцовщицей, покоровшей сердца всех в балете-пантомиме под названием Нина или Безумие от любви. Она танцует с таким совершенством, что это трогает душу и вызывает слезы у самых черствых людей. Что касается более чувствительных натур, то их просто выносят из их лож в бессознательном состоянии. Мой добрый Нессельрод не позволяет мне присутствовать на этом спектакле; он опасается, что на меня это может произвести очень сильное впечатление»⁵⁴. Однако вскоре участникам конгресса стало не до танцев: в Вену пришло известие о высадке Наполеона Бонапарта в бухте Жуан. 20 марта Наполеон без единого выстрела вступил в Париж. 25 марта Мария Дмитриевна писала сестре: «Вновь предстоит сражаться. Я рада, что наши войска не первыми выступили в поход. Если его смогут второй раз низвергнуть и без нашего участия, я буду очень счастлива... В каком веке мы живем, моя милая сестра! Будем надеяться, что Бог не заставит долго продолжаться эту новую борьбу. Веллингтон уезжает завтра, чтобы встать во главе своих войск в Бельгии»⁵⁵. Как видим, Мария Дмитриевна, как в воду глядела, и русские войска опоздали к битве при Ватерлоо.

Наполеоновские войны окончились. В 1816 г. К.В. Нессельроде вместе с И.А. Каподистрией стали статс-секретарями министерства, началась эпоха конгрессов Священного союза.

Конгрессы Священного союза выявили серьезные разногласия между Россией и Австрией, проявившиеся уже в ходе работы Венского конгресса. Как известно, графа Нессельроде упрекали в следовании политике Меттерниха, которого он якобы почитал как своего учителя и наставника, а князь Долгоруков называл Карла Васильевича не иначе, как «австрийским министром русских иностранных дел»⁵⁶. Между тем все было не столь однозначно, и очень быстро «ученик» научился обходиться без советов своего «учителя», хотя поначалу, а познакомились они в 1802 г., молодой дипломат Карл Нессельроде, конечно, испытывал уважение к опытному Меттерниху. А вот Мария Дмитриевна не питала к «кучеру Европы» никаких теплых чувств и, более того, считала его опасным человеком. В то время, когда русские войска в 1814 г. вступили в Париж и ее муж принимал активнейшее участие в решении судьбы Франции, 9 апреля 1814 г. она написала ему очень эмоциональное письмо, в котором, по ее собственным словам, буквально на коленях умоляла Карла быть осторожным с этим опасным человеком: «Позволь мне, дорогой друг, чистосердечно поговорить с тобой о человеке, который смог внушить тебе доверие и который его вовсе не заслуживает. Его имя начинается на ту же букву, что и имя, которым меня крестили. Ты не можешь себе представить, причиной скольких моих страданий он явился со времени нашего пребывания в Шомоне... Беги от этого человека, не верь ни единому его слову, ни одной его строчке. Это хитрый злодей, пытающийся тебя оболгать и использовать в своих целях. Он может только испытывать зависть к триумфу нашего императора, и все случившееся его скорее поразило, чем обрадовало. Твое положение блестяще, твой пост притягателен; твое поведение, я уверена, превосходно, но, я тебя уверяю, твое сближение с ним вызовет у тебя лишь раскаяние. Твою дружбу он обратит в оружие, направленное против тебя»⁵⁷. Проницательная Мария Дмитриевна видела Меттерниха насквозь.

Однако именно в салоне Марии Дмитриевны 22 октября 1818 г. в Ахене, во время работы конгресса Священного союза, произошла встреча Меттерниха с тогда еще графиней Д.Х. Ливен, переросшая в десятилетний роман, использовавшийся в интересах российской дипломатии⁵⁸.

По главному вопросу конгресса в Ахене, выводу оккупационных войск, между Марией Дмитриевной и Карлом Васильевичем были разногласия. Графиня Нессельроде

⁵⁴ Ibid. P. 199.

⁵⁵ Ibid. P. 204–205.

⁵⁶ Долгоруков П.В. Петербургские очерки... С. 242.

⁵⁷ Nesselrode Ch., de. Op. cit. T. V. P. 188–189.

⁵⁸ См. об этом: Таньшина Н.П. Княгиня Ливен... С. 48–63.

упрекала посла России во Франции корсиканца Шарля-Андре Поццо ди Борго в том, что он вместе с главой кабинета, а прежде знаменитым генерал-губернатором Одессы и Новороссийского края дюком Ришелье, настаивал на скорейшем освобождении территории Франции, поскольку пребывание иностранных войск дестабилизировало ситуацию в стране, порождая враждебные настроения по отношению к оккупантам. Графиня же полагала, что во Франции вообще никто не жаловался на присутствие иностранцев. Более того, по ее словам, жители с радостью размещали у себя оккупационные войска, вовсе их не обременявшие, что, конечно, было далеко не так. Кроме того, она была убеждена, что, как только войска покинут территорию Франции, там разразится революция. Карл Васильевич вовсе не разделял опасений супруги: «То, что зло существует, в этом нет сомнения, но то, что ситуация может вдруг стать опасной, требующей действий иностранных держав, я так не считаю»⁵⁹.

В результате на Ахенском конгрессе Франция стала полноправным участником «европейского концерта», и уже в следующем году Мария Дмитриевна смогла совершить путешествие в Париж.

Как современники, так и исследователи зачастую упрекали Нессельроде в том, что вопросы «европейского концерта» якобы для него были на первом плане, как и для императора Александра I. Мария Дмитриевна в определенной степени разделяла это мнение соотечественников. 12(24) октября 1820 г. она писала мужу, находившемуся на конгрессе в Троппау: «Признаюсь, я не верю, что ваша ассамблея в Троппау приведет к чему-то хорошему. После конгресса в Экс-ля-Шапель (французское наименование Ахена. — *Н.Т.*) Европа стала в еще большей степени больной, и я боюсь предположить, что произойдет после нынешнего конгресса. Страшно подумать, что страны, менее всего готовые к принятию новых идей, подвергаются наибольшей опасности. Нет никаких сомнений, что мы находимся на кратере вулкана, и я вовсе не преувеличиваю, что только присутствие императора может нас спасти»⁶⁰. Мария Дмитриевна имела в виду внутренние проблемы в самой России, а именно восстание, произошедшее в Семеновском полку в октябре 1820 г., спровоцированное отставкой А.Я. Потемкина и назначением нового командира полковника Ф.Е. Шварца.

21 октября (3 ноября) 1820 г. графиня снова писала Карлу Васильевичу: «В настоящий момент ты занят делами, которые невозможно разрешить. И если ты хочешь знать мое мнение, то пока вы там будете прекраснородушно болтать, вы не помешаете деятельности карбонариев и всевозможных секретных обществ. Лучшее, что вы можете сделать — это вернуться домой и заняться вопросами собственной безопасности»⁶¹. Более того, Мария Дмитриевна упрекала Нессельроде практически с тех же позиций, что и многие современники и историки, утверждавшие, что он жертвовал интересами России во имя абстрактной европейской стабильности. Графиня писала мужу: «Думая о пожаре, разгорающемся здесь, становится любопытным видеть вас, занимающимися в этот момент делами Европы. Все это мне напоминает слова Ветхого Завета: “Вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего”»⁶².

Супруги Нессельроде переписывались часто, поскольку постоянно были в разъездах. Это было связано не только со службой, но и с их долгими путешествиями по Европе. В то время путешествия у российской аристократии входят в моду, особенно поездки на лечение на воды в Европу, тем более что пароходное сообщение из Кронштадта в Любек или Штеттин существенно облегчало и ускоряло путешествие, занимавшее примерно неделю. Отпуска Нессельроде отличались от кратковременных каникул его подчиненных — он мог себе позволить отсутствовать на протяжении нескольких летних месяцев.

⁵⁹ *Nesselrode Ch. de. Op. cit. T. VI. P. II.*

⁶⁰ *Ibid. P. 110.*

⁶¹ *Ibid. P. 107.*

⁶² *Ibid. P. 111.*

Несмотря на то, что здоровья был отменного и страдал лишь подагрой, на лечении в Карлсбаде (нынешние Карловы Вары) или Киссингене граф Нессельроде бывал регулярно.

Как и супруг, Мария Дмитриевна любила отдыхать подолгу. 3 апреля 1818 г. Карл Васильевич писал своему коллеге и другу Поццо ди Борго, в 1814–1834 гг. занимавшему пост посла России во Франции, о планах Марии Дмитриевны на отпуск: «Моя жена тоже планирует совершить длительное путешествие. Ее здоровье настоятельно требует оказаться на водах Карлсбада. Она туда собирается в мае. Зиму планирует провести в Италии и вернуться сюда летом 1819 года»⁶³. Мария Дмитриевна и Карл Васильевич отдыхали порознь и информировали друг друга об увиденном и услышанном. Если Мария Дмитриевна находилась в Европе, она сообщала мужу о важнейших европейских событиях; если муж был в Европе по долгу службы или на отдыхе — она сообщала ему все важные новости из России. Ее письма содержат глубокий анализ событий, свидетельницей которых она являлась, и обстоятельные портреты людей, с которыми она виделась, а это — европейская политическая элита.

Помимо того, что, часто путешествуя по Европе, она информировала супруга о важнейших политических событиях, ей нередко адресовали письма влиятельные политики и дипломаты с просьбой довести содержание письма до графа Нессельроде. Например, так поступал российский дипломат Адам Фаддеевич Матушевич, когда граф Нессельроде был в отпуске⁶⁴, или французский эллинофил Жан-Габриэль Эйнар, информировавший графиню Нессельроде о событиях в Париже и греческих делах⁶⁵. Но из этого вовсе не следует, что граф Нессельроде, как отмечал Оттон де Брэ, «полагаясь на здравый ум графини... имеет обыкновение не только беседовать с нею о делах политики, но, как говорят, зачастую советуется с нею»⁶⁶. 4 апреля 1844 г. Мария Дмитриевна писала сыну: «Ты же знаешь, твой отец не имеет привычки особо распространяться со мной на темы подобного рода»⁶⁷. В данном случае речь шла о визите императора Николая в Лондон, который граф Нессельроде одобрял, а Мария Дмитриевна — нет. Она вовсе не подчинила себе мужа, как о том судачили современники; она лишь делилась информацией и высказывала свое мнение.

Предпочитая модные курорты, как правило немецкие и английские, Мария Дмитриевна между тем нуждалась в отдыхе активном, наполненном общением и встречами. В ее понимании отдых — это продолжение работы по сбору информации. В те годы только начали входить в моду морские купания — английское новшество, введенное королем Георгом IV. 18 августа 1829 г. графиня Нессельроде писала сыну из Дьеппа: «Я иду на пляж, чтобы посмотреть на купающихся дам, и присутствую при очень комичных сценах; дети тут визжат как резаные поросята. Сегодня я посетила также баню герцогини Беррийской⁶⁸, которая ее принимала вместе с остальными страждущими. Все время играла музыка, а неподалеку находился корабль, давший двадцать один пушечный залп. Все это я могу наблюдать каждый день, но мне и одного раза хватило»⁶⁹.

⁶³ La correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo et du comte de Nesselrode. Т. II. Paris, 1897. P. 432.

⁶⁴ Например, Матушевич писал графине Нессельроде 15 августа 1833 г.: «Я позволил себе сообщить вам ряд политических новостей, потому что графа Нессельроде пока не будет в Петербурге, и, беседуя таким образом с вами, я себя утешаю иллюзией, будто я все еще в вашем кабинете» // *Nesselrode Ch. de*. Op. cit. Т. VII. P. 244.

⁶⁵ Ibid. P. 140–144. Письма от 28 февраля и 14 апреля 1830 г., и др.

⁶⁶ Брэ О. де. Указ. соч. С. 403.

⁶⁷ *Nesselrode Ch. de*. Op. cit. Т. VIII. P. 243.

⁶⁸ Мария-Каролина герцогиня Беррийская — невестка короля Карла X, мать наследника престола герцога Бордоского, которому Карл завещал корону. После инициированного ею в 1832 г. восстания в Вандее жила за пределами Франции в австрийских землях.

⁶⁹ *Nesselrode Ch. de*. Op. cit. Т. VII. P. 137.

* * *

Однако через год всем стало не до развлечений: Европу вновь накрыла революционная волна. Июльская революция 1830 г. во Франции стала катализатором революционного движения общеевропейского масштаба. После Июльской революции отношения между Россией и Францией стали весьма напряженными. Император Николай негативно относился к режиму короля Луи-Филиппа, рожденного на баррикадах. Соответственно, контакты между странами были ограничены, а император Николай и вовсе был против того, чтобы его подданные, тем более высокопоставленные, посещали Париж.

Карл Васильевич, с 1829 г. являвшийся вице-канцлером, разумеется, Парижа избегал, хотя, как отмечал внук канцлера, его дед «на протяжении всей своей жизни активно интересовался тем, что происходило на берегах Сены». В 1839 г. граф Нессельроде писал супруге из Бадена: «Меня здесь окружают французы, и чем больше я общаюсь с представителями этой нации, тем больше они мне нравятся. Почему же, взятые по отдельности, они очаровательны, но, объединяясь, становятся невыносимыми?»⁷⁰. Однако в Париже у него был свой бесценный источник информации – его собственная супруга, которая регулярно писала мужу обстоятельные письма, а точнее, настоящие аналитические записки о внутрисполитической ситуации в стране. Кроме того, в Париже у Марии Дмитриевны было немало осведомленных корреспондентов, и их информацией она также постоянно делилась с мужем.

Париж Мария Дмитриевна посещала часто, однако симпатии ее были на стороне Англии, хотя, как мы помним, в свое время находила ее скучной страной. Вот что писала Мария Дмитриевна сыну Дмитрию 9(21) августа 1831 г. из Англии: «Когда тебе исполнится семнадцать лет, ты начнешь учить английский. Чтобы хорошо понимать эту страну и чтобы наслаждаться ею, надо безупречно знать язык. Тогда ты сможешь оценить то совершенство, которое царит здесь во всем, и ту стабильность, которая здесь везде чувствуется; все это поистине удивительно. Только здесь есть действительно крупные собственники. Им принадлежит все, что только есть значительного, и какие это богатства!». Правда, Мария Дмитриевна сетовала на дороговизну английской жизни: «Если меня что и разочаровывает, так это то, что для жизни здесь нужно слишком много денег... Ничего нельзя увидеть, не дав чаевых; я удивляюсь, как еще не платят за воздух, которым дышат!»⁷¹.

Кроме того, быть в Англии аристократкой, по словам Марии Дмитриевны, – дело непростое: приходится внимательно следить за тем, что ты говоришь, поскольку в Англии сильно общественное мнение и все публикуется в газетах (графиня Нессельроде ссылаясь на княгиню Ливен, которая с 1812 г. проживала в Англии с мужем-послом). Однако сама Мария Дмитриевна вовсе не собиралась придерживаться этого правила, о чем сообщала Карлу Васильевичу 21 августа (2 сентября) 1831 г.: «Я говорю, как всегда, правду, не опасаясь, понравится это кому-то или нет; это меня меньше всего волнует»⁷².

Тогда же в Дьеппе Мария Дмитриевна встретилась с Поццо ди Борго, который планировал совершить путешествие в Англию, но из-за напряженной международной ситуации, связанной с восстанием в Польше, отказался от этой идеи. Поскольку Поццо ди Борго не испытывал большого желания оставаться в беспокойном Париже, Мария Дмитриевна, прежде весьма критически оценивавшая Поццо ди Борго, теперь настаивала, что в интересах России, и в целом – европейской стабильности, было необходимо убедить гордого корсиканца остаться на своем посту. Она писала Карлу Васильевичу 13 (25) сентября 1831 г.: «Он очень необходим на этом месте, надо, чтобы он там остался. Он – консультант всех дипломатов; сохранить его на его посту – значит оказать услугу всей Европе. Он так привык к своей службе, что, несмотря на

⁷⁰ Ibid. Т. II. P. 6.

⁷¹ Ibid. Т. VII. P. 214.

⁷² Ibid. P. 216.

отчаяние, испытываемое им при этом режиме, я сомневаюсь, что он смог бы приспособиться к спокойной жизни»⁷³.

Прошло девять лет, и Европу захлестнул новый кризис: на Востоке разгорелся конфликт между турецким султаном и его вассалом, пашой Египта Мухаммедом Али. В самый разгар Восточного кризиса, в ноябре 1840 г., Мария Дмитриевна была в Париже и обо всем увиденном и услышанном информировала мужа.

В столице Франции графиня Нессельроде активно интересовалась как политикой, так и светской жизнью, тогда эти сферы были теснейшим образом связаны. Эту черту очень тонко подметил князь П.А. Вяземский: высший свет и политика — «два сросшиеся сиамца»⁷⁴. Июльская монархия ввела моду на политику, Палата депутатов стала модным местом, активно посещаемым представителями высшего света. В Палату мог попасть любой желающий, но предварительно нужно было отстоять очередь, особенно когда должны были выступать прославленные ораторы, или получить заветный билетик от кого-то из парламентариев или дипломатов. Заседание палат князь Вяземский называл не иначе, как «утренним спектаклем»⁷⁵.

Мария Дмитриевна, конечно, бывала в опере, где граф П.П. Пален, посол России во Франции, любезно предоставил ей свою ложу, но с не меньшим энтузиазмом она посещала заседания Палаты депутатов. 26 ноября она сообщала мужу: «Я присутствовала на заседании Палаты и была до конца дискуссии по Адресу (адрес Палаты депутатов в ответ на тронную речь короля. — *Н.Т.*). Чтобы там найти место, надо было прийти в Палату в полдень, зная, что выйдешь оттуда только в шесть часов вечера». Однако, продолжала Мария Дмитриевна, «эти долгие заседания кажутся короткими, такой интерес они вызывают, и я не знаю, случались ли когда-либо еще дебаты столь же бурные, как сейчас»⁷⁶.

Спустя два дня, 28 ноября, она снова сообщала: «С полудня до шести часов я на дебатах в Палате, которые гораздо интереснее слушать, нежели читать. Непостижимо, но там теряется даром столько времени! Лишь в два часа достопочтенные депутаты решаются занять свои места; у них вид неприлежных учеников; после каждого выступления они совершают прогулку и с шумом возвращаются на свои места»⁷⁷.

К слову, Карл Васильевич вовсе не разделял восторгов супруги относительно того, что посещение Палаты депутатов является интересным и полезным времяпрепровождением. Он писал другу и коллеге дипломату барону К.П. Мейендорфу 13 февраля 1841 г.: «Я не желаю испытывать такого счастья, у меня это вызывает большую скуку. Чем старше я становлюсь, тем больше пустые слова вызывают у меня антипатию, и ничто лучше, чем дебаты во французской Палате, не подтверждают тот факт, что они устраиваются вовсе не для того, чтобы совершать добрые дела»⁷⁸.

Марию Дмитриевну политическая жизнь Франции увлекала; из политиков она особо выделяла Адольфа Тьера, только что отправленного королем в отставку. Как известно, Тьер был не только ведущим политиком Июльской монархии, но и ярчайшим оратором, наряду с П. Беррье, Ф. Гизо и А. Ламартином, на выступления которых трудно было достать заветный билет. Вот что графиня Нессельроде писала о Тьере-ораторе: «Тьер говорит хорошо и очень быстро; он спокоен, но иногда взрывается; я его считаю способным увлекать своим чистосердечием и личной самоотверженностью. Нельзя сомневаться, что у него много сторонников, и возможно, он еще вернется к делам»⁷⁹.

⁷³ Ibid. P. 220–221.

⁷⁴ Вяземский П.А. Письма П.А. Вяземского из Парижа 1838–1839 гг. // Литературное наследство. Русская культура и Франция. Т. 31/32. М., 1937. С. 137.

⁷⁵ Там же. С. 132.

⁷⁶ Nesselrode Ch. de. Op. cit. T. VIII. P. 76–77.

⁷⁷ Ibid. P. 78.

⁷⁸ Ibid. P. 123.

⁷⁹ Ibid. P. 78.

Эта симпатия к Тьеру не осталась незамеченной светскими дамами Парижа. Так, например, проницательная герцогиня Доротея Дино⁸⁰ сообщала, что графиня Нессельроде приняла у себя Адольфа Тьера и была им совершенно очарована. По словам Дино, «зная увлекающуюся натуру мадам Нессельроде, можно понять ее восторженное отношение даже к Тьеру!». Правда, буквально через несколько дней она записала: «Держу пари, что мадам Нессельроде увлеклась Тьером только для того, чтобы составить фронду увлечению Ливен Гизо»⁸¹. Как известно, Дарья Ливен и Франсуа Гизо с 1837 г. и до конца смерти Ливен в 1857 г. были неразлучны, но так и не составили семейной пары. А Доротея Дино сама симпатизировала Тьеру...

В целом же, как отмечала герцогиня Дино, графиня Нессельроде за полтора месяца пребывания в Париже «не была при Дворе и, соответственно, в высшем свете, вела холостяцкий образ жизни и восхищалась своим сумасбродством. Я не уверена, что граф Нессельроде разделяет ее восторги»⁸².

В условиях напряженных российско-французских отношений в эти годы положение российского посольства было тоже весьма непростым. Если при графе Поццо ди Борго российское посольство было центром не только политической, но и светской жизни, то при графе П.П. Палене, занимавшем этот пост с конца 1834 г., ситуация изменилась, да и финансирование посольства было существенно сокращено: для царя контакты с Францией Луи-Филиппа не были приоритетными. Сам Пален в условиях обострения двусторонних отношений на фоне Восточного кризиса чувствовал себя в Париже вовсе не комфортно, о чем Мария Дмитриевна сообщала мужу 11 декабря 1840 г.: «С момента моего приезда сюда я нашла Палена очень удрученным; дела, вместо того чтобы его интересовать, возбуждают его любопытство, вызывают у него лишь скуку. Чтобы хорошо управлять делами, ему не хватает не способностей, а вкуса»⁸³. В конце 1841 г. граф Пален покинул Париж и больше к своим обязанностям не вернулся. Интересы России во Франции представлял поверенный в делах Николай Дмитриевич Киселев.

Наверное, самый интересный момент, связанный с пребыванием графини Нессельроде в Париже, — это ее присутствие на церемонии перезахоронения праха Наполеона Бонапарта, произошедшей 15 декабря 1840 г. Это была грандиозная акция, на которой был весь Париж, порядка 800 тыс. человек! Об этом событии оставили воспоминания многие современники. На Марию Дмитриевну церемония не произвела особого впечатления. Она писала Карлу Васильевичу 17 декабря 1840 г.: «Ты можешь сказать Мари (дочери. — Н.Т.), что ей нечего сказать о том, что она не присутствовала на церемонии перезахоронения останков Наполеона... Единственное чувство, которое я из нее вынесла, — это полное разочарование»⁸⁴. Мария Дмитриевна могла хорошенько разглядеть происходящее: за сто франков она сняла балкон четвертого этажа на Елисейских полях в особняке, расположенном в непосредственной близости от Триумфальной арки.

Ее поразило отсутствие какого-то религиозного трепета среди зрителей, о чем писали многие очевидцы; для парижан это было просто зрелище, спектакль: «Никаких эмоций, никакого порыва, никаких подбрасываемых в воздух шляп; я не верила своим глазам, но у этой огромной массы людей было только любопытство, ничего более». По ее словам,

---

⁸⁰ Герцогиня Доротея де Дино (1793–1862), герцогиня Курляндская, графиня Перигор, герцогиня Талейран и Саган — блистательная светская дама, сначала жена племянника князя Талейрана Эдмона де Перигора, а со времени Венского конгресса и вплоть до смерти Талейрана в 1838 г. — его неизменная спутница жизни, помощница, секретарь, политическая союзница. Герцогиня Дино оставила блестящую хронику политической и светской жизни Франции и Европы 1830–1860-х годов.

⁸¹ *Dino D. de. Cronique de 1831 à 1862. T. 1–4. Paris, 1909–1910. T. 2. P. 417, 422.*

⁸² *Ibid. P. 415.*

⁸³ *Nesselrode Ch. de. Op. cit. T. VIII. P. 83.*

⁸⁴ *Ibid. P. 88.*

вся эта пышная церемония «от начала до конца была лишь комедией»⁸⁵. А знаменитый современник событий Виктор Гюго, к этому времени страстный поклонник Наполеона Бонапарта, назвал эту церемонию «монументальной галиматией».

Марии Дмитриевне доставляло удовольствие вращаться среди самых именитых особ, о чем она не без тщеславия сообщала: «На одном обеде у Ротшильда слева от меня сидел Монталиве, с которым я все время болтала; сегодня у меня любопытный обед, а завтра — не менее интересный вечер. Когда я покину Париж, я смогу сказать, что я общалась со всеми важными персонами дня сегодняшнего и дня завтрашнего»⁸⁶. Банкир барон Дж. Ротшильд был не просто богатейшим, но и влиятельнейшим человеком; граф Монталиве — пером Франции и ведущим политиком.

18 декабря 1840 г. она писала мужу об очередном вечере, на котором среди прочих известных политиков присутствовал Адольф Тьер: «Видя его в обществе, такого веселого и исполненного добродушия, едва ли можно себе представить, что этот маленький человек мог подвергнуть Европу опасности кровавой войны», имея в виду его воинственную риторику и политику роста вооружений после подписания Конвенции 15 июля 1840 г. При этом французы, по словам графини, несмотря на то что Тьер подверг Францию опасности войны, предпочитали именно его, а не умеренного и склонного к компромиссам Гизо. Тьер, по словам Марии Дмитриевны, «удовлетворил тщеславие французов... и я не удивлюсь, если он вернется к делам. Надеюсь, что в ходе церемонии (перезахоронения останков Наполеона. — *Н.Т.*) разразятся беспорядки, и Гизо будет вынужден уйти в отставку»⁸⁷. Между тем к власти при Луи-Филиппе Тьер, как известно, не вернулся, но спустя много лет, в отличие от Гизо, его ожидала блестящая политическая карьера — он стал первым президентом Третьей республики.

18 декабря в письме мужу графиня сделала очень интересное наблюдение: «Ты знаешь, кто вице-король и даже король во Франции? Это Ротшильд. Будучи на днях у него на ужине, я долго болтала с ним... и вывела его на свободный разговор. “Я знаю их всех (министров), — сказал он, — я их вижу ежедневно, и, если я замечаю, что проводимая ими политика противоречит интересам правительства, я иду к королю, которого могу видеть в любое время, и говорю о своих наблюдениях. Поскольку он знает, что я могу много потерять и желаю только спокойствия, он мне очень доверяет, прислушивается ко мне и принимает во внимание все, что я ему говорю”»⁸⁸.

В целом же графиня Нессельроде не верила в возможность длительного существования режима Луи-Филиппа, но полагала, что именно меркантильность французов и их стремление к материальному преуспеванию могли удержать страну от потрясений: «Материальный интерес, стремление сохранить богатство и страх потерять то, чем владеют, — вот единственные гарантии, позволяющие нам надеяться, что режим устоит. Ротшильд прав, надо шадить тщеславие французов, не надо их ожесточать, и тогда они мало-помалу успокоятся»⁸⁹.

В одном из писем, выражая негодование на немцев и берлинские газеты, печатавшие относительно русских всевозможные нелепости, графиня сообщала: «Это меня так сердит, что, несмотря на то, что я ненавижу Луи-Филиппа, я хотела бы, чтобы Россия побратски сблизилась с Францией хотя бы для того, чтобы уколоть другие нации, которые, увидев это, не замедлили бы переменить тон»⁹⁰.

Следует отметить, что Мария Дмитриевна была очень рациональна. После подписания Конвенции 15 июня 1840 г. по Восточному вопросу Россия пыталась укрепить

⁸⁵ Ibid. P. 88–89.

⁸⁶ Ibid. P. 91.

⁸⁷ Ibid. P. 92.

⁸⁸ Ibid. P. 95.

⁸⁹ Ibid. P. 96.

⁹⁰ Архив графа Нессельроде 1840–1846. С. 1076.

отношения с Великобританией, однако графиня Нессельроде относительно долгосрочного русско-английского сближения была настроена весьма скептически. Она писала мужу: «В Германии, как и во Франции, сильно сомневаются, что это согласие, которое, вроде бы, царствует между вами и англичанами, может долго продлиться; позволь мне сказать, что я разделяю это мнение. Англичане нас окружают со стороны Персии; они повсюду, где мы хотим укрепить свое влияние»⁹¹. В другом письме она сообщала Карлу Васильевичу: «По моему скромному мнению, вы слишком ласкаете англичан, которые всегда были фальшивыми братьями и бросали вас, как только вы становились им ненужными»⁹².

В конце февраля графиня Нессельроде покинула Париж, и 24 февраля Доротея де Дино записала в своем дневнике: «Мадам Нессельроде покинула Париж в восторге от своего образа жизни, от вещей и от людей»⁹³.

* * *

Еще в самом начале 1830-х годов, сразу после Июльской революции, К.В. Нессельроде полагал, что Европа вступила в полосу дестабилизации. Он с грустью писал княгине Д.Х. Ливен 1 октября 1831 г.: «Дорогая княгиня, сколько мы будем жить, столько и не будет ни мгновения спокойствия в мире. Бельгия, Греция, Польша»⁹⁴. Однако очередная революционная буря разразилась спустя 17 лет, в 1848 г. Авторитет России в это время был как никогда высок, а императора Николая даже сравнивали с Наполеоном на пике его могущества.

Не соглашусь с распространенным мнением, что за внешнеполитическими успехами Николай I и его окружение не видели серьезных внутренних проблем. Еще до революционных потрясений, 14 мая 1847 г., графиня Мария Дмитриевна писала супругу из Берлина: «Всегда были злоупотребления в нашей стране, но они никогда не были настолько вопиющими, что глаза лезут на лоб; прежде был патриотизм, которым все прикрывалось; сейчас наступает время говорить о том, что стыдливо скрывали. Я спрашиваю себя, когда мы выйдем из этого унижительного состояния?»⁹⁵.

Однако, несмотря на то что Европа была охвачена революцией, Мария Дмитриевна думала о традиционном отдыхе на водах. Граф Нессельроде писал зятю М. Хрептовичу: «В этом состоянии дел сомнительно, чтобы моя супруга поехала в Баден. Я не могу ее отправить в центр баррикад и по железной дороге со сломанными рельсами»⁹⁶. В другом письме он сообщал барону Мейендорфу: «К моему сожалению, я вынужден убедить мою жену отказаться от путешествия... А вы знаете, что для нее нет спасения вне Бадена... Следовательно, она останется в Петербурге... надо одержать победу, надо действовать быстро»⁹⁷. На отдых Мария Дмитриевна все-таки поехала, но 6 августа 1849 г. в Гастейне, в Тироле, скоропостижно скончалась от апоплексического удара. Ее тело было перевезено в Россию и предано земле в Духовской церкви Александро-Невской лавры⁹⁸.

Карл Васильевич пережил супругу на 13 лет. Ему и всей России предстояло испытать тяжелые времена, связанные с Крымской войной и поражением, выдержать обвинения в том, что он систематически предавал интересы России, хотя, напротив, он делал все, чтобы не допустить войны, предупреждая императора, что Россия могла оказаться в международной изоляции. Несмотря на то, что он сам установил срок своего выхода

⁹¹ *Nesselrode Ch. de.* Op. cit. Т. VIII. P. 84.

⁹² Архив графа Нессельроде 1840–1846. С. 1076.

⁹³ *Dino D. de.* Op. cit. Т. 3. P. 28.

⁹⁴ *Nesselrode Ch. de.* Op. cit. Т. VII. P. 173.

⁹⁵ *Ibid.* Т. VIII. P. 25.

⁹⁶ *Ibid.* Т. IX. P. 238.

⁹⁷ *Ibid.* P. 243.

⁹⁸ *Вел. князь Николай Михайлович Романов.* Указ. соч. С. 157.

в отставку, который подходил в 1855 г., он остался на своем посту до окончания войны, тем самым взяв на себя ответственность за поражение.

В неоконченных автобиографических «Записках» граф Нессельроде писал, что супруга доставила ему «37 лет счастья»⁹⁹. Мария Дмитриевна была не просто женой, а настоящей помощницей и корреспондентом своего мужа. Обладая острым, проницательным умом, здраво рассуждая о людях и событиях, она не навязывала свою позицию мужу, а лишь снабжала его полезной ему информацией. Умная, властная, проницательная, влиятельная, богатая, конечно, она вызывала зависть и раздражение у окружающих, а раскрывалась только перед близкими людьми. Живя в эпоху, когда свет и политика были теснейшим образом взаимосвязаны, Мария Дмитриевна относилась к плеяде влиятельных хозяек европейских салонов, таких как княгиня Д.Х. Ливен, графиня Адель де Буань, герцогиня Доротея Дино, леди Джерси. Она полностью разделила и судьбу своего мужа, к которому как современники, так и исследователи относились весьма предвзято. И, как и в случае с графом К.В. Нессельроде, ее жизнь и деятельность нуждается в объективном осмыслении.

Библиография

- Архив графа Нессельроде 1840–1846 // Исторический вестник. 1910. № СХХ (120).
Брэ О. де. Император Николай и его сподвижники // Николай I: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, коммент. Т.В. Андреевой, Л.В. Выскочкова. СПб., 2011.
Вел. князь Николай Михайлович Романов. Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 5. Вып. 4. СПб., 1909.
Вигель Ф.Ф. Записки / под ред. С.Я. Штрайха. М., 2000.
Вяземский П.А. Письма П.А. Вяземского из Парижа 1838–1839 гг. // Литературное наследство. Русская культура и Франция. Т. 31/32. М., 1937.
Гончарова Т.Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). СПб., 2017.
Гроссман Л. Бальзак в России // Литературное наследство. Русская культура и Франция. Т. 31/32. М., 1937.
Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860–1867. М., 1934.
Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 3. СПб., 1856.
Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. 1900. Т. СII.
Из записок графини Эделинг // Русский архив. 1887. Кн. 2.
Кудрявцева Е.П. Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века. М., 2019.
Нессельроде К.В. Записки графа Карла Васильевича Нессельроде // Русский вестник. 1865. № 10.
Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского главных архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его 1831–1837 гг. / сост. Н.А. Гастфрейнд. СПб., 1900.
Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886.
Таньшина Н.П. К.В. Нессельроде. Искусство быть дипломатом. СПб., 2021.
Таньшина Н.П. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009.
Тереженко А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами. Ч. III. Вице-канцлеры. СПб., 1837.
Фикельмон Д.Ф. Дневник 1829–1837. Весь пушкинский Петербург / публ. и коммент. С. Мрочковской-Балашовой. М., 2009.
Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. 3-е изд. М., 1987.
Boigne A. de. Mémoires de la comtesse de Boigne. Т. 1. Paris, 2006.
Dino D. de. Cronique de 1831 à 1862. Т. 1–4. Paris, 1909–1910.
La correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo et du comte de Nesselrode. Т. II. Paris, 1897.
Nesselrode Ch. de. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1856. Т. I–XI. Paris, 1904–1912.

---

⁹⁹ *Нессельроде К.В.* Записки графа Карла Васильевича Нессельроде // Русский вестник. 1865. № 10. С. 547.

References

- Arhiv grafa Nessel'rode 1840–1846 [Archive of Count Nesselrode 1840–1846] // Istoricheskij vestnik [Historical Bulletin]. 1910. № CXX (120). (In Russ.)
- Brije O. de.* Imperator Nikolaj i ego spodvizhniki [The Emperor Nicholas and his companions] // Nikolaj I: pro et contra, antologija / sost., vstup. stat'ja, komment. T.V. Andreevoj, L.V. Vyskochkova [Nicholas I: pro et contra, anthology / comp., intro. article, comment. T.V. Andreeva, L.V. Vyskochkova]. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russ.)
- Vel. knjaz' Nikolaj Mihajlovich Romanov.* Russkie portrety XVIII i XIX stoletij [Grand Duke Nikolaj Mikhailovich Romanov. Russian portraits of the 18th and 19th centuries]. Vol. 5. Issue 4. Sankt-Peterburg, 1909. (In Russ.)
- Vigel' F.F.* Zapiski [Notes] / pod red. S.Ja. Shtrajha. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Vjazemskij P.A.* Pis'ma P.A. Vjazemckogo iz Parizha 1838–1839 gg. [Letters of P.A. Vyazemsky from Paris 1838–1839] // Literaturnoe nasledstvo. Russkaja kul'tura i Francija. T. 31/32 [Literary heritage. Russian culture and France. Vol. 31/32]. Moskva, 1937. (In Russ.)
- Goncharova T.N.* Mezhdju Parizhem i Sankt-Peterburgom. Posol'stvo Francii v Rossii (1814–1848) [Between Paris and St. Petersburg. Embassy of France in Russia (1814–1848)]. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)
- Grossman L.* Bal'zak v Rossii [Balzac in Russia] // Literaturnoe nasledstvo. Russkaja kul'tura i Francija. T. 31/32 [Literary Heritage. Russian culture and France. Vol. 31/32]. Moskva, 1937. (In Russ.)
- Dolgorukov P.V.* Peterburgskie ocherki. Pamflety jemigranta 1860–1867 [Petersburg essays. Pamphlets of the emigrant 1860–1867]. Moskva, 1934. (In Russ.)
- Dolgorukov P.V.* Rossijskaja rodoslovnaja kniga [Russian pedigree book]. Pt. 3. Sankt-Peterburg, 1856. (In Russ.)
- Iz zapisok barona (vposledstvii grafa) M.A. Korfa [From the notes of Baron (later Count) M.A. Korf] // Russkaja starina [Russian Antiquity]. 1900. T. CII. (In Russ.)
- Iz zapisok grafini Jedeling [From the notes of Countess Edeling] // Russkij arhiv [Russian Archive]. 1887. Book 2. (In Russ.)
- Kudriavtseva E.P.* Ministerstvo inostrannykh del Rossii vo vtoroi chetverti XIX veka [The Ministry of Foreign Affairs of Russia in the second quarter of the 19th century]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Nesselrode K.V.* Zapiski grafa Karla Vasil'evicha Nessel'rode [Notes of Count Karl Vasiljevich Nesselrode] // Russkij vestnik [Russian Bulletin]. 1865. № 10. (In Russ.)
- Pushkin. Dokumenty Gosudarstvennogo i Sankt-Peterburgskogo glavnogo arhivov Ministerstva inostrannykh del, odnosjashiesja k sluzhbe ego 1831–1837 gg. / sost. N.A. Gastfrejnd [Pushkin. Documents of the State and Saint-Petersburg Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs related to its service in 1831–1837 / comp. N.A. Gastfreind]. Sankt-Peterburg, 1900. (In Russ.)
- Rummel' V.V., Golubev V.V.* Rodoslovnij sbornik russkikh dvorjanskih familij. T. 1 [Genealogical collection of Russian noble surnames. Vol. 1]. Sankt-Peterburg, 1886. (In Russ.)
- Tan'shina N.P.* Knjaginja Liven. Ljubov', politika, diplomatija [Princess Lieven. Love, politics, diplomacy]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Tan'shina N.P.* K.V. Nessel'rode. Iskusstvo byt' diplomatom [K.V. Nesselrode. The art of being a diplomat]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)
- Tereshchenko A.* Opyt obozrenija zhizni sanovnikov, upravljavshih inostrannymi delami. T. I–III [The experience of reviewing the life of dignitaries who managed foreign affairs. Vol. I–III]. Sankt-Peterburg, 1837. (In Russ.)
- Fikel'mon D.F.* Dnevnik 1829–1837. Ves' pushkinskij Peterburg. Publikacija i kommentarii Svetlany Mrochkovskoj-Balashovoj [Diary 1829–1837. All of Pushkin's Petersburg / publication and comments by S. Mrochkovskaya-Balashova]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Shchegolev P.E.* Dujel' i smert' Pushkina. Issledovanie i materialy. 3-e izd. [The Duel and the death of Pushkin. Research and materials. 3 ed.]. Moskva, 1987. (In Russ.)
- Boigne A. de.* Mémoires de la comtesse de Boigne. T. 1. Paris, 2006.
- Dino D. de.* Cronique de 1831 à 1862. T. 1–4. Paris, 1909–1910.
- La correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo et du comte de Nesselrode. T. II. Paris, 1897.
- Nesselrode Ch. de.* Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1856. T. I–XI. Paris, 1904–1912.

DOI: 10.31857/S013038640015059-2

© 2022 г. В.А. Аракчеев

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИСКАЛЬНО-МИЛИТАРИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рец. на книгу: З.В. Дмитриева, С.А. Козлов. НАЛОГИ И ВОЙНЫ В РОССИИ XVI–XVIII вв. СПб.: Историческая иллюстрация, 2020. 568 с.

Аракчеев Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, директор Российского государственного архива древних актов (Москва, Россия).

E-mail: arakk@rambler.ru

Scopus Author ID: 26034273900; ORCID: 0000-0002-8389-3806; Researcher ID: L-1901-2016

V.A. Arakcheev

PROBLEMS OF THE STUDY OF THE FISCAL-MILITARISED STATE IN MODERN HISTORIOGRAPHY

Rec. ad op.: Z.V. Dmitrieva, S.A. Kozlov. TAXES AND WARS IN RUSSIA OF THE 16th–18th centuries. Saint-Petersburg: Historical Illustration, 2020. 568 p.

Vladimir Arakcheev, Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow, Russia).

E-mail: arakk@rambler.ru

Scopus Author ID: 26034273900; ORCID: 0000-0002-8389-3806; Researcher ID: L-1901-2016

Новая монография З.В. Дмитриевой и С.А. Козлова вышла из печати к тому моменту, когда дискуссии вокруг проблемы «fiscal-military state» ушли в прошлое. Это большое преимущество, ибо по мере отдаления от периода «бури и натиска» есть возможность высказать более взвешенные оценки и учесть ошибки предшественников в изучении проблемы. С нашей точки зрения, авторы не смогли реализовать эту возможность в силу ряда причин, которые будут разобраны ниже. Прежде чем начать анализ достоинств и недостатков новой книги, следует обозначить наше отношение к сложившемуся в русском языке термину «военно-фискальное государство».

Именно так переводится на русский язык термин «fiscal-military state», однако в этом случае русскоязычный термин оказывается отягощен дополнительными коннотациями, предполагающими войну как результат фискальной деятельности. Между тем английский термин «fiscal-military state» подразумевает в первую очередь мероприятия по подготовке к войне, в том числе админи-

стративно-фискальные, и влияние войны на формирование государственного аппарата. Полагаем, что этот термин «fiscal-military state» следовало бы переводить на русский язык как «фискально-милитаризованное государство». Под последним мы подразумеваем выход государства на такую траекторию развития, когда его институты, и в первую очередь органы фиска, мобилизованы для извлечения ресурсов в целях возрастания оборонной мощи и перестраиваются в ходе войны для наиболее эффективного решения этой задачи.

Цели, которые поставили перед собой авторы монографии, многообразны: здесь и изучение влияния геополитических факторов на изменение налоговых форм и фискальных приоритетов государства, и исследование эволюции налогов и объектов обложения, и лишь на последнем месте стоит изучение «доли военных расходов в государственном бюджете России и европейских стран» (с. 6). Столь трудоемкие по исполнению задачи можно было бы решить, полностью использовав потенциал, накопленный предшествующими

историками, и введя в научный оборот новые материалы.

Однако масштаб и способы использования достижений предшествующей историографии в монографии З.В. Дмитриевой и С.А. Козлова весьма своеобразны. Представляя мнения историков, авторы зачастую пренебрегают анализом трудов классиков исторической науки. Особенно в этом смысле «не повезло» П.Н. Милокову, автору непревзойденной до сего времени книги о «государственном хозяйстве» России первой четверти XVIII в. Специалистам хорошо известно, что содержание книги Милокова намного шире заявленной темы; именно ему принадлежит приоритет в анализе данных о связи налоговой системы России с ее военными нуждами в XVII в. В рецензируемой монографии, однако, точка зрения Милокова упомянута лишь в связи со сбором пятинных денег в 1610-х годах (с. 108), а в дальнейшем ссылки на его труды встречаются лишь в разделе о войнах и налогах XVIII в.

В монографии отсутствует анализ подворной переписи 1646 г.; проигнорировано мнение Милокова и свидетельства источников о фискальном предназначении переписи наравне с обусловленными нуждами закрепощения и войны. Крайне неудачным следует признать анализ оборонной политики государства в середине XVII в. Вместо того чтобы изложить историю образования Новгородского, Севского и Белгородского разрядов (военных округов) в 1659–1663 гг., авторы перечисляют военные кампании и даже отдельные сражения Тринадцатилетней войны (с. 162–189). Между тем именно создание крупных военных округов на наиболее важных направлениях боевых действий, командование которых получило исключительные права по набору войск и расходованию средств на их содержание, было ключевым направлением развития военной организации России во второй половине XVII в.

Причина такого невнимания З.В. Дмитриевой и С.А. Козлова к труду Милокова, как представляется, состоит в том, что авторы сочли наиболее важным вклад Милокова в изучение петровских реформ, посчитав, что его исследованиями по истории финансов допетровской эпохи можно пренебречь. Это пренебрежение обернулось курьезнейшим просчетом: авторы обошли вниманием два важнейших открытия Милокова. Во-первых, в книге проигнорирована открытая Милоковым приходно-расходная роспись 1680 г., которую исследователи склонны считать первым документально оформленным бюджетом Русского госу-

дарства¹. Во-вторых, авторы не смогли представить убедительное объяснение финансовых успехов петровской администрации в первом десятилетии XVIII в. Детально исследуя постоянные и чрезвычайные налоги, натуральные повинности, монетную реформу и констатируя уменьшение фискальных поступлений в казну и рост недоимок (с. 218–232), авторы воздержались от характеристики состояния бюджета и причин его устойчивости до 1709 г. Между тем второе открытие Милокова заключалось в том, что по бюджетным росписям Ближней канцелярии он выявил основополагающий принцип, лежавший в основе бюджета страны в конце XVII – начале XVIII в. Текущие «сборы» налогов должны были «закрыть... за сборы» предыдущего года, т.е. перекрывать их, образуя бюджетный профицит. Уже в 1680 г. «остаток», перешедший в следующий 1681 г., составил более 407 тыс. руб., а к 1703 г. сумма профицита превысила 3366 тыс. руб. По мере исчерпания бюджетных «остатков» к 1709 г. профицит уменьшился до 1020 тыс. руб., чтобы исчезнуть в 1710 г., когда бюджет стал дефицитным². Именно ежегодный профицит от 3 до 1 млн руб. позволил правительству Петра I пройти самый сложный период Северной войны от Нарвы до Полтавы и добиться в ней перелома.

Подробно рассматривая фискальную политику Петра I, в том числе номенклатуру и суммы чрезвычайных налогов, авторы так и не смогли определить их удельный вес (с. 219–222). Между тем в предшествующей историографии уже был дан ответ на этот вопрос. Е.В. Анисимов показал, что в 1720–1723 гг. из общей суммы налогов в 13 млн руб. чрезвычайные составляли 7,5 млн, т.е. 57%, причем в 1721 г. из общей суммы 3450 тыс. руб. чрезвычайные составляли 2049 тыс. руб., или более 59%³. Умолчание авторов монографии о давно введенных в научный оборот данных не позволяет всерьез относиться к их построениям, касающимся финансовой истории петровских реформ.

Одним из серьезных пробелов монографии следует признать игнорирование авторами проблемы соотношения государственного налогообложения и владельческих повинностей. Указанная проблема была решена в классическом исследовании

¹ Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 71–77.

² Там же. С. 76, 176–182.

³ Анисимов Е.В. Налоги и повинности крестьян // История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. М., 1993. С. 166.

Ю.А. Тихонова, которое осталось неизвестным авторам рецензируемой монографии. Ю.А. Тихонов показал неуклонный рост владельческой ренты во второй половине XVII в. и его замедление в первой четверти XVIII в. Предложенное исследование объяснение состояло в том, что небывалый рост государственных налогов в первой четверти XVIII в., отвлечение из помещичьей деревни значительного числа рекрутов и рабочих рук положили «на некоторое время предел росту помещичьей эксплуатации»⁴. Выводы Тихонова до настоящего времени не опровергнуты, и пренебрежение ими существенно обеднило содержание рецензируемой монографии.

Частные наблюдения над материалом источников обобщены авторами в заключительном разделе монографии, где они попытались рассмотреть налоговую систему России «в контексте концепции военно-фискального государства». Способ такого сравнительно-исторического исследования был избран крайне неудачный: авторы вначале рассмотрели теоретические труды классиков исторической социологии (Ч. Тилли, Н. Элиаса) и современных историков, а затем привели примеры военно-фискальной эволюции ряда европейских государств (Англии, Франции, империи Габсбургов, Кастилии, Дании, Швеции) (с. 308–317). Идеи Ч. Тилли предстали в рецензируемой монографии в препарированном и даже искаженном виде: в частности, из обзора выпало важнейшее наблюдение Ч. Тилли, касающееся роли землевладельцев-феодалов в организации системы принуждения в Пруссии и России⁵. Это роковым образом сказалось на полном игнорировании авторами проблемы соотношения государственного налогообложения и владельческих повинностей, о чем уже говорилось выше.

За основу для сравнительно-исторического анализа авторы приняли концепцию монографии «Возникновение фискального государства в Европе, 1200–1815», основное внимание в которой уделено западноевропейским странам, чье военно-фискальное развитие в XVI–XVII вв. было эталонным (Испания, Франция), или тем, которые до середины XVII в. развивались иначе (Англия). Изложенная в упомянутой монографии концепция *fiscal-military state* содержала существенные пробелы: так, Р. Бонни мимоходом высказался за то, что даже применительно к Пруссии

эпохи средневековья следует избегать термина «государство»⁶. Справедливость этого утверждения применительно к эпохе средневековья тем не менее никак не распространяется на период Нового времени, ибо именно Пруссию времени правления Фридриха II следует признать идеальным типом или моделью «фискально-милитаризованного государства». Авторам осталась неизвестной коллективная монография под редакцией Б. Ян-Касалила и П.К. О'Брайн, в которой представлена несколько отличная от предшественников концепция. В ней, в частности, пристального внимания удостоилось королевство Пруссия второй половины XVII–XVIII в., систему управления в котором М. Норт охарактеризовал как «бранденбургско-пруссский фискальный абсолютизм»⁷.

Один из определяющих недостатков монографии состоит в том, что заявленное З.В. Дмитриевой и С.А. Козловым «влияние геополитических факторов на эволюцию налогов» показано путем одновременного перечисления войн, которые в это время вела Россия, и налогов, которые в это время взимались. В то же время авторы не предприняли попытки сопоставить военно-административный потенциал России и ее геополитических противников. Покажем, как осуществлено авторами их намерение на примере войн России с Турцией. В монографии военное противостояние с Турцией описывается начиная с Азовских походов 1695–1696 гг., но не упоминается ни война 1676–1681 гг., ни Крымские походы В.В. Голицына, которые, наряду с Азовскими походами, были частью войны 1687–1700 гг. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. упомянута в контексте чеканки монеты, строительства оборонительных линий и попыток правительства Анны Ивановны финансировать чрезвычайные расходы (с. 265–268), но не увязана с кампанией по сбору недоимок 1738–1739 гг. Более системно изложена финансовая история России периода русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг., хотя и в этом разделе преобладает не столько анализ фискальных мероприятий правительства (с. 303–307), сколько описание колонизации Северного Причерноморья (с. 279–303). Из монографии З.В. Дмитриевой и С.А. Козлова остается неизвестным уровень военно-административной состоятельности Османской империи. Между тем существующие исследования С. Памука показывают высокий

⁴ Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России: Феодалная рента в XVII–начале XVIII в. М., 1974. С. 303.

⁵ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009. С. 179.

⁶ The Rise of the fiscal state in Europe, 1200–1815. Oxford, 1999. P. 3.

⁷ The Rise of fiscal states: Global history 1500–1914. Cambridge, 2012. P. 157–159.

уровень ее доходов, которые в XVI в. превосходили доходы любой европейской страны за исключением Франции и Испании. Однако в XVII в. и особенно во второй половине XVIII в. доходы большинства европейских стран, включая Австрию и Россию, стремительно росли. В то же время доходы Османской империи стагнировали, что привело к катастрофическому ослаблению ее военной мощи⁸. Авторам не удалось создать динамическую модель взаимодействий между государствами-конкурентами, почему и предложенная ими концепция не обладает качествами объяснительной модели. В контексте вышеизложенного суждения авторов монографии о становлении «военно-фискального государства» в России с середины XVI до начала XVIII в. никак не вытекают из приведенного ими же материала. Рост военных расходов и интенсивность военных конфликтов сами по себе не могут быть показателями процесса становления нового типа государства.

Применение модели «фискально-милитаризованного государства» к истории России обусловлено целым рядом обстоятельств. Прежде всего наивно полагать, что общий методологический подход Ч. Тилли, суть которого состоит в отнесении России, наряду с Пруссией, к группе стран «интенсивного принуждения», может быть универсальным ключом к исследованию проблемы. Конкретные замечания Тилли о России разочаровывают своей неточностью: в допетровской России он находит лишь деятельность правителей по экспроприации земли в пользу верных им слуг, отмечает незначительную прибыль от таможенных пошлин и акцизов, а фискальную интенсификацию отсчитывает от введения подушного налога при Петре I⁹. Интересующая нас проблема не получила должного освещения и в цикле трудов американского русиста Р. Хелли. В его первой монографии, посвященной закреплению и военным реформам в допетровской России, «пороховой революции» уделено немало места, однако проблема финансирования военных изменений автором не рассматривалась: Хелли ограничился тем, что привел данные П.Н. Милюкова о росте военного бюджета России в XVII в.¹⁰

Р. Хелли крайне скептически отозвался о налоговой системе России XVII в., охарактери-

зовав ее как чрезмерно запутанную. Подсчитав существовавшие на протяжении XVII в. прямые и косвенные налоги, Хелли обнаружил около 280 различных сборов, свидетельствовавших, что правительство отчаянно стремилось найти источники доходов¹¹. Хотя коллективный труд западноевропейских и американских историков «Возникновение и развитие фискального государства в Европе, 1200–1815» стал весомым вкладом в изучение процессов фискальной мобилизации, раздел, посвященный России, «выпадает» из общей канвы рецензируемой монографии. Этот раздел, написанный Р. Хелли, содержит лишь общие сведения о фискальной системе России XVII в.: автор упоминает сборы пятинных денег, в том числе во время Смоленской войны, и со ссылкой на С.Б. Веселовского перечисляет ставки основных прямых налогов¹². В сущности, раздел о России не привнес ничего нового ни в фактическую основу, ни в методологию и компаративистику.

Поиск тенденций, сближающих Россию XVII–XVIII вв. с моделью «фискально-милитаризованного государства», может быть продуктивным прежде всего при исследовании сложных взаимодействий, отражающих интересы и потенциалы различных носителей власти. Очевидно, что применительно к Русскому государству XVI в. до ликвидации тарханов по постановлениям земских соборов 1580 и 1584 гг. о каких-либо новых тенденциях функционирования налоговой системы говорить преждевременно. Своего рода «ренессанс» имунитетной политики в годы патриаршества Филарета (1619–1633 гг.) также препятствовал формированию новых фискальных практик, которые могли утвердиться лишь после окончания Смоленской войны 1632–1634 гг. Второе обязательное условие изучения принципов работы российского государственного аппарата на предмет его соответствия модели фискально-милитаризованного государства должно заключаться в сопоставлении военно-административных систем стран, противостоявших друг другу на международной арене. Сопоставим положение вещей, которое сложилось в государствах, конфликтовавших на протяжении столетий, – России и Речи Посполитой.

В начале XVII в. король Сигизмунд III добился от сейма повышения налогов, и на войну с Россией в 1609–1618 гг. коронная казна выдала сумму

⁸ *Pamuk S.* The evolution of fiscal institutions in the Ottoman Empire // *The Rise of fiscal states.* P. 321–322.

⁹ *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009. С. 151, 207.

¹⁰ *Hellie R.* Enserfment and Military Chang in Muscovy. Chicago; London, 1971. P. 227.

¹¹ *Hellie R.* The Economy and Material Culture in Russia, 1600–1725. Chicago, 1999. P. 474.

¹² *Hellie R.* Russia, 1200–1815 // *The Rise of the fiscal state...* P. 492–493.

более 7 млн злотых¹³. Однако в дальнейшем магнатория упорно сопротивлялась проведению новой переписи для взимания поземельного налога («ланове»), провалив предложения так называемой «Варшавской депутации» в 1627 г. В результате сумма поземельного налога, собранного в 1629 г. (267 тыс. злотых), несущественно превышала его сумму, собранную в 1578 г. Дополнительно введенный налог с очагов, взимавшийся с 1629 по 1661 г., не зависел от имущественной состоятельности хозяев, и, хотя он был по размерам на 74% больше земельного налога, доход от него не оправдывал ожиданий. Именно местные сеймики принимали решение о способе повышения налога, и они обычно выбирали поземельный налог. А. Филипчак-Кочур показала, что конверсия поземельного налога в налог с очагов породила хаос в фискальной системе Речи Посполитой¹⁴. Эти и другие данные о фискальной политике европейских держав в период Тридцатилетней войны свидетельствуют о противоположных тенденциях: как значительном росте экстраординарных налогов, так и трудностях с их имплементацией и сбором.

Фискальная система Русского государства в описываемое время эволюционировала в направлении, противоположном траектории развития его потенциального соперника. В период обострения геополитической обстановки правительство было способно создать новое учреждение, как это произошло с Приказом сбора ратных людей, начавшим свою работу, видимо, в ноябре 1637 г. в условиях захвата Азова донскими казаками и ответных набегов крымских татар. Именно этот приказ должен был собирать даточных людей с дворцовых и частновладельческих земель «неслужилых» людей, а с черных людей (посадских и черносошных крестьян) — деньги на жалование ратным людям. Сравнив различные виды налоговых поступлений, автор этих строк пришел к выводу, что сбор денег «ратным людям на жалованье» путем изъятия свободных денежных средств у торгово-промышленного населения, невзирая на некоторые просчеты в определении потенциальных сумм сбора, принес ощутимые результаты. Собранные экстраординарные налоги немедленно использовались на выплаты жалования служилым людям в городах Белгородской черты, численность гарнизонов которых стремительно росла.

Только посредством кассы Денежного стола в 1638–1640 гг. служилые люди, находившиеся в оперативном управлении Разряда, получили не менее 66 678 руб., что составляло около 75% от суммы поступлений с посадов и черносошных крестьян в бюджет Приказа сбора ратных людей. Конечно, завышенные цифры «подымного» сбора не позволили превратить его в постоянный, и в дальнейшем правительство не riskнуло поднимать ставку подворного налога выше 20 гривен. Однако требуемый результат был достигнут, изъятые у тяглого населения деньги были использованы на постройку городов на Засечной черте и содержание их гарнизонов, что позволило закрыть границу от вторжений крымских татар в самый напряженный момент русско-турецкого противостояния из-за Азова. Для правительства важнейшим результатом сбора подворных денег Приказом сбора ратных людей стало то, что был выявлен потенциал для наращивания политики фискального принуждения, и правительство резко повысило сошные оклады ямских и стрелецких денег. Как резонно предположил С.Б. Веселовский, в 1640/41 г. оклад ямских денег был повышен с 534 до 726 руб. с сохи, а оклад стрелецкого хлеба для большей части территории страны (за исключением Поморья) был увеличен в 3,5 раза, составив 672 руб. с сохи¹⁵.

Эксперимент с введением новых экстраординарных налогов в конце 1630-х годов оказался переломным моментом становления военно-фискального государства в России XVII в. Как показал обзор историко-социологической литературы, ни одно из европейских государств раннего Нового времени не смогло избежать трудностей с взиманием налогов; все они в той или иной степени были вынуждены вводить экстраординарные налоги. Именно с 1630-х годов российский административный аппарат претерпел существенные изменения в способах фискального принуждения и помог стать России в отличие от Речи Посполитой¹⁶ значимой силой в Восточной Европе. Если военно-политическое противостояние этих держав в годы Смоленской войны 1632–1634 гг. завершилось неудачно для России, то Тринадцатилетняя война 1654–1667 гг. продемонстрировала

¹⁵ Веселовский С.Б. Сошное письмо. Т. 1. М., 1915. С. 161, 417.

¹⁶ Нагельский М. Великая Смута и Потоп в контексте поиска выхода из кризисных ситуаций // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы российско-польской научной конференции. М., 2016. С. 144–163.

¹³ Filipczak-Kocur A. Skarbowość Rzeczypospolitej 1587–1648. Warszawa, 2006. S. 126–128.

¹⁴ Filipczak-Kocur A. Poland-Lithuania before Partition // The Rise of the fiscal state... P. 456–457.

безусловное доминирование Русского государства, которое не только вернуло отторгнутые в начале XVII в. западные земли, но смогло установить протекторат над украинским Гетманством, вскоре инкорпорированным в состав России¹⁷.

Библиография / References

Аракчеев В.А. Фискальные инновации в России во второй четверти XVII в. и европейский контекст // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 6–13.

Веселовский С.Б. Сошное письмо. Т. 1. М., 1915.

Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905.

Нагельский М. Великая Смута и Потоп в контексте поиска выхода из кризисных ситуаций // Смуты в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы российско-польской научной конференции. М., 2016. С. 144–163.

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009.

Arakcheev V.A. Fiscalnye innovatsii v Rossii vo vtorii chetverti XVII v. i evropeiskii kontekst [Fiscal innovations in Russia in the second quarter of the 17th century and the european context] // Uralskii istoricheskii vestnik [Ural historical journal]. 2018. № 4 (61). S. 6–13. (In Russ.)

Veselovskiy S.B. Soshnoie pismo [Discription of the land of "sokhami"]. Moskva, 1915. T. 1. (In Russ.)

Milukov P.N. Gosudarstvennoie hoziaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII v. i reforma Petra Velikogo [Ehe state economy

of Russia in the first quarter of the 18th century and the reform of Peter the Great]. St Petersburg, 1905. (In Russ.)

Nagel'sky M. Velikaia Smuta I Potop v kontekte poiska vykhoda iz crizisnykh situatsii [The Great Troubles and the Flood in the context of finding a way out of crisis situation] // Smuta v Rossii I Potop v Rechi Pospolitoj: opyt preodoleniya gosudarstvennogo krizisa v XVII stoletii. Materialy rossiysko-pol'skoy nauch. konf. [The Troubles in Russia and the Flood in the Polish-Lithuanian Commonwealth: the experience of overcoming the state crisis in the 17th century. Materials of the Russian-Polish scien. conf.]. Moskva, 2016. S. 144–163. (In Russ.)

Tilly C. Prinuzhdeniye, kapital i yevropeyskiye gosudarstva. 990–1992 gg. [Coercion, capital and European states. 990–1992]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Filipeczak-Kocur A. Skarbowość Rzeczypospolitej 1587–1648. Warszawa, 2006.

Filipeczak-Kocur A. Poland-Lithuania before Partition // The Rise of the fiscal state in Europe, 1200–1815. Oxford, 1999. P. 443–480.

Hellie R. Enserfment and Military Chang in Muscovy. Chicago; London, 1971.

Hellie R. Russia, 1200–1815 // The Rise of the fiscal state in Europe, 1200–1815. Oxford, 1999. P. 481–505.

Hellie R. The Economy and Material Culture in Russia, 1600–1725. Chicago, 1999.

Pamuk S. The evolution of fiscal institutions in the Ottoman Empire // The Rise of fiscal states: Global history 1500–1914. Cambridge, 2012. P. 304–332.

The Rise of the fiscal state in Europe, 1200–1815. Oxford, 1999.

The Rise of fiscal states: Global history 1500–1914. Cambridge, 2012.

DOI: 10.31857/S013038640016564-8

© 2022 г. В.С. Еремин

ОТ КОМПРОМИССА К НЕПРИМИРИМОСТИ: НАПОЛЕОН И ПИЙ VII

Рец. на книгу: А.А. Caiani. TO KIDNAP A POPE. NAPOLEON AND PIUS VII. New Haven; London: Yale University Press, 2021. 376 p.

Еремин Владимир Станиславович — старший научный сотрудник Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия).

E-mail: ereminvt@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9232-7355

Источник финансирования: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00113.

¹⁷ Подробнее см.: *Аракчеев В.А.* Фискальные инновации в России во второй четверти XVII в. и европейский контекст // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 6–13.

V.S. Eremin

FROM COMPROMISE TO INTRANSIGENCE: NAPOLEON AND PIUS VII

Rec. ad op.: A.A. Caiani. TO KIDNAP A POPE. NAPOLEON AND PIUS VII. New Haven; London: Yale University Press, 2021. 376 p.

Vladimir Eremin, Saratov State University (Saratov, Russia).

E-mail: ereminvst@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9232-7355

Acknowledgement: The study is sponsored by the Russian Science Foundation, project № 20-18-00113.

В 2021 г. мировое сообщество наполеонистов отметило 200-летие со дня смерти Наполеона Бонапарта. И хотя исследования по отдельным проблемам истории наполеоновской Франции выходят с завидной регулярностью, вполне ожидаемо было увидеть новые труды о первом Императоре французов. Пример тому – книга британского историка Амборджо А. Кайани «Похитить папу. Наполеон и Пий VII». А.А. Кайани, выпускник Кембриджа, ныне преподающий в Кентском университете, принадлежит к числу молодого поколения историков, специализирующихся на эпохе XVIII – начала XIX в. Его работа проливает свет на вопрос, не так часто оказывавшийся в фокусе внимания исследователей.

Роль Католической церкви в развитии политических процессов во Франции рубежа XVIII–XIX вв. регулярно затрагивается в исследованиях о причинах Французской революции или организации антиреволюционных восстаний. Но применительно к наполеоновской эпохе религиозная тематика рассматривается реже. Конечно, А.А. Кайани был далеко не первым, кто обратился к истории непростых отношений Наполеона и Пия VII¹. О восприятии церковью революционных потрясений, взаимоотношениях между духовенством и светскими властями в 1789–1815 гг. писали такие крупные британские историки церкви, как Дж. МакМаннерси и О. Чедвик². Уже в

XXI в. увидели свет работы Н. Астона о христианстве и революции³ и М. Броэrsa о религиозной политике первой империи в Италии⁴.

В работе 2021 г. «Похитить папу. Наполеон и Пий VII», которая стала второй монографией А.А. Кайани⁵, исследователю удалось представить этот сюжет более обстоятельно и с позиций нескольких методологических подходов. В девяти главах А.А. Кайани в деталях реконструирует трансформацию религиозной политики в постреволюционной Франции. При этом автор делает акцент на культурном и интеллектуальном контексте эпохи: рассматривает представления о роли религии в общественно-политической жизни Франции Старого порядка, подчеркивает значение Галликанских статей 1682 г. в установлении границ между светской и церковной властью, а также их влияние на решение отчасти схожих проблем, но уже в начале XIX в.

Изучая взгляды французов на Церковь, А.А. Кайани в первой главе книги, посвященной революционному десятилетию, делает важное замечание: хотя среди многих исследователей принято придавать философским и научным достижениям эпохи Просвещения антирелигиозные и антиклерикальные цвета, действительность была намного сложнее⁶. События рубежа веков наглядно демонстрируют, что не только для простых крестьян или провинциальных горожан религия по-прежнему сохранила важное значение, но и для политической элиты Франции, в том числе для самого Наполеона. Поэтому решение конфес-

¹ Сам А.А. Кайани в своем кратком историографическом обзоре англоязычной литературы называет среди подобных работ труд Э.Э.Я. Хэйлза «Император и Папа: История Наполеона и Пия VII», вменяя при этом автору небольшой объем исследования и недостаток источниковой базы. См.: Hales E.E.Y. The Emperor and the Pope; the story of Napoleon and Pius VII. New York, 1961. У Э.Э.Я. Хэйлза есть и другая работа, посвященная папству и революции, но в более широком временном промежутке: Hales E.E.Y. Revolution and Papacy 1769–1846. Notre Dame, 1969.

² Следует отметить, что оба они были еще и священнослужителями. См.: McManners J. The French Revolution

and the Church. London, 1969; Chadwick O. The Popes and European revolution. Oxford, 1981. P. 482–494, 508–515.

³ Aston N. Christianity in Revolutionary Europe, 1750–1830. Cambridge, 2003.

⁴ Broers M. The politics of religion in Napoleonic Italy: the war against God, 1801–1814. London; New York, 2002.

⁵ Первая работа посвящена последним годам правления Людовика XVI. См.: Caiani A.A. Louis XVI and the French Revolution, 1789–1792. Cambridge, 2012.

⁶ Caiani A.A. To Kidnap a Pope... P. 14.

сиональных проблем и примирение с Католической церковью было одной из первостепенных задач преодоления революционного кризиса.

Биографическая составляющая лежит в основе логики построения материала. Если о личности Бонапарта написано великое множество сочинений самого разного толка, вплоть до садоводческих пристрастий императора⁷, то Пия VII историки не слишком баловали своим вниманием⁸. А.А. Кайани сравнивает периоды юности будущего императора и Барнабы Кьяромонти, ставшего понтификом в 1800 г., отмечает роль католичества и священнослужителей среди их домашнего окружения в формировании мировоззрения. Не забывает он и кратко описать жизненные траектории своих героев уже после окончательного поражения Наполеона в 1815 г.

Отношение Бонапарта к религии и Церкви не стоит рассматривать в отрыве от его политических целей. Гонения на Церковь в годы Революции привели к расколу среди священников и смуте в сердцах прихожан. Стремление навести порядок в государстве, сплотить общество заставили Бонапарта искать примирения и даже союза с Католической церковью. В 1801 г. заключен (а в 1802 г. обнародован) Конкордат между французским правительством (представленным Жозефом Бонапартом) и Римским папой Пием VII. Конечно, ни один биограф Наполеона не обошел вниманием это событие; есть и специальные исследования по истории заключения Конкордата, который в современной историографии расценивается в целом как «разумный компромисс»⁹.

Тем не менее А.А. Кайани подробно описывает историю разработки и обстоятельств принятия этого важного политического соглашения, анализирует многочисленные редакции документа. Он показывает, что достижению консенсуса между Парижем и Римом мешали война на континенте, в том числе с католическими странами, давление якобинцев и монархистов, признание Римским папой в марте 1800 г. Людовика XVIII королем Франции и т.д. Вместе с тем ситуация вынуждала Бонапарта действовать решительно: для него было важно достичь религиозной стабильности, примирить различные политические силы внутри страны. Ложкой дегтя стала ратификация законода-

тельным корпусом Органических статей, расширивших права светских властей. Статьи не были согласованы с Римом и вызвали недовольство понтифика первым консулом. Другим важным следствием принятия Конкордата стало решение крайне сложного вопроса: что делать с непризнанными епископами, эмигрировавшими в годы Революции? Их не признавали французские власти, а конституционных епископов – Святой Престол. Третья статья Конкордата давала понтифику полномочия смешать с должностей священников «во благо церкви», что и было сделано¹⁰ и значительно усилило власть папы римского над клиром. В свою очередь новые реалии не устраивали часть церковных сановников Франции, отказавшихся их принять, что послужило причиной возникновения «Маленькой церкви» (*Petite Église*)¹¹. Все это наглядно демонстрирует, насколько глубоким был религиозный кризис во Франции на рубеже XVIII–XIX вв.: преодоление раскола приводило еще к одному, хоть и меньшему по масштабу.

А.А. Кайани справедливо подмечает, что возрождение католицизма во Франции было сложным процессом, вызванная упадком семинарий в 1790-е годы. С другой стороны, десятилетие революционных потрясений с политикой дехристианизации и Культуром Разума сказалось на повсеместном росте безразличия населения к духовным вопросам. Вдобавок монашеские ордена, за редким исключением, не были восстановлены. Духовенство уже не было привилегированным сословием, как при Старом порядке, священники отныне подчинялись светским законам. А.А. Кайани приходит к выводу, что Церковь периода Консульства и Империи имела лишь внешнее сходство с религиозными институтами Старого порядка, а на деле имела иное содержание¹².

Императорская коронация Бонапарта должна была закрепить новые отношения с Католической церковью. Ради этого Пий VII отправился в Париж. По дороге его восторженно приветствовали жители провинции и столицы. Казалось бы, понтифик был доволен, что новый политический режим Франции обретает черты монархии, что

¹⁰ *Caiani A.A.* To Kidnap a Pope... P. 91; *Vilmer J.-B.* Op. cit. P. 136–138.

¹¹ *Caiani A.A.* To Kidnap a Pope... P. 104, 259. О «Маленькой церкви» (*Petite Église*) также см.: *La Petite Église : deux siècles de dissidence / Sous dir. J.-L. Neveu, J. Rouger. Parthenay, 1991; Vilmer J.-B.* Op. cit. P. 136–138; *Allen R.* The Last Sentinels of Gallicanism: The Evolution of La Petite Église from Episcopal Protest to Lay Church: a dissertation ... of the degree of Master of Philosophy. Bristol, 2019.

¹² *Caiani A.A.* To Kidnap a Pope... P. 107.

⁷ Об этом см.: *Scurr R.* Napoleon: A Life Told in Gardens and Shadows. New York, 2021.

⁸ Одна из последних научных биографий Пия VII: *Anderson R.* Pope Pius VII: (1800–1823). Charlotte, 2001.

⁹ Например, см.: *Vilmer J.-B.* Commentaire du Concordat de 1801 entre la France et le Saint-Siège // *Revue d'Histoire Ecclésiastique*. 2007. Т. 102. № 1. P. 124–154.

и должна закрепить пышная церемония коронации. Однако привычного «помазания на царство» не произошло: Наполеон самолично увенчал себя короной, обещав своим поданным уважать все религии (признал кальвинизм, лютеранство и иудаизм), гражданские и политические права граждан. Пий VII, рассчитывавший на особый статус католичества, был разочарован¹³.

Отношения между понтификом и императором стали ухудшаться. Военные успехи французов приводили к аннексиям или оккупациям ряда территорий, что вызывало обеспокоенность и недовольство в Риме. Ситуацию усугубило обнаружение имперского катехизиса в 1806 г., составленного и без каких-либо консультаций с Пием VII и включившего значительное количество светских элементов¹⁴. Если в 1801 г. Бонапарт хотел примирения с Католической церковью, то теперь он желал управлять ею по своему усмотрению.

По мере того, как все новые территории Апеннинского полуострова оказывались под прямым правлением французов, становилось все более очевидно, что рано или поздно французский триколор будет развеваться и над Вечным городом. Пий VII и его окружение это хорошо понимали и готовились к такому исходу событий. Подтверждения тому А.А. Кайани обнаружил среди бумаг в архиве Ватикана. Недатированные документы, которые исследователь отнес к 1806 г., свидетельствуют об обсуждениях самых различных сценариев развития событий: от военной оккупации до личного прибытия Наполеона в Рим, дабы запугать церковников¹⁵. Наполеон требовал от Римского папы прервать отношения с политическими противниками Франции. Пий VII отказался, и Бонапарт захватил ряд римских провинций.

2 февраля 1808 г. французские войска вступили в Рим. Больше года две власти сосуществовали, велись переговоры. 17 мая 1809 г. был издан декрет о лишении Римского папы светской власти и присоединении Папского государства к Франции. 10 июня 1809 г. декрет был приведен в исполнение. В ответ на это понтифик издал буллу, отлучавшую императора и представителей его администрации от церкви.

А.А. Кайани назвал эту буллу «точкой невозврата» в отношениях между Пием VII и Бонапартом. Британский историк подчеркивает, что подобная ситуация была для Наполеона весьма не-

приятной. Он увяз в войне в Испании, где против него выступили крестьяне-католики, а в Баварию началось восстание под прокатолическими лозунгами. Завладеть умами и сердцами римлян французам также не удалось. В 1801 г., подписывая Конкордат, он намеревался заручиться поддержкой Рима, получить надежного и могущественного союзника. Но восемь лет спустя Католическая церковь снова стала для французских властей источником беспокойств.

В ночь с 5 на 6 июля Пий VII был арестован. А.А. Кайани подробно описывает трехлетнее пленение папы в лигурийской Савоне, где понтифик находился в изоляции и под постоянным надзором. Такое положение серьезно затрудняло отправление обрядов и ритуалов священнослужителям¹⁶. Наполеон рассматривал Церковь в прагматическом ключе: как исключительно духовный институт, учащий паству послушанию и уважению к светской власти, но не претендующий на административную и политическую власть. Такая трактовка не находила отклика у самих каноников. Недовольство имперской политикой проявилось во время бракоразводного процесса Наполеона с Жозефиной Богарне и женитьбы на Марии-Луизе. Последнее спровоцировало еще один скандал: церковный развод был осуществлен Парижской духовной консисторией, а не папой. Причина для расторжения брака вызвала серьезные сомнения¹⁷. Во время заключения брака с Марией-Луизой тринадцать (из 26) представителей Коллегии кардиналов отказались явиться на церемонию, за что разъяренный император приказал лишить их пурпурных одежд и прочих знаков отличия, заставить их облачиться в черные монашеские рясы и отправиться в ссылку на восток Франции. Общественная молва быстро окрестила их «тринадцатью черными кардиналами», придав им ореол борцов с наполеоновским произволом¹⁸.

Бонапарт искал прецеденты в прошлом, чтобы найти решение для преодоления кризиса. В частности, примером для него послужила ссора между Людовиком XIV и Иннокентием XI, результатом которой стало обнаружение Четырех Галликанских статей в 1682 г. Этот документ давал значительную автономию от Рима и Галликанской церкви, и самому монарху. В 1810 г. статьи были включены во французское законодательство и должны были изучаться во всех семинариях.

¹³ Ibid. P. 118.

¹⁴ Ibid. P. 134, 140.

¹⁵ Ibid. P. 144.

¹⁶ Ibid. P. 168–169.

¹⁷ Ibid. P. 174–175.

¹⁸ Ibid. P. 182–183.

Боле того, положения этих статей были распространены на итальянские территории¹⁹.

В то же время сторонники папы не сдавались. К примеру, понтифика активно поддерживали тайные антиреволюционные организации, члены которых с недоверием относились к плодам эпохи Просвещения²⁰. В конечном счете многочисленные попытки урегулировать конфликт с Римом, в том числе и при посредничестве Австрии, были прерваны надвигавшейся войной с Россией. А.А. Кайани постоянно подчеркивает неуступчивость императора, противопоставляя ее гибкости Пия VII, готового до определенного момента искать компромиссы.

Поражение Великой армии в России внесло коррективы во французскую внутреннюю политику. Еще в начале лета 1812 г. Наполеон распорядился перевезти понтифика из Савоны в Фонтенбло. Операция была подготовлена со всей тщательностью, дабы доставить пленника инкогнито. Переезд чуть не стоил папе жизни: в пути у него воспалился мочевой пузырь и в какой-то момент все опасались, что он не переживет дорогу²¹. Кайани отмечает, что гипотетически смерть Пия VII могла привести к расколу в Католической церкви: ее новым главой с высокой долей вероятности мог оказаться ставленник Наполеона, которого не приняла бы значительная часть священнослужителей²². Бонапарт постарался навязать папе новый Конкордат, дающий еще больше власти императору, и, казалось бы, Пий VII поддался, но тут же отказался от возможного соглашения²³, что не помешало императору использовать несостоявшийся Конкордат 1813 г. в пропагандистских целях²⁴.

Насколько с политической точки зрения важен был вопрос о «похищенном папе», свидетельствуют усилия союзников в 1814 г. по его освобождению: еще 19 января 1814 г. командиру летучего казачьего отряда М.И. Платову поступило предписание двигаться от Бар-сю-Об через Бар-сюр-Сен, Санс и Немур на Фонтенбло, где находился тогда Пий VII.

Также на Фонтенбло двигались части под командованием И. Хардегга. Однако 23 января Римский папа был вывезен в сторону Орлеана²⁵.

Поражение Франции на полях сражений и вступление европейских монархов в Париж означало конец многолетнего заточения Пия VII и реставрацию Папского государства. А.А. Кайани указывает на важную особенность возвращения папы: Пий VII отказался примириться с частью клира, пошедшей на сотрудничество с захватчиками, и был решительно настроен по всей строгости наказать коллаборационистов²⁶. Деятельность папы была созвучна антиреволюционной и консервативной политике, проводимой Священным союзом. К примеру, были восстановлены орден иезуитов и «итальянский час» (или «ога воема») ²⁷. При этом, несмотря на все лишения и личные оскорбления, которые папа претерпел от Бонапарта, Конкордат 1801 г. оставался в действии.

Освещая непростую и насыщенную событиями историю противостояния и попыток примирения Наполеона и Пия VII, А.А. Кайани удалось показать, насколько значимую роль играл религиозный фактор в социально-политической жизни Западной Европы в конце XVIII — начале XIX в. Однако, вне всяких сомнений, работа только выиграла бы, если бы автор уделил чуть больше внимания религиозной политике революционных властей. Исследователь подробно реконструирует взаимоотношения Парижа и Рима при Старом порядке, но события после 1789 г. рассматривает обзорно. Это, а также большее внимание к региональному контексту способствовали бы более четкой характеристике проблем, которые стояли перед светскими властями на рубеже веков.

В завершение отметим, что «Похитить папу» подталкивает читателя к размышлениям над другим не менее важным вопросом: «Чем было правление Наполеона Бонапарта — продолжением дела революции или своеобразной реставрацией монархии?». Император французов, хотя и получил власть над новой Францией, сформировавшейся в бурные 1790-е годы, тем не менее в политической и идеологической сферах мыслил категориями, являвшимися критически важными для абсолютного монарха. Продолжение династии, умиротворение религиозных проблем внутри страны, желание контролировать Церковь — все это было для него жизненно необходимым.

¹⁹ Ibid. P. 193–194.

²⁰ Ibid. P. 196–197.

²¹ Ibid. P. 226–228.

²² Ibid. P. 228.

²³ Ibid. P. 239–241. О Конкордате 1813 г., также см.: *Летчфорд С.Е.* Наполеон и католическая церковь в 1813 г. «Конкордат Фонтенбло» по мемуарам кардинала Б. Пакка // Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов. Саратов, 2014. Вып. 10. С. 185–193.

²⁴ *Мельникова Л.А.* Два спорных документа 1813 года (к вопросу о церковной пропаганде в эпоху наполеоновских войн) // Доклады Академии военных наук. Военная история. 2004. № 12. С. 42–49.

²⁵ Подробнее см.: *Гладышев А.В.* 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2019. С. 158–159, 246.

²⁶ *Cayani A.A.* To Kidnap a Pope... P. 258.

²⁷ Ibid. P. 268–269.

Исследование британского историка позволяет взглянуть на эпоху наполеоновских войн под иным углом. Борьба с «безбожником» Наполеоном оказалась важной идеологической составляющей боевых действий начала XIX в. С точки зрения антропологического измерения войны можно было бы рассмотреть вопрос и о противодействии Наполеону со стороны гражданского населения самой Франции по религиозным (церковным) мотивам²⁸.

Среди множества достоинств монографии следует отметить использование автором архивных материалов. А.А. Кайани цитирует документы из Архива Ватикана, архивов департаментов Эндра и Луары, Роны, Национального архива Франции, Миланского архива и т.д. При всей серьезности исследования книга написана живым и увлекательным языком. Яркий пример тому — трагикомическая сцена похищения Пия VII Этьеном Раде во вступительной части книги. Помимо этого, издание украшено серией цветных и монохромных иллюстраций, а в приложении читатель обнаружит текст четырех Галликанских статей 1682 г., имевших столь важное значение в отношениях французских властей с Папским Престолом.

Библиография

Гладышев А.В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2019.

Летчфорд С.Е. Наполеон и католическая церковь в 1813 г. «Конкордат Фонтенбло» по мемуарам кардинала Б. Пакка // Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов. Саратов, 2014. Вып. 10. С. 185–193.

Мельникова Л.А. Два спорных документа 1813 года (к вопросу о церковной пропаганде в эпоху наполеоновских войн) // Доклады Академии военных наук. Военная история. 2004. № 12. С. 42–49.

Allen R. The Last Sentinels of Gallicanism: The Evolution of La Petite Église from Episcopal Protest to Lay Church: a dissertation ... of the degree of Master of Philosophy. Bristol, 2019.

Anderson R. Pope Pius VII: (1800–1823). Charlotte, 2001.

Aston N. Christianity in Revolutionary Europe, 1750–1830. Cambridge, 2003.

Broers M. The politics of religion in Napoleonic Italy: the war against God, 1801–1814. London; New York, 2002.

Caiani A.A. Louis XVI and the French Revolution, 1789–1792. Cambridge, 2012.

Caiani A.A. To Kidnap a Pope. Napoleon and Pius VII. New Haven; London, 2021.

Chadwick O. The Popes and European revolution. Oxford, 1981.

Hales E.E.Y. The Emperor and the Pope; the story of Napoleon and Pius VII. New York, 1961.

Hales E.E.Y. Revolution and Papacy 1769–1846. Notre Dame, 1969.

La Petite Église: deux siècles de dissidence / Sous dir. J.-L. Neveu, J. Rouger. Parthenay, 1991.

McManners J. The French Revolution and the Church. London, 1969.

Milet A. L'opposition à la politique religieuse de Napoléon dans le département de Jemappes. Les tribulations de Monsieur Samuel de Saint-Médard, évêque nommé de Tournai 1813–1814. Tournai, 1970.

Scurr R. Napoleon: A Life Told in Gardens and Shadows. New York, 2021.

Vilmer J.-B. Commentaire du Concordat de 1801 entre la France et le Saint-Siège // Revue d'Histoire Ecclésiastique. 2007. T. 102. № 1. P. 124–154.

References

Gladyshev A.V. 1814 год: “Varvary Severa” imejut chest' privetstvat' francuzov [1814: The “Barbarians of the North” have the honor to welcome the French]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Letchford S.E. Napoleon i katolicheskaja cerkov' v 1813 g. “Konkordat Fontenblo” po memuarom kardinala B. Pakka [Napoleon and the Catholic Church in 1813. “The Concordat of Fontainebleau” based on the memoirs of Cardinal B. Pacca] // Voenno-istoricheskie issledovanija v Povolzh'e: sbornik nauchnyh trudov [Military-historical research in the Volga region: a collection of scientific papers]. Saratov, 2014. Vyp. 10. S. 185–193. (In Russ.)

Mel'nikova L.A. Dva spornyh dokumenta 1813 goda (K voprosu o cerkovnoj propagande v jepohu napoleonovskih vojn) [Two controversial documents of 1813 (On the issue of Church propaganda in the era of the Napoleonic Wars)] // Doklady Akademii voennyh nauk. Voennaja istorija [Reports of the Academy of Military Sciences. Military history]. 2004. № 12. S. 42–49. (In Russ.)

Allen R. The Last Sentinels of Gallicanism: The Evolution of La Petite Église from Episcopal Protest to Lay Church: a dissertation ... of the degree of Master of Philosophy. Bristol, 2019.

Anderson R. Pope Pius VII: (1800–1823). Charlotte, 2001.

Aston N. Christianity in Revolutionary Europe, 1750–1830. Cambridge, 2003.

Broers M. The politics of religion in Napoleonic Italy: the war against God, 1801–1814. London; New York, 2002.

Caiani A.A. Louis XVI and the French Revolution, 1789–1792. Cambridge, 2012.

Caiani A.A. To Kidnap a Pope. Napoleon and Pius VII. New Haven; London, 2021.

Chadwick O. The Popes and European revolution. Oxford, 1981.

Hales E.E.Y. The Emperor and the Pope; the story of Napoleon and Pius VII. New York, 1961.

Hales E.E.Y. Revolution and Papacy 1769–1846. Notre Dame, 1969.

La Petite Eglise: deux siècles de dissidence / Sous dir. J.-L. Neveu, J. Rouger. Parthenay, 1991.

McManners J. The French Revolution and the Church. London, 1969.

Milet A. L'opposition à la politique religieuse de Napoléon dans le département de Jemappes. Les tribulations de

²⁸ Например, о конфликте с наполеоновскими властями в епархии г. Турнэ см.: *Milet A.* L'opposition à la politique religieuse de Napoléon dans le département de Jemappes. Les tribulations de Monsieur Samuel de Saint-Médard, évêque nommé de Tournai 1813–1814. Tournai, 1970.

Monsieur Samuel de Saint-Médard, évêque nommé de Tournai 1813–1814. Tournai, 1970.

Scurr R. Napoleon: A Life Told in Gardens and Shadows. New York, 2021.

Vilmer J.-B. Commentaire du Concordat de 1801 entre la France et le Saint-Siège // Revue d'Histoire Ecclésiastique. 2007. Т. 102. № 1. P. 124–154.

DOI: 10.31857/S013038640016506-4

© 2022 г. **Е.А. Мамонтова**

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ЮГОСЛАВИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. СТРАХИ, НАДЕЖДЫ И ПОПЫТКИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Рец. на книгу: А. Животич. ЮГОСЛАВСКО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. 1939–1941 / пер. с сербского П.Е. Зеновской, М.М. Василькиной. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 292 с.

Мамонтова Екатерина Андреевна – ассистент кафедры истории Российского университета дружбы народов (Москва, Россия).

E-mail: ekatermamontova@yandex.ru

Researcher ID: X-4538-2018

Е.А. Mamontova

THE SOVIET UNION AND YUGOSLAVIA IN THE EARLY YEARS OF THE SECOND WORLD WAR: FEARS, HOPES, AND ATTEMPTS AT COOPERATION

Rec. ad op.: A. Zivotich. YUGOSLAV-SOVIET RELATIONS. 1939–1941 / translated from Serbian by P.E. Zenovskaya, M.M. Vasilkina. Moscow: Political Encyclopedia, 2019. 292 p.

Ekaterina Mamontova, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia).

E-mail: ekatermamontova@yandex.ru

Researcher ID: X-4538-2018

Первая мировая война, масштабный и трагический конфликт, с каким сталкивались Европа и мир, в корне изменила геополитическую картину на Балканах. После ее окончания и образования Королевства Югославия возникло государство, кардинально изменившее роль Сербии как фактора единства югославских народов. Но период относительного мира на Европейском континенте продлился недолго. 1 сентября 1939 г., спустя чуть более 20 лет после Компьенского перемирия и Версальского мирного договора 1918 г., разразилась Вторая мировая война, еще более жестокая, беспощадная и разрушительная по последствиям, нежели предшественница.

С 1918 г. сотрудничество между Королевством Югославия и молодой Советской Россией, несмотря на многовековые братские отношения, связывавшие два народа, претерпело значитель-

ные изменения. С точки зрения политической элиты югославского королевства, СССР представлял собой угрозу существующему порядку, в свою очередь советская сторона рассматривала югославское государство как буржуазное, исповедующее исключительно антисоветскую направленность во внешней политике. Фактически до 1 сентября 1939 г. два государства не имели регулярных межгосударственных отношений, но начавшаяся война способствовала восстановлению межгосударственных отношений.

Александр Животич – профессор кафедры истории Югославии философского факультета университета в Белграде – в качестве хронологических рамок монографии избрал 1939–1941 гг., хотя в начале первой главы кратко освещает и период с 1918 по 1939 г., поднимая вопрос о месте Балканского полуострова и Королевства Югославия во внешнеполитической

доктрине Советского Союза в межвоенный период. Автор прослеживает сложный и неоднозначный процесс восстановления и развития советско-югославских отношений в контексте европейских событий первых лет Второй мировой войны.

Источниковая база исследования весьма репрезентативна. А. Животич использовал фонды Архива Югославии, Архива Сербской академии наук и искусства, Военного архива Республики Сербия; Российского государственного архива социально-политической истории, Архива Министерства иностранных дел Российской Федерации; материалы Национального архива Лондона (The National Archive) и многие другие опубликованные документы. Очевидно, что использование архивных документов на сербском, русском и английском языках позволило автору реконструировать события 1939–1941 гг. во внешней политике СССР и Королевства Югославия во всем их многообразии. Использование синхронных документов лишь повышает объективность и достоверность изложенной информации.

Монография состоит из трех больших частей, каждая из которых посвящена отдельному периоду развития советско-югославских отношений с 1939 по 1941 г.

Первая часть («Начало войны. Югославия и СССР перед новыми вызовами») посвящена событиям сентября 1939 г. накануне и сразу после начала Второй мировой войны, а также позиции Королевства Югославия относительно советско-финской войны (1939–1940 гг.). Автор утверждает, что начало Второй мировой войны поставило Югославию в особое геополитическое положение (с. 74). Югославское королевство оказалось, с одной стороны, в окружении стран, непосредственно участвующих в войне, между союзниками по «Сталинскому пакту» (Германия и Италия), а с другой — между Францией и Англией, также имеющих геополитические интересы на Балканах. В подобных условиях Белград сразу после начала военных действий на европейской территории сделал выбор в пользу политики открытого нейтралитета (с. 75). А что же СССР? Советское направление во внешней политике Королевства Югославия приобрело особую актуальность после того, как Скупщина официально признала советско-германский пакт 23 августа 1939 г. (с. 77).

Установление прочных дипломатических отношений Москвы и Белграда чуть было не прервал советско-финский конфликт, с самого начала вызвавший негативное отношение к Советскому Союзу в кругах белградской общественности (с. 88). Однако, подчеркивает автор, югославское

правительство в сложившейся обстановке вынуждено было лавировать, чтобы обеспечить безопасность государства (с. 90). Именно поэтому вопрос о развитии прагматических отношений с Москвой никогда не исчезал из повестки внешнеполитического ведомства и правительства Югославии.

Во второй части монографии («Новое начало») А. Животич рассматривает краткий период восстановления отношений между СССР и Королевством Югославия в 1940 г., а именно: торговые переговоры между странами и установление дипломатических отношений Москвы и Белграда. А. Животич отмечает, что серьезными сдерживающими факторами в процессе сближения Югославии и СССР в этот период стали опасения и сомнения князя Павла Карагеоргиевича, страх венценосной особы перед возможным распространением большевизма, а также политической, экономической и военной гегемонии «старшего брата» на Балканах (с. 105). Так что намерения Белграда в данном вопросе были скорее прагматичными, нежели дружескими. И все же отношения, в основном в области экономики и торговли, развивались.

Наконец, в третьей части исследования («Попытка союзничества») автор ставит задачу на основе обширного архивного материала проанализировать и осветить трагические события 1941 г., среди которых, в частности, затрагивает ситуацию на Балканах, попавшую в орбиту политических и военных интересов Советского Союза и нацистской Германии; давление, оказывавшееся на Белград как со стороны Москвы, так и со стороны Берлина; начало апрельской войны 1941 г. Главный вопрос, которым задается автор: почему начавшееся было выстраивание конструктивных отношений с СССР было неожиданно прервано в конце марта 1941 г., в момент, когда военная угроза со стороны нацистской Германии и ее союзников, нависшая над Балканами, была более чем реальна? Анализируя причины резкого изменения позиции Югославии и присоединения к странам «оси», автор утверждает, что подобные действия правительства были обусловлены прежде всего стремлением воспрепятствовать германскому наступлению в регионе (с. 233). Здесь вновь просматривается попытка сбалансировать отношения с двумя «полюсами силы» — Германией и СССР, что в конечном счете закончилось для Белграда катастрофой. На рассвете 6 апреля 1941 г. немецкие бомбардировщики обрушили свой смертоносный груз на землю королевства. А. Животич подчеркивает, что именно трагические события апреля 1941 г. и последующее затем

нападение Германии на Советский Союз (22 июня 1941 г.) сделали два государства — Югославию и СССР — верными союзниками в войне (с. 285) и вновь вернули из небытия братские узы двух народов.

Представленная на рецензирование монография заслуживает внимания прежде всего благодаря ее источниковой базе, на основе которой автор провел комплексный анализ развития отношений Королевства Югославия и СССР с 1939 по 1941 г., дав оценку факторам, оказывающим деструктивное, разрушающее воздействие (международное

положение Югославии, слабость и противоречивость ее внешнеполитического курса). К достоинствам книги следует отнести справочный аппарат и приложения, включающие опубликованные копии исторических документов, рапортов, архивных материалов и воспоминаний участников трагических событий конца 1930 — начала 1940-х годов XX в.

Монография А. Животича, несомненно, вызовет интерес отечественных и зарубежных специалистов, интересующихся историей международных отношений и дипломатии.

DOI: 10.31857/S013038640018580-6

© 2022 г. **И.И. Филатова**

ПРОШЛОЕ — В НЫНЕШНЕМ

Рец. на книгу: А.Б. Давидсон. НАШЕ НЕУШЕДШЕЕ ВРЕМЯ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 288 с.

Филатова Ирина Ивановна — доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

E-mail: ifil@mweb.co.za

Scopus Author ID: 55340678200; ORCID: 0000-0001-5449-4980; Researcher ID: N-5890-2013

I.I. Filatova

THE PAST IN THE PRESENT

Rec. ad op.: A.B. Davidson. OUR TIME THAT NEVER PASSED. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. 288 p.

Irina Filatova, National Research University “The Higher School of Economics” (Moscow, Russia).

E-mail: ifil@mweb.co.za

Scopus Author ID: 55340678200; ORCID: 0000-0001-5449-4980; Researcher ID: N-5890-2013

Эта книга — о памяти. Личной и исторической. Память очень важна для каждого из нас. Для народов и для государств. А.Б. Давидсон пишет: «Многие страны и народы помнят о своем прошлом прежде всего то, чем можно гордиться: успехи, достижения, победы... А государственные ошибки, промахи, преступления? Если их забыть, не вспоминать, они повторятся» (с. 15).

Для нас память особенно важна сейчас. Почему сейчас? Ответ на этот вопрос — в самом начале книги. Аполлон Борисович цитирует своего ближайшего друга Игоря Семеновича Кона, всемирно известного социолога, историка и философа:

«Еще недавно казалось, что советские условия безвозвратно ушли в прошлое и мало кому интересны. Но сейчас наше общество все больше напоминает мне ту страну, в которой я прожил первые шестьдесят лет своей жизни... А коль скоро это так, прошлый опыт важен не только будущим историкам, о нем полезно знать и современным молодым людям, даже если они сами этого пока не осознают» (с. 14).

Смысл книги отнюдь не только в том, чтобы передать воспоминания 92-летнего автора о своей жизни тем, кто не жил ни в 30-е, ни в 40-е, ни в 50-е годы прошлого века, тем, кто не помнит ни 60-х, ни

70-х, а то и 80-х и 90-х. Но это один из важнейших ее смыслов. Не так уж мало было о тех временах написано, но тема эта становится все важнее.

Не буду перечислять чины и звания Аполлона Борисовича. Он прежде всего историк, который прожил длинную, непростую и очень интересную и богатую наблюдениями и размышлениями жизнь. Ему есть, чем поделиться с читателями. Но историки редко пишут воспоминания только для того, чтобы рассказать о своей жизни. Поэтому о личном в книге — совсем немного. А то, что есть, — свидетельства времени.

«Наше неушедшее время» — книга о времени, в котором выпало жить автору, о людях, с которыми ему довелось встретиться, о прочитанном, передуманном, увиденном, сделанном, пережитом. А.Б. Давидсон приглашает читателя в свой мир, и этот мир оказывается поразительно разнообразным. От сибирской ссылки отца, из-за которой автор родился в глухой деревне, где не было возможности даже зарегистрировать его появление на свет, до испытанных на себе сталинских репрессий 30-х годов XX в. От ленинградской блокады до кампаний против «космополитов» и «врачей-убийц». От хрущевской оттепели до горбачевской перестройки. От студенческих будней до преподавания в Кейптаунском университете и американских университетах. От Африки и африканистики до «Серебряного века» русской поэзии.

О сталинских и более ранних советских репрессиях написано много, но вот о том, как эти репрессии сказались на судьбах детей репрессированных, об их чувствах и об отношении к ним и чиновников, и окружающих — куда меньше. Причем то, что опубликовано, обычно касается судеб детей самых известных деятелей страны и государства. Совсем недавно прочитала статью о коллективном иске детей жертв репрессий к Госдуме РФ. Речь шла о том, что российский парламент не исполняет требование Конституционного суда о предоставлении компенсации ущерба жертвам репрессий. Вспомнила об этом, читая страницы о детстве и юности Аполлона Борисовича. В те времена мысль о такой компенсации могла прийти в голову только безумцу.

А.Б. Давидсон — блокадник. Он пережил в своем городе первую, самую трудную блокадную зиму. Сколько рассказов о блокадном Ленинграде мы перечитали и переслушали. И все же каждая деталь, приведенная Аполлоном Борисовичем, потрясает. Перечень умерших родственников — некоторые шли умирать на улицу, чтобы не обременять родных. Долгое однообразие дней без еды,

воды, света, тепла. Отношение советских властей, очевидно считавших сдачу города неизбежной и потому не очень озабоченных спасением населения (с. 16–21). Закрытие после войны, в 1949 г., только что созданного музея обороны Ленинграда и уничтожение десятков тысяч экспонатов, в том числе дневников и личных вещей блокадников (с. 25).

Жуткие подробности эвакуации. На «Дороге жизни» через Ладогу людей в грузовиках накрывали брезентом, но его можно было приподнять, и 12-летний Аполлон видел, как грузовик впереди, попав в воронку, ушел под лед. Дальше — поезд, в котором родные продолжали умирать. В шедшем перед поездом Аполлона Борисовича составе взяли отправленных из Ленинграда в ссылку. На платформе после него оставались сложенные горками трупы: в начале платформы и в конце (с. 23). Пришло же в голову властям отправлять ленинградцев из голодающего, умирающего города — в ссылку! Отправляли тех, кто уже бывал в ссылке. Так был снова сослан и отец А. Б. Давидсона.

На последние годы школы и первые университетские годы А.Б. Давидсона пришлась новая волна сталинских репрессий. На школьные — «удар по культуре» 1946–1949 гг. Постановления, в которых руководство страны клеймило Ахматову, Зощенко, Эйзенштейна, Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна и других самых выдающихся представителей творческой интеллигенции. На университетские — лысенковский разгром генетики, Ленинградское дело, травля «космополитов», «врачей-убийц».

Повествование книги позволяет осознать, с какой скоростью катился этот каток. Как быстро менялась ситуация: вчера было законно и можно, а сегодня за это уже расстрел. Помогают они и понять, как отразился этот процесс на формировании молодежи поколения конца 40-х — начала 50-х годов. И на формировании личности и судьбе сына ссыльного с «нерусской фамилией».

Личное здесь — о собраниях на истфаке Ленинградского университета и безумии, охватывавшем участников таких мероприятий, об арестах сокурсников, о покаянных выступлениях известных ученых, о беспредельном вмешательстве властей в личную жизнь студентов (с. 55–59).

А.Б. Давидсон приводит стихи Марка Качурина, тогдашнего студента соседнего факультета:

Рубеж сороковых-пятидесятых
Я не забуду, доживу хоть до ста.
Эпоха книг и авторов изъятых.
Эпоха выдвигания прохвостов.

Прочитав это, я подумала: почему только 40–50-х? А как, скажем, насчет 20-х годов трех последних веков? В истории нашей страны «эпоха книг и авторов изъятых» наступала, увы, неоднократно.

А.Б. Давидсон вспоминает тех, кто ввел его в профессию историка, помог ее освоить. Первыми среди них оказались непрофессионалы. В.А. Макрушин, дядя Аполлона Борисовича и его будущий соавтор, и Г.Л. Григорьев, друг семьи. Они учили его, как и что читать, любить и ценить. Макрушин был литературным редактором и работал в Доме книги. Григорьева не приняли в университет из-за его дворянского происхождения, но он был библиофилом, и история была его страстью. В годы перестройки опубликована его книга об Иване Грозном.

В самом начале университетской жизни А.Б. Давидсона декан истфака, В.В. Мавродин, преподавал ему, может быть, самый важный для профессионального историка урок: «История может быть в двух видах: как наука и как патристический жанр» (с. 46). И еще один — как относиться к студентам. Мавродин на просьбу первокурсника Давидсона досрочно сдать экзамен согласился и принял этот экзамен в день, когда уже знал, что его уволят с работы (с. 53–54).

Запомнилось А.Б. Давидсону и отношение к студентам академика Е.В. Тарле. В 1949 г., когда Тарле уже уволили из Ленинградского университета, он согласился прийти туда и прочитать лекцию по просьбе студентов, которую ему передал Аполлон Борисович.

С глубочайшим уважением пишет А.Б. Давидсон о своих профессорах, чьи профессиональные качества ценил и уважал. Но среди них не было африканистов. А Африка интересовала его из-за романтики любимых с детства стихов Гумилева и приключенческих романов Майн Рида, Буссенара. Помог и совет Григорьева: «Если Вы возьмете тему по России или Западу, все время Вам придется исходить из цитат классиков марксизма-ленинизма... А об Африке классики марксизма почти ничего не успели сказать» (с. 49).

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге не преподавал на истфаке, но занимался Африкой. Начинающему африканисту он уделил немало времени. Всех впечатлений А.Б. Давидсона об этом интереснейшем человеке, одном из основоположников российской африканистики, здесь не пересказать. Но вот еще один профессиональный урок от этого мэтра: «Делать надо не только то, что начальство от Вас требует, но и то, что оно Вам сегодня категорически запрещает. Именно это и будет завтра самым важным. И самым нужным» (с. 60–61).

Начало 1953 г., накануне окончания студенческой жизни Аполлона Борисовича, отмечено пиком сталинского антисемитизма, да и вообще гонений на интеллигенцию. Выпускник Давидсон нигде не мог устроиться на работу. Но вскоре после ухода Сталина эта кампания затихла. И осенью 1953 г. Аполлона Борисовича приняли в аспирантуру Института истории АН СССР. Пришлось переселиться в Москву. В Институте истории — созвездие лучших историков страны. А.Б. Давидсон не осуждает их за идеологические шоры. Говорит лишь о том, чему они научили его и что было для него важным: об уровне их образованности. Его научным руководителем (а затем другом на всю жизнь) стал англовед Николай Александрович Ерофеев. Так началась научная жизнь Аполлона Борисовича.

Где только он потом не работал. В Институте всеобщей истории, в Институте востоковедения, в Московском государственном университете, в Высшей школе экономики, в Университете дружбы народов. Читал лекции и в Высшей дипломатической школе и даже африканским студентам в «Ленинской школе» (Институте социальных наук), хотя и был беспартийным.

В 1971 г. он создал в Институте всеобщей истории сектор (ныне — центр) африканских исследований. В 1994 г. в Кейптаунском университете — Центр российских исследований.

Выработался его подход к научной работе. Относиться к объекту исследования честно, не подчиняясь меняющейся пропаганде. Думать о взаимопонимании, миролюбии, миротворчестве. Историкам заниматься не только историей войн, но и этими добрыми традициями. Вместе со своими коллегами он опубликовал книгу о стремлении к миролюбию в странах Африки и об африканце Нельсоне Манделе, который стал символом миротворчества.

Став президентом Ассоциации британских исследований, А.Б. Давидсон проводил совместно с британскими учеными большие конференции в Москве и Лондоне. Обсуждались прежде всего добрые традиции взаимоотношений России и Британии, их культурные связи.

Аполлон Борисович участвовал в регулярных советско-американских Дартмутских конференциях. Их задачей было доверительное обсуждение всех сфер отношений между СССР и США. Конференции проводились в годы холодной войны с санкций правительств обеих государств с целью смягчения остроты взаимоотношений, поиска компромиссов. Хотя конференции не назывались секретными, сведения о них не разглашались.

Африке, ее истории и современности посвящено много работ Аполлона Борисовича. Он стремился привлечь внимание к тому, как быстро растет ее роль в современном мире и как, несомненно, будет возрастать и дальше. Эти проблемы он обсуждал не только со своими коллегами и африканцами, но и в американском Йельском университете, где была создана специальная программа изучения Африки. Она действовала несколько лет, и к участию в ее работе приглашались африканисты из многих стран.

Любимой темой Аполлона Борисовича был и остается наш «Серебряный век». Судьбами его творений и его творцов он занимался с юности, собирал сведения, когда это было в сущности под запретом. Встречался с Ахматовой, Одоевцевой, Всеволодом Рождественским, Берберовой, расспрашивал их. Пытался еще в начале 60-х опубликовать статью о Гумилеве. Но это имя было под запретом. Собранные сведения смог опубликовать, лишь когда перестройка смягчила или вообще убрала цензуру.

В книге много внимания уделено встречам автора. Конечно, со светилами советской исторической науки. С востоковедами. С лидерами африканских стран и зарубежными африканистами. С советскими, российскими, американскими и африканскими дипломатами, журналистами, политиками и общественными деятелями. С литераторами и литературоведами.

Но сколько же было других интересных и необычных людей, встретиться с которыми мог только тот, кто и сам мог быть им интересен. Эрнст Генри, например, автор книг «Гитлер над Европой» и «Гитлер против СССР», написанных за несколько лет до войны, коминтерновец, журналист. Или Эндре Шик, тоже коминтерновец, преподаватель Коммунистического университета трудящихся Востока, создатель советской программы изучения истории Африки, а позже — министр иностранных дел социалистической Венгрии.

Евгений Примаков и Николай Шмелев. Нельсон Мандела. Дэвид Рокфеллер. Руководитель Южноафриканской компартии Джо Слово. К сожалению, не обо всех этих людях А.Б. Давидсон рассказывает подробно. А жаль.

Конечно, в книге много о профессии. О том, какие темы были интересны автору в африканистике и почему. Об увлечении поэзией «Серебряного века». О том, как удавалось или не удавалось

публиковать те или иные книги. О работе — в Москве, в Америке, в ЮАР. Об источниках, поисках и находках.

И еще одно важное в этих воспоминаниях — книги. Автор приглашает читателя в свой мир прочитанного. Передает свои чувства и мысли словами и мыслями других людей. Или стихами. И порой открывает этих других с самых неожиданных сторон.

Кто бы мог подумать, например, что академик И.П. Павлов, совсем уж, казалось бы, далекий от политики человек, мог послать в Совет народных комиссаров, Бухарину и Молотову, такое письмо: «Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия... Мы живем под господством жестокого принципа: государство, власть — все. Личность обывателя — ничто... Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно причащаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человеком» (с. 11). Это было написано в 1934 г. 34-м! Когда и подумать такое было страшно, не то что написать и послать.

Или что Е.М. Примаков — Примаков! — мог написать такие строки (с. 269—270):

Давлю в себе раба, работаю в три смены,
Но прежним остаюсь в поступках и делах.
Быть может, наперед запрограммировали гены
До самого конца жить в кандалах?

Или такие:

Всем этим мы накушались
И наигрались власть.
Годами дурью мучились,
Той, что зовется «власть».

Эта книга воспоминаний у А.Б. Давидсона не первая. В 2008 г. он опубликовал «Я вас люблю. Страницы жизни», в 2017-м «Письма с Мыса Доброй Надежды». Что-то из них повторяется и в этой книге. Видимо, автор хотел донести до читателя то, что ему кажется важным. Особенно до молодого — того, для которого прошлый век — средневековье. И к этому читателю обращен заголовок книги: «Наше неушедшее время».

DOI: 10.31857/S013038640018581-7

© 2022 г. М.С. Бобкова, М.Е. Яковлев

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «УНИВЕРСУМ ЖАНА БОДЕНА»

Бобкова Марина Станиславовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: bobkova_marina@list.ru

Scopus Author ID: 57236849700; Researcher ID: 0000-0001-6293-2813

Яковлев Матвей Евгеньевич — аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

E-mail: mattyakovlev@gmail.com

Researcher ID: 0000-0003-0444-7582

M.S. Bobkova, M.E. Yakovlev

INTERNATIONAL CONFERENCE “THE UNIVERSUM OF JEAN BAUDIN”

Marina Bobkova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: bobkova_marina@list.ru

Scopus Author ID: 57236849700; Researcher ID: 0000-0001-6293-2813

Matvey Yakovlev, State Academic University of the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: mattyakovlev@gmail.com

Researcher ID: 0000-0003-0444-7582

4–5 октября 2021 г. в Московском государственном институте международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел РФ (МГИМО(У) МИД РФ) состоялась Международная научная конференция «Универсум Жана Бодена». В 2020 г. исполнилось 490 лет со дня рождения этого известного французского мыслителя и политика XVI в. Этому событию и была посвящена встреча историков. Боден жил в сложную кризисную эпоху религиозных гражданских войн, и его политическая биография насыщена яркими событиями. Он был советником французского короля Генриха III Валуа и его брата герцога Франсуа Анжуйского, был генеральным прокурором города Лана. Анжерец играл значимую роль и в международной политике королевского дома Валуа: входил в состав нескольких французских посольств и выполнял важные дипломатические миссии в Польше и Англии.

Жан Боден оставил богатое творческое и научное наследие. Его перу принадлежат 10 новаторских для его эпохи трактатов по истории, теории государства и права, экономике, проблемам рели-

гии и общества, по натурфилософии. Именно он является автором теорий абсолютизма, прибавочной стоимости и, наконец, основоположником теории государственного суверенитета, которая и сегодня актуальна, о чем говорит целый ряд недавних событий на международной арене (например, движение за независимость Каталонии, Квебека, Шотландии, Тибета и др.).

О значительном интересе со стороны научного сообщества к идеям Бодена говорят сотни научных работ. И прошедшая конференция является убедительным подтверждением этому. В ней приняли участие ученые из Белоруссии, Великобритании, Германии, России, Франции, Украины. Для участия в онлайн-формате зарегистрировалось более 150 человек, в том числе из Австрии, Греции, Испании, Канады, США.

Инициаторами проведения симпозиума выступили Центр истории исторического знания Института всеобщей истории (ИВИ) РАН и кафедра всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД РФ.

С приветственным словом к участникам конференции выступили заместитель директора ИВИ РАН по научной работе, руководитель Отдела новой и новейшей истории д.и.н, проф. В.С. Мирзеханов и проректор по научной работе, декан факультета международных отношений МГИМО(У) МИД РФ к.полит.н., доц. А.А. Байков.

Работа конференции осуществлялась по следующим основным научным направлениям: политические и правовые теории Бодена; мракобесие или прагматика? Боден в «охоте на ведьм»; рецепция идей Бодена. Всего было заслушано и обсуждено 25 докладов.

В начале конференции состоялось чествование д.и.н., проф. В.И. Уколовой¹, выступившей с открывающим работу конференции сравнительным исследованием «Историописание в синхронном срезе», посвященном исторической роли Бодена в контексте развития западноевропейской интеллектуальной мысли. В.И. Уколова представила широкую макроисторическую картину истории знания о прошлом, открыв серию докладов, посвященных анализу исторических взглядов и политического языка Бодена.

Продолжила конференцию руководитель Центра истории исторического знания ИВИ РАН, руководитель Оргкомитета конференции д.и.н., проф. М.С. Бобкова. Она рассказала о судьбах экземпляров трактатов Бодена, изданных в XVI–XVII вв. и находящихся на хранении в фондах российских библиотек. В этот период книги Бодена пользовались большой популярностью в Европе; издавались большими тиражами во Франции, Германии, Нидерландах, Бельгии; переводились на иностранные языки. А какова была судьба идей Бодена в России? Оказали ли они какое-нибудь воздействие на развитие общественно-политической мысли в нашем Отечестве? М.С. Бобкова проанализировала восприятие взглядов и книг Бодена и указала, что переосмысление его идей в контексте национальной истории в России началось позднее, чем в Европе. Наблюдается поразительный парадокс: хотя упоминания и исследования произведений Бодена были крайне редкими до начала XX в., в трех российских библиотеках хранятся богатые коллекции старых изданий его книг, датированных XVI–

XVII вв. М.С. Бобкова пришла к выводу, что читательская аудитория Бодена была больше и шире, чем считалось ранее, и до сих пор не определена.

Тему «Боден и Россия» продолжил к.и.н. А.А. Рогожин (Орловский музыкальный колледж) анализом представлений князя Б.И. Куракина о «суверанстве», близких к знаменитой концепции суверенитета Бодена, выраженной в «Шести книгах о государстве». Но «суверанство», указал докладчик, в заметках князя имело отчетливо персонализированный характер, что можно связать с особенностями восприятия «государства» в России. Куракинское «суверанство», основываясь на уже существовавшей практике перевода «суверенитета» как «самодержавия», вобрало эклектичный набор идей, почерпнутых из политических сочинений и дипломатической практики.

Д.и.н., проф. Т.В. Черникова (МГИМО (У) МИД РФ) исследовала взгляды Джильса Флетчера на сущность русского государства и пришла к выводу о фундаментальном их расхождении с позицией Бодена. В то время как для Бодена политическое единство и сильная власть в Московии первичны при формулировке исторической оценки, Флетчер видит в русском государстве исключительно нелегитимную тиранию, хотя, вероятно, и был знаком с трактатами своего французского современника.

К.и.н. О.В. Ауоров (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, РАНХиГС) рассказал о жизни и интеллектуальном наследии испанского современника Бодена – историка Хуана де Мариана. Докладчик отметил, что идея Бодена о государственном единстве под властью монарха параллельно формируется и в Испании как часть политики Филиппа III по преодолению традиционного регионализма, связанного с особенностями формирования Испанской империи. Хуан де Мариана в созданной им «Всеобщей истории Испании» предлагает расширенное понимание границ «Испании», включая, например, Португалию и Южную Италию.

Широкое обсуждение вызвал и доклад к.и.н. А.В. Доронина (Германский исторический институт, Москва), выдвинувшего гипотезу о принципиальном отрицании Боденом теории автохтонности, являющейся одной из составных частей просыпающегося национального самосознания европейских народов. На материале трактата «Метод легкого познания истории» он сформулировал сумму взглядов Бодена на проблему нациогенеза, убедительно доказав, что великий французский мыслитель одним из первых отказывается от конструирования идентичности

¹ Исполнилось 50 лет с начала научной деятельности Виктории Ивановны Уколовой, которая стала научным редактором перевода с латинского на русский язык первого трактата Ж. Бодена «Метод легкого познания истории», изданного в России в 2000 г. в серии «Памятники исторической мысли» издательством «Наука».

построения истории от мифических первопредков и предлагает собственную теорию определения древности того или иного народа через особенности национальных языков и их родство с древними языками. Таким образом, единственным автохтонным народом, согласно Бодену, оказались евреи.

В выступлении Е.С. Захарова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») отметила, что взгляды Бодена принципиально изменились от «Метода легкого познания истории» к «Шести книгам о государстве»: от конституционалистских к твердой абсолютистской позиции. Боден, написавший «Метод» для дидактических задач, а «Шесть книг» для практических, словно меняет маску историка на политического философа юридического толка. Конечно, на его тексты и решения повлиял контекст, окружение, в котором он жил и работал, наконец, политическая ситуация. Тем не менее разные цели создания работ могут изменять характер и содержание написанного.

Новаторский подход к пониманию биографии Бодена сформулировала д-р, проф. Софи Николь (Колледж св. Хью, Оксфордский университет). Исследовательница сравнила все 11 прижизненных изданий трактата Бодена «Шесть книг о государстве» и наглядно показала, как ключевые места сочинения изменялись вместе с политической позицией автора, что делает невозможным единую интерпретацию политических идей Бодена, эволюционировавшего от сторонника умеренной конституционной монархии до защитника абсолютизма. Доклад представляет весомое научное значение в контексте многолетних споров исследователей о сущности политических взглядов Бодена.

К проблеме терминологического осмысления текстов Бодена относится доклад к.и.н. Ю.Я. Вина (ИВИ РАН), подробно проанализировавшего значение понятия «Res Publica» в византийском праве и пришедшего к выводу о его синонимичности с понятием «государство».

Проф. Люсьен Олабид (Университет Жан Мулен, Лион 3, Франция) рассмотрел политическую философию Бодена в контексте натурфилософии раннего Нового времени и показал механизм смены аристотелевской парадигмы политики платоновской.

На широчайшем сравнительном материале, представленном докладчиками, показывается включенность Бодена в общеевропейский процесс подъема национальных историографий, связь трактатов французского мыслителя с современными ему общественными дискуссиями.

Также одним из основных вопросов конференции, несомненно, стал вопрос влияния Бодена на современников и потомков, рецепция идей французского философа как во Франции, так и за ее пределами.

Д.С. Митюрёва (Тюменский государственный университет, ТГУ) изучила, как часто обращались к идеям Бодена, составив статистический обзор упоминаний и цитирований «Шести книг о государстве» в Британии конца XVI–XVII вв. Получившаяся выборка насчитывает более 300 сочинений, что подтверждает широкое внимание к трактату Бодена. Пик этого внимания пришелся на середину XVII в. — Английская революция пробудила в современниках интерес к теории государства.

Д-р, проф. Йона Дюро (Университет г. Сент-Этьен, Франция) предприняла амбициозную попытку доказать влияние идей Бодена на содержание пьесы Шекспира «Кориолан». По ее мнению, древнеримский сюжет «Кориолана» — своеобразная «маска» великого драматурга, скрывающая его позицию по политическим и экономическим вопросам, основанную, в свою очередь, на трактатах Бодена, с которыми Шекспир имел возможность познакомиться.

К.и.н. Г.И. Баязитова (ТГУ) проследила судьбу трактата Бодена «Шесть книг о государстве» («Шесть книг о республике») в Германии. Переведенное Иоганном Освальдом на немецкий язык под названием «Республика». Правильное настроение данное произведение в дальнейшем фигурирует в немецком дискурсе под названием «Об общем управлении миром» и становится частью идеологии герцога Вюртемберга Фридриха I.

Адриан Гийо (Высшая нормальная школа Лиона, Франция) рассказал, как идеи Бодена претворялись в Испании, — в 1590 г. был издан испанский перевод «Шести книг о государстве». Парадоксально, но труды Бодена, подозревавшегося в ереси и находившегося под явным влиянием отдельных постулатов и идей иудаизма, оказались востребованы в среде защитников католической ортодоксии, в частности Супремой. При этом богословские постулаты Бодена признавались сомнительными, но его взгляды на человеческую природу и устройство общества пользовались безусловным авторитетом.

В докладе «Генри Болингброк о методе Бодена» д.и.н. М.П. Айзенштат (ИВИ РАН) связала французского мыслителя времен религиозных войн с представителями английского Просвещения.

Серьезное внимание привлек доклад германского историка д-ра Андреаса Буллера (Штутгарт, Германия), предложившего смелую гипотезу

о связи идей Бодена с немецкой историографией в лице Вильгельма фон Гумбольдта. Сравнив взгляды двух мыслителей на сущность исторического процесса, Буллер пришел к выводу, что Боден является интеллектуальным предшественником Гумбольдта, а интеллектуальная дистанция между XVI и XIX вв. не столь велика: сходясь в общем понимании формы истории, мыслители расходятся лишь в частности, например по женскому вопросу.

Широчайшее обсуждение в работе конференции вызвал труд Бодена по демонологии «Демонomania колдунов», недавно переведенный на русский язык И.А. Сахарчуком (Издательство CHAOSSS/PRESS). Сам переводчик выступил с докладом, где показал новаторство данной работы Бодена для своего времени и отметил существенную дистанцию, разделяющую «Демонomania» и средневековую демонологию, что, по мнению докладчика, связано с интеллектуальным влиянием эпохи Возрождения.

Д.и.н. О.И. Тогоева (ИВИ РАН) подробнейшим образом разобрала решающее влияние «Демонomania колдунов» на формирование английской демонологии XVI–XVII вв. Даже совершенно расходящиеся мнениями по вопросам колдовства король

Яков I и Реджинальд Скотт прибегают к прямым заимствованиям из текста «Демонomania».

В свою очередь, к.и.н., доц. Е.Д. Браун (Школа актуальных гуманитарных исследований РАН-ХиГС) обратилась к вопросу происхождения мифа о Войне Роз как о единой эпохе смут и беспорядков, повлиявшего на формирование мистической интерпретации исторических событий историками эпохи Тюдоров как единой цели прегрешений правителей и Божьих кар.

К.и.н., доц. М.В. Третьякова (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет) сравнила взгляды на Реформацию Бодена и венецианца Джакомо Соранцо, попытавшись проанализировать причины, побудившие первого высказаться в защиту веротерпимости, а второго – решительнейшим образом отвергнуть Реформацию.

Подводя итог, следует отметить, что изучение столь значимой и многогранной фигуры, как Жан Боден, не может быть исчерпано одной конференцией. Однако прошедший симпозиум свидетельствует об актуальности проблем боденистики в России и мире. По итогам работы конференции готовится к изданию коллективный труд.

DOI: 10.31857/S013038640018582-8

© 2022 г. Шэнь Чжихуа

ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ РАЗРУШЕНИЯ КИТАЙСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Шэнь Чжихуа — доктор исторических наук, профессор Исторического института Восточно-китайского педагогического университета (Шанхай, Китай).

E-mail: shenzhихua0420@vip.163.com

Scopus Author ID: 24781514800; Researcher ID: ABE-2484-2021

Shen Zhihua

THE INTERNAL CAUSES OF THE COLLAPSE OF SINO-SOVIET RELATIONS

Shen Zhihua, East China Normal University (Shanghai, China).

E-mail: shenzhихua0420@vip.163.com

Scopus Author ID: 24781514800; Researcher ID: ABE-2484-2021

В 2022 г. в издательстве «Нестор-история» выйдет в свет монография «Краткая история китайско-советских отношений. Новые исследования и размышления об истории китайско-

советских отношений. 1917–1991 годы» (под редакцией Шэнь Чжихуа, в переводе Цзя Инлуны, уже опубликованная ранее в КНР и в США («A Short History of Sino-Soviet Relations»). Мои

исследования уже печатались в России: в 2015 г. издательство «Наука» выпустило монографию «Советские специалисты в Китае (1948–1960)».

В годы холодной войны китайско-советские отношения претерпели и взлеты, и драматические падения. В начале 1950-х годов между двумя странами установилась «вечная» и «нерушимая» дружба, которая вскоре из-за разногласий и споров между лидерами Китая и Советского Союза начала рушиться, что в конечном счете привело к вооруженному пограничному конфликту в 1969 г. Вплоть до середины 1980-х годов всесторонняя конфронтация между Китаем и Советским Союзом составляла один из основных элементов системы международных отношений периода холодной войны. В 1970-е годы Китай скорректировал внешнеполитическую стратегию и нормализовал отношения с Соединенными Штатами. Это не только значительно изменило баланс сил между двумя противостоящими сторонами, но и размыло базовые черты противостояния — между идеологиями и государственным системами. Советско-китайские отношения окончательно нормализовались к концу 1980-х годов, когда можно говорить о завершении глобальной холодной войны.

Период 1950–1980-х годов в советско-китайских отношениях очень важен, ему уделяют большое внимание ученые разных стран. Однако из-за ограниченности архивных материалов (архивы Китая и Советского Союза не были открыты) и методов исследования выдающиеся результаты в этой области не часто встречались. За последние 20 лет с открытием российских и части китайских архивов был опубликован ряд сборников документов¹, большинство из которых переведено на китайский язык. Этим же темам посвящен и ряд работ, опубликованных на Западе².

Китайские научные изыскания много лет подвергались серьезному идеологическому вмешательству и ограничениям, а исследования по китайско-советским отношениям когда-то были запретной темой. Почти все работы, как и поли-

тические учебники, критиковали ревизионизм Советского Союза. Эта ситуация начала меняться в 1980-х годах. Новое поколение китайских историков по-иному стало изучать историю китайско-советских отношений.

Авторы монографии (Ли Даньхуэй, Ян Куйсун, Ню Цзюнь, Чэнь Цзяня, Чжан Байцзя, Чжан Шугуана, Ню Дайюна и др.) более 20 лет изучают историю международных отношений периода холодной войны, особое внимание уделяя истории китайско-советских отношений.

Бывший посол Китайской Народной Республики в Российской Федерации Ли Фэнлинь написал предисловие к книге. Первое издание монографии вышло в Китае в 2007 г. Спрос на исследование был столь высок, что в первый же год тираж дорецеловывался несколько раз. Правительство города Шанхай и Министерство образования Китая присвоили авторам награду за лучшие достижения в сфере социальных наук. После достаточно существенной переработки книга переиздавалась еще дважды — в 2010 и 2016 гг. Работу отличает несколько основных моментов. Во-первых, в полной мере использованы архивные документы, рассекреченные или опубликованные Россией, Китаем и США за последние десятилетия, а также целый корпус письменных и устных мемуаров. Во-вторых, по ряду проблем были предложены новые трактовки и оценки, в том числе касающиеся таких документов и событий, как «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР», особенности китайско-советских отношений в 1950-х годах, оценка XX съезда КПСС, китайско-советские пограничные переговоры и т.п. В-третьих, были исследованы отношения двух стран на очень длительном историческом отрезке — с 1917 по 1991 г. Особое внимание уделено отношениям между Коммунистической партией Китая и Коммунистической партией Советского Союза, в том числе и до 1949 г. В книге прослеживается постепенное осознание руководством стран, что в международных отношениях нельзя заменять межгосударственные отношения межпартийными. При анализе главных причин распада советско-китайского альянса историки попытались выйти за рамки бинарного анализа «идеологии» и «международных интересов государств», являющихся основным теоретическим ориентиром при изучении международных отношений. Был поднят «структурный» вопрос китайско-советских отношений, исходя из того, что внутри социалистического лагеря идеология преобладала над национальными интересами, суверенитет и равенство подчинялись интернационализму и т.д.

¹ ВКП(б), Коминтерн и Китай: документы в 5 т. / под ред. М.Л. Титаренко и др. М., 1994–2007; Русско-китайские отношения в XX веке: материалы и документы. М., 2000; Китайская Народная Республика в 1950-е годы. Сб. документов: в 2-х т. / под ред. В.С. Мясникова, и др. М., 2009.

² Lorenz M.L. The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World. Princeton (N.J.), 2008; Radchenko S. Two Suns in the Heavens: The Sino-Soviet Struggle for Supremacy, 1962–1967. Washington (D.C.); Stanfor (C.A.), 2009; Jersild A. The Sino-Soviet Alliance. North Carolina, 2014; Friedman J. Shadow Cold War: The Sino-Soviet Competition for the Third World. North Carolina, 2015.

Несомненно, книга займет важное место не только среди современных работ, посвященных истории международных отношений, но и станет большим подарком всем, кто занимается или просто интересуется историей Китая в XX в.

Библиография

ВКП(б), Коминтерн и Китай: документы в 5 т. / под ред. М.Л. Титаренко и др. М., 1994–2007.

Китайская Народная Республика в 1950-е годы. Сб. документов: в 2-х т. / под ред. В.С. Мясникова, и др. М., 2009.

Русско-китайские отношения в XX веке: материалы и документы. М., 2000.

Friedman J. Shadow Cold War: The Sino-Soviet Competition for the Third World. North Carolina, 2015.

Jersild A. The Sino-Soviet Alliance. North Carolina, 2014.

Lorenz M.L. The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World. Princeton (N.J.), 2008.

Radchenko S. Two Suns in the Heavens: The Sino-Soviet Struggle for Supremacy, 1962–1967. Washington (D.C.); Stanfor (C.A.), 2009.

References

Kitajskaya Narodnaya Respublika v 1950-e gody. Sb. dokumentov: v 2-h t. / pod red. V.S. Myasnikova i dr. [The People's Republic of China in the 1950s. Collection of documents in 2 vol. / ed. V.S. Myasnikov et al.]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke: materialy i dokumenty [Russian-Chinese relations in the 20th century: materials and documents]. Moskva, 2000. (In Russ.)

VKP(b), Komintern i Kitaj: dokumenty v 5 t. / pod red. M.L. Titarenko i dr. [VKP(b), Comintern and China: documents in 5 vol. / ed. M.L. Titarenko et al.]. Moskva, 1994–2007. (In Russ.)

Friedman J. Shadow Cold War: The Sino-Soviet Competition for the Third World. North Carolina, 2015.

Jersild A. The Sino-Soviet Alliance. North Carolina, 2014.

Lorenz M.L. The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World. Princeton (N.J.), 2008.

Radchenko S. Two Suns in the Heavens: The Sino-Soviet Struggle for Supremacy, 1962–1967. Washington (D.C.); Stanfor (C.A.), 2009.

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте) или по электронной почте редакции: novistor57@mail.ru.
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта – 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200–230 слов) и ключевые слова (до 5–9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10–15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Ю.А. Рябчикова

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати 01.04.2022 г.
Тираж 310 экз.

70•100¹/₁₆.
Зак. 11/2а.

Уч.-изд. л. 23,4
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных Технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

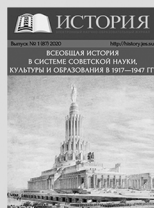
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
  - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).